

Константин Сергеевич Бадигин

Корсары Ивана Грозного

Глава первая. «И ТЕБЕ, ЦАРЬ, ЦАРСТВО ДЕРЖАТИ И ВЛАСТЬ ИМЕТИ С КНЯЗИ И С БОЯРЫ»

Царь Иван Васильевич ворвался в опочивальню жены своей Марии Темрюковны, заложил дверные засовы и в изнеможении прижался к стене.

Мария Темрюковна с испугом глядела на супруга. Бледное, искаженное страхом лицо, на губах пена.

— Что ты, царь, что с тобой? — сказала она низким, мужским голосом.

— Измена... Заступись, пречистая богородица... — Царь перекрестился. — Там князь Пронский, Колычевы, князь Володька Курлятьев... Я не звал их. Собачье сборище, собачье сборище... — бормотал он. — Губители...

Царица выглянула в окно. На дворе толпились посадские в праздничных одеждах. В открытую створку доносились громкий говор, выкрики, смех. Опираясь на посохи, степенно вышагивали думные бояре, знатные дворяне и князья. Самые знатные ехали до церкви Благовещения, что близ дворца. Здесь все выходили из колымаг, слезали с коней и шли дальше пешком.

— Я не звал, — повторил царь. — Весь двор полон. Мятеж. Опять своевольники-бояре посадскую чернь подговорили.

За дверью послышался шум. Царь бросился в кровать и судорожно натянул на себя соболье одеяло. Зубы его стучали.

— Никого не впускай... Машенька, спаси! Изменники, шелудивые собаки. Извести хотят, жизнь отнять...

Бледное лицо царя покрылось испариной, редкие волосы поднялись.

— Великий государь, — Мария Темрюковна повернулась к царю, скрестила на груди руки, — я давно говорила: не верь своим князьям и боярам. Не любят они тебя. Мой отец, великий Темрюк, держал возле себя всего с десятков вельмож. Он хорошо платил им, и они любили его и не искали другого господина. О-о, как я ненавижу твоих бояр! Я боюсь их взгляда, их слов... От них, мой повелитель и муж, все твои несчастья.

Царь Иван мрачно глядел на жену.

— Каждый боярин или князь, — продолжала царица, — родом мнит себя не ниже царского и мечтает сесть на твое место. Они не дают счастливо жить и веселиться ни мне, ни тебе. А зачем жить, если нет счастья и веселья? Ты говорил, что они отравили твою первую жену Анастасию, берегись, они отравят и меня. И тебя, великий государь. Прикажи моему брату Михаилу — он срубит всем им головы. И у нас настанет другая жизнь. И не надо будет

бояться!

Царица Мария с вызовом смотрела на мужа.

— Нельзя равнять меня с твоим отцом, — слабым голосом недовольно отозвался царь Иван, — твой отец малый князек, а я царь и великий князь всей земли Русской. Твоему отцу и одному делать нечего, а мне с десятью боярами Москвой не управить. Отичи князей и бояр московских моему отцу, деду и прадедам служили.

Царица Мария что-то еще хотела сказать мужу, но только махнула рукой. Лицо ее сделалось злым, хмурым. Дикая нравом, жестокая, она часто разжигала злобный нрав и худые наклонности царя Ивана. Она не могла привыкнуть к жизни в московском дворце. Царица скучала по матери, по сестрам. Ласки царя не приносили ей утешения.

Жаркое июльское солнце подходило к полудню. Легкий ветерок гнал белые клочковатые облака к востоку. За Москвой-рекой зеленели обширные луга. Тысячи царских коней паслись там на сочной траве. Но царице казалось, что она видит заснеженные вершины гор, зеленые сады, виноградники.

Царь стал успокаиваться. Приподнявшись с подушек, он взял жену за руку. Но вдруг снова насторожился. За дверью явственно слышались шаги и приглушенные голоса. Кто-то тихонько постучал.

Мария Темрюковна отстранилась от мужа и подбежала к дверям.

— Это ты, Салтанкул? — спросила она, прислушавшись. — Великий государь, мой брат Михаил у дверей, да еще Малюта Скуратов и князь Афоня Вяземский.

Царь Иван откинул одеяло. Несколько секунд сидел на постели молча. Постепенно он приходил в себя, взгляд его делался осмысленным. Лицо приняло обычный вид. Спустив ноги на пол, он встал, оправил одежду, пригладил волосы, взял в руки брошенный посох.

— Добро, пусть войдут.

Стоявшие за дверью — из верхов опричнины, созданной по его царской воле два года назад.

Мария Темрюковна отодвинула засовы.

Когда князь Михаил Темрюкович с товарищами вошли в спальню, царь Иван выглядел как всегда. Надменный взгляд, гордо поднятая голова. Ему всего тридцать шесть лет. Но тяжелая болезнь и разгульная жизнь оставили следы на его лице. Землистые круги под глазами, резкие морщины. Царь похудел, ссутулился. Сквозь реденькую бородку просвечивала желтая кожа.

— Позволь, великий государь, слово молвить, — сказал Михаил Темрюкович, кланяясь и целуя перстни на руке царя.

Князь в красном кафтане и зеленых сапожках. Ростом невелик, волосат, с орлиным носом.

Афанасий Вяземский и Малюта Скуратов перекрестились на иконы и молча поцеловали царскую руку.

— Говори. — Царь остановил маленькие черные глазки на шурине.

— Бояре до твоей царской милости челобитную всем скопом подписали, — насмешливо протянул князь Михаил, держа волосатую руку на рукояти сабли. Князь был начальником дворцовой стражи и имел право носить оружие в дворцовых хоромы.

Как всегда, он был пьян и слегка покачивался. Царская опочивальня наполнилась хмельным перегаром и запахом чеснока.

— Где они?

— Во дворце, великий государь, в столовой палате. Я приказал страже не пускать, да ведь их много. А еще посадские на площади, близ крыльца остались. Ждут твоей милости.

— Собачье сборище! — опять перешел на крик царь. — А кто в закоперщиках?

— Князь Василий Рыбин-Пронский, Иван Карамышев да Крестьянин Бундов, — не задумываясь, ответил Малюта Скуратов.

Царь Иван молчал.

— Всем бы челобитчикам головы напрочь, — икнув, сказал Михаил Темрюкович, — и смуты больше не будет!

— Нельзя всех казнить, — вмешался Афанасий Вяземский, русоволосый, статный вельможа. Он потрогал высокий воротник расшитого золотом кафтана и искоса взглянул на царя.

У Вяземского маленькая бородка в колечках и нос с горбинкой. Местом в опричнине он уступал одному только князю Черкасскому, царскому шурину, числился вторым дворцовым воеводой при особе царя и был его любимцем.

— Все знатные головы срубить хочешь, Миша? — переспросил царь, и нельзя было понять, осуждает ли он предложение или оно ему понравилось.

— Что я, великий государь? — Пошатнувшись, Михаил Темрюкович ухватил рукав черного кафтана Малюты Скуратова. — Как хочешь! Мы люди маленькие. Что прикажешь, то и сделаем...

— Разве кто может с твоим царским, великим умом равняться? — вторил Малюта.

Голова широкоплечего царского советника, лысая и гладкая, как пушечное ядро, непрерывно поворачивалась то вправо, то влево. Его сивая борода венником торчала вперед. Кафтан плотно облегал упитанное тело. На маленьких, словно у женщины, ногах — красные сапоги с высокими каблуками.

Недавно царь пожаловал его за верную службу в думные дворяне, чин не боярский, но и не малый.

Царь Иван окончательно поборол приступ гнева и страха.

— Нет, Михаил, не можно всему русскому боярству, князьям и думным людям головы рубить. А челобитчиков прикажу схватить — и в погреба. Разберусь, кто в чем виноват, и накажу по заслугам. Боярин Ивашка Федоров с ними?

— С ними, великий государь.

— А Ивашка Висковатый?

— С ними.

— Боярина Федора и печатника¹ Висковатого не трогать. Остальных всех в тюрьму, — повторил царь Иван. — И стражу смени. Своих татар поставь. Делай... А ты останься, Афоня.

— Великий государь, — выступил вперед Скуратов, — дозволю слово молвить.

— Говори.

— Я мыслю, великий государь, надо тебе к челобитчикам выйти и с ними говорить. Не дай бог, им в головы лихое придет против твоей милости. Я видел, многие оружны, в доспехах...

— Оружны! — снова вскипел царь. — Разогнать изменников, вон из дворца, метлами гнать, метлами...

— Во дворце верных людей немного, — сказал князь Михаил. В голосе его послышалась растерянность.

— Пьяница несчастный. — Царь замахнулся на шурина посохом. — Не заботишься ты о наших царских делах!

— Великий государь, — продолжал Малюта Скуратов, — я вызнал в пытошной, что недовольны бояре, недоброе затеяли, речи скарედные говорили. Не надеясь на земских, я вчера твоего слугу Гришку Ловчикова послал в Слободу. Наши люди вот-вот должны прискакать.

Царь обнял Скуратова.

— Ты прав, я выйду в большую палату, послушаю, что бояре скажут. Спасибо, Гриша, за верную службу...

— Я должен, великий государь, знать то, чего не знают другие, — скромно опустил глаза Малюта.

В большую палату царь Иван вышел, сияя золотой ризой, с высокой шапкой на голове. Со всех сторон плотной толпой его окружали знатные опричные вельможи.

Челобитчики, ожидавшие царя, дружно повалились на колени. Это были люди, на которых держалось русское государство. В первом ряду стоял боярин-конюший² Иван Петрович Федоров, глава московского боярства.

Царь бесшумно поднялся по приступкам, крытым красным ковром, и уселся на мягкую подушку золоченого кресла.

— Кто будет говорить? — спросил он, строго посмотрев на собравшихся.

Вперед выступил печатник Иван Михайлович Висковатый. Он был сед, бороду расчесывал на две стороны. Лицо строгое, с резкими чертами. Из-под лохматых бровей глядели серые, навывкате глаза. Одной рукой он придерживал большую государственную печать, свисавшую с пояса на золотой цепочке.

Подойдя к царю, Висковатый опустил на колени и подал свиток.

Царь Иван взял бумагу и быстро пробежал глазами по строчкам.

«...Все мы верно тебе служили, проливали кровь нашу за тебя, — читал царь, — ты же за заслуги приставил к нам своих телохранителей, которые хватают братьев и кровных наших, чинят обиды, бьют, режут, давят и убивают».

— Мой верный слуга, — сказал царь вельможе, подняв на него глаза, — ты тоже подписал челобитную?

— Великий государь, — отвечал Висковатый, оставаясь на коленях, — прошу тебя, вспомни о

боге, не проливай крови невинных. Не истребляй своих. Твой отец и твой дед не превращали своих слуг в рабов. Раб не может быть ни верным, ни храбрым. Подумай, великий государь, с кем ты будешь впредь не то что воевать, но жить! Мы хотим по-прежнему быть тебе советниками. Мы хотим, чтобы ты прислушивался к голосу своих верных слуг. А не гнал их прочь.

— Разве не я созвал собор? Я многих людей слушал, — прервал царь Ивана Висковатого. — Вот уж двадцать лет я слушаю твои советы, Ивашка, раб мой. Разве я гнал тебя прочь?

— Это так, великий государь, ты ласков ко мне и позволяешь глядеть твои светлые очи. Но многих верных и мудрых ты лишил жизни, отринул с глаз, держишь в опале...

— Я гоню от себя врагов, солжививших клятву и посягнувших на жизнь нашу.

— Наговоры, великий государь, — послышалось из толпы бояр, дворян и князей, стоявших на коленях. — Ты веришь опричникам, людям с черным, лживым сердцем.

Царь с трудом сохранял спокойствие.

— Кто сказал? — негромко спросил он.

Воцарилось молчание.

С поднятой головой из толпы выступил престарелый, седобородый человек:

— Это мои слова.

Малюта Скуратов нагнулся к царскому уху.

— Князь Василий Федорович Рыбин-Пронский. Отец его великим князем Василием обижен, — прошептал он, — а по отцу обижен и сын.

Царь Иван долго и внимательно его разглядывал. Князь поблек и съежился под его взглядом.

Бледное лицо царя передернула судорога.

— Добро, добро, — произнес он сквозь зубы, — запомню тебя, верный слуга... А сейчас ступай туда, где стоял.

Князь Василий Рыбин-Пронский поклонился царю и опустился на колени на прежнем месте.

В это время Скуратов, пригнувшись, стараясь не обратить на себя внимания, вышел из палаты.

— Раб есть раб, а господин есть господин... — сказал царь, обернувшись к Афанасию Вяземскому. — Я к ним душой, а они, собаки, вишь что задумали — моих верных слуг опричников порочить! Нет, пес, — он посмотрел на Висковатого и с яростью ударил о пол посохом, — я вас еще не истребил! Я только начал...

Толпа челобитчиков грозно зашумела. Без Малюты князя и бояре чувствовали себя свободнее:

— Великий государь, повели слово молвить, — снова поклонился Висковатый. — Мы не хотим умалять прав, дарованных тебе богом. А я... я повинуюсь твоему приказу, даже если он противоречит божьей воле. Но мы слуги твои, а не рабы. И от святых отец сказано: царю царство держати и власть имети с князи и с бояры. Умоляем тебя, великий государь, не разделяй на две половины царство: земство, опричина. Не проливай невинной крови...

Мудрый государственный деятель Иван Висковатый знал, что Ливонская война поставила царя Ивана в затруднительное положение. Единение всех сил государства стало необходимостью, и Висковатый был уверен, что царь Иван согласится отменить опричнину. За два года кровавых расправ царь приобрел новых врагов среди московской знати. Но многие простили бы свои обиды, лишь только бы он распустил опричнину. «Царь Иван не совсем сошел с ума, — думал Висковатый, — и должен понять, что опричнина приведет государство к разрушению и упадку. А земский собор, недавно проходивший в Москве, показал ему преданность и единомыслие всех людей. В то же время, если бы царь не был слаб, он не созывал бы собора».

Подобные рассуждения и привели к мысли Ивана Висковатого, что царь может поступиться опричниной ради порядка и благоденствия в государстве. С Висковатым был согласен боярин-конюший Иван Петрович Федоров.

Царь Иван слушал, сложив руки на посох, уперев его в пол. Он знал, чего хотят челобитчики, и знал, что не согласится на их просьбы. Он вглядывался в лица бояр, князей и дворян, стоявших перед ним на коленях. Наступит время, и он заставит их землю есть.

— Мы просим тебя советоваться со своими боярами, великий государь, и опалу класть по суду, — внятно произнес кто-то. — Кровь невинно убиенных тобой взывает. Твоя жестокость порождает заговоры.

Царь Иван сжал худые кулаки. Давно он не слышал столь дерзостного. О, если бы это было в Александровой слободе!.. Но сейчас надо сдержаться.

— Я знаю, откуда это идет. Новгородцы... — не повышая голоса, произнес царь. — По вольностям, по вече соскучились. Мало им дедовской памяти, палки захотели... И вам, рабы мои, вольности новгородские спать не дают... Внимайте, горе дому, которым управляет женщина, горе городу, которым управляют многие. Ибо так же как женщина не способна оставаться на едином решении, так и многие правители царства — один захочет одного, другой другого. Я не хочу быть под властью своих рабов, разве это грех?

Он опять посмотрел на собравшихся. На многих лицах была твердая решимость. «Будьте же вы прокляты! — пронеслось в голове царя. — Может быть, прав князь Михаил, может быть, и следует срубить всем головы».

Царь Иван замолчал и позволил снова говорить Висковатому. А сам сидел, опустив веки, плотно сдвинув пальцы рук, и вспоминал то, что произошло за последнее время. Ливонская война все туже и туже затягивала петлю на шее русского государства. Всего два месяца тому назад без всякого успеха прервались переговоры о мире с литовскими послами. Царские вельможи требовали возвращения древних русских земель — Киева, Гомеля, Витебска и всей Ливонии. Литовские послы не соглашались.

Бояре на заседании думы 17 июня 1566 года, выслушав сообщение дьяка Висковатого о переговорах, решили не заключать мира без возвращения древних земель, а заключить перемирие.

При возобновлении переговоров главным стал вопрос о Ливонии. Царь Иван стремился получить всю Ливонию, однако он соглашался на значительные уступки, если ему будет отдан город Рига. Русская торговля требовала хорошего порта на Балтийском море для свободной торговли.

Литовские послы отказались уступить Ригу царю Ивану. Они соглашались оставить за Москвой только те ливонские земли, которые были ко времени переговоров заняты русскими войсками. Таким образом, нужно было отказаться от Риги или продолжить обременительную Ливонскую войну.

Царь Иван хотел воевать. Но для войны он должен был найти опору среди вельмож, служилых людей, купечества и духовенства. 28 июня открылось заседание собора, призванного поддержать военные устремления царя Ивана. С другой стороны, он надеялся, что литовские послы испугаются единодушного решения и пойдут на уступки. На соборе присутствовали бояре и дворяне, духовенство, дети боярские и помещики из многих городов, гости и купцы. Преобладали дворяне. Всего собралось около четырехсот человек.

Собор одобрил решение царя продолжать войну за Ливонию. И вот опять смутьянство.

Поглощенный своими мыслями, царь сидел неподвижно, положив руки на посох...

На дворе раздался топот конских копыт, хриплое взлаивание труб, загрохотал барабан. Царь насторожился. До его ушей донеслись отчаянные вопли. Прогремело несколько пищальных выстрелов.

— Гойда, гойда! — совсем явственно слышал царь выкрики опричников, и по лицу его пробежала злая усмешка.

С шумом распахнулась дверь, на пороге стоял запыхавшийся Малюта Скуратов — в кольчуге, при бедре сабля, за поясом длинный нож.

— Великий государь, — торжественно произнес он, — верные слуги по зову твоему прискакали из Александровой слободы. Вшивый сброд на площади мы разогнали. Что прикажешь?

Царь поднялся с кресла.

— Изменники, — пронзительно закричал он, указывая длинным пальцем на коленопреклоненных вельмож, — все вы изменники! И ваши советы смердят изменой. Что, задумали известить меня, своего владыку, а-а? Всех в тюрьму!..

Челобитчики поднялись с колен, зашумели. Некоторые схватились было за оружие, спрятанное под одеждой, но быстро опомнились.

— Прошу пожаловать, бояре, и князья, и дворяне, — с издевкой, кланяясь, сказал Малюта Скуратов. — Слышали царское повеление? По одному проходите...

У дверей вельмож ждали опричники. Они закручивали всем без разбору назад руки и вязали пеньковыми веревками.

На Ивановской площади никого не осталось. Чужая пожива, каркая, перелетали с места на место большие черные вороны. Они садились на кресты церквей, на башни и стены...

Более двухсот человек, подписавших челобитную, были брошены в тюрьму. Царь Иван сделал выбор — решил по-прежнему держаться опричнины. Его испугало дружное выступление вельможной и приказной знати. Он страшился снова попасть под цепкую боярскую руку.

Печатник Иван Висковатый просчитался.

За два года неограниченной власти царь показал свой кровавый нрав. Слишком много набралось обиженных. А тех, кого он обидел, он больше всего боялся и ждал от них мести. Всегда подчеркивая божественное начало своей власти, царь Иван кровавыми расправами подорвал к ней доверие и, по мнению многих, не мог быть божьим помазанником...

В царских покоях до полуночи бражничали ближние царские люди, празднуя победу. Царь Иван глотнул красного испанского вина и развеселился. Все, что случилось днем, казалось

ему теперь не столь страшным.

Отпив из чаши, Алексей Басманов, главный опричный военачальник, худой высокий старик с козлиной бородкой, сказал, ни к кому не обращаясь:

— Вишь ведь, что задумали — с царем равняться! Жди теперича новых заговоров, будут они великому государю всяко досаждают. Не удалось на свою сторону перетянуть, так они вовсе похотят с престола сбросить и своего поставить... Ивашка Висковатый раскудахтался. А кто такой Ивашка? Отец его всего-то-навсего пономарил в худой церкви. А сын на все государство звонит... А Ванька Федоров, боярин-конюший? Он-то молчал, а что у него в голове — гадать не надобно.

Алексей Басманов рассмеялся. Царь Иван перестал грызть баранью лопатку и посмотрел на Малюту Скуратова.

— Не кручинься, великий государь, себя не пожалею, а измену сыщу. Все твои вороги вот здесь у меня будут! — И Малюта сжал волосатый кулак.

— Федорова завтра в Полоцк воеводой отправлю. Ты за ним своих молодцов шли, чтоб в семь глаз смотрели, слышишь, Гриша? — нахмурил брови царь. — А Ивана Висковатого люблю за прямое слово, знаю, мне не изменит, не продаст. И замены ему не сыскать — умен... Остальных в погребке поддержи для острастки и выпусти. Не то все земские дела станут. Закоперщикам, как прежде сказывал, головы срубить.

— Сделаю, как велишь, великий государь. Только бы из тех земских людей с десятков для сыску оставить?

— Оставь, — согласился царь.

— На твоём месте, великий госудагь, я бы свой замок, опричный, в Москве построил, стены поклепче и тайный ход под землей. В этот замок только вепных слуг пускать, как в Слободе, — сказал Афанасий Вяземский. — Не пгиведи господь, пгиключится мятеж в Москве, а ты, госудагь, за стены...

Вяземский заметно картавил.

— Где поставить? — живо откликнулся царь.

— Да хоть бы на Воздвиженке, место важное.

— И правда, место хорошее, — согласился царь. — Вот и дело тебе, Афоня: ты мой оружничий, тебе и замок строить. Сроку даю один год.

Афанасий Вяземский склонил голову.

— Нам, братия, главное, Ливонию воевать. А с Ливонией и Литву. Об этом не забывайте. — Царь положил на стол обглоданную кость и стал вытирать полотенцем испачканные жиром руки. — Ежели король ЖигимондЗ в Риге и других городах крепко сядет, тогда не только Юрьеву, но и Нарве, и иным городам ливонским, и Пскову тесноты будут великие и торговым людям торговля затворится.

Царское застолье наперебой стало советовать, как лучше воевать Ливонскую землю.

Царь Иван терпеливо слушал, стараясь понять смысл не совсем трезвых речей.

Вдруг дикий крик всполошил собравшихся. Михаил Темрюкович, вытаращив глаза, кружился по комнате. Он испугался большого рыжего таракана, заползшего ему за воротник.

Глава вторая. НЕ ТОТ СНЕГ, ЧТО МЕТЕТ, А ЧТО СВЕРХУ ИДЕТ

На второй день после праздника святого пророка Ильи небольшой дощаник, выкрашенный в белую и синюю краску, под веслами подошел к мельнице, стоявшей на реке Яузе. Кормщик Степан Гурьев, молодой, красивый мужик, привязал дощаник смолеными веревками к двум старым ивам на берегу, убрал весла в кладовку и кликнул судовщиков похлебать горячего варева.

Дощаник совершил по рекам большой путь: из владений Ивана Петровича Федорова в Бежецком верхе к столичному городу Москве. По приказу боярина привезли на дощанике для домашнего обиходу отборного пшеничного зерна, душистого меда, топленого масла, сушеной и соленой рыбы. И для продажи тонкого льняного полотна двадцать кусков, сотни две выделанных коровьих шкур, пятьсот бараньих...

Боярин Федоров был большим человеком в государстве; конюший — высшее боярское звание и ближайший к царю человек.

Под его началом состоял конюшенный приказ, колымажная, седельная и санная казна. И ловчий и сокольничий подчинены конюшему со всей охотой. Ему подчинялись все многочисленные стремянные, задворные конюхи, стряпчие и стадные конюхи. Да еще около сотни ремесленных людей: седельщики, коновалы, кузнецы, колесники...

Больше тысячи человек содержал конюшенный приказ в своих многочисленных службах. А царских лошадей в ведении конюшего находилось около сорока тысяч.

И жалованья получал конюший не одну копейку в день, как какой-нибудь плотник или каменщик, а два рубля с полтиной.

Наконец, конюшему подчинен ясельничий — высокий государственный чин, обязанный кормить всех царских лошадей.

Судовщики, а их было двадцать — крестьяне с отчинных земель боярина Федорова, — утолив голод, принялись таскать мешки с зерном в амбар у мельницы. В пути, когда надо было, они работали на веслах, а в трудных местах шли с лямками по берегу.

Степан Гурьев сел на борт грузного дощаника, вымыл ноги в холодной яузской воде, надел чистые онучи, новые лапти и задумался... Перед глазами встало бескрайнее синее море. Мальчишкой Степан наслушался рассказов своего деда Аристарха, побывавшего в далеком Северном море. Дед бил тюленей и моржей, привозил в Холмогоры шкуры, сало и моржовые клыки. Он плавал и на великую реку Обь, и по морям с вечными льдами. Аристарх знал грамоту, читал церковные книги и любил рассуждать о прочитанном с товарищами. Грамоте он обучил и своего внука.

Двадцать третий год пошел Степану Гурьеву, второго ребенка родила ему жена Анфиса, а он все не угомонился, мечтал о далеком синем море, о больших кораблях, о жизни, полной опасностей и приключений. Однако он любил Анфису, и расставаться с ней было жалко. «Надо ли искать счастье за морем, когда оно рядом?» — думал Степан и не знал, увидит ли он море, отпустит ли его Анфиса.

Когда дед Аристарх потерял четыре пальца на правой руке и к морскому делу стал не способен, начал он ходить по рекам на дощанике, принадлежавшем боярину Федорову. Степан Гурьев упросил деда обучить его кормщицкому делу, а когда дед постригся в

Спасо-Андроников монастырь и сделался старцем Феодором, боярский дощаник стал водить Степан. Но мысли о далеком синем море, у которого нет берегов, а вода соленая, не оставляли Степана Гурьева. Он не раз командовал в мечтах большим кораблем с тремя высокими мачтами, белыми парусами и со многими мореходами на борту.

— Степан, Николенька занедужил, — тихо прикоснулась к плечу мужа Анфиса. — Огневица, боюсь, не помер бы...

Степан обернулся.

— Я к боярину Ивану Петровичу собираюсь. Обсказать надобно, с чем дощаник привели. Бери Николеньку, поедем вместе. Попросим боярина, авось поможет. В деревне-то он сколь людей вылечил.

Солнце поднималось над Москвой яркое, ласковое. Оно освещало десятки тысяч домов и домиков, сотни церквей и монастырей. Дома теснились один подле другого только в Кремле и прилежащих улицах, а дальше, за городской стеной, они утопали в зелени садов и огородов. Многие хоромы были в две и три кровли, с острыми крышами и затейливыми флюгерками. То там, то здесь встречались каменные богатые палаты бояр или богатых купцов. В каких-нибудь двух верстах на зеленом холме прятался среди деревьев белый Спасо-Андроников собор.

Степан Гурьев подрядил за два десятка деревенских яиц телегу и с женой Анфисой, державшей на руках хворого мальчугана, поехал на Варварку, к дому боярина Федорова.

На Степане был новенький кафтан из белой ржевской сермяжины, а голову покрывала войлочная шляпа. Анфиса вырядилась в холщовую праздничную рубаху с длинными, в двадцать локтей, рукавами. Рукава укладывались складками, набегавшими одна на другую. Широкие вверху, они утончались книзу, и у запястья были завязаны голубыми тесемками.

Во дворе боярина Федорова толпились вооруженные люди, перебирали ногами оседланные лошади. Лаяли на все голоса сторожевые псы. У амбаров стояли груженные повозки, запряженные либо парой, либо четверкой добрых коней.

Старший приказчик боярина Терентий Лепешка был рожден в той же деревне, что и Степан, и приходился ему дальним родственником. Он вертелся во дворе и сразу заметил кормщика.

— Уезжает наш кормилец, наш батюшка Иван Петрович, по царскому слову воеводой в Полоцк, — сказал он земляку. — Как выйдет во двор, ты ему и обскажешь все, что надобно.

Сначала из дверей вышла боярыня Мария Васильевна, круглая маленькая старуха с розовыми щечками. За ней вынесли три сундука в железной оковке. Боярыня улеглась на мягкую постель, приготовленную в зеленой крытой колымаге, сундуки поставили у нее в ногах.

Вскоре показался сам боярин Федоров, оружный, в кольчужной рубахе и железном шлеме. Все, кто ждал его выхода на дворе, согнулись в поясном поклоне.

— Государь Иван Петрович, — сказал приказчик Терентий, — кормщик Степан Гурьев из деревни Федоровки зерно и другие припасы приволок. Что велишь?

Боярин поднял глаза из-под седых лохматых бровей.

Степан, волнуясь, передал список, составленный приказчиком Серебровым. Капли пота выступили у него на лбу.

Иван Петрович расправил бумагу, внимательно прочитал.

— За три недели управился кормщик, молодец, — сказал он, передавая список Терентию. — Зерно на мельницу. Да не сразу все молоть, а по надобности. За остальным лошадой пошли. Освободишь дощаник — пусть домой ворочается.

Боярин откашлялся, словно у него першило в горле. Степан мял в руках шапку и не уходил.

— Государь Иван Петрович, — сорвавшимся голосом вдруг сказал он, — помоги, сынок младшенький занедужил.

— Что с ним? — нахмурился боярин.

— На реках простыл, огневица, памяти нет.

— Где мальчик?

— Здесь, — с надеждой произнес Степан, — жена, вон она, на руках его держит.

Боярин повернул голову и увидел у крыльца высокую миловидную женщину с ребенком. Быстрым шагом он подошел к ней, развернул лоскутное одеяльце, взял мальчика за руку, подумал, нахмутив лоб, и молча вернулся в дом. Во двор он вышел, держа в одной руке глиняный горшок и в другой несколько сухих белых корнейев.

— Зовут тебя как, красавица?

— Анфисой, — заплакав, сказала баба.

— Три коренья свари в этом горшке. Отвар давай хворому по глотку шесть раз на день. Выпьет — свари еще... Не убивайся, поправится сынок... — Боярин снова закашлялся.

— Спасибо тебе, боярин...

Иван Петрович торопился и не стал выслушивать слова благодарности. Усевшись в седло, он тронул поводья, и гнедой конь вынес его за ворота.

Следом поскакали оружные слуги, покатила крытая повозка с боярыней и десятка два телег со всяким припасом.

— Государь наш еще вчера собрался ехать, да не успел, — сказал Терентий, когда последняя телега выехала на улицу и привратник закрыл дубовые ворота. — Вишь, снадобье дал, теперя ребенку полегчает.

— Так-то оно так, — отозвалась Анфиса, — спасибо боярину. Однако... — она замаялась, — надоть господу богу во здравие младенца молитву вознести. У Андроника-монастыря родной дядя Степана в монасах. Вот бы нам туда... — Она с мольбой посмотрела на мужа.

— Молитва никогда не помешает, — поддержал Терентий. — Сегодня в Покровском соборе сам новопоставленный владыка Филипп службу правит. Твоей молитве рядом со святительской сподручнее до бога дойти... Вот что, Степан, запрягу-ка я лошадку ради болящего младенца. Сначала к Покровскому собору поедем, а после и к Андроникову монастырю. А сейчас — ко мне. Женка пусть снадобье варит, а мы с тобой покалякаем.

Терентий Лепешка знатно угостил Степана Гурьева и его жену Анфису. Стол был заставлен всякой всячиной. От малосольных огурцов шел щекотливый чесночный дух. За обедом земляки выпили хмельного и разговорились.

— Сколь времени, милай, ты в Москве не был? — спросил хозяин, выслушав деревенские новости.

— Три года, Терентий Григорьевич.

— Три года? За три года у нас в Москве крутая каша заварилась, не приведи бог.

— Как тебя понимать, Терентий Григорьевич?

— Так и понимай, что каша крутая. За три года столь голов срублено, сколь людей на колья посажены и от других казней сгибли — не счесть.

— А кто тую кашу заварил?

— Царские слуги-кромешники.

— А царь-то, Иван Васильевич, почто слугам волю дал?

Терентий Лепешка не сразу ответил.

— Как тебе обсказать, милай. В прошлом годе в день святые Троицы гости к нашему боярину съехались. Знатная застольица была, пиво, мед хмельной пили. Слыхал я разговор промеж гостей, — Терентий понизил голос, — будто большой царский воевода князь Андрей Курбский изменил царю и Русской земле и к литовскому королю отъехал. И другие бояре будто царю изменили. Осерчал Иван Васильевич, от царства хотел отказаться, отъехал в Александрову слободу. От расстройства у него, почитай, все волосья на голове вылезли, похудел, поблек. Теперь царь только кромешникам верит. Говорят, он в Александровой слободе свой монастырь завел и кромешники у него в монасах. И ходят они наособицу, не как все, в черных кафтанах да в черных шапках. Среди них и немцы и татары крещеные есть. А самый матерый у них Малюта Скуратов...

Степан Гурьев слушал раскрыв рот.

— И слободской народ другим стал, сколь его теперь в Москве живет — сила. И купцы, и мастера, и ремесленники — все хотят свой голос иметь. Раньше, что сказал господин, то и ладно, а теперь и то им плохо, и то нехорошо. Мы да мы, советы нороят давать, будто без них бояре не разберутся. Разговоры среди горожан вольные пошли. Божественное хулят, попов и церковь... А откуда разговоры идут? От попов же и монасей... — Терентий ухмыльнулся и недоуменно пожал плечами. — До царского уха разговоры ихние достигли, и восхотел он управу на них найти. Кромешники за вольности не милуют.

— А простой люд, мужиков русских?

— Против мужиков кромешники зла не держат, — подумав, сказал Терентий. — Однако ежели который боярин попал в опалу, они слуг его и людей без разбора бьют и режут.

— За что же, Терентий Григорьевич?

— Бояр и князей за изменные дела, а мужиков для потехи. — Терентий еще подумал. — Для мужиков не так царь страшен, как помещники. Боярин родовитый либо князь от отцов и дедов богатством владеет. И земли у него много, и душ крестьянских на земле тысячи. А помещный дворянин получит за царскую службу триста либо двести десятин и готов из мужиков душу вынуть. Все ему мало, давай и давай. Нашему-то боярину Ивану Петровичу тоже, видать, черед пришел; попал воеводой в Полоцк. Место почетное, спору нет, однако в Москве почета больше... И промеж себя у бояр согласия нет: одни с крымским ханом воевать хотят, а другие с ливонскими немцами... Господи, помилуй нас, грешных, пронеси беду...

Под разговор мужиков Анфиса сварила корешки, остудила отвар, дала хлебнуть сыну.

Терентий Лепешка велел запрягать лошадь.

По бревенчатой мостовой — толстые бревна лежали поперек дороги — телега покатила к Покровскому собору. Степан Гурьев вертел головой, дивясь большому городу. На Варварке было тесно. Со всех сторон грохотали телеги, запряженные либо одной, либо двумя лошадьми. И всадников было много. Когда ехал боярин либо князь, он бил рукояткой плети по барабану, привязанному у седла, и народ уступал дорогу. А если кто замешкался, тому попадало плетью по спине.

На телегах везли всякие товары. Белый камень для постройки церквей и палат, кирпичи и бревна. Глиняную посуду и новые осиновые и липовые бочки. Изразцы из красной обожженной глины и кожаные сапоги разного образца и цвета...

— Лошадей здесь несосчитимое множество, — прошептала Анфиса, прижавшись к мужу, — всю Москву заполнили.

Телега, на которой ехали земляки, часто останавливалась, уступая дорогу встречным. Громко ругались возчики, расчищая себе путь. Лавки по сторонам улицы еще больше усиливали тесноту. Купцы громкими криками зазывали к себе покупателей.

— Гойда, гойда! — вдруг раздалось на улице.

Показались вооруженные всадники в черных одеждах. Сразу наступила тишина, замолкли разговоры, ругань. Люди в испуге прижимались к домам, к заборам. Черные всадники ехали по два в ряд. Копыта коней глухо ударяли по бревнам, позвякивала богатая сбруя.

— Опришники! — разнеслось по улице. — Опришники!

Степан не спускал глаз с царских слуг.

Проехал черный отряд, и всё снова зашевелилось, заголосило...

Глотнувший боярского снадобья Николенька спокойно спал.

У Троицкой площади⁴ поток телег и лошадей разделился на три рукава. Часть повернула влево, к Москворецкому мосту. Некоторые двинулись в Кремль через Фроловские ворота, а большая часть свернула вправо, к торговым рядам.

Перед глазами земляков встали величественные стены и башни Кремля. Ниже кремлевских шли зубчатые кирпичные стены, ограждавшие глубокий ров шириной сорок аршин. Выложенный белым камнем, ров тянулся вдоль кремлевской стены от реки Москвы до реки Неглинки. Через ров из Константино-Еленинских ворот, Никольских и Фроловских были переброшены деревянные мосты. Изящный бело-красный Покровский собор, построенный русскими мастерами совсем недавно, в память победы над казанцами, удивлял людей своими размерами, сказочным убранством и разнообразием.

Вокруг собора плотной стеной толпился народ. Кто хотел помолиться, а кто любовался радостным обликом церкви.

— Помолись! — буркнул Терентий, махнув рукой. — Пойди-ко проникни в божий храм! Самому бока намнут, а мальчонку и вовсе задушат... Ты подожди нас на возу, Анфиса, а мы на торг. А потом и к старцу Феодору.

Степан молчал. Насмотревшись на кремлевские стены, крепкие стрелецкие башни, на сказочный Покровский собор, он почувствовал себя частичкой великого русского народа. Его охватила гордость.

— Да ежели с такой крепостью, нам никакой враг не страшен! — сказал он неожиданно громко, идя вслед за Терентием. — И народа много, и церкви красивые, и дома... Жизнью

отдать не жалко.

На площади торговали вразнос. Занимать постройками пространство перед крепостными стенами запрещалось. Только легкие разноцветные палатки, предназначенные на продажу, стояли вдоль кирпичной стены, ограждавшей ров.

Торговые ряды поражали разнообразием. Купцы в длиннополых суконных кафтанах с трудом поворачивались в тесных лавках. Товары стекались в Москву со всех сторон. С востока шли шелковые и бумажные ткани, ковры, парча, сученый шелк разных цветов, драгоценные камни и оружие. Бухарцы и персы везли товары по Каспийскому морю и по Волге. По ордынской дороге двигались турки, татары, армяне и греки с товарами из Константинополя, Багдада и других жарких южных мест. Купцы из Валахии, Польши и Литвы тоже привезли немало.

Иноземцам не разрешалось торговать в розницу. Свои товары они продавали русским купцам. Прохаживаясь по рядам, они дивились дешевизне на хлеб, на мед, на пеньку, на мясо и деготь. Любовались изделиями московских ремесленников.

Англичане, голландцы, датчане и ганзейцы выделялись на торгу своими одеждами, непривычными для русского глаза. Их украшали короткие бархатные штаны, башмаки с серебряными и медными пряжками.

Столица русского государства приманивала к себе иноземцев обилием и дешевизной товаров. Москву распирало от обилия и богатства. В лице русских купцов они встречали достойных собратьев, не позволявших обманывать себя. Многие иноземцы обижались на это, оставляли после поездок в Москву гневные докладные своим владыкам.

В Москву приехали сбывать товар и купцы из разных мест Русского государства: суздальцы и новгородцы, владимирские и тверские, казанцы и холмогорцы. Из холодных северных стран привезли моржовую кость и песцовые белые шкурки.

По рекам и речушкам, по столбовым дорогам и проселкам, на лошадях и лодках, волах и верблюдах везли купцы товары в русскую столицу.

В нарядной толпе землякам встречались молодые люди бритые и, вопреки обычаю, коротко остриженные. Степан заметил, что щеки и губы у них крашенные, как у женщин. Одеты они были в дорогие парчовые одежды, разукрашенные разноцветными каменьями. Сапоги узкие, вышитые затейливым узором. Модники дружно грызли каленые орешки, сплевывая скорлупу на землю.

— Великую нужу ноги терпят в сапогах-то, — кивнул Терентий, — узки больно... А под кафтан палки подкладывают, чтобы плечи шире казались... На баб посмотри... — Он толкнул в бок Степана.

Лица модных набеленных и нарумяненных женщин были похожи на маски. Сходство усугубляли нарисованные чернью брови вместо выщипанных, они круто выгибались кверху.

Отмахиваясь от наседавших купцов, земляки пробирались дальше. Несколько поодаль, у Николы старого, торговали кожевенным товаром — сумками и кошельями, седлами и уздечками. Тут же висели сетки от комаров и всякого гнуса, изготовленные вологодскими мастерами, и слюдяные фонари. Шапошники, сапожники, кнутовщики, скорняжники, кафтанщики, златокузнецы, суконщики, иконописцы заполнили торговые ряды.

Терентий и Степан миновали знаменитые мясные ряды. На железных крюках висели туши только что освежеванных коров, быков и баранов. Мясо продавали не на вес, а

приблизительно, большими кусками. За мясными тянулись обширные соляные ряды. Здесь половина лавок принадлежала купцам Строгановым.

В рыбных рядах Степан с удивлением остановился возле большого, в человеческий рост, живого осетра, привезенного с верховьев Волги. Он помещался в деревянном корыте, наполненном водой. Купцы-рыбники торговали паюсной икрой в огромных пятидесятипудовых бочках. Несмотря на сухую погоду, под ногами хлюпала грязь от растаявшего льда, в котором хранилась свежая рыба. Ряды завалены соленой, сушеной и жареной рыбой. Отсюда далеко разносился пронзительный, удушливый запах.

В одной из лавок два ганзейских купца, присев за колченогий стол, деревянными ложками со вкусом ели из большой миски зернистую икру, обильно сдобренную перцем и мелко нарубленным луком.

Рядом торговали всевозможной птицей, живой и битой.

— ...Православным христианам, — услышали земляки зычный голос царского глашатая, — от мала до велика именем божьим во лжу не клясться и на криве креста не целовать и иными неподобными клятвами не клясться. Скверными речами и всяким неподобством друг друга не попрекать... Бород не брить и не обсекать, и усов не подстригать...

Рядом с глашатаем стоял палач в кумачовой рубахе и приказной подьячий. За скверное ругательство на торгу виноватого тут же били палками.

Наконец Терентий нашел, что искал. На небольшой площади скучилось много народа. Здесь продавалось то, что людям приходится продавать из-за нужды: старое и новое платье, золотые и серебряные вещи и много другого. В одном углу стояли дощатые маленькие домишки, где цирюльники подстригали желающих, не нарушая дозволенного. Волосы с населявшими их насекомыми валялись тут же, отчего и рынок назывался «вшивым». Ноги здесь ступали мягко, словно по толстому войлоку.

На рынке Терентий купил для Анфисы бухарский шелковый платок, Степану сундучок, обтянутый тюленьей кожей, а больному мальчику глиняный конек-свистульку.

Вернувшись, земляки уселись на телегу, свесив ноги, и тронулись дальше, к Спасо-Андроникову монастырю. За Варварскими воротами стало просторнее, дорога пошла среди садов и огородов. Миновали бражную тюрьму — для бражников, подобранных в городе на улицах.

— Грех великий упиваться вином, — вздохнул Терентий. — Другой раз трупом человек лежит и дыханья не видно. Не понять, как вживе остаются... Не по заслугам, а только из милосердия бог им жизнь сохраняет.

Степан ухмыльнулся и ничего не сказал.

Запахло болотом. Дорогу часто пересекали неглубокие овражки, ложбинки и ручейки. Этот путь вел из Кремля к большому Яузскому мосту, а оттуда на Владимир и Коломну. На крутом повороте дороги стояла знаменитая на всю Русскую землю церковь Всех святых на Кулишках 5. Ее воздвиг великий князь Дмитрий Донской в память погибших на Куликовом поле воинов. Около церкви толпились нищие. Звеня цепями, юродивый, худой и бледный, бил себя в грудь, приговаривая: «Господи спаси, господи спаси...» Волосы длинные, как у бабы, падали ему на лицо и на плечи.

Сытая лошаденка Терентия, позванивая колокольцами, бежала рысцей. Лисьи хвосты, подвешенные для украшения, покачивались на оглоблях. Телега гроыхала по бревнам. Обильно вскормленные конским навозом, сквозь бревенчатый настил пробивались сорные

травы.

На обширной площади между реками Москвой и Яузой кучами лежали бревна к желтели новые дома.

— Смотри, — показал кнутовищем Терентий, — здесь разборными домами торгуют. Если погоришь, купцы какой хошь дом за три дня поставят.

На большом Яузском мосту продавали глиняную посуду, свистелки, разную снедь и квас. Возвышенный берег заняла деревенька гончаров. Громко кричали петухи. Дымились многочисленные круглые горны. Под деревянными навесами лежали рядами кирпичи, выставленные для просушки. У берега в заросших кустарником заводях большие лодки грузились глиняными мисками, кувшинами и горшками. Степан Гурьев увидел на реке среди зеленых кустов свой дощаник и боярскую мельницу.

Лошадка вывезла земляков на Владимирскую дорогу. Мостовая кончилась, телега тихо покатила по мягкому, толстому слою пыли. Впереди медленно двигались богомольцы, взбивая босыми ногами пыльное облако.

От Яузского моста до Спасо-Андроникова монастыря около двух верст. Закрутив концы вожжей на кулаки, Терентий прикрикнул на лошадь.

Поднявшись на монастырский холм, Терентий подкатил к монастырским воротам. Привязав лошадку, повесив ей на шею холщовую торбу с овсом, земляки, крестясь и кланяясь на монастырские святыни, вошли на обширный двор, под тень ветвистых кленов и вязов.

Провожая кого-то на кладбище, уныло звонил соборный колокол. * * *

Из дверей трапезной вышел седенький монах с железной кружкой для сбора подаяний на кожаном поясе. Его провожала черноскуфейная братия.

— Дядя Аристарх... Отец Феодор, — узнал Степан Гурьев. — А мы к тебе, занемог Николенька. Помолись...

Отец Феодор перецеловался с земляками. Подняв глаза на золотые кресты собора, зашептал молитву.

— Аминь, — внятно произнес он и однопалой ладонью перекрестил мальчика. — Выздоровеет... по милости божьей. Ухожу я из монастыря, робята. Душно мне здесь. Отпросился у отца настоятеля деньги на каменные стены собирать.

— Уходишь, стало быть? — удивился Степан.

— Для почина тебе, отец Феодор. — Приказчик вынул из кошелька деньги и опустил в кружку. — Поминай Терентия в молитвах.

Глава третья. СМЕРТЬ ВОЛЧЬЯ ЕСТЬ ЗДРАВЛЕ ОВЕЧЬЕ

В двадцати верстах к востоку от города Полоцка в дремучем болотистом лесу стоял замшелый бревенчатый дом. Прежде он принадлежал одному из литовских вельмож и служил для охотничьих забав. После взятия русскими войсками Полоцка литовский вельможа отъехал в свои вильненские поместья. В охотничьем доме остался доживать свой век старый ловчий Неждан с женой и сыном.

Получив Полоцкое воеводство, боярин Иван Петрович Федоров побывал однажды на охоте, увидел лесной дом и подумал, что он может пригодиться. Старого ловчего Неждана воевода взял на службу дворецким.

Дом стоял на берегу лесной речушки, в непроглядной чаще, тянувшейся на десятки верст. Только старик Неждан и его сын по своим приметам могли распознать заросшую молодняком дорогу, когда-то прорубленную в лесу, и среди топких болот провести за собой всадников.

Прошло больше года после памятной челобитной земских вельмож московскому царю.

В середине лета от воеводы Федорова пришло Неждану повеление подготовить дом к приезду гостей. В день Петра и Павла у часовни на развилке дорог стали собираться гости. Князья и бояре съезжались на охоту с оружием и слугами. В здешних лесах водились могучие зубры, и поохотиться на свирепого зверя хотели многие. Но не только охота заставила знатных русских людей съезжаться в лесу под Полоцком...

Неждан с сыном, кланяясь, встречали гостей у часовни и по лесным тропинкам провожали к охотничьему дому. Когда все собрались, боярин Федоров пригласил гостей в небольшую горницу к столу, уставленному напитками и яствами. Перекрестившись на икону, гости уселись молча, без обычных застольных шуток.

Слуги зажгли восковые свечи. Иван Петрович приказал закрыть окна ставнями, а изнутри — темными бархатными занавесями. Вокруг дома стояли дозорные, верные люди воеводы. Гости утолили голод, выпили хмельного меда. Слуги принесли сладких заедков: пряников, орешков в меду. Говорили о том о сем, но главного разговора не было.

Иван Петрович прикрыл покрепче двери, задвинул засовы, вернулся к столу и сказал:

— Дорогие гости, государи, князь Иван Федорович Мстиславский хочет сказать слово.

Князь Мстиславский — один из самых знатных людей в Московском государстве, потомок великого князя Гедимины, поднялся с места. Окладистая борода покрывала половину его груди. Из-под темных бровей смотрели холодные голубые глаза.

— Что ж делать нам? — раздался его глуховатый голос. — Царь лишился ума. Как бешеный бык, он топчет лучшие княжеские роды, знатнейших бояр. Неужто будем терпеть и ждать, когда полетят и наши головы?

— Да сгинет опричнина! — воскликнул Федоров. — Да будет единая Русская земля, ибо от всякого разделения государство запустеет и погибнет.

— Что же делать? — повторил Мстиславский.

— Надо нового царя! — крикнул князь Дмитрий Щенятев.

Гости опасливо посмотрели друг на друга. Наступила тишина. Боярин Федоров закашлялся, отпил из чаши.

— Дорогие братья, государи, — сказал он, — сегодня мы говорим и слушаем тайные слова. Все должны дать клятву на святом кресте, что ни смерть, ни пытки не заставят рассказать о нашей беседе. Так я говорю?

— Так, так, — раздались одобрительные голоса. — Поклянемся.

— Неси Евангелие, святой отец, — продолжал Иван Петрович, обернувшись к своему духовнику, отцу Захарию, сидевшему по правую руку.

Поп Захарий поднялся из-за стола.

Пока духовник ходил за Евангелием, все сидели молча.

Боярин Федоров во всем проявил осторожность. Но он не знал, что рядом с горницей есть маленькая кладовушка, где хранилась посуда.

Любопытный старик Неждан, смекнув, что русские вельможи съехались не только для застолья и охоты, забрался в нее послушать разговоры.

Отец Захарий появился вновь в полном облачении. Гости по очереди подходили к нему, торжественно повторяли страшные слова клятвы и целовали крест.

Собравшихся здесь бояр, князей, воевод и служилых людей объединяла боязнь за свою жизнь, за свои земли и богатство. Произвол царя Ивана и его телохранителей вывел из терпения многих государственных деятелей. Вельможи упорно заступались один за другого, а царь Иван карал заступников, видя в них возмутителей против своей власти. Слуги хотели отомстить своему государю за смерть близких, за унижение и разорение, за пытки и казни без суда и права. Для них царь Иван был не представителем господя бога на земле, а простым смертным, родом стоявший не выше многих.

В опричнине они видели силу, ограждавшую личную безопасность царя Ивана, и считали опричников разорителями и грабителями Русского государства.

— Я вот о чем хочу спросить вас, государи, — сказал боярин Федоров, когда все дали клятву, — почему так устроено: ежели польский король или другой христианский владыка кого-нибудь из подданных к себе призовет, радуется тот человек, счастлив и товарищи его поздравляют? А у нас призовет к себе государь — прощайся с женой и детками, пиши завещание... Не поймет царь Иван Васильевич, что нельзя на страхе едином, на опричнине, всю Русскую землю держать. Почему он великий господин, а мы все рабы у него? И ты, Гедиминович, раб, и ты, князь, и ты, боярин... И не вольны мы ни в жизни своей, ни в животе своем. Все, что у нас есть, хотя бы от дедов и прадедов шло, не наше, а царское... — Боярин Федоров вытер вспотевшее лицо. Он говорил от сердца и волновался. Синий шрам от татарской сабли на правой щеке боярина побагровел.

Гости, уставившись на Федорова, согласно кивали бородами.

— Раньше хоть жены нашими были. Когда-то царь Иван Васильевич боялся посягнуть на святое таинство брака. А сейчас? Многие, ложась спать, не знают, не увезут ли ночью жену на царскую потеху опричники. Я знаю порядки во многих христианских странах, и нигде нет подобных нашим.

Иван Петрович замолк и склонил седую голову.

— Я тоже смотрю, — подал голос князь Василий Серебряный, — такой царь, что своим ближним не верит, нам не надобен. За слово, за укорительный взгляд — в тюрьму, как изменников. Каждый опричник впереди, а ты жди либо плаху, либо пытки.

— Пусть бы советовался с нами, с боярами, — вступился Федоров. — Ежели не по душе совет, можешь по-своему сделать: на то ты царь. Но ведь он за противное слово на совете опалу кладет, а то и вовсе голову с плеч... Не по старине, не так, как его отец да дед дельвали. И опалу положить царь волен. Однако прежде перед боярами оправдаться дай виноватому, а он и слышать не хочет. Лишь бы наговор от кромешника был.

— Дело говоришь, Иван Петрович, — поддержал князь Мстиславский. — Мы считали, сколь земцев царь выселил из отчих земель: выходит двенадцать тысяч. Шли с пустыми руками,

пешком в зимнюю стужу с женами и детьми. Селились на сырых корнях. А на их место опричники. Все в разор, в пыл пошло. Новым хозяевам некогда хозяйством заниматься, грабежом легче деньги добывать. Скажи опричнику слово неучливое, и выйдет, что самого царя оскорбил. Батоговб тебе царский палач, как вору, всыплет... Простому народу вовсе житья не стало, бегут кто куда может.

— И воюет царь от своей гордыни, — поднял голову князь Василий Серебряный, — сразу против двух врагов. За много лет мирного года не было. Ливонию пошли воевать, а крымский хан наш народ убивает и в полон берет. Русских пленников каждый год в заморье продают басурмане. Не одобряю, бог благословляет войны праведные. И наказал нас бог, провоевались, скоро хлеба у людей не станет. Расправились бы с крымским ханом, вот и дорога к морю. Не согласен я сейчас с Ливонией воевать.

— Ты за войну с крымским ханом ратуешь, — пошутил князь Иван Турунтай-Пронский. — Закваска в тебе еще адашевская⁷ сидит. Смотри, теперь ты золотой, а не серебряный. На двадцать пять тысяч рублей поручители за тебя дали запись...

Гости засмеялись. Подняли чаши за князя Серебряного.

— А твое, Михаил Иванович, слово?

— Мое слово? — не сразу отозвался князь Воротынский, посмотрев невесело на товарищей. — Я тоже стал золотой. И за меня двадцать пять тысяч записано. Не верит мне царь. Ну что ж... Я тоже против Ливонской войны советовал. Дак на меня царь опалился и в Белозерский монастырь загнал. А зачем? Будто я против ливонцев не стал бы воевать. Стал бы, я всегда готов по государеву слову голову положить... Советовал я царю на Дону крепость ставить, а из той крепости воевать Девлет-Гирея. Близко — рукой подать. Как лисицу в норе, поймали бы хана со всеми нечистыми женами.

— Так ли, князь? — с сомнением произнес Мстиславский. — И у Девлетки заступники найдутся... Турецкий султан и король Жигимонд.

— Не больно из-за моря размахнешься, да и Жигимонд вряд ли заступится.

Поднялся дьяк⁸ посольского приказа Андрей Васильев.

— Государи! — сказал он, поклонившись. — Война с поганским царем и защита христиан от полона и смерти — богоугодное дело. Однако дела государственные требуют иного рассуждения. Времена теперь иные, нежели при великом князе Василии, батюшке нашего государя. Без вольной заморской торговли не будет богата и сильна земля Русская... Аникей Строганов и гости московские слезно молили великого князя и государя о вольном морском пути в иноземные страны. Надо воевать с Ливонией за море. Но... — дьяк Васильев посмотрел на бояр, — с великим разумением. А государь тиранством своим и казнями, — повысил он голос, — ливонцев напугал, и они города не сдают, сидят до последнего и просят у короля Жигимонда заступы! Государи, — помолчав, продолжал дьяк Васильев, — король Жигимонд давно руку к великому Новгороду тянет. А через Ливонию королевские земли к самому Пскову и Новгороду подступят... Вот и смотрите, нужна ли России война с ливонцами?

— Так как же, государи? — снова спросил Мстиславский.

— Мы хотели решить дело добром, — раздался голос князя Ивана Куракина-Булгакова. — Писали челобитную, на коленях молили. Ежели б царь согласился и отменил опричнину, мы бы его больше отца родного почитали и слушались. А царь всех нас в тюрьму засадил, спасибо владыке — заступился. Теперь осталось одно — согнать Ивана с престола.

— Убить, как бешеную собаку! — крикнул князь Турунтай-Пронский. Он дрожал от возбуждения. Вздрагивала длинная борода, свисавшая с худого лица. — Другого хода нет. Я к латинскому королю в Литву не отъеду, изменником Русской земле, как Курбский, не стану. — Он шумно отсморгнулся и вытер платком нос.

— Согласны, — дружно отозвались гости.

— Смерть волчья есть здравие овечье, — пробасил отец Захарий.

— Пусть царь Иван докажет свое царское приращение, — побледнев, сказал боярин Федоров.

Он произнес страшные слова. Царь Иван многое мог простить. Но тех, кто сомневался в его царском происхождении, ждала верная смерть.

— Но кто будет новым царем? — спросил князь Дмитрий Рязполовский. — Убрать царя Ивана — дело не самое трудное. Найти нового царя — вот задача.

— Князь Владимир Андреевич Старицкий, — сказал боярин Федоров, — прямой рюрикович, не сумнительный, нравом мягок и милостив.

Назвать нового царя было законным правом конюшего, председателя боярской думы⁹.

— Но согласится ли он? — спросил кто-то из гостей.

— Согласия спрашивать не будем, — раздался резкий голос Мстиславского, — боится он царя без памяти. Пока жив царь Иван, князь Владимир согласия не даст.

— Спрашивать не будем, — поддакнул князь Серебряный.

— Челобитную грамоту надо изготовить, — предложил боярин Федоров. — Коли увидит Владимир Андреевич, что все за него, — осмелеет.

— Верно говоришь, — поддержали гости.

— Пиши!

Боярина Федорова любили и слушались. Он кивнул дьяку Андрею Васильеву. Дьяк вынул из-за пазухи свиток. Грамоту князю Старицкому с просьбой быть русским царем он написал еще вчера. В шкафчике под иконой взяли перо и чернильницу. Придвинули ближе свечи.

Гости по очереди подписывались под челобитной грамотой. Толстый князь Куракин-Булгаков, поставив свою подпись, шумно отдувался, как после тяжелой работы. Некоторые со страхом брали в руки перо. Другие прикладывали перстень с печатью.

Когда все сидящие за столом приложили руку, боярин Федоров вручил грамоту Мстиславскому.

— Передай князю Володимиру Андреевичу. Кого знаешь и кому веришь, дай подписать. Чем больше людей, тем вернее...

— И пастыри духовные не согласны, — снова раздался бас отца Захария. — Митрополит¹⁰ Афанасий оставил митрополию, не захотел с опричниками жить, в монастырь ушел. И Герман, митрополит, опричнину порицал, царь за то его прогнал. А митрополит Филипп сказал тако: «Царю и великому князю отставить опришнину, а не отставит царь и великий князь опришнины, и мне в митрополитах быти невозможно». Зазря обижает царь. Земщина по сю сторону, опришнина по ту сторону.

— Церковь отринулась от царя Ивана.

— Что станет с нами? Долго ли еще муки этой...

— До самой смерти.

— Господи, спаси, господи, помоги.

— Скоро ли война кончится?

Еще не раз поднимались князья и бояре с гневными речами. Близилась ночь, свечи догорали.

— Государи! — уже который раз взял слово боярин Федоров. — Я стою за вольность, за такую вольность, когда моя жизнь и мое имущество не зависят от одного государева слова. Я хочу, чтобы суд праведно судил меня. Я хочу, чтобы за мое слово, за мои мысли Малюта Скуратов не тащил бы в свой застенок... А разве нет убытка государю, когда много всякого люда бежит из родной земли? В прежние времена русские люди бежали из Литвы к нам...

Раздался одобрительный гул, бояре и князья поднялись с мест и дружно кланялись Федорову. Слово конюшего крепко пришлось им по душе.

— Прав Иван Петрович.

— Мы все за тебя.

— Головы на плаху отдадим, не отступим... — шумели вельможи.

— В адашевские времена не в пример вольготнее было.

— Братья государи, — призывая к тишине, поднял руку воевода Иван Колычев, — во имя правды на земле, для пользы людей русских я хочу смерти царю Ивану. Даже самый добрый человек, сохраняя свою жизнь, может совершить жестокость. — Он обернулся к юноше, сидевшему рядом. — Василий, сын мой, встань, покажись людям.

Высокий, красивый парень с темным пушком на верхней губе и на подбородке встал и поклонился всем сидящим.

— Василий вызван к царю и будет служить у него рындой¹¹, — сказал Иван Колычев. — Он ненавидит тирана... пусть станет он карающей десницей.

Застолица зашумела. По спинам многих побежали мурашки.

— Подойди ко мне, отрок, — раздался бас протоппа Захария.

Юноша встал на колени перед священником.

— Благословляю тебя, раб божий Василий, на доброе дело. Како бог похочет, тако и свершится.

И протопп перекрестил юношу, поцеловал его.

Князь Турунтай-Пронский обнажил меч и, подняв его над столом, крикнул:

— Смерть убийце — Царю Ивану Васильевичу!

— Смерть!

— Смерть! — наперебой раздались голоса.

Князя и бояре вставали, обнажали мечи и скрещивали их с мечом князя Пронского.

— Смерть безумцу!

— Смерть...

Еле живой от страха выполз из кладовушки старик Неждан. Он и не рад был, что полюбопытствовал.

Иван Петрович Федоров долго разговаривал с князем Мстиславским в маленькой горнице наверху. Гости давно спали. Разговор был важный, вельможи понимали, что неосторожный шаг может стоить жизни многим людям.

— Осмотрительность и хладнокровие, — сказал Федоров, прощаясь. — Никогда не забывай, князь. Трусить не надо, а опаску держи.

К ночи поднялся ветер, зашумел вершинами сосен. Небо заволокло тучами. Изредка в разрывах облаков показывалась луна, освещая бревенчатый домик среди леса и неподвижные фигуры дозорных.

Гостям предстояла охота на зубра, только через три дня они разъедутся по домам, а воевода заторопился в Полоцк.

Выбравшись к часовне на развилке дорог, воевода Федоров передернул узду и вытянул коня плетью. Обиженный конь помчался как ветер. За боярином поскакали вооруженные слуги.

Домой Иван Петрович вернулся поздно, усталый. Не сказав и двух слов жене, он повалился в постель и сразу уснул.

Во втором часу ночи Федорова разбудил спальник Костюшка. Откинув шелковое покрывало, боярин сел и, позевывая, всунул босые ноги в теплые войлочные туфли.

Костюшка долго стоял у двери, дожидаясь, пока боярин совсем проснется. Не ожидая приказа, он подал воеводе кувшин с любимым малиновым квасом.

Иван Петрович сделал несколько глотков, вытер бороду и, накинув на плечи халат, строго спросил:

— Почто разбудил, али гонец государев прискакал?

— Господине, — кланяясь, ответил слуга, — дело тайное... — В голосе его чувствовалась тревога. Он посмотрел на спящую боярыню.

— Ну? — посуровел еще больше воевода.

— К тебе человек из Литвы... от самого короля Жигимонда. — Губы Костюшки, когда он произносил эти слова, почти не шевельнулись.

— Где он?

— У меня в каморе.

Иван Петрович резко поднялся с постели. Жена вздрогнула, открыла глаза.

— Я скоро вернусь, спи.

Костюшка шел впереди, освещая свечой дорогу. Миновали несколько пустых комнат. В горнице, где воевода обычно занимался делами, Костюшка поставил на стол тяжелый подсвечник.

— Зови! — приказал воевода.

Иван Петрович и сам был обеспокоен ночным гостем. Посланец польского короля не сулил ничего доброго для опального боярина. Он знал, что в доме есть люди Малюты Скуратова, следившие за каждым его шагом. Но может быть, король хочет воевать Полоцк и предлагает сдать город без боя? Воевода усмехнулся... Посмотрим!..

Заскрипела тяжелая дверь. В комнату вместе с Костюшкой вошел незнакомый человек в одежде литовского дворянина, покрытой пылью.

— Подойди, — приказал боярин.

Незнакомец подошел к столу, смело взглянул в глаза воеводе.

— Я от польского короля и великого литовского и русского князя Сигизмунда-Августа к тебе, боярин Федоров. Вот грамота. — Он вспорол подкладку кафтана и подал сложенный вчетверо кусок бумаги.

— Кто ты?

— Иван Козлов, послужилец князей Воротынских.

Иван Петрович заметил на его левой щеке большую родинку.

Подвинув свечу, он принялся за чтение.

— Как ты мог прийти ко мне, холоп, с этой писулей? — спокойно спросил Федоров, прочитав королевскую грамоту.

— Я только гонец короля.

— Ты не гонец, ты лазутчик! — оборвал его воевода.

Он еще раз пробежал глазами по строчкам письма.

— Его величество король недавно пожаловал навечно князю Андрею Курбскому прекрасный город Ковель со многими землями, — тихо произнес Козлов. — Он теперь великий человек в Литве.

Глаза воеводы гневно сверкнули:

— Изменник отечеству не может быть великим человеком! Поднявший на свой народ вооруженную руку будет вечно проклят.

— Напрасно, боярин, не хочешь принять слово короля Сигизмунда. Мы знаем о ваших делах, знаем, что твоя голова, боярин Федоров, едва уцелела. Не пройдет и года, как Малюта Скуратов посадит тебя на большую сковороду или повесит за ноги. Вспомнишь тогда о королевском письме.

Боярин промолчал.

— Король Сигизмунд хочет помочь русским дворянам уничтожить царя-людоеда со всем отродьем, — продолжал Козлов, — он двинет свои войска...

— Остановись, холоп!.. И слушать не хочу твои речи... Я поставлен здесь русским царем защищать Полоцк. А ты толкуешь, чтобы я руку поднял на своего государя... Изменник! Трудно будет душе твоей взлететь после смерти.

— Хорошо, боярин, — перебил королевский посланец, — раз не хочешь, дело твое, неволить не будут. Одно прошу — пропусти меня в Москву. Я должен передать королевские письма князю Мстиславскому, князю Воротынскому и князю Бельскому... да еще от гетмана Ивана Ходкевича...

— Ты враг государства Русского, — сказал неожиданно спокойно воевода, — и я... я отправлю тебя, как ты просишь, в Москву. Эй, — крикнул он, — слуги! — и звучно ударил в ладоши.

Гремя оружием, в горницу вбежали ратники.

— Королевского лазутчика в погреб, — сказал воевода, — охранять строго. А ты, дьяк, заготовь подорожную.

Ратники схватили Ивана Козлова под руки и поволокли к двери.

— Боярин, — крикнул Козлов, обернувшись, — вспомнишь мои слова у Малюты на сковороде!..

Получив удар по шее, Козлов замолк.

Когда все ушли, Иван Петрович долго мерил горницу большими шагами и думал о королевском послании. Один раз ему показалось, что слышит какой-то шум у себя над головой.

Свечи сгорели наполовину и оплыли.

Жигимонд пишет: осенью соберет войско и станет лагерем у рубежа близ Полоцка. Предлагает ему, воеводе Федорову, завлечь царя на Литовскую границу и оставить без защиты. Нет, боярин не хотел такого. «Мы, русские люди, — думал он, — должны делать свои дела сами. Вмешивать иноземцев бесчестно и богопротивно. Как мог считать король, что я, занеся ногу в гроб, погублю душу гнусной изменой?.. Отъехать к польскому королю? Что мне у него делать? Водить шляхетские полки я не в силах, пировать не люблю, веселить короля не умею, пляскам польским не научен. Чем может обольстить меня король? Я богат и знатен».

— Господине, — услышал он голос своего слуги.

Боярин Федоров остановился.

— Кто-то подслушивал разговор твой, боярин, с королевским гонцом. Смотри, прямо над головой в потолке пробита скважина. Я услышал шум наверху, побежал, но было поздно. Человек исчез, второпях он забыл вот это. — Костюшка подал боярину длинный нож, похожий на те, что опричники носят за поясом.

Иван Петрович поднял голову, взглянул на темневшее в потолке отверстие и ничего не сказал. Защемило сердце.

Забравшись в постель, он долго ворочался с боку на бок, тщетно призывая к себе сон.

«Жену Марью завтра отправлю в Москву. В Полоцке ей делать нечего, — решил он. — Страшные дела могут здесь свершаться».

Глава четвертая. «ДОГОВОР НЕ В ДОГОВОР, БРАТСТВО НЕ В БРАТСТВО»

В шведской столице Стокгольме наступила осень. Каждый день моросил дождь. Часто с моря наплывали густые туманы, и жители с трудом отыскивали свои дома. В городе было тревожно, участились убийства и грабежи, появились вражеские лазутчики. Покой охраняли королевские стражники, всю ночь бродившие по кривым и грязным улочкам.

В сентябре 1568 года Стокгольм со всех сторон окружили войска королевских братьев: герцога финляндского Иоганна и Карла, герцога зюдерманландского. Королевичи подошли к стенам, чтобы свергнуть с престола своего брата короля. По утрам из лагеря королевичей по городу стреляли пушки. Крепость отвечала, но редко: ощущался недостаток в порохе и ядрах. Дьяк Иван Васильев, ходивший по лавкам на торгу закупать кормовой запас для посольства, жаловался на резкое вздорожание хлеба, мяса и рыбы.

Посольство царя Ивана, возглавляемое большим послом боярином и смоленским наместником Михаилом Ивановичем Воронцовым, целых пятнадцать месяцев прожило в Стокгольме без всякого успеха. На требования посла королевские советники отвечали отказом.

За два дня до покровы, в канун святого Кирияка, посол Воронцов, ложась спать, сказал своему товарищу:

— Слыхал, Василий Иванович? Выдал все-таки братьям король Ирик своего любимца Георга Пирсона.

Опричник Наумов, из детей боярских, возведенный царем Иваном для пущей важности в сан можайского дворецкого, выполнял при посольстве особые обязанности. Он был человеком Малюты Скуратова и наблюдал за поведением многочисленного состава посольства, насчитывающего более двухсот человек.

— Ежели выдал, на троне ему не усидеть, — отозвался Наумов, — запомни мое слово. Вокруг короля Ирика измена гнездится, и Пирсон изменникам головы рубил... А ты как думаешь, справим мы посольство?

— Ты хочешь знать, выдадут ли нам Катерину Ягеллонку?

— Да, это самое.

— Нет.

— Почему?

— Да разве ты сам не видишь? Герцог Юхан и герцог Карл, братья короля, у города с войсками стоят. Катерина при своем муже Юхане. Король Ирик дважды от крестного целования отступал, нам прямой дал отказ.

— Не для забавы послал нас государь в Стекольну¹², не даром деньги тратили. Мы не дети, которых можно обманывать сказками... Вернемся к царю-государю с пустыми руками, он нас не помилует.

— Разве я не требовал отправить великих послов с Катериною и отдать ее на рубеже боярину и наместнику Михаилу Яковлевичу Морозову с товарищи совсем здорову и без всякой хитрости, а против ее взять у Михаила Яковлевича окончательную грамоту с золотой

печатью государя нашего царя и великого князя?

— Требовал, Михаил Иванович, что было, то было, отрицать не буду! Голова у тебя светлая, а толку-то нет. Ты им свое, а они тебе свое: «Не божеское дело ваш царь задумал... — передразнил короля Наумов. — Отнять жену у мужа, мать у детей противно богу. Послы мои клятву дали московскому царю, чаяли, что брат мой умер!..» Попали бы вы к нашему царю-батюшке, по-другому бы запели. Ежели по государским делам требуется, почему не взять у мужа и жену, хотя бы он и знатного рода? Разве мало наш царь за Катерину Ягеллонку королю дает? Договор-то ему куда как выгоден!

— Со своим уставом в чужом монастыре не можно.

— Да уж верно.

Михаил Иванович замолчал. Он зажег лампадку, потушил свечу на столе и долго молился перед образами. Помолвившись, с кряхтеньем улегся на мягкие перины. Был боярин Воронцов в преклонных годах и тучноват. А от долгого недвижимого сидения в Стокгольме еще больше располнел.

«Не по честному делу приехал, — казнясь, думал посол. — После такого посольства в монастыре грехи отмаливать надоть. Безбожное дело задумал царь».

Долго не мог уснуть Михаил Иванович, с отвращением прислушиваясь к храпу опричника Наумова. Наумов был худ и черен, как ржаной сухарь, а худым людям боярин не доверял. В голову лезли всякие мысли.

Михаил Иванович знал очень многое из того, что происходило в шведском королевстве, хотя королевские советники скрывали от послов все важное. Один из малых королевских слуг, Свен Эрсен, побывавший в прошлом году в Москве, был подкуплен Малютой Скуратовым. Каждую неделю, таясь, он пробирался в посольское подворье и рассказывал дьяку Кургану все, что узнавал во дворце. Михаил Иванович знал о помешательстве короля Ирика в прошлом году, знал о том, что он отдал под суд своего любимца правителя тайной канцелярии Георга Пирсона и выпустил на свободу своего брата Юхана. Но недолго Пирсон был в опале... Свен Эрсен рассказывал, что будто бы король Ирик на своей свадьбе с Катериной, дочерью Монса, хотел отравить брата Юхана, а он узнал об этом и не приехал на свадьбу.

Потом был большой прием во дворце, и король снова обещал выдать Катерину и одарил послов. Михаил Иванович вспомнил королевский подарок и усмехнулся. Сто шестьдесят пудов меди, шутка ли! А Наумову и дьяку Кургану — по пятьдесят пудов. Послы от меди отказались.

Когда посольство представлялось королю, боярин Воронцов преподнес от себя пять сороков соболей да восемь рысей. Василий Иванович три сорока соболей, и дьяк Курган три сорока соболей... Надеялись на богатый отдарок, а вышло курам на смех. И вот пришел конец королю Ирику. Войска королевичей окружили город Стекольну. На Бруннской горе стояли пушки и ядрами били по городу.

Как ни упирался король, а пришлось ему согласиться и выдать братьям Георга Пирсона. Свен Эрсен рассказывал, как глава тайной канцелярии прятался в замке, не желая отдаваться в руки врагов. Но его отыскивали... «Жалеть Георга Пирсона нечего, сродни он Малюте Скуратову, — думал посол. — Многих людей король казнил по его наветам. А каково нам будет, ежели герцог Юхан власть возьмет? Отомстит он за Катерину...»

После полуночи начался ветер и пошел дождь, крупные капли ударили в оконные стекла. Шум дождя и ветра убаюкали посла Воронцова.

А в Стокгольме в ту ночь произошли большие события.

На рассвете, перебив королевскую стражу, горожане отворили ворота и впустили королевичей.

Утром, русские послы едва успели позавтракать, дверь затрещала под ударами.

— Открывай! — кричали с улицы.

— Не отворяй, — приказал Воронцов слуге, — пусть ломают! — В окно он увидел вооруженных солдат.

Дверь рубили топорами, щепки летели в комнату. Посол Воронцов вытащил из-за пояса какую-то бумагу, разорвал ее на мелкие куски, разжевал и проглотил.

— Теперь пусть убивают! Давай-ка, Василий Иванович, попрощаемся...

Воронцов и можайский дворецкий Наумов обнялись.

Дверь наконец не выдержала и с грохотом слетела с петель. Несколько вооруженных солдат в мокрых плащах с копьями и мечами ворвались в комнату.

— Остановитесь! Здесь живет посол великого государя и царя всея Руси! — крикнул Воронцов, сделав шаг навстречу солдатам. — Вы оскорбляете великого царя...

Солдаты оттолкнули старого боярина и бросились к двум большим сундукам. В них хранилось главное посольское богатство.

— Эй, люди, Петька! — закричал он, увидев, что солдаты топорами сбивают замки с сундуков. — Люди, ко мне!..

Из смежной комнаты выскочили слуги, плотные, рослые ребята. По знаку Михаила Ивановича они бросились на солдат. Но их было только двое. Остальные жили в соседнем доме. Солдаты мигом разрубили головы посольским слугам.

Шведы сбили замки с сундуков и принялись выбрасывать из них добро. Дорогие меха, золотая и серебряная посуда, деньги, разные украшения и драгоценности, приготовленные для подарков Катерине Ягеллонке, праздничная одежда послов... Все до последней монетки, до последнего платка они вытащили из сундуков. Рухлядь быстро исчезла за пазухами солдат.

Михаил Иванович несколько раз пытался остановить грабителей, и тогда Наумов придерживал его за руки, беспокоясь, как бы солдаты не разозлились и не пришибли Воронцова.

Когда с добром было покончено, солдаты бросились на послов и, не обращая внимания на крик и отчаянную ругань Михаила Ивановича, сняли с них дорогую одежду.

В этот трагический миг в комнату вошел герцог Карл, младший брат короля Ирика.

— Что вы делаете? — крикнул он, обнажив шпагу.

Со шляпы и длинного плаща королевича струйками стекала вода. У ног его на полу возникла рогатая лужа.

Солдаты, узнав герцога, в нерешительности остановились.

— Того не бывает в государствах христианских, — твердо сказал посол Воронцов, стоя в

одной рубашке перед герцогом. — Так делают в вертепах разбойничьих... Все вы ответите перед великим государем всея Руси, царь сумеет расквитаться. Мне не стыдно быть перед тобою голым, герцог зюдерманландский, а тебе стыдно видеть меня!..

Лицо герцога Карла покрылось краской. По характеру он был добрый, отзывчивый человек.

— Мерзавцы! — закричал он на солдат. — Вас будут судить. Арестовать их! Я приношу извинение перед послами великого русского царя за бесчестие, — продолжал герцог, кланяясь. — Всему виной перемена власти. Ирик, безумный тиран, свержен с престола. Новый король, брат его Иоганн, желает дружбы с вашим государем. Обидчики ваши понесут суровое наказание.

— Мы просим немедленно отпустить нас в Москву, донести великому государю о том, что произошло, — заявил Воронцов.

— Я доложу о вас королю Швеции Иоганну, — сказал герцог Карл. — Все, что у вас уворовано, все сыщем, а чего не сыщем, за то заплатим втрое.

И герцог Карл знаком позвал послов к руке. Послы отвернулись, к руке королевича не пошли.

Наказав солдат за самовольство, герцог Карл ушел с посольского подворья. А люди, что были с герцогом, заперли посольскую свиту, корму давать не велели и поставили у ворот стражу.

К полудню в городе сделалось шумно. Появились во множестве солдаты. Горожане вышли на улицы, но, боясь грабежей, толкались близ своих домов. Они вооружились кто чем мог. Некоторые опоясались мечами, у других в руках были пики и топоры.

Солдаты и горожане громко разговаривали, кричали и пели песни.

Ровно в полдень открылся городской торг.

Михаил Иванович Воронцов, отлично говоривший на шведском языке, упросил начальника стражи разрешить толмачу¹³ дьяку Ивану Васильеву с двумя посольскими слугами отлучиться на малое время, купить хлеба и всякого кормового припаса.

— Даром время не теряй, — сказал Ивану Васильеву посол, — разузнай на торгу, что в Стекольне делается.

Дьяк Васильев вернулся вечером, как стали закрывать лавки. Посол Воронцов вместе с можайским дворецким Наумовым учинили ему допрос.

— Король Ирик посажен в тюрьму с женой и детьми.

— Отрекся он от престола?

— Отрекся и за себя и за детей своих. Свейским¹⁴ королем возглашен герцог финляндский Юхан.

— Как город взяли, много ли убитых?

— Горожане отворили ворота самовольно. Король Ирик в замок утек, там его схватили... А Георга Пирсона, его любимца, казнили на площади. Страшной смертью. Сам видел...

— Сказывай, — заинтересовался Наумов.

— Живого на куски рубили, да не сразу, а с проволокой. Перед казнью глашатай список читал, будто он двести семьдесят три человека невинно загубил, много вельмож знатных...

Катерину Ягеллонку хотел нашему великому государю выдать. Сначала отрезали ему оба уха и повесили за ребро. В муках Пирсон громко сказал: «Я всегда думал, что скорее небо обрушится на землю, нежели король Ирик меня оставит... Надейтесь на бога, только на бога, но никогда не надейтесь на больших господ». Через полчаса его с крюка сняли и привязали к четырем столбам. Тут ему раздробили руки и ноги и опять оставили на полчаса. А потом били ножом в грудь... Царский любимец просил смерти, стонал и вопил на всю площадь.

— Знаем мы этих невинных, — презрительно сказал Наумов. — Мало их Пирсон отделал. Вдвое бы, втрое бы больше надоть! Глядишь, и Ирик на престоле усидел... Бывало, мы с Григорием Лукьянычем Скуратовым за один день больше намахаем.

Большой посол Воронцов сидел молча, не поднимая глаз.

— Король Юхан победно вошел в город. За ним вооруженное войско, и конное и пешее. Народ приветствовал нового короля со радостью, — продолжал дьяк.

— Народ всякого будет приветствовать, кто королем стал, — с мрачным видом вставил Наумов.

— Королева Катерина Ягеллонка в коляске вместе с мужем Юханом по городу ездила. Люди ей цветы на колени бросали, за верность ее славил. Угождали, будто святой... Людей из Польского королевства видел, король Жигимонд послал, много их, сотни две, ежели не более. Те Жигимондовы люди нашего великого государя и царя худыми словами поносят. Говорят-де, он от живого мужа законную жену хотел отобрать. Он-де и зверь лютый, и кровопийца...

— Ладно, знаем эту песню, — оборвал Наумов. — Еще что видел?

Дьяк Васильев вынул из-за пазухи бумагу.

— Тут по-свейски написано, на дверях подворья было гвоздем приколото. Народ возле дверей стал собираться... читают. Я сорвал.

— Перетолмачь, — процедил сквозь зубы Наумов.

— «Одних в смоле и сере жгут, — начал читать Васильев, —

Других на рожнах там пекут,

Иным вздевают раскаленный шлем на голову,

Иных варят в клокочущей воде,

Тех, руки всадив в кашу, варят

И, обрезав мясо, обнаженные кости ломают.

Иным надевают на голое тело раскаленные латы.

Иным обрезают уши, губы, нос,

Иным вырывают зубы и глаза,

В иных, как в цель, стрелы пускают...»

— Складно, толково, — сказал Наумов, — однако ложно. Читать больше не к чему. Сию бумагу, Михаил Иванович, присовокупим к нашему списку. Пусть царь про ихнюю злобу и лживость ведает.

— Не учи ученого, — пробурчал Воронцов, — не впервой мне царскую службу править... Иди к себе, Ванюха, отдыхай, — отпустил он толмача. — Пстой, а харчей принесли?

— Принесли, Михаил Иванович.

— Ты знаешь, что последует за свержением Ирика? — спросил Воронцов, когда дверь за дьяком закрылась.

— Что бог даст, то и будет.

— Бог-то бог, да нам и сейчас видно, как дело повернется.

— Сказывай, если знаешь. Однако наш государь крепко бережет свое царство от всякого лиха. Он и на волос не уступит из того, что завоевал.

— Свейское государство повернется врагом, — уверенно сказал Воронцов. — Не сразу Юхан зубы покажет, а после, как мир с донским¹⁵ королем учинит. Не забудет Юхан зла нашему государю, а тем паче Катерина Ягеллонка... Король Жигимонд против шурина своего Юхана воевать не будет, — продолжал посол, — одна надея на Колывань...¹⁶ Из-за нее у Жигимонда со свеями вражда не затухнет. Нашу торговлю в Нарве прижмет Юхан. Дай только ему с донским примириться. Кораблей у него много. И король Жигимонд руки себе развяжет...

Михаил Иванович медленно, слово за словом, рассказывал о своих мыслях, как они сложились у него в бессонную ночь.

Утром дьяк Васильев снова пошел в город за харчами. На торгу он разыскал купца Аксака Нефедова и приказал именем русского посла бросить все дела в Стекольне и уходить к рубежу и дальше на Москву. Купец должен был донести царю Ивану о переменах в свейском государстве и о бесчестье, нанесенном царским послам.

3 октября на подворье приехали советники нового короля.

— Королем в свейской земле избран Юхан Третий, — перевел их слова толмач. — А брата своего Ирика он с королевства сгонил, и нынче он сидит у Юхана в крепости... А государю вашему Юхан посылает гонца, что он учинился в свейской земле королем и хочет с государем вашим быть в любви и дружбе. Если хотите к своему государю писать грамоту — пишите.

— Что нам государю писать? — спросил Воронцов.

— Писать вам, что учинился в свейской земле король Юхан, а Ирика короля с королевства сгонил, а вы здоровы.

— Как государь ваш хочет с государем нашим в дружбе быть, пусть нас отпустит на Русь. А ежели напишем, что здоровы, вы нам на другой день горше зло учините.

На все уговоры написать грамоту царю посол Воронцов отказался.

Глава пятая. И ГОСУДАРИ НАРАВНЕ С НИЖАЙШИМИ ПОДВЕРЖЕНЫ ПЕРЕВОРОТАМ

Английский мореход, купец и посланник королевы Елизаветы Антоний Дженкинсон поздней осенью 1568 года около полудня подъехал к воротам посольского подворья на Варварке, у церкви Максима святого.

В свиту, состоящую из трех десятков человек, входили купцы и доверенные торгового дома, приехавшие с ним из Лондона. Чем больше людей, тем почетнее, а расходы от этого не увеличивались: дорога посольской свиты оплачивалась русским царем.

Вслед за посланником и купцами, ехавшими на верховых конях, потянулись повозки, груженные заморскими товарами, укутанные от непогоды просмоленной парусиной. Прикрикивая и пощелкивая кнутами, ездовые подгоняли лошадей к открытым дверям подвала. Слуги весело выгружали из повозок тюки, ящики и бочки и укладывали их в обширном каменном хранилище.

Старший доверенный торгового дома в Москве Томас Ленгли после первых приветствий пригласил Антония Дженкинсона в свой кабинет, не дав ему как следует стряхнуть дорожную пыль.

— Государев дьяк Савельев дважды справлялся о вашем приезде, мистер Дженкинсон... В Москве беспокойно, каждую ночь из царских тюрем на площади и улицы выбрасывают тела казненных. Царь создал церковный орден и сам стал магистром¹⁷. Он называет братьев ордена опричниками. Если бы сам сатана хотел выдумать что-нибудь для порчи человеческого рода, то и тот не мог бы выдумать ничего удачнее. Царь и митрополит враждуют между собой. Знатные русские люди, вельможи и военачальники гибнут от рук палача. Ходят слухи... — Томас Ленгли оглянулся, посмотрел на дверь, — будто многие вельможи состоят в заговоре. Они хотят свергнуть государя Ивана Васильевича, — сказал он совсем тихо.

Дженкинсон и Ленгли говорили еще долго, пока не ударил в подворье колокол, созывавший к обеду.

Вечером англичан посетили приставы посольского приказа. Они были очень вежливы и вели себя совсем не так, как в прошлый приезд. Кормовые припасы доставили без обычных проволочек и напоминаний. На посольскую свиту полагалось бесплатно каждый день шестьдесят караваев хлеба, четверть быка, четыре барана, двенадцать кур, два гуся, пять десятков яиц и пять фунтов коровьего масла... Все было точно по весу и отличного качества. Привезли и напитки: крепкий мед, пиво, испанское вино.

Появились дородные посольские дьяки: они обхаживали Дженкинсона со всех сторон и всячески старались сделать приятное. Стоило ему сказать слово, и тут же все свершалось, как он хотел. Английские купцы, живущие в Москве больше десяти лет, посматривали друг на друга и в удивлении пожимали плечами.

Антоний Дженкинсон почувствовал в воздухе что-то необычное и приготовился ко всяким неожиданностям.

А неожиданности уже начинались: в город никого из подворья не выпустили. Как только привезли кормовые припасы, приставы со всех сторон подворья поставили вооруженную охрану. Посольские дьяки с низкими поклонами попросили купцов не обижаться и повременить с прогулками до царского приема.

Погода в Москве держалась приятная, легкий морозец прихватил грязь на улицах и дорогах. Небо было синее, ярко светило солнышко. На подворье жарко топили печи, англичане обливались потом. Слуги то и дело бегали в погреб с кувшинами за холодным пивом.

В день святого Матвея прибыл гордый и важный дьяк Иван Висковатый, хранитель государевой печати и глава посольского приказа. Дьяк приехал поздним вечером, англичане давно поужинали и собирались ложиться спать.

— Приготовься, — сказал он Дженкинсону, сняв шапку и усевшись на стул, — сегодня ты будешь перед лицом государя. Он хочет принять тебя тайно, — добавил канцлер. — Возьми с собой толмача, верного человека.

— А ты, — спросил Дженкинсон, — разве забыл английский язык?

— Государь хочет говорить через английского толмача.

— Хорошо, я возьму купца Ральфа Рюттера.

На все остальные вопросы Иван Михайлович Висковатый отвечал одним словом — «не знаю» или отмалчивался.

Антоний Дженкинсон, моряк по профессии, надел парадный капитанский камзол, которым очень гордился, с золотыми шевронами и позументами. К царю без подарков идти было неудобно, и Дженкинсон приготовил корзинку с упакованными в ней настольными золотыми часами.

Дело шло к ночи. Когда совсем стемнело, к воротам подворья подъехали вооруженные всадники. Из царской конюшни Дженкинсону привели породистого серого коня в богатом убранстве. Ральфу Рюттеру конь достался победнее.

Город давно спал. В домах огни потушены. На улицах темно. Стрельцы освещали дорогу яркими смоляными факелами. Уличные сторожа и огневики¹⁸, бродившие с большими фонарями, по приказу стрелецкого сотника поднимали решетки. У деревянного моста через реку Неглинку Дженкинсон заметил зловонную кучу. Подъехав ближе, он различил человеческие руки и ноги.

Всадники свернули влево по берегу Неглинки. На реке, протекавшей под самыми стенами Кремля, были построены плотины. Миновали несколько длинных бревенчатых мельниц с огромными колесами. У Троицкого моста повернули направо, по дороге, идущей среди лужков и зарослей кустарников.

Отряд подъехал к каменным стенам крепости, не виданной раньше Дженкинсоном. У тяжелых ворот, окованных железными полосами, отряд остановился. Это были восточные ворота, через которые проезжать мог только царь. На них яркими красками были нарисованы диковинные львы в коронах.

Англичане сошли с лошадей, ворота отворились. И они увидели белевшее в темноте высокое крыльцо опричного царского дворца, построенного совсем недавно. Дьяк Иван Висковатый проводил их к крыльцу, к ступеням, ведущим к дубовым тяжелым дверям.

— Я буду неподалеку, дождусь вас.

Стражники закрыли за англичанами ворота и скрылись в маленькую, незаметную дверь в каменной стене. На дворе темно, где-то во дворе протяжно выли собаки... В души купцов стал вползать страх.

— Пресвятая богородица, спаси нас... — неожиданно раздался хриплый голос с ближней воротной башни.

— Святой Николай-чудотворец, моли бога о нас... — ответил ему от другой башни голос молодой и звонкий.

— Святые московские чудотворцы, молитесь богу о нас... — нараспев произнес издали третий голос.

— Все святые, молитесь богу о нас.

— Славен город Москва! — перекликались (не заснул ли кто?) часовые на стенах крепости.

— Славен город Владимир!

— Славен город Суздаль!.. — Последний отзыв еле-еле был слышен.

Внезапно дубовая дверь открылась. На крыльцо вышел царский оружничий Афанасий Вяземский. Он жестом пригласил купцов во дворец.

— Вы первые иноземцы, которым царь разрешил войти в новый дворец, — сказал Вяземский вместо приветствия.

Шли долго, по узким переходам и лестницам, сворачивая то в одну, то в другую сторону. Купцам казалось, что дорога никогда не кончится. Шли в полумраке, переходы освещались плохо. С потолка кое-где свешивались фонари из кованого железа со слюдой. В них горели восковые свечи.

Наконец царский оружничий открыл еще одну низкую дверь. Англичане, наклонив головы, вошли в просторную комнату. В золоченом паникадиле горело шесть свечей. Увидели стол с разложенными на нем бумагами, у стола — кресло. По двум стенам — лавки с мягкими сиденьями. Иноземцев удивили книги. В несколько рядов стояли они на полках. Дженкинсон прикинул: книг было никак не меньше тысячи.

В красном углу — иконы, горела большая красная лампада в золотом подвесе.

Неожиданно в комнате возникла фигура в черной монашеской одежде. Высокий человек, опираясь на посох, подошел к англичанам.

Это был царь Иван Васильевич.

Купцы были готовы поклясться, что царь появился прямо из стены, вдоль которой стояли книжные полки.

Царь повернулся к иконам, кланяясь и осеняя себя размашистым крестом.

— Антон Янкин, — сказал он, помолясь, — я знаю тебя, полюбил и поверил тебе.

Антоний Дженкинсон, встав на одно колено, поцеловал царскую руку.

— Благополучен ли был в дороге? — спросил царь.

— Благодарю вас, ваше величество.

Вынув из кармана письмо королевы, он подал его царю. Иван Васильевич принял письмо и положил на стол.

— Об этом мы поговорим особо, — сказал он. — А теперь я хочу доверить тебе великую государскую тайну... Поклянись, что только моя сестра, английская королева, услышит из твоих уст слова, которые я здесь произнесу.

Царь взял со стола книгу в кожаном переплете с золотым крестом и внимательно слушал.

— Клянусь передать слова вашего величества только моей госпоже, божьей милостью

королеве английской, французской и ирландской, оборонительнице христианской веры, — торжественно сказал Дженкинсон.

Он снова опустился на колени и поцеловал Евангелие.

— Клянись и ты, — обернулся царь к Ральфу Рюттеру. — Для такого тайного, великого дела, как у нас, кроме тебя, не нашлось толмача.

И Рюттер поцеловал Евангелие.

— Ты его знаешь, Антон, — сказал царь, указывая на князя Афанасия Вяземского. — Это мой первый советник и воевода, от него у нас нет тайного.

Англичане молча поклонились знатному опричнику.

— Если мои слова дойдут до ушей королевы и она согласится с ними, — отдельно сказал царь, — многие и многие милости и выгоды в моем государстве получишь ты, Антон Янкин.

Дженкинсон вновь поклонился царю.

— Ваше величество, я сделаю все, что от меня зависит, дабы королева благожелательно выслушала ваши слова.

— Добро, — сказал царь Иван.

Близко ударил монастырский колокол, зовя к ранней заутрене. Царь поднял руку, чтобы перекреститься, и ряса его распахнулась. Англичане увидели под монашеской черной одеждой кольцо и длинный нож, засунутый за пояс.

— Король польский Жигимонд — мой недруг. Королева Елизавета должна его опасаться. Я захватил на своей земле лазутчика с письмом короля к вашим купцам. — Иван Васильевич взял со стола бумагу. — Вот что недавно писал бесчестный Жигимонд: «Я, Жигимонд, король польский, прошу вас, английских купцов, слуг моих доверенных, помогите подателю сего письма и оказывайте пособие и помощь тем русским, которые ко мне дружественны, как деньгами, так и всякими другими способами».

Царь Иван остановился и посмотрел на купцов. Его рот был крепко сжат, а жидкие брови сдвинуты.

— Разве достойно государя сеять ссору между государями, одолевать недруга воровским способом?

— Ваше величество, — сказал Дженкинсон, волнуясь, — прошу позволения записать все, что я услышал.

— Нет, я не верю бумаге, скажешь королеве словом, — ответил царь. — Слушай далее... Я было распалился на мою сестру королеву Елизавету. Но лазутчик сознался, что письмо послано нарочно, чтобы возбудить гнев мой против королевы. Пусть она знает, каков Жигимонд... Королева должна быть другом моих друзей и врагом моих врагов. И я буду тако. Англия и Россия да будут во всех делах заодно. — Помолчал и продолжал: — У меня много врагов. Король Жигимонд хочет погубить меня и сеет среди моих подданных смуту. А ежели с кем случится какая-либо беда, — царь понизил голос, — со мной либо с моей сестрой королевой Елизаветой, по тайному ли заговору либо по внешней вражде, и он будет вынужден покинуть свою страну, тот государь со всем семейством и слугами должен получить убежище у другого. И я и моя сестра королева Елизавета должны принять у себя потерпевшего бедствие государя со всеми почестями, какие ему приличествуют... Так передай, как я говорю, чтобы ни мне, ни ей в обиду не было. — Черные глазки царя Ивана

впились в англичанина.

— Я понял, ваше величество. Клянусь передать все королеве, — поспешил заверить Дженкинсон.

— Ты, Антон, скажи еще моей сестре королеве, что аглицкие купцы получают большие торговые выгоды, если она будет моим другом.

— Скажу, ваше величество, слово в слово. Благодарю вас.

— Добро... — Царь снял с пальца перстень с алмазом в большую горошину. — Дарю тебе, а вот деньги на расходы. — Он взял со стола мешочек с золотыми монетами.

Дженкинсон с поклоном принял подарки.

— И тебе, толмач, поминочек из моих рук. — Царь вручил Ральфу Рюттеру такой же мешочек с золотом.

Купец повалился на колени:

— Благодарю, благодарю, ваше величество...

Дженкинсон преподнес от себя и от имени лондонских купцов, торгующих на Русской земле, золотые часы.

Царь поблагодарил.

Часовой колокол Успенской церкви ударил три раза. Царь взглянул в окно и зевнул, прикрыв рот рукой. За окном чернела ночь.

Прием был окончен. Царь встал и, сняв шапку, сказал:

— Передай наш сердешный поклон нашей любезной сестре королеве Елизавете, которой мы желаем долгодейственного житья и благопоспешания, — и протянул руку Дженкинсону для целования.

— Проводи их, Афоня, до ворот, — сказал царь, еще раз зевнув, — и возвращайся. Ивашка Висковатый пусть до самого подворья их проводит. Со стражей, чтобы все честь честью.

Афанасий Вяземский вернулся через четверть часа. Иван Васильевич сидел в кресле с закрытыми глазами и перебирал четки.

— Афоня, — сказал царь, открыв глаза, — хорошо ли я сделал, обратившись к аглицкой королеве? Не будет ли порухи государской чести... Говори, не бойся.

— Порухи госудагственной чести нет нисколь, — ответил Вяземский. — Ты не пгосишь, госудагь, у нее защиты, а вы оба взаимно бегетесь оказывать помощь дугу дугу, ежели будет в том нужда... Однако подумай, госудагь, о дугом. Помилуй бог, но если наступит вгемя, ты уедешь в Аглицкую землю?.. А нас, своих вегных опгичных слуг, бгосишь на гастегзание земским? Уж они не пожалеют для нас ни топога, ни кольев. Подумай, ежели об этом узнает опгичнина? И тогда многие из твоих вегных слуг станут вгагами и пегебгосятся к земским. Глядишь, ты и выехать не успеешь.

— Узнает опричина? Но как? — Царь опешил. Подозрение мигом овладело всем его существом. На лице выступили багровые пятна. — Только мы двое ведаем это. Если мне придется покинуть государство, то ты, Афоня, будешь со мной. А до чужих голов какое тебе дело?

Длинными вздрагивающими пальцами он пригладил бороду.

— Разве англичане не могут развязать язык? — спокойно отозвался Вяземский. — И тогда опгичнина сведает раньше, чем мы успеем выехать... Пока не поздно, я отгубил бы головы аглицким купцам. К пгодажным шкугам у меня нет веры.

Царь долго молчал. Он не подумал об этой стороне дела. А ведь Вяземский прав, и купцы действительно могут проговориться. И тогда о царской затее узнают бояре... Плохо, очень плохо. Может быть, и впрямь следует насчет купцов, как советует... Но вслух сказал:

— Они целовали крест на Евангелии. А вот ты? — Он с подозрением посмотрел на своего любимца. — Поклянись и ты. Ну-ка...

Афанасий Вяземский поклялся хранить тайну и поцеловал крест.

Князь Вяземский хорошо изучил характер царя. Он никогда не растревлял его подозрения, наоборот, если видел на лице царя беспокойство, старался развлечь шуткой либо занятным рассказом. Однако свои мысли высказывал прямо и порой грубо. Но царь ему все прощал. Последние дни Афанасий Вяземский все чаще стал задумываться о судьбе Русского государства. Он видел, что опричнина приносит много вреда. Но как помочь делу — не знал.

— Так-то лучше, — уже спокойнее сказал царь, — клятву всякий бойся нарушить. Не сладко на том свете перед богом ответ держать... Да еще и сковороду каленую лизать придется, ежели клятву солживишь. А ежели солживишь перед царем, то мукам адским во веки веков не будет предела.

— Пока до божьего суда дойдет, — чуть заметная усмешка тронула губы Вяземского, — Малюта Скугатов все жилы из человека успеет вытянуть. Да и сковороду он не хуже сатаны умеет калить.

Царь Иван захлебнулся смехом:

— Правду говоришь, Гриша охулки на руку не положит. Однако клятва великое дело. Ты не мне, богу клянешься... Скажи, Афоня, скоро ли мастера корабли построят, что в Вологде заложены?

— Шесть к будущему году обещают, великий госудагь.

— Следи за ними, Афоня. Отличные должны быть корабли. И лес добротный, и постройка крепкая. Каждый гвоздь пусть оловом покроют, дабы не ржавел... Для нашего царского обихода строятся. — Царь посмотрел на Вяземского. — Может быть, и в заморье с тобой на них поплывем, в гости к Елизавете.

— Как за своим глазом смотгю за твоими когаблями, великий госудагь. Да и мастега неплохие, Аникей Стгоганов из Холмогог пгислал.

— Боюсь, погубят меня враги. Не успеешь ты, Афоня, корабли построить, — сказал царь, в голосе его послышалась тоска.

Афанасий Вяземский посмотрел в глаза государю.

— Остались ли у тебя вгаги, великий госудагь? Тгетий год Малюта и днем и ночью изводит.

— Боже милостивый, сколь казнил я людей, а измены не убавилось... — Потрогал четки и продолжал: — Три дня назад я в Москву вернулся. Хотел ливонские города Лужу и Режицу воевать, да не пришлось.

— Что так?

— В Ржанский ям Скуратов прискакал, бледен, лица нет. Двух лошадей насмерть загнал. Иван Козлов на дыбе признался, что меня бояре выдать королю Жигимонду хотят. Он со многим войском у наших рубежей поджидает. Заговор. Опять заговор! Ты видишь, Афоня, кто неправду творит?

— Может, лишнего наговогил? — спросил Вяземский. — Бывает, не выдеживает Малютиных пыток человек.

Царь Иван хотел ответить, но вдруг повернул голову и сжал в руках свой жезл.

В тишине слышались шаркающие шаги. Кто-то приближался к двери.

Афанасий Вяземский встал со скамьи и схватился за длинный нож, торчавший за поясом.

Дверь скрипнула и отворилась. В комнату вошел Скуратов в черной одежде опричника.

— А-а, Гриша! — радостно вскричал царь Иван.

Малюта поклонился царю и поцеловал ему руку. Кивнул Вяземскому. Встал на колени и долго крестился на иконы.

Царь терпеливо ждал.

— Великий государь, — поднявшись, тихо сказал Скуратов. — Я открыл еще одну измену... Мои люди узнали, что твой воевода боярин Ивашка Федоров назвал гостей будто бы на охоту. В лесном доме гости пировали и на тебя, государь, говорили скаредные речи.

— Откуда узнал?

— Мои люди узнали про охоту поздно. Гости разъехались. Тогда они нагрянули в тот дом и выкрали старика именем Неждан. Он служил у боярина Федорова не то дворецким, не то ловчим.

— Что сказал Неждан?

— Старик все мне поведал. Бояре да князья, что в доме пировали, присудили прогнать тебя с царства, государь. А двоюродного братца твоего князя Володимира Старицкого на твое место. Челобитную грамоту ему писали, звали на престол.

Крупные капли пота выступили на лице царя Ивана, он часто задышал.

— Кто был на охоте из моих бояр?

— Неждан имен не назвал. Он человек новый, с литовской стороны. Лучину под ногти загонял, не помогло. Заладил одно: знаю-де только воеводу Ивана Петровича Федорова. Воевода Федоров мыслит-де ко князю Володимиру и хочет посадить его на царское место. Другого боярина Неждан обличье приметил: по бороде и по осанке выходит — князь Иван Федорович Мстиславский.

— Забавно, — сказал Вяземский, — где смута или заговор, князь Иван Мстиславский всегда тут.

— Забавно? — Малюта повернул к нему сивую бороду. — Молчал бы уж... Поведал еще Неждан, что челобитную князю Старицкому повез в Москву тот самый боярин.

— Выходит, у князя Ивашки Мстиславского грамота? — спросил царь.

— Выходит так, великий государь. Князя Ивана Мстиславского надо допросить.

— Нет, Гриша, не дам тебе Мстиславского, он мне добром скажет. — Царь Иван забежал по горнице. — Теперь-то я доберусь до вас, други! Всех под корень, кто челобитную подписал! Детей и жен передую. Только бы мне ту грамоту добыть... — Царь круто остановился. — А теперь, Гриша, иди пока. Спасибо за верную службу и впредь круши врагов моих без жалости... Иди.

Малюта Скуратов, кланяясь, пятась задом к двери, вышел.

Царь отставил жезл в сторону, сразу успокоился.

— Посиди-ка здесь, Афоня, а я подремлю... С тобой покойнее. Царица пуглива, кричит по ночам, стонет... да и, признаться, надоела изрядно.

Царь зевнул, поудобнее устроился на мягком сиденье и снова закрыл глаза.

Глава шестая. КОРОЛЬ ПОЛЬСКИЙ, КНЯЗЬ ЛИТОВСКИЙ И РУССКИЙ

Король Сигизмунд-Август вместе с войском долго дождался призыва московских бояр. Устав от лагерной жизни в Радошкевичах, он решил отдохнуть в замке виленского воеводы Николая Радзивилла Рыжего, брата своей первой жены, польской королевы Варвары. Он любил разговаривать со своим шурином, человеком прямым и честным. После встречи с воеводой у короля обычно наступал период бурной деятельности. Он призывал к себе канцлера, заставлял его рассказывать о делах государства, читал бумаги, не откладывая, принимал решения, диктовал письма — словом, на короткий срок превращался из короля «завтра», как его называли придворные, в деятельного человека.

Разгульная жизнь заметно отразилась на облике короля: длинное морщинистое лицо отливало желтизной. Глаза глубоко провалились. Волос на дынеобразной голове почти не было. Левая рука и правая нога плохо повиновались. Король ходил медленно, шаркая по полу. Густые усы и длинная борода, посеребренные сединой, украшали его.

Находясь в замке Радзивилла, король не подпускал к себе сенаторов, назначенных для присмотра за его поведением, завтракал, обедал и ужинал в обществе шурина или приглашал кого-нибудь из литовской знати.

Король только вчера приехал в замок. Вечером шел противный дождь, за окнами бушевал ветер. Ночью ударил мороз. Проснувшись утром, он увидел вместо черных голых деревьев, уныло торчавших из земли, сверкавший на солнце, разукрашенный инеем сад.

Настроение у короля после сна было бодрое, праздничное. Рассевшись в мягком кресле у камина, он слушал своего шурина.

Радзивилл Николай Юрьевич Рыжий принадлежал к знаменитому литовскому роду, одному из самых богатых и могущественных. После смерти своего двоюродного брата Радзивилла Николая Ивановича Черного он стал покровителем протестантской церкви в Литве. С мнением Николая Радзивилла считались многие знатные дворяне.

— Ваше величество, — говорил виленский воевода, — вчера из Стокгольма приехал мой племянник. Он рассказывал много интересного про шведские дела... Московит, как вы знаете, добился своего. Он заключил с королем Ириком вечный мир, назвал Ирика своим братом и уступил ему Эстонию, обещал помощь в войне с вашим величеством...

— Продолжай, пан Никола.

— Московит обещал помирить Швецию с Данией и ганзейскими городами, а если ему не удастся добиться мира, обещал объявить Дании войну.

— Да, да. А что получит за все это московский царь?

— Должен был получить вашу сестру Катерину, ваше величество... Московский посол приехал в Стокгольм с многочисленной свитой, он привез договорную грамоту и должен был сопровождать герцогиню до русской границы.

— Как?

Король Сигизмунд долго сидел с выпученными глазами. Краска залила его лицо, жила на лбу вздулась.

— Он хотел обесчестить мою сестру? — наконец произнес король, вытирая платком пот со лба.

— Я думаю, он хочет жениться на вашей сестре, ваше величество, стать вашим родственником и заявить себя наследником Литвы... Я прошу вас не волноваться. — Воевода протянул королю золотую чашу с вином.

— Как? — кипел Сигизмунд. — Но ведь она замужем, у нее муж жив и здоров. А великий князь Иван женился второй раз на дочери кабардинского князя!

— Ваше величество, успокойтесь. Ваша сестра уже вне опасности. Она стала королевой Швеции. Поздравляю вас! Однако этот упрямый московит по-прежнему хочет жениться на ней.

— Отправьте гонца с нашим поздравлением в Стокгольм. И клянусь, — сказал Сигизмунд, подняв кулак, — приложить все свои силы, дабы уничтожить московита, врага всего христианского мира.

— Ваше величество, я пользуюсь предоставленным мне правом говорить вам все в этом замке и еще раз хочу напомнить о самом главном. Восточным морем²⁰ должны владеть мы. Ливония должна быть нашей. Московита нельзя допускать к берегам... Ливония числом укрепленных мест превосходит Прусскую землю, а наше государство особенно в них нуждается, потому что с севера и востока окружено дикими, варварскими народами. Если вам, ваше величество, будет принадлежать Ливония, вам будет принадлежать и владычество над морем.

Виленский воевода ближе подошел к королю. Он знал, что слух у него слабоват.

— Но главная причина, ваше величество, заставляющая нас бороться за Ливонию, состоит в том, что, отвергнутая нами, эта славная страна со своими удобными гаванями, крепостями и торговыми городами перейдет к опасному соседу. Но если, ваше величество, необходимо выгнать московитов из Ливонии, то почему мы должны снова оставить ее яблоком раздора? Мы должны взять ее себе, — повторял виленский воевода. — Вместе с московитами надо изгнать и шведов, могущество которых тоже опасно. Но прежде следует покончить с Москвою... Ваше величество, мы здесь, в Вильне, считаем вас литовцем и надеемся, что вы не забудете, как важно для Литвы обладать Восточным морем.

Виленский воевода, окончив свою большую речь, внимательно глядел на короля, стараясь понять, как он воспринял его слова.

Король смотрел на пляску огня в камине. Сухие березовые дрова весело и дружно

потрескивали, ярко вспыхивали, когда загоралась береста.

— Благодарю, мой дорогой Николай. Ты всегда так хорошо объясняешь. Я все понял. Конечно же, я литовец, и судьба Литвы меня всегда тревожит. Мне обидно, что не могу делать так, как хочу. Мелкие шляхтичи стоят выше короля. Шляхтичи заглядывают мне под одеяло и считают, сколько я выпил глотков вина. Во главе государства стоит не король, а сейм. Правильно сказал обо мне московский князь: «Повелеваем всеми, а не повелевает». Печально, но это так. Мне запрещено послать хотя бы одного вооруженного шляхтича за рубежи нашего государства.

Король, продолжая смотреть на огонь, тяжело вздохнул.

— Ты ведь знаешь, что имения короля сравнены со шляхетскими, я плачу подати одинаково со всеми и нас судит один и тот же суд... Я связан по рукам и ногам. Поэтому я предпочитаю общество женщин и часто подписываю бумаги не читая. Наплевать! Раз все равно я ничего не могу сделать. Дорогой Никола, — помолчав, продолжал король, — помнишь, в этой комнате я предложил руку и сердце твоей сестре Варваре? Она ответила мне согласием. Прекрасная женщина... Боже мой, как я был счастлив! Я готов был отдать корону за поцелуй, за одно ее слово!

Король Сигизмунд замолчал.

— Ваше величество, вы оправдали ее доверие, вы проявили железную твердость, ваше величество. Вы рыцарь... Я слышал, — вкрадчиво говорил воевода, — готовится сейм, на котором хотят нас, Литву, объединить навечно с Польшей. Вы согласны с подобной унией?.. Говорят, что Литва будет лишена всякой самостоятельности. Такое объединение противно нам, литовцам. Это не только мое мнение, ваше величество.

Король Сигизмунд попал в тяжелое положение. Сенаторы, приставленные к королю, неустанно старались внушить ему о необходимости унии. Он понимал, что скоро придет время и он должен будет узаконить объединение.

— Все зависит от вас, литовцев, — сказал после долгого раздумья король, — вы должны сами решить свою судьбу. А что я могу?.. Слово последнего шляхтича на сейме стоит больше, чем мое. Конечно, дорогой Никола, сердцем я буду с вами.

Король сделал несколько глотков из золотой чаши и снова вытер глаза платком.

— Ах, Варвара, Варвара, — произнес он растроганно.

Король мог долго молчать. Николай Радзивилл кашлянул, пытаясь вывести его из задумчивости.

— Дорогой Никола, это ты? — Король неосмысленным взглядом уставился на виленского воеводу. — Ах, да, ведь я в твоём замке! Мы, кажется, говорили о городе Нарве... Московский князь захватил его в свои руки. Что я хотел сказать? Московский князь... Мои придворные смеются над ним. Они говорят, что москвит дал слишком большие выгоды английским купцам. Они обвели его вокруг пальца. Подумать только, англичане не платят таможенных пошлин, он ничего не оставил на пользу своему государству. Дурак! Он потерял последние остатки своего ума.

— Московский князь вовсе не дурак, ваше величество. Он изверг, кровопийца, иногда помешанный, но не дурак. Я удивляюсь порой его прозорливости и чуткости в политике... Выгоды, предоставленные англичанам, давно окупились. Вы ведь знаете, император Максимилиан²¹ строго запретил своим подданным продавать москвитам оружие, панцири, порох, серу, селитру... Как известно, в наше время воевать без пороха невозможно. Судьба

послала московскому князю англичан, приплывших в Северное море, и надо отдать должное, он сумел превосходно использовать этот случай. Он разрешил плавать в северные гавани только английским купцам, а торговать им он разрешил беспошлинно по всей стране. Теперь у него в изобилии есть все необходимое для войны: оружие и порох. Много английских мастеров состоит у него на службе. Сейчас англичане покупают оружие и другие военные товары в Гамбурге и везут их в Нарву, а другие английские купцы доставляют вооружение в северный порт Холмогоры прямо из Лондона.

Если московский князь захватит всю Ливонию, то большая вина ляжет на англичан, они научили московитов многим полезным делам, поддерживают их оружием и провиантом. Выходит, ваше величество, не англичане обвели московского князя вокруг пальца, а он их. А главное, всех нас, своих соседей... Собственно говоря, англичан не очень-то трогают наши дела в Восточном море. Московский князь понял сие отлично, в этом заключается его прозорливость. Пройдет еще немало времени, и князь перестанет добиваться дружбы иноземцев. Они сами будут заискивать перед ним.

— Я никогда не дам московиту утвердиться в Нарве! — притопнул ногой Сигизмунд. — Я буду писать королям, я натравлю на него всю Европу...

После этих слов он как-то сразу замолчал, поник головой и долго сидел понурившись.

— Ваше величество, английская королева Елизавета, несмотря на ваше письмо...

— Глупая баба, — очнулся Сигизмунд. — Совсем потеряла голову. Она называет московита русским императором. Позор... Я хочу написать ей немедля. Возьми перо, мой дорогой Никола.

Король погладил свою жидкую бородку и стал смотреть в окно. На дереве, стряхивая с веток иней, возились две синички.

— Я готов, ваше величество.

— Ах, да, мы собрались писать письмо английской королеве... Скажи, Никола, сколько лет этой засидевшейся в девках невесте?

— Тридцать пять лет, ваше величество, — подумав, ответил воевода.

— Ну видишь, совсем мало. Ха-ха... Послушай, Никола, а что едят эти птички зимой? Смотри, они веселы! — Король кивнул на синичек, еще погладил бороду и откашлялся: — «Превысочайшей, премогущественнейшей, наипревосходнейшей государыне Елизавете, божьей милостью королеве английской, французской и ирландской, оборонительнице христианской веры, — начал король, закрыв глаза. — Мы видим, что благодаря плаванию в Нарву москаль, не только враг короны нашей, но и всех свободных народов, много преуспел в образовании и в вооружении. И не только в этом. Он получает от вашего величества мастеровых, которые не перестают выделывать ему новое оружие. Кроме того, следует обратить величайшее внимание на то, что знакомство с нашими самыми сокровенными делами скоро доставит ему возможность, зная, чего у нас нет, изготовить погибель всем нам. Не считаем возможным продолжение свободного плавания в Нарву, пока сей город находится в руках московита...»

Король остановился, куда-то ушел мыслью.

— Ваши последние слова, ваше величество, — решил напомнить воевода, — «не считаем возможным продолжение свободного плавания в Нарву, пока сей город находится в руках московита».

— Да, я помню, но мне не хочется думать об этом... Незабвенная и любимая королева Варвара... — почти не изменяя голоса, произнес король. — В этом доме я всегда вспоминаю тебя, счастливые дни, проведенные вместе... Ты не забыл, дорогой Никола, как польские шляхтичи пытались нас разъединить. Ведь моя Варвара была литовка!

— Ваше величество, мы помним, как выступил на сейме воевода Иван Пельчинский. Он сказал: «Я скорее соглашусь видеть на польском престоле султана турецкого, чем Варвару Радзивилл». А потом все члены сейма встали со своих мест и пали перед вами на колени. Они умоляли вас развестись с Варварой и жениться на другой. Но вы, ваше величество, остались непреклонны. «Я дал клятву быть верным жене и не нарушу ее, пока господь будет хранить меня на сем свете. Для меня дороже честное слово, чем все государства в мире». Вы проявили твердость, ваше величество, и Варвара была коронована и провозглашена королевой польского государства. Я никогда не забуду ваших слов.

Виленский воевода растрогался и поднес к губам бледную и вялую руку короля.

— Ах, мое счастье продолжалось всего лишь год! — печально сказал король. — Ее отравили, да, да, я уверен в этом. Было бы лучше получить на сейме отказ. О-о, тогда я отказался бы от польского королевства и стал только великим князем литовским, как мой... прапрадед Ягайла.

— Мы сделали бы вас королем, ваше величество.

Сигизмунд замолчал и стал вспоминать, как на маскараде в нижнем королевском замке он увидел первый раз молодую вдову Варвару Гаштольд, сестру Радзивилла Рыжего. Ему и ей было по двадцать шесть лет. Он в тот же вечер влюбился в нее и через полгода тайком обвенчался. На первое время он скрыл жену в Дубинском замке, расположенном среди дремучего соснового леса. Но как ни скрывал Сигизмунд женитьбу, о ней узнали. В Польше она произвела удручающее впечатление. Поляки боялись, что после этого брака Литва может отделиться от Польши²².

«Как я был молод тогда, — думал король. — Я мог танцевать весь вечер и всю ночь. А теперь мне трудно ходить. Если бы они не отравили ее, быть может, все повернулось бы по-другому. Ах, моя незабвенная Варвара...»

Сигизмунд поднес к глазам платок.

— Ваше величество, — Николай Радзивилл хотел отвести короля от грустных мыслей, — вечером прискакал гонец с важными вестями из Гданьска, от пана Канарского. Я не хотел вас тогда тревожить, но, может быть, сейчас...

— Важные вести... Давай посмотрим, Никола, чем нас порадует пан морской председатель.

По знаку воеводы слуги привели в кабинет гонца.

— Ваше величество!.. — упал он на колени.

— Не теряй времени, — сказал король, — говори, с чем послан.

Гонец поднялся с колен, откашлялся.

— Ваше величество, — отчетливо и громко начал он. — В начале сентября десять английских кораблей, пользуясь туманом, пришли в Нарву. Ни шведские, ни ревельские каперы не заметили их. Наш человек в Нарве, английский купец Гоман, сообщил список товаров, привезенных на этих кораблях. Пан Канарский считает, что вашему величеству будет интересно ознакомиться с этим списком.

На лице короля выразилось живейшее любопытство.

— Какие товары получили москвиты? — спросил он.

Посланец развернул свиток бумаги.

— Пятьсот штук меди, двести средних пушек, — медленно и внятно стал он перечислять, — пятьсот малых пушек, одну тысячу шестьсот штук олова, две тысячи ящиков с другим огнестрельным оружием...

— Ого! Ты слышишь, пан Никола, две тысячи ящиков с огнестрельным оружием...

— Слышу, ваше величество. Список товаров хорошо подтверждает мои слова.

— Читай дальше.

— Тысячу свертков ножей отборных, пять тысяч сабель, две тысячи бочек серы, две тысячи бочек селитры, тысяча малых бочек пороха... Дальше в списке идут другие товары, ваше величество.

— Читай.

— Десять бочек мальвазии, шесть бочек мускателя, две бочки аликанта²³, десять бочек длинного изюма, две бочки лимонов, два ящика с лекарствами, сто штук наволок на постели.

— Это для великокняжеского обихода, — засмеялся король. — Довольно читать, нам стало совсем ясно. Откуда привезли англичане эти товары?

— Из города Любека, ваше величество.

— Как? — взорвался король. — Они прошли вдоль всего берега и их никто не заметил? Десять кораблей? Это возмутительно!

— Ты можешь идти, — сказал Радзивилл гонцу.

— Как нагло ведут себя ганзейские города! — продолжал возмущаться король. — И хуже всех Любек. Ими управляют отъявленные негодяи или глупцы. За золото они готовы забыть все. Неужели им непонятно, что как только они вооружат москвиту, он тут же поставит их на колени...

— Где вы будете обедать, ваше величество? — взглянув на большие бронзовые часы, спросил виленский воевода. — И кого пригласить сегодня к столу?

— Ах, уже обед, как хорошо! Я проголодался. Чем ты угостишь меня, пан Никола, будут ли мои любимые петушинные гребешки в красном вине?.. Я хочу обедать здесь, за столом, кроме тебя, мне был бы приятен пан литовский гетман. Ничего, потерпи, мой дорогой. Пан Хоткевич вовсе не плохой человек, — добавил король, увидев кислое выражение на лице Радзивилла.

— Я повинуюсь, ваше величество. — И Радзивилл хлопнул в ладоши.

В кабинет вошел старый дворецкий, седой, с длинными усами и розовым лицом. Он низко поклонился королю, подложил несколько поленьев в камин. Хозяин замка подал ему незаметный знак, старик тут же вышел, а вернувшись, стал готовить стол для обеда.

Вскоре за окном послышался конский топот. Прискакал литовский гетман Ян Хоткевич, окруженный многими слугами. Он вошел в кабинет шумный, подрумяненный морозом.

Король оживился, поднялся с кресла, протянул свою руку для поцелуя. Много лет литовский

гетман сражался с войсками царя Ивана, ему приходилось нести всю тяжесть походов. Король Сигизмунд доверял литовскому гетману, храброму и умному человеку.

Стол был накрыт, и король пригласил главных литовских сановников к обеду.

Разговор вертелся около недавнего сообщения о товарах, полученных московским князем в Нарве.

Король выпил кубок душистого мускателя и немного повеселел.

— Однако, — сказал Хоткевич, — вы не думайте, ваше величество, что сила московского князя держится на привозном оружии... Он не терял времени даром. У него есть свои, русские, отличные мастера. А главное — высокий дух, храбрость его воинов. Я писал вашему величеству о недавних битвах за крепость Улу... Вы помните?

— Рассказывай, пан воевода.

— Выполняя ваш приказ, я осадил московскую крепость Улу. Стоял над ней всякими средствами... Наши ратные люди и десятники трусили. Я велел им идти на приступ ночью, чтобы они не могли видеть, как товарищей их будут убивать. Но и это не помогло. Некоторые ротмистры кое-как волоклись, но простые люди попрятались в лесу, по рвам, по берегу речному... Я собственные руки окровавил, заставляя их подняться на приступ. Но храбрость московитов и робость наших не давали ходу. Несколько московитов выскочили из крепости и, к стыду нашему, зажгли примет²⁴, а наши не только не защитили его, но и ни разу выстрелить не посмели, а потом побежали... Я подъехал к пушкам и увидел, что не только в передних окопах, но и во вторых, и в третьих не оказалось пехоты, кроме нескольких ротмистров. Я принужден был спешить четыре конные роты и заставить стеречь пушки, ибо на пехоту не было никакой надежды.

Король помрачнел.

— Если бы не ты, пан гетман, я подумал, что мне рассказывает изменник... Но почему это так?... Наверно, московский князь запугал своих воинов и они предпочитают умереть от руки врага в пылу боя, нежели от руки палача.

— Я хотел бы, ваше величество, чтобы и вы так запугали своих воинов, — печально сказал гетман.

— Нет, это не трусость, — вмешался Радзивилл. — В ваших войсках, пан гетман, простые ратники, русские и православные. Они не хотят проливать кровь своих соплеменников и единоверцев.

— Может быть, вы и правы, пан воевода, вы всегда лучше знаете, даже когда сидите в Вильне, а я воюю с московитами. Кстати, все ульские крепостные пушки сделаны в Москве. И пушки, заметьте, стреляли очень метко... Но вы совершенно правы, ваше величество, — с поклоном сказал Ян Хоткевич королю, — подвоз в Нарву военного снаряжения умножает силы московского царя, и было бы желательно пресечь все пути к этому...

— Недавно мы, по примеру шведов и датчан, создали свой каперский флот²⁵. Я назначил адмиралом опытного немца Михаила Фигенау и дал кораблям белый флаг со своим гербом. К сожалению, бургомистр Гданьска Георг Клеефельд оказался негодяем. Он препятствует нашим славным корсарам входить в гавань. Кораблям негде укрыться от непогоды и негде пополнить свои запасы... Но я доберусь, я научу мерзких ратманов выполнять мои приказы. А пока, — король вздохнул, — дело идет плохо. Корабли стоят дорого, очень дорого. Я хотел бы построить четыре больших корабля, но денег нет... Пан гетман, — вдруг вспомнил он, — ты мне говорил, что в Московском государстве готовится смута. Бояре недовольны великим

князем. Мы посылали письма к вельможам... Ты говорил еще, что бояре готовы выдать нам московского князя, если я с войском подойду к рубежам. Однако я напрасно ждал в Радошковичах...

— Русские вельможи очень недовольны порядками в государстве, ваше величество. Дело еще не закончено. Но много недовольных погибли от руки великого князя. Он карает и правых и виноватых. Заговор раскрыт, но смута на этом не закончится... Московит ослаблен Ливонской войной. Я надеюсь, что ему скоро придется уступить свое место двоюродному брату... Что слышно, ваше величество, о походе на Астрахань турецкого султана?

— В будущем году поход состоится. Крымский хан поможет султану.

— О-о, превосходно! Я сообщу эту новость кому следует в Москву. Вы разрешаете, ваше величество?

— Да, да, делай как лучше, пан гетман. — Король зевнул, после сытного обеда его клонило ко сну. — Хотел тебя спросить: что ты слышал о русском купце Анике Строганове? Мне говорили, что он очень богат. Правда ли это?

— Богат! Таких, как он, нет во всем мире: семейство Фугеррой бедняки в сравнении с ним. Рядом со Строгановым остальные русские купцы — карлики, едва видимые у его ног. Принадлежащие ему где-то на востоке земли больше датского государства, больше всей Ливонии. Он содержит свое собственное войско. Его люди добывают бесчисленное множество мехов в далекой Сибири.

— Странно, что московский князь терпит возле себя такого богатого человека.

— Великий князь, ваше величество, понимает, что, уничтожив Строганова, он срубил бы сук, на котором сидит. Аника Строганов добывает медь и железо, у него отличные мастера. В придачу ко всему, он крупный судовладелец.

— Жаль, что такие люди появились у московского князя, а не у нас.

— Род Строгановых, ваше величество, известен в Московском государстве еще в четырнадцатом веке... А сейчас с открытием русской торговли в Нарве Строгановы разбогатели еще больше.

— Хорошо, спасибо тебе, пан гетман... А теперь выпьем. — Король поднял кубок. — Я пью за успехи нашего оружия на море, за то, чтобы Нарва превратилась в огромную мышеловку для тех, кто повезет свои товары московитам.

— А я, ваше величество, — воскликнул виленский воевода Радзивилл, — пью за нового московского князя Владимира Андреевича Старицкого!

— Ты прав, мой дорогой. Это самое главное... А теперь, друзья мои, не грех отдохнуть. Проводи меня в постель, пан воевода.

Глава седьмая. «ЛУЧШЕ ПИТАТЬСЯ КРОВЬЮ НЕПРИЯТЕЛЯ, НЕЖЕЛИ ПИТАТЬ ЕГО СВОЕЙ...»

У впадения реки Наровы в море стоит русская крепость. Она закрывает устье реки от вражеских кораблей. Крепость ставили по царскому указу из столетней лиственницы лет десять назад дьяк Иван Выродков вместе с дьяконом Петром Петровым. Дьяки поставили ее

крепко и надежно. Ни один вражеский корабль не мог проскочить с моря в реку мимо дальнбойных пушек крепости.

Но не только пушки охраняли город Нарву от врагов. Поперек речного стержня уложены три ряда дубовых стволов толщиной в два обхвата. На стволах набиты двухаршинные железные штыри. Каждый ствол в ряду креплен с другими тяжелыми железными цепями.

Однажды вражеский кормщик, пользуясь темнотой, задумал проникнуть в реку. Но, напорвшись на железные штыри, корабль разорвал свое днище и затонул...

Шел 1568 год. В июле, в канун праздника пророка Ильи, погода стояла ведренная. Ветер расчистил морские дали, на небе показалось летнее солнце.

Федор Рыжиков, начальник морской стражи, молодой жилистый мужик, уже час как сидел на северной башне и пристально разглядывал раскинувшееся перед ним взморье. Солнце сквозь теплый суконный кафтан стало пригревать ему спину. Куда ни глянь — всюду желтел песок, покрытый жесткой травой, кустарником и низкорослой сосной, а за леском открывалось зеленоватое море.

Река Нарова медленно катила холодные воды к морю. Еще раз взглянув на морской горизонт, Федор Рыжиков заметил чуть видную темную точку. Точка, все увеличиваясь, превратилась в корабль, приближавшийся к берегу.

Вскоре корабль подошел к крепости на пушечный выстрел, и Федор Рыжиков заметил сломанную переднюю мачту, лежавшую на палубе. С уцелевшей мачты кто-то махал белым полотнищем. Вскоре над бортом корабля взвился легкий дымок, раздался выстрел.

«На помощь призывает», — подумал Федор и послал дозорного к воеводе сказать про корабль.

Худой и низкорослый воевода, боярский сын Тимофей Сбитнев, долго разглядывал подошедший корабль. Воевода был неказист собой. Кафтан казался на нем будто с чужого плеча.

— Ну-ка, Федор, выходи в море на большой лодке, узнай, что у них за беда... Да с осторожкой, пусть ребята оружными идут, — добавил воевода.

Федор Рыжиков мигом спустился с крепостных стен на пристань. Тремя гулками ударами всполошного колокола он вызвал своих молодцов.

Воевода Тимофей Сбитнев с довольной усмешкой наблюдал за быстроходной лодкой. Оторвавшись от пристани, разгоняемая сильными ударами весел, она птицей вылетела на реку Нарову.

Воевода видел, как на ее мачте забелел парус, развернулся, затрепетал на ветру. Лодка сразу прибавила ход и понеслась к неподвижному кораблю.

Подошедший с моря корабль был небольшой двухмачтовой посудиною, из города Данцига под названием «Двенадцать апостолов».

Федор Рыжиков заметил следы от ржавых ручейков, сбегавших с палубы по крутому борту, и подумал, что на палубе пролили краску. Но, поднявшись на корабль, он понял, что ошибся. Семнадцать мертвых тел со страшными ранами лежали на желтых досках, заливая палубу кровью.

Прислонившись спиной к уцелевшей мачте, сидел раненый с небольшой пищалью в руках. Высокий худой человек, похожий по одежде на кормщика, стоял на кормовой надстройке.

Одной рукой он ухватился за ванты, в другой держал белое полотнище.

— Что здесь произошло? — строго спросил начальник морской стражи по-немецки.

— Две недели назад мы, датские мореходы, вышли из города Нарвы в Копенгаген, — ответил высокий. — На нас напали морские разбойники. Из восьми кораблей шесть они захватили со всем грузом и людьми, а два утопили... Меня, Карстена Роде, кормщика и купца, и моих товарищей с потопленного корабля «Три короны» разбойники взяли в плен ради выкупа. Связанных по рукам и ногам они бросили нас в трюм.

Кормщик Карстен Роде медленно сошел с кормы на палубу. Не имея больше опоры в руках, он пошатнулся и чуть было не упал.

Федор Рыжиков вовремя поддержал его.

— Я немного ранен, — словно извиняясь, продолжал кормщик, — но теперь мне все равно, я разорен, и в Копенгагене меня посадят в долговую тюрьму... Так слушайте, что было дальше: ночью мне удалось разорвать веревки на руках, они оказались гнилыми. Я освободился сам и освободил товарищей. Мы напали на злодеев и в кровавой ночной схватке оказались победителями. Но победа обошлась нам слишком дорого. Нас осталось трое. Пятерых немцев, оставшихся в живых, закрыли в трюме... Мы с трудом пришли сюда на этом корабле. Я хочу жаловаться на морских разбойников короля Сигизмунда наместнику русского царя. Мы слышали, у него сильная рука.

— Мы ничего не слышали раньше о морских разбойниках короля Сигизмунда, — сказал Рыжиков. — Я очень сожалею о вашем несчастье.

Начальник морской стражи давно жил в Нарве и немецким языком владел превосходно.

— Господин Карстен Роде, — продолжал он, — вы не ошибаетесь, возле Ревеля много шведских корсаров, промышляющих разбоем.

— Ошибаюсь?.. Вот лежит капитан Сигизмунда. — Карстен Роде кивнул на тело с отрубленной головой. — У него в каморе бумаги и корабельная книга. Там все написано... Прошу доставить «Двенадцать апостолов» в Нарву. Это мой приз, все, что у меня осталось, — с горечью закончил кормщик.

— Много ли стоит груз? — любопытно спросил Федор Рыжиков. — Может быть, если его продать, то...

— Кроме камней, в трюмах у этого негодяя ничего нет, — с презрением ответил Карстен Роде. — Он надеялся поправить свои дела за чужой счет.

— Когда они напали на вас? Постарайтесь припомнить точнее.

— Запомнил на всю жизнь... 14 июля 1568 года. В два часа ночи прогремел первый выстрел.

Федор Рыжиков вспомнил, что три недели назад прошло мимо крепости восемь датских судов. Их трюмы были заполнены воском, салом, дегтем, пенькой и льном. Как тогда говорили кормщики, все товары они купили у приказчиков купца Аникея Строганова.

Федор Рыжиков махнул своим людям. Стражники привязали «Двенадцать апостолов» толстой пеньковой веревкой за нос и, сильно загребая веслами, медленно потащили его к пристани.

Время шло. Когда молодцы из морской стражи подвели данцигский корабль под стены приморской крепости, наступил вечер.

Поднявшийся сильный ветер нагнал с моря тяжелые серые тучи, ночью проливной дождь снова барабанил по крышам низких деревянных домишек, стоявших у самого берега. В них жили русские стражники с женами и детьми.

В четырнадцати верстах от моря, на левом обрубистом берегу реки Наровы высится замок с высокой четырехугольной башней, построенной из плитняка. Замок воздвигали ливонские рыцари в XIV веке. Вокруг замка расположился город. Царь Иван вот уже десять лет как захватил в свои руки город и крепость Нарву.

На другом берегу реки, напротив города Нарвы, дед царя Ивана построил крепость с десятью сторожевыми башнями. Русские мастера построили крепость очень быстро, всего за три месяца, и назвали Иван-городом. От русской крепости до рыцарского замка всего шестьдесят сажень. Если выстрелить из пушки в Иван-городе, ядра будут падать в рыцарском замке.

Случилось так, что, когда к берегу прибился ограбленный Карстен Роде, в замке нарвского наместника воеводы Григория Ивановича Заболоцкого гостил сам Аникей Строганов с сыном Григорием. Они приехали из своей вотчины Сольвычегодска посмотреть своими глазами, как идет приморская торговля.

Вряд ли где-нибудь был человек богаче Аникея Федоровича Строганова. Расчетливый делец, дальновидный политик, он пользовался неограниченной властью в своих землях. Он строил города-крепости на рубежах, отливал пушки, вел по своему усмотрению войны или торговал с иноплеменными народами, подданными сибирского хана. За его спиной государь Иван Васильевич не знал забот на северо-востоке своего государства. Строганов строил церкви и монастыри, называл попов и смещал их, снабжал в случае нужды государя деньгами и был его доверенным по сбору податей. Богатейший купец и предприниматель, Аникей Строганов вел обширную торговлю по всем русским городам хлебом и солью, вывозил много товаров в заморские страны, добывал на своих землях соль, железо и медь. И наконец, он хозяин сотни речных судов.

Царь Иван Васильевич доверял купцу Аникею Строганову, принял его в опричнину, даровал всевозможные преимущества и льготы.

Этим летом строгановские товары — сало, деготь и воск — заполнили нарвское торжище²⁶. Строгановские приказчики предлагали товар на одну деньгу с пуда дешевле, чем прочие купцы.

Лес строгановские сплавщики доставляли в Нарву не такой, как у всех: вместо сосны и ели они продавали первосортное кедровое дерево. А за строгановскую белку и соболя из сибирских лесов иноземные купцы платили самую высокую цену. У нарвских пристаней сегодня заканчивали погрузку душистого строгановского воска четыре датских корабля, восемь из города Любека грузили кедровый лес, а пять английских — много разного строгановского товара.

Несмотря на лето, в большой комнате орденового замка, служившей раньше кабинетом нарвскому комтуру²⁷, было холодно. Промерзшие за зиму толстые кирпичные стены не успели прогреться. И темновато в рыцарском кабинете — четыре узких стрельчатых окна с разноцветными стеклами пропускали мало света.

В огромном камине жарко горел костер из дубовых поленьев. Трепещущие огоньки отсвечивали на темном полированном дереве стен и потолка.

Тяжелый круглый стол покрыт скатертью и заставлен яствами и напитками. Посередине высился тяжелый серебряный светильник с четырьмя зажженными восковыми свечами.

Гости и хозяин сидели на резных креслах с высокими спинками, принадлежавших раньше

рыцарям.

Аникей Федорович — подвижный худой старик небольшого роста. Седые волосы лежали у него на плечах, а борода коротко подстрижена. Он одет в черный кафтан, похожий на монашескую рясу, на груди поблескивал большой железный восьмиконечный крест.

Воевода Григорий Иванович Заболоцкий казался не моложе своего гостя, ростом тоже невысок и худощав. Головою лыс, узкая седая борода росла почти до пояса.

Григорий Строганов пошел в мать: невелик, а телесами тяжел. Толстое пузо торчит вперед. Мясистый нос, лохматые седые брови. Он не проронил ни одного слова. Однако ел и пил изрядно.

Аникей Федорович едва прикоснулся к отварному осетру, пожевал пирог с грибами. Хмельного не пригубил, несмотря на уговоры хозяина.

— Скажи, воевода, — спрашивал Строганов, — как себя аглицкие купцы ведут?

— Похваляются, что царь им в руки всю торговлю на Русской земле передаст. Купцам, дескать, из других стран в Нарве делать нечего.

— Ишь как!.. Зачем тогда война, ежели из аглицких рук торговать?.. Или думают они, что умнее агличан и людей нет? А скажи, свейские люди — как они к купцам, тем, что торговать к нам едут?

Царский наместник нахмурился.

— Обижают, — сказал он, — поджидают шведы купцов близ Ревеля. Некоторые корабли топят, некоторые в полон берут. Жалуются мне купцы, да что я могу сделать! В море оборонять я не в силах. В устье Наровы крепость стоит, в реку шведам дороги нет, а в море... — Наместник развел руками.

Старики посидели, помолчали немного. Наместник отпил из своей чаши вина, бросил в рот горсть сладкого изюма.

— А как ты, Григорий Иванович, про дела ливонские мыслишь? Долго ли еще воевать будем?

Воевода Заболоцкий задумался.

— Не знаю, Аникей Федорович, с какой стороны начать... Ливонская война у всякого на языке. Великое дело вершит наш государь. Разбили мы немецкое братство, рыцари разбежались, даровал нам победу господь бог. Однако магистр ихний, Готхерд Кетлер, переметнулся, стал голдовником короля Жигимонда. Ливония королю досталась, а голдовника своего он назвал правителем Ливонии и сделал его герцогом.

— «Изгоню московитов из Ливонии, — похвалялся Жигимонд, — и перенесу войну на собственную их землю. Лучше питаться кровью неприятеля, нежели питать его своей...» Видишь, какие слова? Вот и воюет наш государь и царь Иван Васильевич за Ливонскую землю с Литвой. Без малого десять лет. Так-то, друг.

Воевода Заболоцкий говорил медленно, подбирая слова, чтобы не сказать лишнего.

Аникей Федорович взял со стола хлебную корочку и стал обсасывать ее беззубым ртом. Временами он кивал головой, будто соглашаясь.

— Ты не хуже моего знаешь, что русские победы в Ливонии, — продолжал говорить воевода,

— всполошили европейских правителей. Каждый хотел поживиться чем-нибудь, откусить от ливонского пирога кус побольше... Ливония распалась на четыре части. И мы, и король Жигимонд, и доньская корона, и свейский король топчемся на Приморской земле и норовим столкнуть с нее друг друга... Каждый за себя и против всех. Скажи, Аникей Федорович, — предупреждающе поднял руку воевода, увидев, что Строганов раскрыл рот, — не кончил я... Торговлю русскую в Нарве некоторые за благо почитают, другие боятся, видят в ней угрозу. Кому Нарва в убыток?

— Прежде всего королю Жигимонду, — быстро ответил Строганов. — Он боится усиления русского могущества через свободную торговлю, а другое — и сам торговать хочет. Король Ирик ратовал за выгоды Колывани... Теперь Колывань — свейский город, а Нарва всю колываньскую торговлю задавила.

— Вот как! Ну, а кто с прибытком?

— Прежде всего Любек с ганзейскими городами²⁹. Жиреют они от русской Нарвы. А потом Доньское королевство — Нарва им тоже золотом отзывается. За проход проливов они немалую пошлину берут. Чем больше кораблей в Нарву пройдет, тем больше золотых доньской король в карман положит... Однако все они пуще огня боятся, как бы нам в Нарву оружие купцы не привезли, либо бронь, пушки, либо порох. Особенно король Жигимонд...

— Как аглицкая королева Елизавета?

— Что ей, она далеко! И морем со всех сторон окружена. Аглицким купцам лишь бы прибыль, все привезут. И для нас Нарва выгоды немалые дает. Из своих рук торговать куда выгодней, — продолжал Строганов. — Одначе Ливонская война тяжкое бремя, а десять лет — срок немалый. Держава наша на все стороны, как зверь загнанный, огрызается: крымский хан свои орды готовит, Жигимонд зубы скалит и свейский король теперь тоже не в приятелях...

— Свейский король!.. Подожди, что ты такое говоришь? — закипятился воевода. — Нет, подожди.

— Затвердил одно: подожди да подожди! — с досадой сказал Строганов. — Ладно, открою тебе... Нет больше твоего Ирика, король свейский — Юхан. А Катерина Ягеллонка, невеста нашего великого государя, — свейская королева. Вот так-то... Только гляди, не обскажись ненароком, дело царское, голову можно потерять.

Воевода слушал с раскрытым ртом.

— Аникей Федорович, а правда ли сие? Ты верно знаешь?

— Эх, Григорий Иванович, друг милый! Да разве со всем своим хозяйством управился бы я, коли не знал, что у соседей деется...

Воевода посмотрел на икону в углу, искоса глянул на купца, потер руки.

— Пойдем, Аникей Федорович, поближе к огоньку, спине зябко. От сырости и от холода по телу мурашки ходят. Наши дома из еловых али сосновых бревен куда к теплу способнее.

Строганов усмехнулся. Старики пересели на кресла у самого камина. Посидели. Погрелись. Воевода постепенно приходил в себя. В конце концов поворот со шведами его пока прямо не касался.

А Строганов молча перебирал четки и вдруг спросил то ли воеводу, то ли самого себя:

— Конечно, дело теперь прошлое. Но на кой ляд сдалась царю Ивану жена-иноземка? Мало ли на Руси своих баб молодых да красивых! — И сам тут же ответил: — А, что я спрашиваю!

Ведь не на бабе, на Литве мыслит жениться наш милостивец великий государь. — Обернулся к сыну: — Собирайся, Григорий, засиделись, скоро ночь на дворе.

— Что ты, что ты, Аникей Федорович, всегда рад такому гостю... Да и время раннее, и солнышко еще не зашло...

Договорить ему помешал дьяк, он как-то боком втиснулся в дверь и, подойдя к воеводе, долго шептал ему в ухо.

— Ну вот, Аникей Федорович, — сказал он, когда дьяк закончил нашептывать. — Только мы с тобой говорили о морских дорогах, и гляди-ко...

— Случилось разве что?

— Случилось. Восемь датских кораблей, что вышли из Нарвы на петров день, потоплены и захвачены в полон. Доньский кормщик с товарищами захватил разбойничий корабль «Двенадцать апостолов» и на нем пришел в Нарву. Сей кормщик хочет увидеть меня...

— Призови его, Григорий Иванович.

— И я так думаю. Ну-ка, Тимофей, — приказал Заболоцкий дьяку, — позови.

Ожидая датского кормщика, Аникей Федорович с нетерпением поглядывал на дверь.

В дверях показался высокий и худой человек. Он был одет в рваную, испачканную кровью одежду. Левая рука лежала на перевязи.

Иноземец с достоинством поклонился наместнику и купцу Строганову.

— Пусть говорит, — обернулся воевода к дьяку-толмачу.

— Свеи напали на вас у ревельских берегов? — спросил дьяк.

— Мы благополучно прошли возле города Ревеля, где обычно подстерегают шведские корсары, и неожиданно наткнулись на вооруженные суда много южнее и западнее. Они ночью, клянусь мессой, напали на нас. Мореходов убили или взяли в плен.

— Тебя, — спросил воевода, — тоже взяли в плен?

— Да, и меня взяли в плен.

— Как же тебе удалось убежать, да еще на чужом корабле?

— Разбойники возрадовались хорошей добыче и стали праздновать победу. А я ночью разорвал веревки и освободил семерых товарищей. Мы напали на разбойников и взяли верх. — И кормщик повторил все, что он недавно рассказывал начальнику морской стражи.

— Кто же были напавшие на вас люди? — спросил Аникей Федорович, не спуская глаз с датчанина.

— Клянусь мессой, немцы. Однако они говорят, что поступили на службу к польскому королю Сигизмунду-Августу.

— Вот как? — хмуро произнес воевода.

— Я хочу просить русского царя, — продолжал датчанин, — о защите мореходства. Пусть он наказывает смертью каждого разбойника, осмеливающегося подрывать царскую торговлю на море. И еще буду просить царя усилить морскую стражу. Если он хочет торговать, пусть

защищает купцов...

— Великий государь всея Руси знает, что ему делать, — строго сказал воевода.

— Как зовут тебя? — спросил Аникей Федорович.

— Карстен Роде.

— Кормщик Карстен Роде, — неожиданно громко произнес купец, — спрашиваю: хочешь ли поступить ко мне на службу?

— А как ваше имя, господин? — не сразу отозвался датчанин.

— Я купец Аникей Строганов.

— О-о!.. Купец Строганов! Я много слышал о вашем богатстве... Клянусь мессой, если вы хорошо будете платить, я согласен. Перед злополучным отплытием из Нарвы я говорил с одним голландцем, он работал у вас несколько лет. Он хвалил вас.

— Для начала я плачу триста рублей в год, кормлю и одеваю, — сказал Аникей Федорович.

— Хорошо... Я разорен, мне выбирать не приходится. Семьи у меня нет.

Карстен Роде подошел к Строганову и протянул ему руку.

— Клянусь, буду служить вам верно.

Строганов пожал руку датчанина, будто скрепляя договор.

— Что я должен делать? — спросил кормщик.

— Я хочу построить хорошие корабли и возить на них свои грузы в разные страны. И в Испанскую землю, и к англичанам, и во Францию, и в Любек и Атроп30. У меня на службе много мореходов, но таких, кто знал бы дорогу в эти страны, нет. Ты будешь учить моих мореходов.

— О-о, я буду очень рад научить русских мореходов всему, что знаю сам!

— Здесь, в Нарве, проживает мой приказчик Семен Федоров, — продолжал купец, — знаешь ли ты его?

— Знаю, господин.

— Он даст тебе денег на одежду и пропитание, и ты поедешь ко мне в Сольвычегодск, а потом в Холмогоры, там строятся мои корабли.

— А как быть с моими товарищами? Они хорошие штурманы — Ганс Дитрихсен и Клаус Тоде.

— Можешь их взять с собой.

— Что делать с теми разбойниками, которых я и мои люди взяли в плен?

— Завтра я повешу их на городской площади. Пусть все знают, как мы наказываем за разбой. А перед тем попытаю, спрошу, кто у них за хозяина, — строго сказал воевода. — Ну ты иди, мореход.

Карстен Роде поклонился и вышел из комнаты.

— По царской жалованной грамоте я имею право нанимать иноземцев, — сказал Строганов.

— Знаю, Аникей Федорович... Ты на самом деле хочешь товары на своих кораблях возить?

— Хочу, Григорий Иванович. Мои барыши от заморской торговли сразу вдвое станут. А надежную морскую охрану наших купцов от разбойников неплохо бы иметь.

После ухода датского кормщика Аникей Строганов еще долго говорил с воеводой о заморских торговых делах, о здоровье, о своих сыновьях.

Глава восьмая. И РАЗРУБИЛ ЦАРЬ РУССКУЮ ЗЕМЛЮ НА ДВЕ ПОЛОВИНЫ

Слуги постелили на стол красную скатерть, поставили две огромные черные свечи, перевитые серебряными нитями. Против царского места положили старинное Евангелие в телячьей коже. Слуги ушли. В горнице появились два молодых опричника в белых кафтанах с позолоченными секирами³¹ за плечами.

Они встали по обеим сторонам царского места, взяли в обе руки секиры, замахнулись, словно собирались зарубить врага, и положили их на правое плечо.

Прошло несколько минут. До слуха телохранителей донесся слабый перезвон колокольчиков. Они посмотрели друг на друга и замерли, сдерживая дыхание.

Тихо открылась низкая дверь. Высокий, с нахмуренными бровями человек в черной монашеской одежде и черной шапке вошел, опираясь на посох, и сел на царское место. Рядом с ним неслышно, словно тень, возник духовник протопоп Евстафий.

Из других дверей появились вельможи: члены тайного совета, основатели опричнины, одетые во все черное. Князь Афанасий Вяземский, князь Никита Одоевский, боярин Василий Юрьев, боярин Алексей Басманов, ходивший всегда опустив глаза в землю, его сын Федор, воевода Петр Зайцев.

Низко поклонившись, постукивая посохами о деревянный пол, они направились к столу и расселись на скамьях слева и справа от царя.

Вслед за вельможами в горницу вошли два опричника и с ними юноша с темным пушком на верхней губе и на подбородке — Василий Колычев. Сын воеводы Ивана Колычева.

Василий Колычев недавно подал царю челобитную — принять его в опричники, обещаясь служить верой и правдой. Царь хотел назначить его своим телохранителем.

Последним в горнице появился князь Михаил Черкасский, держа в руках высушенную собачью голову с оскаленной пастью. К ней была привязана небольшая березовая метла. Собачья голова с метлой, привязанная к седлу опричника, отличала его от прочих людей. Она означала, что опричник должен грызть государственных врагов и выметать их метлой. Слегка пошатываясь от выпитого вина, черноволосый и звероподобный князь Михаил приблизился к столу и положил собачью голову рядом с Евангелием.

По знаку царя опричники, сопровождавшие Василия Колычева, вышли из горницы. Заседание тайного совета началось.

— Подойди ближе! — пронзительным голосом сказал царь.

Василий Колычев послушно сделал несколько шагов к столу и упал перед царем на колени.

— Как твое имя?

— Васька Колычев, сын воеводы Ивана Колычева, твой холоп, великий государь.

— Сколько тебе годов?

— Семнадцать.

— Ты хочешь быть опричником?

— Да, великий государь.

Царь помолчал, посмотрел на Федора Басманова.

— Кто превыше всего для тебя, Васька Колычев: отец, либо мать, либо братья и сестры? — спросил Басманов.

— Великий государь превыше всего, — твердо сказал Колычев. — Помимо него, не знаю ни отца, ни матери... Царь выше солнца, ибо солнце заходит, а царь светлым истинным светом всегда обличает тайные неправды.

— А если тебе думные земские бояре будут говорить на государя плохое и клясться святым крестом, что они говорят правду?

— Великий государь — слуга божий на земле. Как он порешил, так и правда, и никто царские дела судить не властен. И если я, твой холоп, услышу изменные речи и наговоры, обязуюсь немедля донести тебе, великому государю.

— Добро, — сказал царь. Он был доволен ответом. — Кто ручательствует за него? — обернулся он к Алексею Басманову.

— Григорий Борисович Грязной с сыном Никитой.

— Добро, — повторил царь и возвел глаза кверху, будто ища написанное на потолке. — Опричник не должен водить хлеб-соль со всеми земскими. Все они враги мои и губители земли Русской. Будешь верно нести мне службу, будешь всегда прав в суде перед ними. Я не поверю ни одному слову изменников на моих верных слуг. Если земский осмелится жаловаться на тебя, ты имеешь право взять с него пеню за бесчестье... А от меня получишь землю и деньги, и жить будешь безбедно.

— Спасибо, великий государь, клянусь тебе служить верой и правдой и жизнь свою положить за тебя.

— Добро. Подойди, Васька, к столу.

Колычев приблизился и встал напротив великого государя.

— Поклянись, что будешь мне верен, — сказал царь, не спуская с Колычева своих маленьких черных глаз.

«Прости меня, господи, за неправду! Прости ради великого дела, ради спасения земли Русской», — сказал про себя Василий Колычев.

А потом он поклялся:

— Я клянусь быть верным государю и великому князю, молодым царевичам и царице.

Клянусь не молчать, если услышу что-либо дурное, что замышляет кто-нибудь против царя и великого князя. Я клянусь не есть и не пить вместе с земскими и не иметь с ними никаких дел. На этом целую крест.

— Теперь поклянись еще раз и поцелуй вот это, — царь показал на высушенную собачью голову и березовую метлу, связанные вместе пеньковой веревкой.

Василий поклялся и поцеловал собачью голову.

Афанасий Вяземский брезгливо поморщился, посмотрел на князя Одоевского, незаметно подмигнул ему.

— Добро, — опять сказал царь и хлопнул в ладоши.

В дверях появился вершитель тайных дел Малюта Скуратов с воеводой Иваном Колычевым.

Царь Иван сидел, привалившись к золоченой спинке кресла, и ждал. То, что сейчас должно произойти, было придумано Малютой Скуратовым и служило испытанием для нового телохранителя.

В горнице пахло смолой. Дворец совсем недавно построен из отборного елового леса, вырубленного в знаменитом Клинском лесу.

Маленькие черные глазки царя ощупали воеводу Ивана Колычева.

— Похвалялся ты, холоп, что извести меня колдовством тебе посильно?

— Помилуй, государь, — упал на колени воевода, — не виновен, не говорил я того.

— Врешь! Позвать Алексашку Гвоздарева.

Малюта Скуратов, шаркая подошвами сапог, пошел к двери. Приоткрыв ее, он молча поманил пальцем.

В горницу вошел боярин Гвоздарев, вернее, его ввели под руки стражники с топорами в руках.

Василий Колычев увидел, что кафтан на Гвоздареве изорван и в крови, лицо опухшее.

Князь Афанасий Вяземский взглянул на боярина, вздохнул и отвернулся.

— Скажи, как похвалялся Ивашка Колычев у себя на дому? — спросил царь. — Темно, видать, в моем подвале, наверно, об угол рожу расквасил, — добавил он, усмехнувшись.

— Похвалялся, государь, колдовством тебя извести...

— Не верь ему, государь, говорит он облыжно... Напившись вина, Алексашка жену мою избидел. Да я велел слугам с крыльца его скинуть. Святым крестом поклянусь.

— А ты, Алексашка, — обернулся царь к Гвоздареву, — как ты теперь против клятвы будешь говорить?

— И я клянусь святым крестом, — запинаясь сказал боярин, взглянув на каменное лицо Малюты.

— Так что же вы, богохульники, оба креста святого не боитесь! За свои животы готовы бога продать? А-а? Приблизься ко мне, Ивашка, нет, сюда подойди. — Царь повернулся вместе с креслом и показал рукой у своих ног.

Воевода Колычев на коленях подполз к царскому месту.

— Целуй мне сапог, — приказал царь.

Воевода схватил в обе руки царский сафьяновый узконосый сапог и стал покрывать его поцелуями.

— Помилуй, государь, невиновен я, помилуй!

Царь Иван ударил воеводу сапогом в лицо. Вылетели зубы, пошла кровь.

— Еще целуй, пуще целуй.

Обливая слезами и кровью царский сапог, воевода целовал его.

— А вот земские говорят, — царь посмотрел на опричников, — что терпезу им от царя не стало. Врете, русский человек все стерпит! Посажу земцам татарина, и его будут любить, как меня любят, и сапоги ему будут целовать... Гриша, — обернулся он к Малюте Скуратову, — как ты скажешь: повинен Ивашка Колычев в измене?

— Повинен, великий государь.

— А ежели повинен, — глаза царя засверкали, голос сделался еще пронзительнее, он обернул голову и посмотрел на Василия Колычева, — велю тебе, нашему верному слуге Васютке, казнить изменника... Дайте ему топор, — приказал царь стражникам. — Ты поклялся быть мне верным?

Василий Колычев побледнел. Он молча взял из рук стражника боевой топор с широким лезвием и длинной ручкой.

— Что же, исполняй приказ! — Царь часто задышал, не спуская с него глаз.

Воевода Иван Колычев поднялся с колен и повернул залитое кровью лицо к сыну.

— Великий государь, — с отчаянием в голосе произнес Василий, — невиновен мой отец! Он правду говорит. Гвоздарев мать спяна поносил. Отец и велел его с крыльца скинуть. И он, Гвоздарев, напраслину на моего отца показал. Со зла солживил!

В горнице воцарилась мертвая тишина. Лицо воеводы Ивана Колычева просветлело. Он с любовью глядел на сына.

— Не хочешь царскую волю исполнить? — грозно спросил царь. — Клятву рушишь!

Василий отбросил топор и рухнул на колени.

— Вели казнить меня, государь, но против правды я не пойду, казнить своего отца безвинно не стану...

Царь Иван поднялся с кресла.

— Добро. Гриша, возьми Колычевых, сына и отца, да разберись с ними. Расскажешь вечером, кто прав, а кто виноват. Постой-ка... — Царь задумался. — Ведь князь Мстиславский сказывал, будто я должен остерегаться рынду из рода Колычевых... Что за притча! Ты ведь Колычев?

— Колычев, великий государь.

— Загадал мне загадку князь. — В изощренном мозгу царя возникла новая мысль. — Эй,

Гриша! Где старик Неждан?

— У меня под рукой, великий государь.

— Позвать сюда.

Сановные опричники с любопытством смотрели на царя Ивана, на младшего Колычева, стараясь понять, что должно произойти.

Время шло. Царь Иван нетерпеливо поглядывал на дверь. Наконец она распахнулась, вошел Малюта Скуратов и с ним маленький старичок с белой бородой и длинными усами.

Увидев царя, старичок бросился ему в ноги.

— Встань, Неждан, — сказал царь.

Дворецкий боярина Федора поднялся. От страха он едва стоял. Воевода Иван Колычев, увидев Неждана, застыл, словно деревянный, не сводя глаз с его бледного лица.

— Поведай нам, — продолжал царь спокойно, — видел ли ты этих людей в охотничьем доме?

— Он показал пальцем сначала на отца Колычева, потом на сына.

Неждан сразу узнал Василия Колычева.

— Сей юноша поклялся убить тебя, милостивый царь, — дрожащим голосом произнес он. — И ты, господине, был там, — шагнул он к Колычеву-отцу, — и научал юношу быть цареубийцей.

«Мы с сыном должны умереть и своей смертью спасти остальных, — промелькнуло в голове у Ивана Колычева. — Трудно быть честным у Малюты в застенке».

Не успел старик Неждан произнести последнее слово, как Колычев-отец выхватил из-за голенища острый и длинный нож, кинулся к сыну и всадил ему в сердце. Тем же ножом он перехватил себе горло.

— Взять их живыми, — крикнул царь, — лекаря сюда!

Но было поздно. Все произошло так быстро, что никто не мог помешать.

— Они мертвы, великий государь, — осмотрев тела, доложил прибежавший на зов лекарь Линдзей.

— Разрубить на куски изменников и выбросить собакам, — тяжело дыша, сказал царь. — Что ты еще слышал, Неждан?

— Боярин Федоров, воевода Полоцкий, говорил про твою милость, будто ты не царского приращения, а будто ты...

— Знаю, — прервал царь Иван.

Когда из горницы вышли все, кроме главных советников, боярин Алексей Басманов обратился к царю:

— Великий государь, не идет на убыль измена, а разрастается. Слых по Москве пошел, будто князя Владимира Старицкого на твое место бояре норовят посадить. Розыск бы новый сделать, и всех изменников на кол. Неспроста Колычев-старший сына своего убил — боялся, что по младости он остальных предаст. Чует мое сердце, опять сговорились земские княжата жизни тебя лишить, великий государь. По всему видно, сговорились.

Царь Иван долго молчал, стараясь понять, что произошло.

— Значит, Васька Колычев хотел в опричнину вступить и рындой стать, дабы лишить меня жизни, — отвечая больше своим мыслям, произнес он. — Вот где надо копать. А князь Владимир! — Он махнул рукой. — Он мне во всем сознался. Тех людишек, что разговоры с ним вели, он всех назвал... Да и слаб князюшка головой для такого дела, не хочет он царского места, — раздумчиво закончил царь. — Верю я брату.

Царские советники переглянулись.

— Ты прав, великий государь, слаб головой князь Володимир Андреевич, не хочет он царского места, — вступил в разговор воевода Петр Зайцев. — Однако дело не в нем. Князь Володимир не хочет, зато московские бояре за него хотят. Они спят и видят, как бы от тебя избавиться, а для того им перво-наперво новый царь нужен, вот и...

— Дальше сказывай, — нетерпеливо сказал царь.

— Выходит, двум медведям в одной берлоге не жить. Пока князь Владимир Андреевич здравствует, не будет покоя для тебя, великий государь.

— А вы, — царь посмотрел на ближайших вельмож, — что вы мне скажете?

— Правду говорит дворовый воевода, — отозвался первый боярин опричной думы Алексей Басманов. — Опять измена по Москве бродит. Пока жив князь Володимир Андреевич, не будет покоя на Руси. Именем князя другие будут собирать недовольных, требовать всякие вольности, какие есть в Литве и прочих государствах. И тех людей топором не вырубешь, их все больше и больше становится. Я думаю, великий государь, надо для начала кое-кого из бояр вытянуть к Малюте Скуратову, а потом и князя Володимира Андреевича потревожить. А кто из бояр своровал, тех без жалости живота лишать. И казна твоя обогатится, и у земских резвости меньше станет.

— А ты, Афоня, — спросил царь князя Вяземского, — как ты думаешь?

— Согласен я с Басмановым.

— А ты, Петр Васильевич?

— Согласен, — ответил воевода Зайцев.

— А ты, Никита?

— И я согласен, — отозвался князь Одоевский.

Царь Иван хотел было продолжать опрос, но скрипнула и приоткрылась окованная бронзой дверь. В горницу вошел Малюта Скуратов. Царь повернул голову.

— Дозволь, великий государь, слово молвить, — сказал Малюта, кланяясь.

— Говори.

— Гонец к тебе со свейской стороны.

— Позвать.

Малюта Скуратов скрылся за дверью.

В горницу вошел высокого роста человек с бледным, измученным лицом. Он сделал несколько шагов к трону и повалился на колени.

— Встань, — сказал царь. — От кого вести?

— От посла твоего, боярина Воронцова. Московский купец Аксак Нефедов.

— С чем пришел? Везут Катерину, образумились наконец?

— Несчастье, государь.

— Говори.

— Ирик, король свейский, более не король. Его по смерти заточили в крепость.

— Кто мог отнять волю у короля? — спокойно спросил царь.

— Его брат Юхан. Он захватил престол. Сейчас Юхан король свейского государства, а Катерина, жена его, королева. Вельможи...

— Говори все, — сказал царь, видя, что гонец замолчал. — За правду ничего не пожалею. А за ложь... — Он с угрозой поднял свой страшный посох. — Кто сделал Юхана королем?

— Его возвели на престол свейские вельможи.

Царь Иван со свистом втянул воздух.

— Говори, чем еще меня порадуешь? Скорей говори, холоп!

— Ирик хотел Катерину по обещанию тебе отдать. А для того брата своего Юхана, мужа Катерины, убить порешил.

— Вот как!

— После многих казней король Ирик обезумел и бежал из дворца. Нашли его в лесу. Говорят, великий государь, он более на зверя был похож, нежели на человека.

Гонец замолчал.

— Все ли сказал? — спросил царь. Его лицо покраснело и покрылось потом. Маленькие черные глаза смотрели остро и цепко.

— На святую троицу в Стекольне было видение в церкви. Разразилась буря с громом и молоньей. Каменные стены тряслись, а церковь наполнилась стрелами и мечами... Ужас и смятение овладели людьми, и они кинулись прочь из церкви, давя друг друга... Солнце затемнилось среди дня. А после король Ирик стал плакать, и всех вельмож простил, и брата своего из Гринсхольмского замка выпустил.

— Дальше говори.

— Твоих послов обесчестили. Оружные воины короля Юхана ворвались в подворье. Сбили замки с сундуков, взяли все: драгоценности, серебро, меха, убили двух детей боярских. С послов сняли одежду, оставили в одном белье.

— Юхан поднял руку на своего брата! — крикнул царь. — И на меня поднял свою поганую руку. Добро, он пожалеет, что родился на свет!

На губах царя Ивана показалась пена. Не помня себя, он разорвал ворот рубахи.

— Гнусные царедворцы, проклятые вельможи, изменники, предатели!.. — пронзительно восклицал он, ударяя посохом в деревянные половицы. — И я — безумный тиран... И меня

московские бояре жизни лишить хотят. Всех на виселицу, всем рубить головы...

Царь задохнулся, больше не мог выговорить слова и молча ударял посохом в пол. От сильных ударов летели щепки. Редкие волосы на голове царя взлохматились, борода сбилась в сторону.

Окованная бронзой дверь снова открылась, тяжелое, короткое, будто квадратное, тело Малюты Скуратова показалось на пороге. На этот раз вид у него был смиренный, он крестился и кланялся на иконы.

Духовник царя Ивана протопоп Евстафий с крестом в руках подошел к беснующемуся повелителю и стал увещевать его.

— Изменники, все изменники... Брат мой Володимир, я простил тебя. Видит бог, я простил тебя от всего сердца! — вопил царь. — Но могу ли я верить тебе?

В голове вспыхнула мысль о королеве Елизавете: «Бежать из Москвы, скорее бежать от земских заговорщиков, князей и бояр. Почему нет ответа от королевы, почему она медлит?»

— Великий государь, опомнись, — повторял духовник, широким крестом осеняя царя, — пришло время молиться. Вспомним господа бога.

Царь умолк и покорно склонил голову под благословение.

— Отец пономарь, — прерывающимся, слабым голосом произнес он, — пойдём на колокольню, пора благовестить.

Малюта Скуратов, переваливаясь на коротких ногах, подошел к царю, и через низкую дверь они вместе с духовником Евстафием вышли из горницы.

Изнеможенный нервным припадком, царь едва шел. Трясущимися руками он старался пригладить растрепавшиеся волосы.

Отец Евстафий, хорошо изучивший царя, вкрадчиво говорил ему по дороге:

— Почему, великий государь, ты терпишь возле себя князя Володимира? Не раз я видел худые сны, и князь Володимир тамо всегда против тебя. Небо предупреждает об опасности. Разве ты хочешь испытать судьбу несчастного короля Ирика? Он сейчас вместо трона сидит на гнилой соломе, никогда больше не увидит ему божьего света. Говорю тебе аки пастырь твой и отец духовный...

Среди ночи раздались удары в колокол. Во дворце все зашевелилось. Невыспавшиеся опричники поднимались с постелей, наскоро споласкивали лицо холодной водой, надевали поверх кафтанов черные рясы, на головы скуфейки и чинно, опираясь на посохи, шли в церковь.

На колокольне дворцовой церкви звонили четыре человека. В самый большой колокол отбивал игумен³² — Царь Иван. Поводья от четырех средних держал в руках толстомордый пономарь Малюта Скуратов. А в самые молоденькие и голосистые колокола, когда приходило время, звонили царевичи: одиннадцатилетний болезненный мальчик Федор и плечистый отрок Иван.

— Кстати гонец подоспел, — сказал Алексей Басманов, спеша с Афанасием Вяземским к заутрене. — Наквасил он государя гневом противу братца, теперь-то, думаю, дело у нас пойдет.

— С одной стогонь вгоде бы пгавильно, — ответил, раздумывая, Афанасий Иванович, — но

ежели посмотреть инако, плохо повегнулось дело. Свейский коголь был нам дугом, а ныне вгаг.

Со всех сторон к церкви двигались люди в монашеском платье. В руках у многих горели толстые восковые свечи. А за поясом торчал нож.

Глава девятая. ЕЖЕЛИ ГРЕБЕЦ ОШИБЕТСЯ — МАЛЫЙ ВРЕД, КОРМЩИК ОШИБЕТСЯ — ВСЕМУ КОРАБЛЮ ПАГУБА

На реке Северной Двине в ста двенадцати верстах от Белого моря среди малых и больших островов, возникших между двинскими протоками, стоял посад и морская пристань Холмогоры. На островах пески и леса, а весной они покрывались сочными зелеными травами и яркими цветами. Отсюда уходили корабли в Колу, на северные реки Обь и Енисей. Отсюда начинались беспредельные морские дороги.

В Холмогоры беломорские промышленники привозили моржовую кость, шкуры и сало морского зверя. А еще на ярмарках торговали мехами, солью, рыбой и железом, смолой и дегтем. Жители посада славились резьбой по моржовой кости и выделкой сундуков. Резьбой украшались ларцы и гребни, а сундуки и погребцы обтягивались тюленьими кожами и оковывались лужеными железными полосами. Английские купцы построили в Холмогорах вместительные амбары и вели на ярмарках обширную торговлю.

...На песчаном берегу протоки Курополки за деревянными пристанями слышался веселый шум и людской говор. Здесь лучшие корабельные мастера со всего Поморья строили кочи³³ и лодьи для Аники Строганова. На ближнем от пристаней участке корабельщик саженью, разбитой на вершки, размечал на песке шпангоуты, рассчитывал размеры корабля. Несколько подмастерьев готовили к работе тесла, скобели и сверла, точили топоры и пилы.

Неподалеку дымились печи для распаривания досок и вицы. Доски закладывались в трубы из листового железа и туда пускался пар. Отпаренное дерево хорошо выгибалось и плотно прилегало к опружьям³⁴.

Вверх по течению реки строилось еще несколько кораблей. Со всех сторон доносились взвизгивания пилы, удары топора и возгласы людей.

День выдался на славу. Легкий ветерок шевелил листву небольших березок. Небо было синее, чистое, только на западе виднелись легкие, кудрявые облака.

Седобородый монах, с кружкой для сбора подаяний, брел по берегу. Он остановился возле раньшины³⁵, у которой были поставлены опруги и сооружение походило на человеческий скелет, лежавший на спине с торчавшими ребрами. С правой стороны мастер стал нашивать распаренные доски. Расставив широко ноги, монах наблюдал, как он приложил доску к опругам, согнул ее, прибил пятью гвоздями, поставил еще одну... Подмастерья сверлили в досках одинаковые дыры. Когда они принесли приготовленную вицу в сажень длиной и толщиной в большой палец, сделанную из молодой елочки, и стали протаскивать ее сквозь просверленные дыры, монах подошел ближе. Он погладил беспалой ладонью место, где только что легла деревянная нитка.

— Что ты, святой отец, раньшину оглаживаешь, словно девку? — спросил молодой подмастерье с небольшими ржавыми усиками и едва заметной бородкой.

Отец Феодор посмотрел на него, усмехнулся.

— Двадцать годков кормщиком хаживал, — ответил он. — Ты бы, молодец, глубже вицу в доску прятал, а то сотрет ее льдом-то. Понял?

Подмастерье, тянувший вицу железными клещами, удивился.

— Митька, — сказал он товарищу, — монах-то — кормщик. Я гляжу, он на песке ноги раскорячил, будто на лодье... А вицу-то, святой отец, мы сейчас спрячем. — Подмастерье тяжелым дубовым молотком дважды ударил по деревянной нитке. — Ну-ка, теперь потрогай!

Отец Феодор потрогал, хмыкнул одобрительно, поправил кружку у пояса и вздохнул. За три года в монастыре он истосковался по морю, по кораблям, и сейчас его внимание привлекала каждая мелочь.

«Как хорошо дышится у реки! — думал монах, чувствуя радостное стеснение в груди. — Чайки летают, пахнет сосной, елью... Стружка смолистая, песок под ногами, а кораблики чистые, нарядные, как невесты. И люди здесь другие. Пожалуй, на корабле-то способнее богу служить, чем в монастыре. Эх, поторопился я! Трудно жить без морского простора...» — Отец Феодор снова вздохнул.

Подойдя к следующему кораблю-лодье, он опять остановился. Здесь шла трудная работа: крепились на места готовые ребра-опружья, состоявшие из нескольких частей.

Феодор осмотрел, из какого они дерева сделаны, у места поставлены ли.

Один из кочей, с написанным на корме прозванием «Сольвычегодск», был совсем готов. Судя по приготовлениям, вскоре должен состояться спуск его на воду. Все лишние крепления убраны. Корабль удерживался на месте толстым бревном, подпиравшим корму. На палубе «Сольвычегодска» вокруг сухонького старика в черном длинном кафтане сгрудились люди. Этот старик был Аника Строганов, приехавший вместе с сыном Григорием из Нарвы посмотреть на Холмогорскую верфь.

На построенный корабль привезли съестных припасов и хмельной браги. Хозяин захотел отблагодарить корабельного мастера Ивана Баженова, его подмастерьев и учеников. Того дня на всю братию был приготовлен корм: щи из баранины с перцем, икра в зерне, жареные гуси, пироги с горохом... Новый коч понравился Строганову: рука хорошего мастера видна во всем. Аникей Федорович осмотрел шитье бортовых досок, спускался в трюм, приказывал опробовать насосы, посмотрел, хороши ли блоки и другая снасть.

Все на корабле было крепко, дельно, красиво.

Толстый Григорий Строганов еле двигался, лениво переставляя ноги. Однако его холодные голубые глаза подмечали все. Люди боялись Григория больше, чем отца.

— Сколько поднимает коч? — спросил он вертевшегося около него холмогорского приказчика.

— Четыреста пудов, господине, и мореходов двенадцать, и два карбаса. А кормщиком здесь, как Аникей Федорович приказал, Молчан Прозвиков.

— Железа не много ли положил на крепость Баженов? — допытывался Григорий.

— Что ты, что ты, господине! Баженов мастер славный, дело знает. И дерево сухое поставил, и железо только на главных членах. И во льдах кораблик хорош, и на волоках легок.

— На три года кормщику запас выдай, оружие, товары и деньги для торгова. На реку Обь и дальше пойдет коч.

Внизу, на берегу, слышалось церковное пение. Протопоп Иероним из соборной Преображенской церкви спешил освятить новый корабль. Крестным ходом с иконами и хоругвями, помахивая кадилом, он три раза посолонь обошел «Сольвычегодск».

Три деревянные церкви на возвышенном берегу дружно затрезвонили в колокола.

Аника Федорович, прислушиваясь к голосам священника и дьяконов, вдыхал дымок кадильного ладана и усердно крестился. Пение закончилось. Строганов подал знак. Дюжий, с красной шеей мужик, стоявший возле крепежного бревна, ударил тяжелым молотом. Все замерли, однако бревно не шевельнулось и корабль не стронулся. Мужик вытер рукавом пот со лба и ударил второй раз: бревно опять осталось на месте.

В толпе, собравшейся возле корабля, пронесся вздох. Примета была плохая: корабль не хотел покинуть землю.

— Пустите, православные! — слышался голос, толпа молча выдавила вперед отца Феодора. Он подошел к мужику: — Без сноровки дела не сделаешь, дай-кось я.

Испугавшийся, растерянный мужик молча повиновался.

Перекрестясь, отец Феодор взял поудобнее молот, примерился глазом к дубовому клину, размахнулся. Все услышали, как звякнули деньги в монастырской кружке... Сильным ударом монах ловко вышиб клин. Бревно рухнуло наземь. Коч дрогнул, будто ожил.

— Пошел коч-то! — раздался из толпы чей-то обрадованный голос.

Корабль стронулся с места и, поскрипывая суставами, медленно поехал на катках к воде.

Толпа радостно закричала, полетели кверху шапки.

Когда «Сольвычегодск» закачался на волнах, кормщик Молчан Прозвигов отдал якорь. Течение могло отнести корабль на мель.

К корабельному мастеру Ивану Баженову, скромно стоявшему на корме, подошел Аника Федорович и стал благодарить. Он пожаловал ему сверх установленной платы первостатейных соболей на шапку и козловые сапоги.

— Хорош у тебя коч, словно из воды родился, — сказал Строганов.

— Как умел строил, — склонил голову мастер. — Не прогневайся, коли что не так.

— Да уж лучше некуда.

За Строгановым подходили остальные гости, и все кланялись Баженову, желали ему здоровья, поздравляли с новым кораблем.

Особнячком державшиеся старики с длинными седыми бородами, приглашенные кормщиком, запели заклинание:

Встаньте, государи,

Деды и бабы:

Постерегите, поберегите

Любимое судно.

Днем под солнцем,

Под частыми дождями,
Под буйными ветрами.
Вода — девица,
Река — кормилица!
Моешь пни и колодья
И холодные каменя.
Вот тебе подарок:
Белопарусный кораблик...

По старинному обычаю, пока старцы пели заклинания. Молчан Прозвиков с помощью мореходов поднял якорь, поставил паруса и обошел вокруг маленького песчаного островка. Коч хорошо слушался руля, был остойчив и быстроходен. На прежнем месте кормщик снова отдал якорь.

— Приведи-ка, Молчан, того монаха, что вышиб упоры, — приказал кормщику Строганов.

Дружинники мигом привезли на коч отца Феодора.

— На что деньги собираешь? — кивнул Строганов на железную кружку с монастырской восковой печатью.

— На каменные стены для Спасо-Андроникова монастыря.

Аника Федорович посмотрел на однопалую ладонь монаха.

— Где пальцы потерял?

— На твоей службе, господине. Кормщиком на Обь и другие реки плаывал...

— Так, так... То-то ты дело знаешь... Прозвище-то как?

— Старец Феодор, а в миру Аристарх Иванов, сын Гурьев.

— Вот тебе, отче Феодор, на монастырское строение. — Строганов опустил в кружку сверкнувший на солнце золотой. — А сейчас садись за стол вместе с гостями, отпразднуй рождество нового корабля... Посади святого отца, — обернулся он к приказчику.

У стола отцу Феодору сразу очистилось почетное место.

Аникей Строганов, закрывшись в каморе с кормщиком, обсуждал тайные дела. Молчан Прозвиков узнал, куда должен он направить свой коч, с кем вести торговлю и каким способом.

На палубе начались песни и пляски. Заголосила свирель, запел гудок. Неожиданно стихла песня, оборвалась на полуслове.

За дверью каморы раздались поспешные шаги.

— Во имя отца и сына и святого духа, — произнес чей-то голос.

— Аминь, — отозвался Молчан Прозвигов и вышел на палубу.

— Аникей Федорович, господине! — вернулся он к Строганову. — Твои люди, посланные в Аглицкую землю, у дверей. Вести недобрые.

— Зови.

В камору вошел плотный бородатый человек с повязкой на голове и низко поклонился Строганову.

— Дементий Денежкин, ты?

— Я, господине.

— Сказывай.

— Сказывать недолго. Вышли из Колы благополучно. Как прошли Северный нос, напали на лодью чужеземные люди. Множеством взяли.

— Почему же напали?

— Они говорили: «Нет вам сюда дороги. Если хотите торговать, нашим купцам товары продавайте, а они повезут в другие страны на своих кораблях...» Нас на карбас посадили, кто живые остался, а лодью с товаром захватили. Мы на карбасе от Северного носа шли.

— Кто сгиб?

— Сергушка Сумкин, Никола Лобода, Третьяк Собакин, Андрюшка Кольцо... в бою убиты.

Строганов поднялся со скамьи.

— Вечная им память! — строго сказал он. — А сирот ихних я выкормлю.

И снова тяжело опустился на лавку.

Он сидел, выпрямив спину, устремив взгляд на новую икону святого Николая, сияющую серебряными ризами. Левая рука старика крепко держала железный крест на груди, а правая сжалась в кулачок.

Перекрестившись, он опустил голову и задумался. Мысль о понесенных убытках так и не пришла ему в голову. Один корабль, груженный дубовыми плахами. Велико ли дело? Нет, не о корабле задумался Аника Строганов. Он перебирал в памяти последние события. «Почему не дают торговать русским купцам в Нарве? — стучало в голове. — Почему закрывают путь морские разбойники, грабят на дороге? Я должен уступить свою торговлю иноземцам лишь потому, что у них есть хорошие пристанища на морском берегу и корабли с пушками и воинскими людьми. Нарва, а вот теперь и здесь, на севере, закрывают дорогу исконную, русскую... Не смеют они, дорога морская — божья, никто ее закрыть не может. Не одному, всем русским кораблям грозит разбой».

Аника Строганов поднял голову.

— Ступай, Дементий Денежкин, — сказал он. — Даю тебе новый коч «Солекамск», пойдешь за дальнюю реку Енисей выискивать неясчных людей... Завтра приходи, еще разговор будет, а сегодня устал я...

Кормщик Денежкин поблагодарил купца за честь и вышел.

Аника Строганов долго еще сидел на лавке, сожалея, что уже стар и не может сделать все, что задумал. Сын Григорий умный мужик, размышлял он, но гонится за ближней копеей, а далекий рубль ему невидим... С морским разбоем самому не совладать. Надо просить у царя защиты. Он вспомнил разговор с Карстеном Роде и решил с ним посоветоваться.

Строганов никуда не пошел с коча. Ему постлали на кровать мягкую перину, и он заснул под едва заметное покачивание корабля и скрип снастей и блоков.

Глава десятая. И ТОМУ НЕТ СПАСЕНИЯ, КТО В САМОМ СЕБЕ НОСИТ ВРАГА

Боярин Иван Петрович Федоров прискакал в Москву поздно вечером. Он изрядно устал: годы немолодые, а путь из Полоцка, где он воеводил, не близок.

Верный слуга, Терентий Лепешка, долго толковал с боярином. Вести были недобрые: неделю назад опричники схватили у крыльца боярского дома спальника³⁷ Никиту, и по всем статьям выходило, что он в застенке у Малюты Скуратова.

— А вчера еще двух взяли: поваренка Илюшку да мужика дворового Якова, — нашептывал Терентий. — На Москве, боярин, слух пошел, что противу тебя великий государь новую опалу готовит.

Тяжко сделалось на душе Федорова. Он сразу решил — нашелся предатель. В жизни такие люди часто встречались. Слишком приманчиво было для трусливой душонки признаться во всем грозному царю, получить от него прощение, почетную и выгодную должность. Беда грозила и с другой стороны — под пыткой слуги покажут все, что вложит им в уста Малюта Скуратов. Все это понимал Иван Петрович и приготовился к самому худшему.

Он долго парился в бане, словно желая веником отогнать черные думы. И за стол сел невеселый. Из головы не выходили знакомые и друзья, те, кто подписал челобитную князю Старицкому. Все ли они живы-здоровы?

Жена боярина Мария Васильевна видела, что с мужем творилось неладное, жалела его и старалась отвлечь от грустных мыслей. Она принесла переведенную на русский язык иноземную книгу с описанием многих лечебных трав. Боярин Федоров травы знал хорошо, лечил ими людей от многих болезней и к таким книгам был весьма любопытен. Но сегодня он и книгу отодвинул не посмотрев.

Отужинал Иван Петрович без всякого желанья. С трудом поднявшись от стола, от верховой езды болели кости, боярин направился в спальню. В дверях неожиданно остановился.

— Маша, — вспомнил он, — отказала ли ты в Новоспасский монастырь деревеньку?

— Отказала, Иван Петрович, в Бежецком верху, более пятисот десятин пашни со всеми угодьями. До самой смерти мы будем в ней господами.

— Ну слава богу. У монастыря вотчину царь не отнимет. Нищими теперь не умрем...

На улице послышался конский топот и человеческие голоса. Боярин Федоров осторожно выглянул в оконце. Всадники остановились у самого дома. Один из них спешил и стал стучать по воротам. Сердце у Ивана Петровича сжалось.

— Князь Афанасий Иванович Вяземский, — доложил слуга, — по слову и указу великого государя.

— Проси, — вздохнул Федоров.

Он давно знал молодого князя Вяземского, одного из первых людей в опричнине. Его приезд не сулил ничего хорошего.

Лестница закрипела под тяжелыми шагами царского посланца. Боярин Федоров пошел навстречу. Гость и хозяин раскланялись холодно.

Когда все, что требовал обычай, было сказано и сделано, вельможи уселись на лавку в углу, под иконой.

— Не гад ты мне, Иван Петгович, — сказал Вяземский, — по глазам вижу, не гад.

— Да что греха таить, Афанасий Иванович, радоваться мне, видно, нечему...

— От тебя зависит, боягин, как скажешь, так и будет.

— Не понимаю, Афанасий Иванович, о чем ты разговор ведешь, зачем загадки загадываешь.

Слуга внес сулею с вином, два серебряных кубка и с поклоном поставил на стол.

— Прошу отведать, князь, — Федоров распечатал сулею и наполнил кубки, — во здравие!

Вяземский одним духом выпил вино.

— Надоело, — сказал он, стукнув ладонью о стол, — не хочу больше полоумному цагю служить. Ты понял меня, боягин? Мы цагю Ивашке клянемся, а он обезумел. Его впогу в клетку сажать.

— Замолчи, князь. Не потерплю в моем доме непристойные речи...

— Хогошо, боягин, знаю, ты вегный цагский слуга... Ты послушай, а потом, ежели хочешь, донеси Ивашке, пусть с меня с живого шкугу спустят.

Иван Петрович Федоров, один из самых умных людей, стоявших во главе Русского государства, не знал, что и думать. Вяземскому он не верил. В то же время он понимал, что князь не может надеяться провести его как воробья на мякине. И боярин решил слушать.

— Я человек пгямой, — продолжал Вяземский, — и пгямо тебе говогу — будь цагем на Гуси.

— Ты что, Афанасий Иванович? — еле выговорил Федоров.

— Подожди, не пегебивай. Как конюший, ты пегвый и чином и честью в госудагстве после цагя. Кому быть новым цагем, ежели стагый помге? Иному быть некому, кгоме кенюшего. Учинили бы мы тебя цагем и без выбигания.

На побледневшем лице Федорова застыл испуг. Он хотел что-то возразить, но Вяземский опять не дал.

— Я сам пгикончу безумца, — сказал он, поднявшись со скамьи и понизив голос, — только согласие дай. Дгугого цагя мне не надо. Цагевич Иван недалеко ушел от отца. А Володька Стагицкий гедьки гнилой не стоит, — презрительно добавил князь. — Напгасно около него бояге ходят.

Иван Петрович больше ни на что не надеялся. Если он, боярин Федоров, донесет царю на опричника, царь не поверит и казнит, а если не донесет и Вяземский сам скажет — все равно смерть.

— Князь, я не слышал твоих речей, — произнес он с мольбой. — Пожалей, не губи. Если богатства моего хочешь, возьми, все отдам.

— Эх, боягин, не вегишь ты мне, — с горечью продолжал Вяземский, — а я ведь пгавду говогил. Подумай, тги дня тебе даю. Откажешь ежели, тогда бегегись... Спасибо за хлеб да соль. Завтга у цагя увидимся. Пгиказал он тебе к обеду пожаловать.

Иван Петрович проводил царского опричника до крыльца и пошел в опочивальню жены. У него подкашивались ноги.

— Машенька, — сказал он, — смерть моя пришла. — И заплакал.

Успокоившись, он рассказал жене о странных и страшных словах Вяземского.

— Поезжай немедля к митрополиту и все ему поведай, может быть, он поможет, — посоветовала жена. — На него вся надежда.

Около полуночи конюший Федоров в сопровождении слуг проехал под воротами Фроловской башни. По Кремлю шла мощенная вершковыми досками улица до каменного Успенского собора. Недалеко от него виднелись ворота владычного двора с иконой и деревянным резным крестом. У ворот, бросив поводья слуге, боярин спешил и ударил в небольшой бронзовый колокол. Владычный двор, отгороженный от царского высоким деревянным забором, представлял собой маленький городок, похожий на царский. Однако он был гораздо беднее.

Задняя келья владычных покоев служила спальней. Постель митрополиту готовили на одной из широких скамей, приделанных к стенам. А утром слуги уносили белье в кладовую. Здесь же хранилась библиотека и служебная переписка. Трапезовать владыка садился в той же спальне.

Митрополичий слуга провел боярина через обширные сени, служившие для бесед с простым народом. Они миновали крестовую с высоким, до потолка, киотом. Перед старинными иконами в чеканных золотых ризах и дорогих окладах горели лампы. В поставце лежали церковные и богослужебные книги в тяжелых переплетах и рукописи.

Митрополит Филипп, а в миру Федор Степанович Колычев, принадлежал к старому боярскому роду Колычевых. В детстве он получил хорошее образование, а будучи игуменом Соловецкого монастыря, показал себя предприимчивым хозяином, умножившим монастырское богатство.

Боярина Федорова митрополит принял в задней келье. Он, как показалось Ивану Петровичу, поседел еще больше. На умном лице искрились серые живые глаза. Он внимательно слушал боярина, сидя на скамье, упершись руками на посох и положив на них подбородок.

Иван Петрович без утайки все рассказал владыке. И о челобитной грамоте князю Старицкому, и о приговоре бояр предать смерти царя Ивана, и о приезде Ивана Козлова с письмами польского короля Сигизмунда.

— Значит, ты выдать ляхам царя Ивана отказался? А Ивана Козлова отправил с приставами в Москву?

— Такое, святой отче.

— Хорошо сделал, боярин.

— Что же дальше, святой отче? Если царь опришнину не отставит, а наша челобитная князю Старицкому попадет в царские руки, много крови прольется. Грамоту я надежному человеку

отдал — князю Ивану Мстиславскому. Он посулился все сделать.

— Ты думаешь, князь Мстиславский надежный человек?

— Думаю тако, святой отец.

Митрополит не стал возражать.

— Не будет у царя скоро верных слуг, готовых за Русскую землю голову сложить. Много воевод в застенках у Малюты Скуратова... Нельзя, владыка, терпеть опришнину. Обнищает Русь, обезлюдует. Многие в Литву и в другие страны бегут, и казнями того не остановить.

Федоров замолчал и сидел, устремив взгляд на трепетное пламя свечи.

— Что еще ты хотел мне сказать, боярин?

— Поздно вечером ко мне князь Вяземский, царский любимец, приехал. Наговорил мне такого, что до сих пор голова кругом идет.

Иван Петрович подробно рассказал владыке о беседе с Афанасием Вяземским.

— Загадал загадку. Неспроста князь Вяземский к тебе пожаловал. Ты думаешь, проверить тебя хотел? Может быть, так, а может быть, иначе. Царь-то и вправду не в своем уме и многим оскомину набил. Правда твоя, от княжеских словес голова кругом пойдет. Разузнаю завтра, в чем суть.

Митрополит горестно задумался. Православная церковь переживала тяжкое время. Страшная ржа разъедала ее изнутри. Соблазны губили духовенство. Что творится в монастырях? Люди ищут в них не спасение души, а телесного покоя и наслаждения. Архимандриты³⁸ и игумены не знают братской трапезы, угощая друзей в своих кельях. Иноки и инокини³⁹, не стыдясь, моются вместе в банях. Пьяные попы на соблазн прихожанам ругаются и дерутся. Глядя на них, миряне не оказывают уважения к церкви: входят в храм в шапках, смеются, перебраниваются. Нередко во время божественного пения можно услышать срамные слова. Благодетие падает все ниже и ниже. Среди горожан и крестьян все больше людей нарушают церковные законы, божественные заповеди. Многие впадают в неверие и язычество...

Церкви тяжело под рукой царя. Он зарится на церковные богатства. Добрую половину ратников в царское войско и сейчас посылает церковь. А дальше будет еще хуже. И земли церковные скоро царь отберет.

Мерзкие дела царя, злодейства опричников стали известны народу. Скоро убийство не станет почитаться народом за грех. А мы, духовные пастыри, должны называть его помазанником божьим и звать людей к послушанию и любви. Как же нам проповедовать слово божье?

— Осенью слух среди бояр пошел — хочет-де царь постричься в монастырь Кирилло-Белозерский, а еще будто отъехать хочет к аглицкой королеве Елизавете всей царской семьей, — вновь заговорил митрополит. — Правда ли тако, не знаю... Ты говоришь, царь не Рюрикова корня, а сын князя Овчины-Оболенского? Трудно сие доказать. А хотя бы и так. Разве тебе не все едино? Лишь бы смуты в государстве не было... А князю Вяземскому, может, и на самом деле все опротивело, Володимиру Старицкому он не верит, а ты ему нравишься — умный, справедливый человек. И на Малюту Скуратова, зятка своего, надеется, думает, не продаст... Теперь послушай, — владыка стал говорить тише, — воевода Алферьев под пыткой показал, будто ты хочешь царя со всем семейством силой захватить и передать литовскому королю. Будто и слуги твои про заговор знают. И еще скажу: недавно на царском совете воевода Иван Колычев убил сына Василия и сам себя убил. Колычевы у тебя

на охоте были?

— Были Колычевы, святой отец.

Боярин Федоров бросился на колени перед владыкой.

— Заступись, не то все погибнем и Русскую землю погубим. Не за себя прошу. За Русь!

— Встань, Иван Петрович, — тихо сказал Филипп, стараясь приподнять грузного боярина, — садись сюда. — Он положил сухонькую ладонь на широкую лавку.

Повинуясь владыке, Федоров медленно поднялся с колен и сел. Взглянув в лицо боярину, митрополит заметил на глазах у него слезы.

— Иван Петрович, успокой свою душу. Бог не допустит гибели нашей... Я дал клятву царю не вступаться против опричнины. Но молчать я больше не буду, молчание — еще больший грех. Я должен сказать, что думает церковь. Может быть, это остановит царя, поможет ему освободиться от дурмана. Как я совершу, не знаю пока. Но чаша терпения переполнилась, а конца злодействам не видно. Будь готов к худшему, — продолжал владыка. — Я заступлюсь, но может и не внять царь моим словам. Отпускаю тебе грехи, боярин Иван.

Митрополит перекрестил Федорова.

Иван Петрович поцеловал руку святителя. * * *

На запад от берега реки Неглинки, на расстоянии ружейного выстрела от Кремля, высились стены нового опричного дворца. Стены толстые, каменные, высотой в три сажени. В крепость вели трое ворот, обшитых жстью и окованных железными полосами. На воротах изображены львы и двуглавый орел с распростертыми крыльями. Восточные ворота открывались только перед царем. Ни князья, ни бояре не могли проходить через эти ворота. За стенами виднелись высокие постройки с островерхими крышами и со шпильями. И на шпилях черные двуглавые орлы. Площадь двора для сухости засыпана на локоть белым речным песком⁴⁰.

Иван Петрович Федоров с другими земскими боярами, приглашенными царем на званый обед, прошел в крепость через северные ворота. Боярам бросилось в глаза большое число хорошо одетых и вооруженных опричников, стоявших по всем углам. У главного крыльца бояр окружили десятка два стрельцов с секирами и в праздничных кафтанах. В начальниках у них состоял известный опричник Василий Грязной. Поднявшись по крутым ступеням крыльца, бояре и стрельцы вошли во дворец.

Не совсем в своей тарелке чувствовали себя званые гости. Все здесь было необычно и вызывало изумление. В городе ходили слухи, что земские бояре, выполняя приказ царя, денег на постройку не жалели и дворцовые палаты отделали с роскошью.

Когда стрельцы повели бояр по узкой каменной лестнице куда-то вниз, они, зная злобный и мстительный характер царя, беспokoйно завертели головами.

Запахло сыростью. Тихо открылась перед ними тяжелая железная дверь, потом еще одна. Вскоре они оказались в подземелье, сложенном из обожженного кирпича. Дневной свет скупно просачивался сверху сквозь узкие продолговатые отверстия в кирпичной кладке.

Стрельцы подожгли факелы. Затрещала смола, и пламя осветило стены подземелья. В глубине виднелось какое-то темное пятно. Бояре долго не могли понять, что же это такое.

Василий Грязной указал на непонятный предмет пальцем.

— Воевода Федор Пастухов. Заполонен ляхами в Изборске и выкуплен великим государем.

Не умел воевода ни крепости, ни самого себя защитить от ляхов и литовцев. Великий государь повелел своим людям расстрелять его из луков, чтоб другим не повадно было.

Теперь бояре поняли. Воевода был привязан к столбу. От множества стрел, вонзившихся в голое тело, он стал похожим на огромного ежа.

— Изменник, предатель, — громко продолжал опричник, — получил по заслугам, теперь его съедят собаки.

Бояре молча переглянулись. Все они знали Федора Пастухова, храброго воина и опытного воеводу. Они вспомнили, сколько врагов, ступивших на Русскую землю, он уничтожил, сколько выиграл битв и сколько взял крепостей.

Василий Грязной приказал открыть следующую дверь. Каменный пол второго подземелья был сырой и скользкий. В некоторых местах сапоги хлюпали в жидкости. Когда стрельцы принесли факелы, на лицах бояр отразились ужас и отвращение: весь пол был залит кровью. Посредине лежала куча человеческих тел, изрубленных в куски.

— Сегодня эту падаль вывезут за крепостные стены — пусть лакомятся собаки, — плюнув на трупы, изрек опричник. — Здесь восемьдесят семь человек сложили свои головы. Изменники хотели ворожкой и наговорами испортить здоровье великого государя, пусть будут они прокляты.

От приторного запаха крови Иван Петрович стал задыхаться. У него закружилась голова, он дрожал то ли от холода, то ли от виденного. Наверно, он не выдержал бы пытки и потерял сознание, но стрельцы вовремя открыли дверь ведущую во дворец. Пахнуло свежим воздухом, теплом.

Василий Грязной заставил бояр вытереть ноги о половичок и повел их по переходам. На деревянных стенах с обеих сторон очень похоже были вырезаны дубовые ветки с листьями и желудями. Большие окна дворцовых переходов пропускали много света. Бояре снова увидели солнце, вытерли потные лбы и облегченно вздохнули. В столовой палате обед уже начался. Царь Иван сидел с непокрытой головой на своем месте у стены с нарисованной на ней картиной Страшного суда. Справа на скамье лежала его остроконечная шапка. Свой посох он прислонил к спинке резного кресла.

Боярин Федоров с другими земцами-боярами поклонились царю. В это время он отрезал кусок жареного лебедя и, сунув его в рот, стал жевать, быстро двигая челюстями. Не переставая жевать, великий государь указал боярам рукой на свободные места. Земцы уселись за стол, уставленный чашами с кислым молоком, солеными огурцами и грушами. Слуги в терликах⁴¹ из зеленого шелка принесли на тарелках куски жареной птицы, наполнили кубки красным греческим вином.

Царь взял в левую руку серебряный кубок и перекрестился. Как только он поднес его к губам, все гости, желая ему здоровья, дружно встали. Выпив вино, он поставил кубок и кивком поблагодарил за честь.

Каждый раз, перед тем как отведать от какого-нибудь блюда или выпить вина, царь Иван закрывал глаза и крестился.

Через час гости насытились и изрядно выпили. Пошли хмельные шумные речи. Боярин Федоров искоса рассматривал убранство новой столовой палаты. Деревянный потолок с продольными балками украшен резьбой. Резьба покрывала оконные и дверные наличники. А пол был выложен дубовыми брусками и раскрашен в черные и зеленые квадраты. Он не заметил, как царь подозвал одного из стольников⁴² и дал ему большой ломоть хлеба.

— Боярин Иван Петрович Федоров! — раздался голос у него над ухом. — Великий государь Иван Васильевич, божьей милостью царь и государь всея Руси, делает тебе милость — посылает хлеб со своего стола.

Боярин Федоров поднялся с места и молча выслушал слова стольника. Он принял хлеб, поклоном поблагодарил царя, а затем поклонился на все стороны.

Одарить хлебом со своего стола была большая царская милость. Однако Иван Петрович не обрадовался и ждал беды. Он видел со всех сторон завистливые, насмешливые и сочувственные взгляды.

— Боярин Иван Петрович Федоров! — снова неожиданно раздавалось над ухом. — Великий государь желает говорить с тобой.

Боярин встал и поспешил за придворным. Разговоры за столами затихли.

— Я вызвал тебя, слугу своего, из Полоцка, чтобы дать другое место, — сказал царь, пристально взглянув на боярина.

— Твоя воля, великий государь.

— Я назначаю тебя осадным воеводой в город Коломну. Воевал с литовцами, будешь воевать с татарами.

— Благодарю за милость, великий государь.

— погоди... ты мне должен двадцать пять тысяч рублей. Я хочу их получить завтра! — Царь, не отрывая глаз, продолжал смотреть на боярина.

— Все мое достояние принадлежит тебе, великий государь, — поклонился Иван Петрович, не выразив удивления.

— Добро... Ты видел, как я благодарю изменников? — неожиданно пронзительным голосом сказал царь, и лицо его приняло другое, хищное выражение.

— Я видел, великий государь. — Боярин Федоров понял, что царь Иван многое знает и ничего хорошего ждать от него не приходится.

— Добро, — опять сказал царь, — иди веселись, у нас в новом опричном дворце должно всем веселиться за обедом... Здоров ли ты, Иване? — спросил он, заметив необычную бледность боярина.

— Спасибо, государь, здоров.

— Ступай.

Вернувшись домой, боярин Федоров стал собираться в дорогу. С царским приказом не шутят. На следующий день, попрощавшись с боярыней и со всеми домочадцами, он выехал в Коломну, сопровождаемый небольшим отрядом верных слуг.

Глава одиннадцатая. КОГО ПРОЩАЮ, ТОГО УЖ НЕ ВИНЮ

Весна приближалась. Огромные сосульки свисали с кремлевских крыш. Под лучами солнца снег быстро таял, оседали сугробы. На голых деревьях набухали почки.

21 марта, в воскресенье, в древнем Успенском соборе началось торжественное служение. Владыка усердно молился на святительском месте, устремив глаза на древнюю икону спасителя. Под каменными церковными сводами душно. Горели тысячи свечей, больших и малых. От жаркого людского дыхания и свечного угара у митрополита кружилась голова.

Сладко выводят певчие божественные мотивы. Владыка различает громopodobный бас дьякона Нифонта и тончайший голосок отрока Кириака... Вдруг до его слуха донеслись посторонние голоса, звон оружия. Плотная толпа зашевелилась. Владыка скосил глаза и увидел ненавистных опричников в черных рясах, из-под которых виднелись яркие кафтаны с золотым шитьем. Волна возмущения и гнева поднялась в душе митрополита, благостное чувство, владевшее им, испарилось. Стараясь успокоить себя, он снова стал смотреть на икону спасителя.

Опричники проложили в толпе широкий проход к святительскому месту и выстроились рядами по обе стороны.

Под сводами собора прозвенели удары посоха. Показалась высокая фигура царя. Осунувшийся и хмурый, он был одет, как и опричники, во все черное. Крестьясь, царь быстрым шагом подошел к возвышению и, склонив голову, молча ждал благословения.

Митрополит, словно не замечая царя, не отводил глаз от образа. Бледное лицо его стало еще бледнее.

Царь три раза преклонял голову, но митрополит не обернулся.

— Владыко святой! Благочестивый государь, царь Иван Васильевич всея Руси требует твоего благословения, — приблизясь, громким шепотом сказал опричник Алексей Басманов.

Филипп обернулся и пристально, будто не узнавая, стал рассматривать царя, обряженного в странную, непристойную ему одежду.

Губы митрополита крепко сжались. Он вспомнил обиды, нанесенные царской рукой его родичам и близким. Перед глазами возникли церковные иерархи, над которыми издевался царь, словно над своими холопами. Владыка вспомнил ночной разговор с боярином Федоровым. «Буду молчать — царь и церковь христову ограбит и сделает своей служанкой... Я должен сказать, что думаю. Ежели буду говорить в храме, он не посмеет остановить. А потом пусть делает со мной что хочет».

— Благочестивый? Кому угождал ты, исказив свое благолепие? — громко произнес владыка.
— Не умолял ли я тебя отвернуть лицо от ласкателей?.. С тех пор как светит солнце на небе, не слышано, чтобы благочестивые цари возмущали собственную державу. Столь ужасно страдают православные; у татар и язычников есть закон и правда, а у нас нет их, всюду находим милосердие, а на Руси и к невинным, и к справедливым нет жалости. Мы, духовные пастыри, приносим господу бескровную жертву, а за алтарем льется неповинно кровь христианская. Но скорблю не о тех, кто, проливая свою невинную кровь, сподобится святым мученикам, нет, но о твоей бедной душе страдаю. Хотя и образом божьим возвеличенный, ты, однако же, смертный человек, и господь взыщет все от руки твоей...

В храме наступила напряженная тишина, хор перестал петь. А может быть, он и пел, но никто не слышал его.

С замиранием сердца люди внимали словам митрополита. Его слабый голос под сводами храма звучал чисто и ясно. Но раздались новые звуки: царь в ярости стучал острием посоха о каменные плиты.

— Филипп, — сказал он грозно, — или нашей державе смеешь ты противиться? Посмотрим,

велика ли твоя крепость!

— Царю благий, — отвечивал старец, — напрасно думаешь устрашить меня муками, я пришелец на земле, как и все отцы мои, подвизаюсь за истину, за благочестие, и никакие страдания не заставят меня умолкнуть.

— Едино, отче честный, говорю тебе — молчи! — Царь в гневе едва шевелил языком. — Молчи и благослови нас...

— Наше молчание кладет грех на душу твою, — словно не замечая царского гнева, продолжал Филипп, — и наносит всеобщую смерть: худой кормчий губит весь корабль. Государь царь! Различай лукавого от правдивого, принимай добрых советников, а не ласкателей.

Опричники в ярости сжимали посохи в руках, хватались за ножи. Земские бояре, в душе радуясь смелому слову, опустили голову, не смея посмотреть друг другу в глаза.

— Покайся, царь, — окреп голос владыки, — смой от крови руки, очисти душу от скверны, отринь опричников, слуг адовых, что обступили тебя, кои и над таинствами церковными кощунствуют...

— Что с царем, почему не велит задушить злодея? — шепнул Малюта Скуратов своему соседу Алексею Басманову.

— Обнаглел чернец, прячется за спину народа. Разве возьмешь его в святом месте? — тихо ответил боярин. — Однако мы не забудем сих слов.

— ...Не уподобься Самсону, пожелавшему погубить врагов и обрушившему на свою голову храм...

Все ждали чего-то ужасного. Многие плакали.

Ударив посохом о каменный пол так, что стальное жало согнулось, царь Иван повернулся и крупно зашагал из церкви.

За ним заспешили опричники и многие вельможи.

Гроза нависла над владыкой. Однако он продолжал службу, будто ничего не произошло.

Отслужив молебен, митрополит Филипп выслушал советы священников и решил больше не ездить в Кремль на митрополичий двор. Лучше быть подальше от царского гнева.

А царь Иван, выйдя из церкви, долго молчал. Он понимал, что услышал мнение всей русской церкви. Опричники с беспокойством поглядывали на него: прислушается ли он к словам митрополита, повернет ли свои дела по другому пути?

Отповедь Филиппа царю в Успенском соборе получила большой отзвук.

Царские лазутчики шныряли по городу. Они подслушивали разговоры, смотрели на лица, пытались разгадать тайные мысли. К вечеру Малюта Скуратов знал, что Москва взбудоражена событиями в Успенском соборе. Промолчать было невозможно. Опричники решили нанести ответный удар.

Утром были схвачены ближние советники митрополита; старцы Леонтий Русанов, Никита Опухтин, Федор Рясин, Семен Мануйлов. Их пытали в застенке о тайных замыслах владыки. Ничего не добившись, старцев вывезли в город и забили насмерть железными палками.

Погиб, обвиненный в измене, князь Василий Пронский. Из Коломны в Москву был вызван боярин Иван Петрович Федоров. Царь приказал ему безвыездно находиться в своем московском доме и ждать его повелений.

В одну из темных июльских ночей дружина опричников во главе с Афанасием Вяземским, Малютой Скуратовым и Василием Грязным вломилась в дома известных московских людей — дьяков, купцов, тех, кто сказал хотя бы одно сочувственное слово о митрополите Филиппе. Опричники дочиста разграбили хозяев, а их жен, которые были помоложе и покрасивей, вывезли с собой из города.

После восхода солнца к опричникам присоединился царь Иван. Целую неделю царская дружина скакала по пригородам, разоряла и жгла поместья опальных вельмож.

На седьмой день царь Иван с опричниками вернулся в Москву. В Новодевичьем монастыре шел храмовой праздник.

Услышав звон колоколов, царь остановил коня. Черный злой жеребец Перун нетерпеливо топтался на месте и, раздувая ноздри, косил глазом на мертвую собачью голову, висевшую у него на шее. Через мгновение царь, не сказав ни слова, помчался к видневшемуся вдали белому каменному храму.

В утробе царского коня звучно играла селезенка.

Опричники повернули вслед за царем. Разгоряченные скачкой, весело переговариваясь, они подъехали к дубовым монастырским воротам.

Молебен служил митрополит. С многолюдным крестным ходом он обходил стены монастыря.

Царь поднялся на стены к молящимся. Он думал, что не плохо бы все же помириться со строгим владыкой. За ним, бряцая оружием, поднялись опричники.

По обряду, читая Евангелие, митрополит обернулся к народу, желая сказать: «Мир всем». Но остался с открытым ртом. Он увидел в свите царя Ивана опричника в татарской шапке.

— Царь! — воскликнул с негодованием Филипп. — Разве прилично благочестивому держать языческий закон?

— Как, что, кто? — пронзительно спросил царь.

— Один из ополчения твоего из лица сатанинского!

Опричник поспешно сорвал с головы шапку.

— Где же, покажи?

Алексей Басманов, нагнувшись к царю, шепнул:

— Митрополит возвел напраслину, снова желая тебя унижить, великий, государь.

И царь Иван поверил Басманову.

— Лжешь, чернец! — со злобой бросил он владыке. — Доселе я излишне щадил вас, мятежников, отныне вы у меня взвоете!

Царь Иван твердо решил расправиться с митрополитом. Он понял, что послушным его воле владыка никогда не будет. Своим строгим нравом, заступничеством за опальных и неутомимыми поучениями о законности и справедливости Филипп стал в тягость царю. Однако поднять руку на главу могущественной русской церкви даже для царя Ивана было не

так просто.

Опричная дума постановила собрать церковный собор и лишить Филиппа высокого сана.

Пока опричники готовились убрать со своего пути неугодного митрополита, царь Иван решил расправиться с ненавистными ему вельможами, и в первую очередь с боярином Иваном Петровичем Федоровым. Слишком богатым, гордым и независимым казался ему Федоров.

11 сентября царь пригласил в покои кремлевского дворца думных бояр, опричных, и земских дворян, и многих служивых людей, находившихся в столице.

Великий государь сидел на своем золоченом кресле. Увидев среди приглашенных боярина Федорова, он милостиво подозвал его.

— Слуги, — крикнул царь, когда Федоров приблизился, — подайте царскую одежду для нового царя! Оденьте его.

Спальник принес тяжелую, расшитую золотом одежду. В один миг слуги сбросили с плеч боярина длиннополый суконный кафтан и натянули сверкавшие украшениями царские ризы.

Царь Иван сошел с престола и, поклонясь на все стороны, сказал добродушно улыбаясь и протягивая изумленному боярину Федорову скипетр:

— Возьми. А теперь взойди и сядь на мое место!

Эти слова царь произнес громко, окинув взглядом притихших бояр и дворян, толпившихся у трона.

Опричники стояли, насмешливо улыбаясь. Земские бояре и дворяне насупились.

Подталкиваемый царем, Федоров сделал несколько шагов к трону. Он был бледен, но держал себя с достоинством.

Остановившись на мгновение, он с укоризной спросил:

— Великий государь, почто шутишь слугу своего?

Царь не ответил.

Иван Петрович взобрался по ступеням трона и сел на мягкое седалище.

Царь Иван сорвал шапку с головы и рухнул на колени перед боярином.

— Здрав буди, великий царь земли Русской, — куражился он, — се принял ты от меня честь, тобою желаемую.

Царь поднялся с колен. Лицо его исказилось злой усмешкой, губы подергивала судорога.

Боярин Федоров понял, что минуты его сочтены. Сейчас он не видел никого, кроме царя Ивана. А царь казался ему не великим властелином, а простым, выжившим из ума человеком. И Федоров смотрел со своего высокого места на царя, не то сожалея, не то презирая его.

— Я никогда не желал этой чести.

— Врешь, лукавый раб!

— Я не раб твой, но слуга. Ты ошибаешься, считая всех своими рабами. Я раб божий, а

перед богом мы все равны.

— Изменник, ты хотел предать меня, выдать в Литву, королю Жигимонду, а самому сесть на престол. Ты сказал на сборище под Полоцком, что я не царского происхождения. Я все знаю!

— Ты не знаешь правды, государь. Гришка Скуратов опутал тебя ложью.

Иван Васильевич молчал, глотая слюну. Бородка задралась кверху, острый кадык судорожно двигался.

— Ты возомнил о себе много, — сказал боярин так, словно говорил с товарищем, а не с царем. — Никто тебе не перечил, вот ты и стал считать, что тебе все позволено, возомнил себя непогрешимым. В каждом государстве нужна строгая рука властителя. Строгая, но справедливая. А где у тебя справедливость? Ты думаешь о себе, о своей безопасности, о своем благополучии. Ты живешь тем, что происходит сегодня. Но ведь государство Русское должно жить и за порогом твоей жизни. Благо ли ты делаешь, чем обернутся твои деяния при царствии твоего сына? Безумец, кто на песке созиждет здание, ибо падет оно от первого ветра. Не можно по-прошлому да по-настоящему жить... грядущее впереди. Мыслить надо, како государство лучше строить. Ты хочешь воевать чужие земли, а свой народ бедствует. Пора обратиться к своей земле и к своему народу. Ты погряз в пороках, стал палачом, льешь потоками кровь русских людей, сердце твое обросло шерстью. Если бог спросит меня там, — Федоров поднял руку кверху, — можешь ли ты, государь, остаться на царстве, я скажу ему — нет...

Царь Иван слушал словно зачарованный слова старого боярина.

Из рядов опричников, пошатываясь, вышел князь Михаил Темрюкович Черкасский. Он засучивал на ходу рукава кафтана. Князь был женат на дочери Василия Михайловича Юрьева, родного племянника покойной царицы Анастасии, приходился шурином самому царю, а поэтому позволял себе то, чего не могли другие.

— Великий государь, я задушу изменника! — И он протянул к боярину Федорову длинные волосатые руки. На растопыренных пальцах блестели перстни.

— Отойди! — Царь в бешенстве замахнулся на князя посохом. — Отойди!..

Думный дворянин Скуратов схватил пьяного Темрюковича за полу кафтана и оттащил от боярина.

— Я слушаю тебя, Ивашка, — сказал царь Иван. — Продолжай!

— В других странах тоже есть властители, — вздохнул боярин Федоров, — но они уважают своих слуг, и слуги их любят и слушаются. В других странах есть совет при властелине и суд. А у нас только твоя злая воля. Неужели тебе ни разу не пришло в голову, что твои слуги тоже люди такие же, как и ты!.. Нет, не может безумный человек управлять государством...

Иван Петрович подумал, что сказал все, что должен был сказать честный человек, любящий свою землю. Он мысленно попрощался со своей женой и перекрестился.

— Но, имея власть сделать тебя царем, могу и низвергнуть с престола, — опомнился царь и выхватил острый нож. — Умри же.

И он ударил боярина ножом в сердце.

— Эй вы, разите врага государева!

Десятки длинных ножей пронзили грудь старого конюшего, и после смерти продолжавшего

сидеть на царском месте. Опричники сорвали с него блестящие ризы и, схватив за ноги, выволокли обезображенное тело из дворца.

— Псам на съедение, псам на съедение! — кричал царь, притопывая ногами.

— Так кончают все мои враги, — успокоившись и обмывая в серебряном тазике обрызганные кровью руки, сказал он. — Так есть и так будет впредь.

— А ты, — обернулся он к Малюте Скуратову, — скажи к нему в дом и всех слуг — всех до единого, ты слышишь? — в реку. А жену — в монастырь. Ступай.

Малюта Скуратов махнул рукой опричникам и бросился к двери. Два десятка вооруженных людей, звеня доспехами, последовали за ним.

Царь медленно взошел по ступеням на престол. Уселся, оправил одежду.

— Михайку Колычева сюда, — сказал он, помолчав.

Бледный, обросший волосами, предстал другой опальный перед царем. Он тоже чувствовал смерть. Ноги его подгибались и дрожали.

— Кем ты приходишься митрополиту?

— Троюродным братом, великий государь.

— Он любил тебя?

— Любил, великий государь.

Михаил Иванович Колычев поднял голову и взглянул на царя.

— Я тебе доверял. Послал на Шексну в Горицкий монастырь для бережения старухи Евфросиньи Старицкой, а ты от нее князю Володимиру изменные бумаги возил. А-а?

— Не виновен я, великий государь, письма я те читал, тамо о здравии писано.

— Лжешь! — закричал царь. — Не знаешь ты грамоте, как ты мог письма честь? Говори, хотел ты меня извести, а на престол князька Володимира поставить?

— Помилуй, великий государь, — заплакал Колычев, — того и в письмах не было.

— Лжешь! — сверкнул глазами царь и сильным ударом посоха пронзил грудь Колычева.

— Федька!

Молодой опричник Федор Басманов появился перед царем.

— Все у тебя готово?

— Все, великий государь. — Федор Басманов показал царю мешок из бараньей кожи.

— Сруби голову изменнику, — царь кивнул на распростертое тело Колычева, — и в мешок. Пошли скорого человека, пусть отвезет владыке...

И с новой силой начались на Руси неслыханные, зверские расправы царя Ивана со своими подданными. Каждый день обвиненные в изменах и заговорах десятки людей умирали в застенках и тюрьмах.

Над головой митрополита тучи стали чернее черного.

Вскоре после казни боярина Федорова в Соловецкий монастырь выехали царские люди, чтобы разузнать о настоятельских делах владыки. Во главе следственной комиссии стоял суздальский епископ Пафнутий, членами архимандрит Феодосий, дьяк Дмитрий Пивов и князь-опричник Василий Темкин-Ростовский.

Соловецкий игумен Паисий наговорил много ложного на митрополита. За усердие ему обещали епископский сан.

Обвинительный акт, составленный на многих ложных показаниях, глава следственной комиссии епископ Пафнутий отказался подписать.

Опричники немало потрудились, собирая отцов православной церкви на собор. Кого купили деньгами и повышением в должности, а кого припугнули тюрьмой и смертным страхом.

Наконец собор был созван. Нашлись завистники и клеветники. Игумен Паисий и духовник царя Ивана благовещенский протопоп Евстафий превзошли в подлости, доносах и клевете всех остальных.

Митрополита на собор не допустили.

4 ноября собор постановил лишить владыку святительского сана. Однако царь Иван приказал ему служить обедню в день архангела Михаила.

6 ноября казанскому архиепископу Герману, стоявшему на соборе за митрополита, отсекли голову.

В этом году зима вступила в свои права рано. Целую неделю шел снег. Держались морозы, и по Москве наладилась санная дорога.

Наступил назначенный Михайлов день⁴³. В Успенском соборе началась служба. Митрополит Филипп в полном облачении стоял перед алтарем. Народу было много, так же, как весной, в памятное воскресенье. И так же, как тогда, в храме появились опричники в черных одеждах. Боярин Алексей Басманов прервал службу, объявил царский указ о низложении Филиппа и велел читать постановление церковного собора.

Люди, заполнившие церковь, застыли в ожидании. Дьяк Андрей Щелкалов, твердо выговаривая слова, раздававшиеся в церкви подобно ударам молота, читал бумагу. Собор обвинил митрополита Филиппа в порочном поведении, скаредных делах и лишил его святительского сана. По церковным законам он должен бы быть посажен в деревянную клетку и сожжен живым. Но духовенство, участвовавшее в соборе, просило царя заменить огневую казнь вечным заточением в монастырской темнице.

— Отселе Филипп не будеши митрополит и священная да не действуеши, но будешь яко простой монах, — закончил дьяк Щелкалов.

С последним его словом опричники вторглись в алтарь. Малюта Скуратов, грязно ругаясь, два раза ударил Филиппа кулаком в лицо. Сорвал с него святительскую одежду, сбил с головы митру. А Василий Грязнов напялил на него старую монашескую рясу в заплатках и дырах. Голову покрыл шутовским колпаком.

— Вон из церкви, — орали опричники, — изменник государев!

Разжалованный митрополит в срамной одежде показался из алтаря и, пошатываясь, направился к выходу. Удары Малютиного кулака ослепили его, он двигался, ничего не видя, натываясь на людей. Опричники подгоняли его метлами. В церковной толпе роптали, многие пытались собой заслонить владыку. Из паникадила вывалилась оплывшая свеча и упала в толпу. Кто-то испуганно вскрикнул.

— Государя боитесь, а бога надо больше бояться, — неожиданно громко сказал митрополит, — прискорбны и паскудны дела ваши, опричники.

Когда он вышел на площадь, полупьяный князь Михаил Черкасский заковал его в железные цепи.

Неподалеку от церковных дверей стояла старая кобыла с облезлым хвостом, запряженная в мужицкие дровни. Опричники с воем и криками бросили на них старика. Малюта Скуратов и Василий Грязной сели сзади, и ездовой ударил сапогами по ребрам тощей кобылы. Люди выбегали из дверей храма, бежали вслед за дровнями и просили у старика благословения.

Владыку везли узником в монастырь Николы Старого на Никольской улице. По приказу царя ему приготовили место в скотном хлеву на смрадной соломе.

Ночью царь Иван долго молился. Спальники у дверей дрожали от страха, слыша тоскливые вопли царя, распевавшего покаянное:

Труба трубит,

Судья сидит.

Животная книга

Раскрывается...

Увы мне грешному, горе мне окаянному, ох мне скверному...

11 ноября митрополитом всея Руси был торжественно избран архимандрит Троице-Сергиева монастыря Кирилл.

Уставший от многих забот, царь Иван уехал в Можайск отдыхать и охотиться на зайцев.

Глава двенадцатая. В ОТЧИНЕ БОЯРИНА ИВАНА ПЕТРОВИЧА ФЕДОРОВА

На деревню Федоровку опричники нагрянули рано утром. Дома содрогались от топота конских копыт, выстрелов и громких криков:

— Гой-да! Гой-да!

В черном шелковом стихаре, окруженный знатными опричниками, появился царь Иван. Под его одеждой серебрилась кольчуга, на голове торчал высокий шишкастый шлем.

Посреди широкой улицы стрельцы поставили дубовую колоду, привезенную на особой телеге, положили на нее топор с короткой ручкой.

Опричники выгнали на улицу мужиков. Дьяк Дмитрий Пивов зычным голосом прочитал царский указ о изменных делах боярина Ивана Петровича Федорова.

Испуганные царским наездом мужики молчали.

Царь Иван вынул саблю из ножен и поднял ее кверху. Две сотни опричников, потрясая оружием, бросились в толпу.

Видя неминуемую смерть, мужики стали отбиваться. Некоторым удалось вырваться из рук палачей. Тогда их догоняли всадники и рубили саблями.

Царь по-татарски сидел в седле и, подбоченясь, следил за казнями. Ноздри орлиного носа вздрагивали, глаза расширились...

На улицу выбежали мужицкие жены и, упав на колени, с плачем молили царя о милости. Со всех сторон слышалась бабья голосьба.

— Помилуй наших мужиков, великий государь, — кричали женщины, — не виновны они! А мы без них с голоду умрем вместе с детками!..

Поправив дрожавшей рукой сползший на глаза шлем, царь мигнул опричникам, и мужицких жен, осмелившихся просить за мужей, выпороли плетью у него на глазах.

— Гой-да, гой-да! — кричали опричники.

Более двух сотен крестьян опальной деревни казнил царь. Мужичьи головы, как арбузы, валялись на залитой кровью площади.

Дошло дело и до мужицких жен. Всех баб и девок опричники выволокли из домов, сорвали с них одежду и заставили ловить кур, выпущенных из корзин у ног царского коня.

— Стреляй по оленям! — закричал царь.

Он поспешно вложил в лук стрелу и первый выстрелил в обнаженную женщину. С дикими криками и свистом опричники стреляли из луков в орущих от страха и боли женщин, словно охотились за дичью.

Разъяренный бабьими воплями, из ближней избы выскочил высокий косоротый мужик в длинной рубахе и бросился на первого попавшегося на глаза карателя. Он подступал скоком, сжав в руках рогатину. Опричник выхватил саблю и стал отбиваться.

— Стреляй! — выкатив черные кровянистые глаза, закричал царь Иван, показывая пальцем на мужика.

Стрелы полетели в косоротого. Однако он успел проткнуть рогатиной опричника.

Мужик своей смертью спас многих женщин. Воспользовавшись коротким замешательством, они бросились со всех ног к близкому лесу. Анфиса, жена Степана Гурьева, побежала к густому кустарнику на берегу реки.

— Степушка! — кричала она, задыхаясь. — Степушка!

Погнавшийся конный опричник ударил ее древком копья в затылок, и Анфиса потеряла сознание.

— Гой-да, гой-да! — раздавались грозные вопли царя.

Опричники поджигали дома, рубили и кололи деревенское стадо, не успевшее выйти на пастбище. Перебивали крестьянским лошадей ноги, запалили скирды недавно скошенного сена. Человеческие вопли, мычание коров и отчаянное ржание лошадей смешались...

Царь Иван осадил взмыленного коня у большого пруда, в котором водились крупные, жирные караси.

— Спускай воду! — крикнул царь.

Опричники осушили пруд. На илистом дне, широко открывая рты, бились золотистые рыбины.

— Пустьдохнут, везде измена! — бесновался царь.

После расправы с опальными в деревне Федоровке царь Иван до глубокой ночи пировал с приближенными в походном шатре. Рядом с ним сидел Федор Басманов, молодой красивый мужчина. Он приходился царю родственником — был женат на племяннице покойной царицы Анастасии.

В застолье участвовали бояре Василий Юрьев и Иван Чеботов, царский шурин князь Михаил Черкасский, ловчий Григорий Ловчиков, князь Василий Сицкий, женатый на сестре царицы Анастасии, и несколько знатных казанских татар.

Обширные родственные отношения царя Ивана по крови и по свойству были очень сложными и запутанными. Вряд ли он помнил всех своих родственников.

Ночью в разгар пиршества прискакал думный дворянин Малюта Скуратов. Оберегать царскую власть в Александровой слободе остались верные опричники — Алексей Басманов и Афанасий Вяземский.

Малюта подробно рассказал царю о мнимых заговорах и изменах, якобы им открытых. Он твердо верил, что лучше выдумать предателя, чем явиться с пустыми руками. Царь, как всегда, слушал внимательно.

— Потерпи, великий государь, — закончил Малюта, — скоро ты победишь, и все будут у ног твоих, и все признают, что только от тебя исходит истина и спасение.

Уединившись после пира, царь Иван долго распевал покаянные псалмы. * * *

От холода Анфиса под утро пришла в себя. Она голая лежала со вчерашнего дня в прибрежных кустах, уткнувшись лицом в траву. Тупая боль в затылке не давала повернуть голову.

Молодая женщина с трудом приподнялась и села. Сквозь зеленые ветки ивняка виднелись дымившиеся остатки сгоревших деревянных изб... Ярко горели боярские хоромы и деревянная церковь, построенная Иваном Петровичем Федоровым два года назад. Чуть ниже по реке одиноко чернела закопченная баня боярского приказчика Сереброва.

Анфиса была удивлена. Все будто вымерло. И голосов человеческих не слышно. Тишину нарушал тоскливый собачий вой.

«Погреться бы, — было первой мыслью озябшей женщины. — Там, у пожарища...» Она хотела бежать к горевшей церкви. Но стыд остановил ее. Поразмыслив, она решила пробраться под берегом к темнеющей на реке серебрянской бане. Кое-как прикрывшись веником из зеленых веток, Анфиса побежала. У дверей молодую женщину вновь обуял страх: ей послышался шум внутри бани, и она не сразу взялась за железное кольцо.

Анфиса вспомнила своих сыновей Николку и Ваняtku. Они остались дома. «Что им делается? — успокаивала она себя. — Младенцы перед богом и царем не виноваты. А мужик, на счастье, по дрова уехал, авось жив будет». Она снова прислушалась: за дверью стояла тишина. От боярской усадьбы по-прежнему доносился собачий вой. На реке квакали и тюрюрюкали лягушки.

В овраге раздался чей-то тихий стон. Ей опять стало страшно.

Отбросив сомнения, Анфиса звякнула скобой. Дверь скрипнула и отворилась. Какое-то черное двуногое существо бросилось от двери и спряталось за печкой. Анфиса вскрикнула, ноги подогнулись, словно тряпичные.

— Это я, твоя сестра Арина, — услышала она будто издалека знакомый голос, — не бойся. Я в саже нарочно вымазалась, чтобы кромешники не нашли. Сейчас-то спят в своих шатрах они, не бойся.

Анфиса открыла глаза. Перед ней стояла младшая сестра Аринка. Она отмыла сажу с лица и теперь ее не трудно было узнать. Зато черное тело лоснилось и блестело.

Заметив дрожь, сотрясавшую тело сестры, Арина принесла охапку дров, несколько ведер воды из реки и быстро раздула огонь.

Когда баня нагрелась, сестры долго парились, нахлестывая себя вениками. После бани Анфиса почувствовала себя лучше. Все, что случилось вчера, встало перед ее глазами. Она вспомнила людей в черных одеждах, тащивших мужиков к колоде, вспомнила царя, сидевшего на вороном коне, подогнув ноги. Вспомнила кудахтанье перепуганных кур...

— Как ты спаслась? — спросила Анфиса.

— Пошла в лес за ягодой еще до света.

Анфиса рассказала сестре, как за ней охотились опричники, все, что она видела в деревне.

— До сих пор чудится гудение стрел, — закончила она. — Страшно, Аринушка, такое никогда не забудешь.

Из бани сестры вышли, когда совсем рассветало. К счастью, припрятанная одежда Арины сохранилась, и сестры могли кое-как прикрыть свою наготу.

Показавшееся из-за леса огненное, как раскаленная сковорода, солнце окрасило кровью траву и прибрежные кусты ивняка. День начинался, как всегда. Так же зеленела трава и шумели под ветром вершины деревьев. Как всегда, пели птицы. По-прежнему спокойно несла свои воды река. Как будто ничего не изменилось на белом свете... Но то, что увидели сестры, наполнило страхом и отчаянием их сердца.

Церкви не было. Деревянная звонница сгорела дотла. Остались только закопченные каменные стены. От стоявших вокруг церкви домов остались одни головешки.

Анфиса опять вспомнила своих сыновей Николку и Ванятку. Дети оставались дома с бабкой и дедом, и она не очень беспокоилась. Но сейчас, видя вокруг себя одни развалины, страх за детей как-то сразу охватил Анфису.

Сестры медленно пробирались среди провалившихся могил, надгробий и крестов. Они прошли мимо двух старух, сидевших на древней плите и громко плакавших. Священник и дьякон бродили среди дымящихся, обгорелых бревен деревенской церкви и что-то искали. У попа обгорело полбороды, и он был смешон.

По дороге от церкви до боярской усадьбы врыты в землю десятка два кольев — на каждом посажен казненный. Их бороды залиты кровью, остекленевшие глаза открыты. За усадьбой начиналась сгоревшая деревня Федоровка.

— Я слышу конский топот, — остановившись, сказала Анфиса, — спрячемся, Аринушка, скорее, скорее!

Сестры спрятались под разросшимися при дороге кустами бузины. Едва дыша от страха, они

смотрели на скакавших всадников в богатых доспехах. Еще не улеглась на дороге пыль, поднятая копытами коней, как появились новые всадники.

Впереди на вороном жеребце ехал высокий человек в золоченом шлеме. Поверх стальной кольчуги с золотым двуглавым орлом на груди был наброшен широкий опашень. С шеи жеребца свисала собачья голова на серебряной цепи. Ее недавно отрубили, конская грудь была в крови. На вороном налобнике сверкал крупный алмаз. Немного поотстав, ехал широкоплечий Малюта Скуратов в золоченых доспехах. За ним трусили оруженосцы с царскими саадаками, копиями и мечами. Вслед оруженосцам двигалось плотными рядами опричное братство.

Всадники ехали близко от кустов бузины. Анфиса хорошо рассмотрела высокого человека в золоченом шлеме. У него был большой орлиный нос и реденькая бородка. По тому, как богато был убран его конь, Анфиса решила, что это сам царь.

Она не ошиблась.

У кустов бузины, где прятались сестры, царь Иван остановил коня. Приподнявшись на стременах, он долго что-то рассматривал из-под ладони.

— За мной! — крикнул вдруг он и вытянул плетью коня. — Гой-да, гой-да!

Мимо помертвевших от страха сестер проскакал отряд ближних к царю опричников, потом прокатила телега с полураздетыми, плачущими девками и молодыми бабами. За телегой проскакал еще один отряд. У каждого всадника при седле болталась собачья голова и метла.

Поднятая лошадиными копытами пыль медленно оседала.

— Мне страшно, бежим в лес, — прошептала Анфиса.

Арина еще не успела ответить, как на дороге показались два мальчугана.

— Федора Шарикова сыновья, — узнала Анфиса.

Когда мальчики подошли ближе, она тихо окликнула:

— Никитушка!

Мальчики остановились.

— Подойди, Никитушка, ко мне! Это я, Анфиса! Не признал?

Посмотрев по сторонам, мальчуганы юркнули под кусты.

— Ты жива, тетка Анфиса? — зашептал Никита. — А наши сказывали, убил тебя кромешник. Ан ты вона где!

— Не знаю, как жива осталась. Смотри, шишка, — Анфиса показала огромную опухоль на затылке, — окровавилась вся... А детушки мои где? И матушка с батюшкой?

Мальчуган склонил свою белобрысую голову.

— Сгорели бабка с дедом, — помолчав, ответил он, — кромешники дом подожгли и двери гвоздями забили. Вместе с домом и сгорели. А другие хрестьяне, кто вживе остался, все в лесу спрятались.

— А где Николка, Ванюша? — прошептала Анфиса.

— Когда дом загорелся, дед Федор детишек из окошка людям подал... Кромешник увидел да опять бросил их в дом.

Анфиса вскрикнула и, потеряв сознание, свалилась на землю.

Полумертвую, ее взял на телегу проезжавший мимо односельчанин и довез к опушке леса. Арина позвала на помощь спрятавшихся в лесу мужиков. На сплетенных из ивовых прутьев носилках они переправили Анфису в непролазную чащу, к трем вековым соснам, куда собрались оставшиеся в живых крестьяне деревни Федоровки.

В чувство ее привел Фома Ручьев, дружок Степана. Он вылил на нее ковшик студеной воды из ручья, приподнял ей голову.

Анфиса очнулась, мутными глазами посмотрела вокруг.

— Степан тебя искать в деревню пошел, — сказал Фома, — а ты здесь. Вот ведь как. Часу не прошло, как пошел...

— Николенька, Ванюша! — вспомнила Анфиса и зашлась в безумном плаче.

Лагерь бежавших от царской расправы был невелик. Кроме просторной хижины, построенной у трех сосен, покрытой от дождя шкурами недавно освежеванных коров, в кустарнике виднелись еще три шалаша поменьше, где хранились кое-какие запасы продовольствия.

Над кострами в подвешенных на треногах котелках кипело варево, распространяя вокруг приятный запах. Старуха Пелагея, босая и горбатая, помешивала в котелках большой деревянной ложкой.

Из шалаша вышел приказчик Прохор Серебров. Его детей и жену убили опричники. За ночь он стал неузнаваем. Голова совсем побелела, глаза ввалились.

Мужики обступили его со всех сторон.

— Хрестьяне, — сказал он, — решайте, как будем жить!

— Как ты мыслишь, поведай, — попросили мужики.

Серебров оглядел подступивших крестьян лихорадочно горевшими глазами.

— Плохо дело, ребята. Боярин наш в великой опале, а может быть, и жизни лишен. Отчину его царь на себя отберет, а потом отдаст новому хозяину. Каков он будет, никто не знает. Хорошо, ежели человек, а ежели кромешника бог пошлет? Опять грабеж и насилие. Да ежели и человек попадет, малым числом людей, — приказчик повел рукой по собравшимся, — разве подымешь хозяйство... Хлеб подчистую сгорел. Семена пропали. Скота малая толика осталась. Лошадям кровопийцы ноги перебили. С курами да с утками хозяйства не поднимешь. Голодный год впереди, многие ли выживут? А там, глядишь, с поборами царские люди приедут, последний кус изо рта вынут... И деревни нет, жить негде.

Приказчик Серебров опустил голову, замолк.

— Чего же делать, Прохор Архипыч?

— Скажи, как нам быть?

— Нанесло на нас несчастье.

Бабы, стоявшие позади и не пропускавшие ни одного слова, заплакали, запричитали.

— Слушайте, хрестьяне, — поднял голову Серебров, — мой совет в новые места податься. Туда, где кромешников нет и царская рука не достанет. Сами себе хозяевами станете.

— А как кабала? — раздался чей-то голос.

— Сожгли кабалу. Другой хозяин у нас будет, другие бумаги напишут. А сегодня мы люди вольные.

— Куда же нам идти, Прохор Архипович?

Серебров на минуту задумался.

— Что же, хрестьяне, на Волгу можно. Много там вольных мест. Можно на Дикое поле — на украинские города⁴⁶. И на Урал тоже можно. И в Сибири люди живут. Благодаря господу богу русскому человеку есть где уберечься.

— А ты сам, Прохор Архипыч, куда надумал?

— К Дикому полю, на юг, земли там плодородные, и поборов казна не берет.

Долго говорили мужики и порешили всем миром уходить на юг, к новому городу Орлу. Земля там черная. Налогов не берут. Даже лошадок и другое кое-что дают на обзаведение. Плохо, что от татар много лиха бывает. Крымский хан, почитай, каждый год лезет на Русскую землю. Однако не в диковинку русскому человеку от крымчаков отбиваться... * * *

Пока в лесу люди решали свою судьбу, Степан Гурьев искал жену в разграбленном селенье. Он спрашивал всех. Некоторые ничего не знали, а другие видели, как за Анфисой гнался конный и как он ее заколол копьем.

Повстречавшийся Степану Гурьеву брат Семен рассказал, как опричники бросили в горящий дом его сыновей. Поплакав, Степан стал искать тело своей жены Анфисы, чтобы похоронить по христианскому обычаю. Он искал долго, но жениного тела не нашел. Под вечер его заметили каратели и до полусмерти избили палками.

Отлежавшись в кустах, Степан вместе с братом Семеном и с тремя мужиками односельчанами утром ушли на север, к корабельной пристани Холмогоры.

Глава тринадцатая. И ОН УВИДЕЛ НЕСМЕТНЫЕ БОГАТСТВА, О КОТОРЫХ ДАЖЕ МЕЧТАТЬ НЕЛЬЗЯ

Карстен Роде очень быстро и удобно ехал из Нарвы до Москвы на ямских⁴⁷ лошадях. Своих товарищей Клауса Тоде и Ганса Дитрихсена он оставил в Нарве. Из Москвы приказчик Аники Строганова отправил его в город Вологду, тоже на лошадях. В Вологде строгановские приказчики посадили датчанина на небольшой дощаник, груженный разным товаром для Сольвычегодска. Вместе с датчанином они посадили толмача, маленького разговорчивого старичка. И поплыл дощаник по реке Вологде среди лесов и непролазных болот.

Плыли по течению, а где и под парусами. Если стихал ветер, помогали веслами. На дощанике жили четыре десятка человек. Они по очереди стояли на руле, отпихивались в мелких и узких местах шестами. Два раза в сутки варили себе похлебку из солонины и гороха.

Когда наступала темнота, дощаник становился на якорь, а люди отдыхали и пели грустные, протяжные песни.

На второй день пути дощаник крепко сел на мель. Пришлось беднякам судовщикам поработать до седьмого пота. Они выгрузили половину груза на берег при помощи четырех лодок и затем, когда дощаник оказался на плаву, снова погрузили на него все товары.

Карстен Роде с удивлением смотрел на бесконечные дремучие леса, на диких зверей: медведей, лосей, волков, встречавшихся по берегам реки.

По вечерам он закутывался с ног до головы в сетку, спасаясь от мучительных укусов комарья, черной тучей висевшего над дощаником.

На четвертые сутки дощаник вышел на широкую реку Северную Двину. Прижавшись к правому берегу ниже впадения в нее реки Вычегды, судовщики взяли за лямки. Они развернули свое судно и потащили его против течения в столицу купцов Строгановых — Сольвычегодск.

Город стоял среди еловых лесов. Несколько каменных и деревянных церквей сразу бросились в глаза, половина из них построена на деньги Аникея Строганова. В городе много высоких новых домов. На Афанасьевской стороне и за Введенским монастырем держались болота.

Выйдя из дощаника на берег, Карстен Роде сразу попал на ярмарку, раскинувшуюся по берегу и вокруг большой каменной церкви. Товаров на ярмарке было много, а людей возле товаров толпилось еще больше.

В сколоченных на скорую руку палатках торговали всевозможными вещами купцы помельче. Тут и кожи, рукавицы кожаные, и железо, и медь. В других рядах торговали овощами, яйцами, сухими грибами, орехами и еще коровьим маслом, холстинами, сермягой, валенками и льном.

Были купцы, торговавшие и красным товаром.

Торговец бусами, кольцами и разными женскими украшениями на глазах Карстена Роде положил за щеки две горсти мелких монет, не переставая оживленно разговаривать с покупательницами.

Особенно понравились датчанину меха. Здесь были соболи, каких не увидишь и в Москве, редкой красоты и высокой цены. Были белчиьи меха и бобровые шкурки.

— Это что! — сказал толмач, шагавший рядом с иноземцем. — Здесь мягкой рухляди самая малость. Посмотрел бы ты нашу зимнюю соболиную ярмарку! Вот где бы удивился!..

Оптовые купцы торговали мукой, горохом и зерном с дощаников и лодей, стоявших у берега. Много было плотов из бревен, сплавленных с верховьев реки, их продавали на дрова. И готовые, рубленые, дрова продавали с лодей и дощаников саженьями.

На четыре больших лодьи грузили соль в рогожках кулях.

Датчанина Роде удивило обилие выставленных на продажу еловых дров.

— Почему столько? — спросил он провожатого. — Или зимой здесь очень холодно?

— На варку соли идут дрова, господин. На десять пудов соли сажень дров требуется извести. А соли, сколь ее по всей Русской земле отсюда идет! Недаром город Сольвычегодск прозывается. Вон смотри, — толмач показал на десятки высоких труб, одна подле другой, вокруг озера и по берегу реки Солонихи, — сколь труб солеварных...

— А это кто? — снова спросил Карстен Роде, увидев на берегу реки, около лодок, нарядных

девушек; они были в новых сарафанах и цветастых платках, на ногах белые холщовые онучи и новые лапти.

— Невесты, — ответил провожатый. — Ежели вам, господин, жена потребуется, приходите на нашу ярмарку и смотрите, какая вам больше по душе. А как найдете, желание от невесты спросите и что за ней от родителей дают. Стыдливые невесты сами сказывать не похотят, тогда вместо них родные сказывают. И будет согласие между вами, тогда прямо под венец. — Толмач показал на красивую каменную церковь посреди площади.

Датчанин засмеялся:

— Что ж, надо подумать, может быть, придется и невесту искать... А если девица всю ярмарку отсидит и жениха не найдет?

— Ежели никто не возьмет или сама по себе не избрет, тогда отъезжает обратно восвояси... Другие на жатвенную работу нанимаются. Однако жену, ежели работница в дом нужна, взять выгоднее.

Невесты, заметив долговязого Карстена Роде в коротких бархатных панталонах, гастонских черных чулках и башмаках, пересмеивались, закрывая лица ладонями.

Карстен Роде приценился к хлебу. Здесь цены стояли низкие — за четверть ржи просили всего шесть денег⁴⁸.

— Вот и хоромы купцов Строгановых, — сказал старичок. — Не в пример и не в образец они прочим купцам.

Дворец Аникея Строганова, расположенный близ реки Солониhi на Никольской стороне, был весь деревянный. Он состоял из трех соединенных между собой сенями и переходами домов, срубленных из толстых бревен столетней лиственницы. Впереди, вплотную к дворцу, высилась деревянная башня с дозорной вышкой и колоколом. Украшенные деревянной резьбой хоромы выглядели нарядно и уютно. Со всех сторон их окружали крепостные стены с башнями и воротами. Стены сделаны из двойного ряда толстых бревен, засыпанных внутри землей.

Наметанный глаз кормщика заметил десятка два пушек, стоявших на стенах, и возле них вооруженных людей.

Дворецкий долго вел Карстена Роде по дворцовым большим и малым переходам, горницам и лестницам. Все выглядело добротнo и крепко. Датчанин удивился, что во всех горницах одна из стен до самого потолка занята иконостасом в несколько ярусов. Везде горели огни в разноцветных лампадках и пахло воском и ладаном. Сверкали густо золоченные толстые свечи.

Даже в переходах на стенах висели иконы, поражавшие яркостью красок и необычностью рисунка.

Хозяин был богомолен, любил художество и знал в нем толк. Мебель стояла не густо, но зато вся она была тяжелая, резная, сделана из мореного дуба.

Карстену Роде понравилась столовая с большим обеденным столом и длинными дубовыми лавками. За стол, не теснясь, могли сесть полсотни человек.

Кабинет Аникея Строганова был просторным, с высоким деревянным потолком. А пол был устлан ковром, сшитым из шкур белого медведя. Иконы занимали не одну, а две стены целиком. Большинство святых сверкали золотыми и серебряными ризами, усыпанными крупным жемчугом. У каждой иконы горела лампадка либо свеча. Третью стену занимала

полка, заполненная книгами, свитками, картами. На четвертой стене красовались модели кораблей.

Аника Строганов поднялся навстречу гостю. Кормщику показалось. Что купец похудел и еще меньше стал ростом. Одежда на нем была черная и чем-то походила на монашескую рясу. На груди виднелся тяжелый железный крест.

— Господин Карстен Роде, — сказал Строганов тихо, но отчетливо, — я рад видеть тебя. Поздорову ли доехал?

— О-о, я доехал превосходно! Мне очень нравится ваш дом. Но я... — датчанин немного замялся, — не понимаю: почему вы так удалились от столицы Москвы, от своего царя? Простите меня за нескромность, господин Строганов... Наши богатые люди стараются жить в Копенгагене, поближе к королю.

Аникей Федорович улыбнулся, взял со стола карту и подал гостю.

— Вот смотри... Теперь тебе понятно, почему я живу здесь, на реке Вычегде?

— Не совсем. Одно ясно, что отсюда вам удобно доставлять ваши товары. Северная Двина — превосходная дорога к Северному морю.

— Правильно, господин Карстен Роде. А кроме того, в наших местах есть соль, железо, медь. Отсюда не так далеко до моей новой вотчины — Пермской, пожалованной мне великим государем три года назад. От Астрахани и от Москвы весьма удобно плыть в Пермскую вотчину. Я все товары сплавляю по рекам. А еще, заметь, отсюда, из Сольвычегодска, прямая дорога в Сибирское царство по рекам и сухим путем до самой Оби-реки. Я сам нашел удобный путь на Обь через реку Лозьву... Это было давно, — улыбнулся Строганов, — мне было тогда всего двадцать лет.

— Но вам надо иметь много судов?

— В этом у меня нет недостатка. Каждый год мне приходится строить не меньше двух десятков речных лодей на шестьдесят тысяч пудов каждая.

— Это удивительно.

— И эти суда строятся только на одно лето. Там, куда предназначен товар, я продаю на слом и лодьи. Да, с убытком. Правда, мои плотники строят их только из одного дерева — ни одного железного гвоздя.

— Сколько стоит такой корабль на шестьдесят тысяч пудов, значит, тысячу тонн? — спросил датчанин.

— Пятьсот рублей. При продаже на слом я получаю всего одну четверть. На каждую лодью идет... — Строганов вынул из ящика листок бумаги, посмотрел, — три тысячи семьсот пятьдесят деревьев.

— Боже мой! Из этого леса можно построить большой мореходный корабль!

— Вот об этом я и хотел поговорить с тобой. — Строганов помолчал, перебирая бумаги на столе. — Я хочу построить свои морские корабли... Леса в здешних местах много, в Пермской земле — еще больше. Лес мне не стоит ничего. Корабли я построю... Мне нужны кормщики для этих кораблей. Они должны знать, как плыть в Варяжском море⁴⁹, должны знать гавани в разных странах, мели и камни. И воды малые и прибылые должны знать.

— Откуда, господин Строганов, должны ходить ваши корабли?

— Из Нарвы и, конечно, из Холмогор, вокруг Северного мыса... Я хочу, — продолжал купец, — построить двадцать кораблей, пятьдесят, сто, сколько понадобится. Я хочу возить свои товары в иноземные страны на своих кораблях... Почему англичане возят к нам свои товары и продают их сами? Пусть. Но и мы хотим продавать свои товары в Английской земле. Корабль за корабль, сколь они к нам, столько и мы к ним. Ведь это справедливо, господин Карстен Роде?

— Справедливо, господин Строганов.

— Вот я и говорю... мне нужны корабли, как можно больше кораблей.

— Где вы хотите их строить, господин Строганов?

— В Холмогорах. Там много отличных мастеров... Ты можешь меня спросить: почему я до сих пор не строил корабли, если у меня есть корабельный лес, свое железо, а главное, хорошие мастера?

— Да, мне любопытно узнать.

— Русские мастера строят отличные корабли для плавания по студеным морям, во льдах... У меня много таких кораблей. Мне надобны быстроходные корабли, устойчивые на море от сильных ветров. Мои кормщики хорошо знают студёные моря, но не обучены к плаванию в западные страны.

— Но, господин Строганов, вы хотите построить сто кораблей, это целый флот! Даже датскому королю не под силу построить столько за пять лет!

— Сколько может построить датский король, я не знаю. К нему в кошель не заглядывал, а для нас это просто тьфу... Пустое дело. Да есть ли у датского короля столько земли, сколь у меня? Твоя забота показать моим мастерам, как строить надежные корабли для западных морей, и научить моих кормщиков управлять ими.

— Мне надо поехать в Холмогоры и все посмотреть своими глазами, тогда я скажу вам, господин Строганов, что можно сделать.

— Что ж, ты прав, поезжай... Сколько я положил тебе жалованья?

— Триста рублей в год, господин Строганов.

Алексей Федорович подвинул к себе бумагу, посмотрел.

— Прибавлю еще пятьдесят, если через два года будут готовы первые хорошие корабли... Не хуже английских, — добавил он, подумав.

— Благодарю, господин Строганов, я сделаю все, что можно.

— Так говорили другие, до тебя, однако не выполнили своих обещаний. Десять лет я потерял напрасно, доверившись разным людям.

— Господин Строганов, если этими людьми были англичане, я не удивлюсь. Они прекрасно понимают, чего вы хотите, и всячески будут препятствовать появлению ваших кораблей у своих берегов. Если это немцы из Любека или из других ганзейских городов — причина та же. Им невыгодно торговать с вами на равных правах, поэтому помогать вам строить корабли они не будут... Другое дело я, датчанин! — Карстен Роде выпрямился и ударил себя кулаком в грудь. — Ваша торговля не сидит у меня в печенках... Больше того, англичане и немцы — мои соперники, и я не прочь сунуть им палку в колеса. И шведы ваши враги, им не нравится ваше стремление к Восточному морю. Решено, я помогу вам, даже только потому, что вы мне

нравиться.

— Хорошо, посмотрим... Я еще хотел спросить тебя, Карстен Роде, о морских разбойниках. Как ты полагаешь от них спасение иметь?

— Надо на своих кораблях пушки поставить и топить разбойников. Другой управы на них не знаю, — твердо сказал датчанин. — Скажу вам правду, господин Строганов, я сам был корсаром на службе датского короля против шведов...

— Вот ты какой... Что ж, для дела неплохо. А если я тебе дам корабли, поставлю на них пушки, сможешь тогда оберегать людей, от меня посланных в разные страны с товарами?..

— Смогу, господин Строганов. Морскому военному делу я обучен. Но есть одна зацепка. Тут ваше золото не поможет. Для корсарства на Восточном море надо патент самого московского царя. Без такой бумаги меня, как разбойника, повесят в любой гавани.

— Так... Ну хорошо. Твоими помощниками будут двое моих людей; корабельный мастер Иван Баженов и кормщик, а ныне монах Феодор. А потом и других тебе pošлю.

— Господин Строганов, я поражен... Откуда ваше богатство? Наверно, огромные доходы с земель и с торговли?

— Доходы! Да, я не скрываю. Не прячу данные мне господом богатства, как другие. Я молю бога, чтобы вместе со мной богатела вся Русская земля. Я хочу, чтобы государство Русское было крепким и сильным, иначе мои богатства пойдут в карман крымскому хану, либо полякам и литовцам. Мне без крепкого государства худо, и государству с пустой казной тяжко. Выходит, мы друг другу нужны. Великий государь, дай бог ему здоровья и многие лета, заметил наше усердие и меня, мужика худородного, в свою опричнину взял. И сыновья мои, Яков, Григорий и Семен, вместе со мной в опричнине...

Аника Строганов вдруг побледнел и схватился рукой за грудь. Открыв рот, он хрипло дышал, жилы на тощей шее вздулись.

— Господи, спаси, господи, помилуй, — шептал он чуть слышно.

Дрожавшей рукой Аника Федорович взял серебряную чашу, стоявшую перед ним, поднес к губам и сделал несколько больших глотков.

Дыхание старика стало ровнее. На лице появились живые краски. Не обращая никакого внимания на иноземца, он вышел из-за стола, опустился на колени перед иконой пресвятыя богородицы и долго клал поклоны, бормоча молитву.

— Наказал меня господь за многие грехи, — произнес Аника Федорович, снова усевшись на свое место. — Сердечной хворью... Говори, — кивнул он Карстену Роде.

— А если вам, господин Строганов, свои корабли в дальние моря отправить... как Христофор Колумб? Большие богатства за теми морями лежат...

— Слышал я про великие богатства, что испанские мореходы и португалы за дальними морями нашли, — сказал Строганов. — Нам в те края не с руки плавать, у нас свои богатства у порога, не на одну сотню лет хватит... Нам бы людей ученых побольше, от них земля богатеет. Князьям да дворянам недосуг мастерством заниматься. Они, почитай, никогда из доспехов не вылезают, всё в походах, всё на конях... И детей своих военному делу обучают. А нашему брату без грамотеев, без мастеров всякого дела, без разыскателей в черепе земном делать нечего.

Аникей Федорович оживился, его бледное морщинистое лицо сделалось вдохновенным и

даже красивым.

— Вижу я, — громко сказал он, — судьбу и силу русского народа там, на востоке. На реку Обь наш путь и другие сибирские реки, до самого моря-океана.

Силы снова оставили старика, и он как-то сразу сник.

Внутри больших золоченых часов, стоявших на столе, что-то ожило, зашевелилось. Открылась дверца маленького домика, из него высунулась птица.

Дождавшись, когда кукушка откуковала двенадцать раз, Аника Строганов произнес:

— Прошу к столу, дорогой гость, — пообедаем чем бог послал.

Медленно, чуть подволакивая ногу, он пошел впереди датчанина.

Три человека дожидались Аникея Строганова в столовой: корабельный мастер, монах и хантыйский князек, приехавший жаловаться на притеснения хана Кучума и просить у всесильного купца помощи.

— Корабельный мастер Иван Баженов, подойди сюда, — позвал Аникей Строганов. — Вот твой хозяин — датский мореход господин капитан Карстен Роде. И ты, отец Феодор, — посмотрел он на седобородого монаха, — помогай советом, как им новые корабли строить для походов по Варяжскому морю. А я без милости твой монастырь не оставлю.

Большой дубовый стол был накрыт белой холщовой скатертью. На одном конце стола виднелась одинокая деревянная ложка. На противоположном стояли серебряные кувшины с вином, кубок, чаши, лежали серебряные ложки.

За стол расселись так. Аникей Строганов подошел к своему хозяйскому месту, в торце стола возле икон, и, приглашая гостей, радушным жестом показал на серебряные чаши и кувшины.

— Тебя, господин Карстен Роде, я прошу сесть напротив — это самое почетное место после хозяйского... И вы, мореходы, садитесь возле него, поближе. И тебя, князь, прошу садиться, — ласково сказал он хантыйскому гостю.

Тихо отворилась дверь. Вошел священник в богатой шелковой рясе и, став лицом к иконам, прочитал молитву. Закончив, он удалился.

Появились слуги с подносами.

— Прошу вас, дорогие гости, угощайтесь. Ешьте хлебец божий со утешением.

Аника Строганов сидел один на своем конце не потому, что место напротив он считал самым почетным для гостя. Совсем нет, была другая причина. День был скоромный, и гостей нельзя было угощать постным обедом. Но хозяин давно перешел на одну постную пищу и даже смотреть не хотел на скоромное.

От конца стола, где сидел Аника Строганов, до другого конца было не меньше двадцати пяти локтей. Разговаривать во время обеда не полагалось.

После копченой осетрины, черной паюсной икры и многих других закусок слуги поставили перед Карстеном Роде и его соседями большие миски наваристых щей, а после щей был жареный бараний бок и еще гусь с кашей.

Карстен Роде, подобрав кружевные манжеты, ел баранину прямо с рук. Но в этом ничего удивительного не было: время вилок еще не пришло. Даже английская королева Елизавета,

славившаяся на всю Европу изысканностью своих манер, за обеденным столом ловко управлялась одними пальцами, если в этом была необходимость.

Слуги, стоявшие за спиной у гостей, подливали в кубки красное испанское вино, мускатель и аликант.

В конце обеда подали желтые ломти ароматной дыни. Подобного лакомства Карстену Роде не приходилось пробовать.

Перед Аникой Строгановым стояла серебряная чаша с куском отварной рыбы и репой, приправленной постным маслом.

Глава четырнадцатая. МЕХОВЩИКИ АНИКЕЯ СТРОГАНОВА

Двадцать дней ватажники тянули бечевой груженные кочи по мелкой реке Мутной. Шли правым берегом, по следам многих и многих русских людей, приминая сапогами аршинный лесок — ёрник и густую сочную траву. Над ватажниками тучей вились комары. От комариных укусов мало помогали сетки, которыми люди обматывали себе лица.

Река Мутная не широка, через нее и ребенок перебросит камень. Вода в ней — что молоко с грязью, прозрачности нет нисколько. В реке и озерах плескалась всякая рыба, много жирного омуля и крупных налимов. На первом Мутном озере запасы с кочей разгрузили в карбасы, укладывая в каждый по сорок пудов. Между озерами карбасы волокли по протокам два человека. А пустые кочи тянули на канатах всеми людьми, да еще пристраивали ворота — не хватало силы.

Когда последний карбас вытащили на сухой волок, ватажники валились с ног от усталости, и холмогорец Молчан Прозвигов, кормщик передового коча, доверенный человек купцов Строгановых, приказал разводить костры и готовить ужин.

Сухой волок через полуостров Ямал тянулся всего на пятьсот шагов, от третьего Мутного озера до Большого, из которого брала свое начало река Зеленая. Пятьсот шагов, но как тяжело давались эти шаги! Предстояла переноска запасов на плечах и перетяжка по песку кочей и карбасов.

Нахлебавшись горячей болтушки из овсяной муки, наевшись до отвала вареной оленины с сухарями, ватажники, позевывая и крестясь, разбрелись по своим кочам.

Озябнув у потухшего костра, дозорный Федор Шубин решил поискать поблизости сухих прутьев либо деревянных обломков. Он был круглолиц и ширококул. Из-под ржавых бровей глядели приветливые голубые глаза.

В здешних местах леса не было, и дрова приходилось таскать на себе с остальными запасами. Поэтому и на костер, без нужды, жалели каждое полено.

Озеро Большое казалось совсем рядом. Полуночное солнце окрашивало его гладкую поверхность в розовый цвет.

Поднявшись с валуна, обросшего серым лишайником, Шубин зашагал к высокому деревянному кресту, одиноко черневшему у берегов озера.

Песчаный волок был взрыт, в выбоинах, пересечен глубокими колеями. Недавно здесь проходили люди. Рядом со следами влачимых по песку судов виднелись отпечатки многих

людских ног.

«С месяц как прошли человеки, — приглядевшись, подумал Федор Шубин. — Мезенские, наверно. Из Холмогор мы первые в море вышли... Что это там, у креста, будто животное?»

Федор оглянулся на оставленную у кочей пицаль, ощупал длинный засапожный нож. Из-под накинутого на плечи бараньего кафтана блеснула кольчуга. Желая спугнуть зверя, он гикнул и, напрягшись, стал ждать. Серая куча у креста не пошевелилась. Федор подошел ближе и понял — у креста, скорчившись, лежал человек.

Шубин медленно подошел к нему, тронул за плечо, негромко позвал:

— Эй, малый!

Человек не пошевелился. Федор ощупал его руки, они были холодные. «Мертвый», — была первая мысль. Желая убедиться, он повернул человека лицом кверху и, вынув из-за голенища нож, приставил лезвие к губам. Лезвие затуманилось.

Шубин крикнул, снял шапку, поклонился кресту и, взвалив на плечи неподвижное тело, двинулся к лагерю. У кочей он бережно положил его поближе к костру и подбросил несколько поленьев. Вместе с Молчаном Прозвиковым они раздели незнакомца, растерли его, влили в рот глоток крепкого вина.

Незнакомец открыл глаза. Увидев людей, он заплакал.

— Голодал я, братцы, всякую нужду терпел, — плача, бормотал он. — Душу свою сквернил, ел мышатину, и травяные коренья, и ерниковые прутья, и всякое скверно... Помирать к кресту приполз. Спасибо, братцы...

Он пожевал сухарь, предложенный Шубиным, и сразу заснул.

Федор Шубин вместе с Молчаном Прозвиковым отнесли его на ночь под палубу, положили на тряпье и покрыли бараньим одеялом.

— Вишь, оголодал человек, — раздумчиво сказал Молчан. — А по разговору вроде новгородец...

Под утро потянул морской ветер: небо заволокло нависшими серыми облаками, заморосил легкий холодный дождь.

Федор Шубин сварил в медном котле кашу и разбудил ватажников. К каше вместе с мореходами поднялся незнакомец. Он был бледен и шатался от слабости.

У котла кормщик Молчан Прозвиков учинил строгий допрос.

— Мы строгановские люди, — сказал он незнакомцу, — идем по торговому делу. Всякого в свою дружину не пустим. Вот и обскажи нам, кто ты таков, из каких мест и как на волок попал.

Незнакомец кивнул головой.

— Степан Елисеев, сын Гурьев, — назвал он себя. — Из Бежецкого верха. Крестьянин боярина Ивана Петровича Федорова. Землю пахал и хлебушек сеял. И в отхожий промысел, бывало, ходил — кормщиком на дощаниках и речных лодьях. На жизнь жаловаться не приходилось. Боярин был справедлив и милостив. Жена детишек народила — двое было. А в прошлом годе беда пришла. Сам царь к нам в Бежецкий верх пожаловал с кромешниками. Боярские хоромы порушил и наши избенки сжег. А холопов да слуг боярских и нас, мужиков-хлеборобов, топорами зарубили либо пиками покололи...

— Что так? — спросил Максим Бритоусов, мореход, с белой бородой и с густой белой гривой.

— Откуда нам знать! Говорили, будто наш боярин измену замыслил, похотел сесть на царский престол.

— Вона как! — сказал Бритоусов. — Значит, ты, Степан Гурьев, против царя вор?

Степан хмуро посмотрел на старика.

— Вором не был. За царя-батюшку всегда готов был голову положить. А в тот раз не показался он мне.

— Вона как! — опять сказал Бритоусов.

— Мужиков топорами рубили да на колы сажали, а баб наших и девок повелел царь Иван Васильевич до наготы раздеть. Кур на улицу кромешники выпустили, а царь заставил баб наших кур ловить... — Голос Степана Гурьева задрожал. — А кромешники из луков стали стрелять по женкам да и положили всех до одной. Остались живы те, что в лес успели убежать, да те, что на потеху себе царь оставил.

— Откуда ты знаешь, что сам царь приказал вашим женкам кур ловить? — подал голос Федор Шубин.

— Да уж знаю. Царь у часовни остановился, а в часовне мой брат Семен за иконами спрятался, он и слышал и мне сказал.

— А ты где был в тое время?

— Я-то? Я в лес за хворостом поехал, потому и жизнь себе сохранил. Да и не рад, что жив остался. Детишек малых и тех кромешники в огонь покидали. А царь смеялся, «гой-да, гой-да!» кричал... Разбередили вы мне душу, братцы, — закончил Степан Гурьев.

Ватажники молчали.

— Вона как! — нарушил тишину Бритоусов. — А скажи нам, человек хороший, как ты в здешних местах сам-один оказался? Далеченько Ямальский волок от Бежецкого верха?

— Узнал я, братцы, что с женой и детками содеялось, и надумал из нашего села бежать, и брат со мной, и еще три мужика. Пошли мы вольных краев искать. Где пехом, где рекой, где с обозом прилучалось. Так мы до Холмогор дошли и еще дальше, в Мезень. Короче говоря, взяли меня мезенцы и брата моего в артель.

На четырех кочах мы за меховым товаром в Мангазею подались. Где морским ходом, где по рекам и волокам... С реки Зеленой в море вышли, а на второй день учало погодою кочи бить. Три кочи разломало, а запасы и людей разметало по морю. Иплыли люди на берег на веслах, и на тесинах, и в карбасах, кто как мог. А коч купца Остафьева кинуло на берег, цел, и завалило на мысе песком... Две недели тот остафьевский коч мы из песка выгребали и с мели снимали. — Степан Гурьев тяжело вздохнул. — И собрались мы на остафьевский коч и шли на восход парусом один день. Ночью снова бросило ветром коч на сухой берег, и снять с мели не смогли. Выбрались мы на берег мокрые, кое-какие запасы и товары с собой свезли. Развели огонь, согрелись, заснули с устатку. Наехала на нас немирная самоедь. И на меня один навалился, насилу вывернулся у него из-под рук. Отбились кое-как. Осталось нас семеро. Однако захватила самоедь припасы — муку и мясо сушеное, и оголодали мы вовсе. Решили карбасом обратно на волок возвратиться. Да не всем привел бог. Налился карбас полон воды, и парус ветром изодрало, весла из рук вышибло. И не знаю, как до берега добрались. Померли товарищи, кто на морском ходу, кто на реке. И брат мой помер... Мне

одному довелось к кресту дойти.

Степан Гурьев перекрестился, словно подтверждая правду своих слов, замолк и склонил голову.

— Вона как! — опять сказал Бритоусов. — Мы не против, иди, Степан, с нами. В здешних местах один православный человек дороже, чем сто таких-то в Москве или в Новгороде. Как тебе, Молчан, показалось? — посмотрел он на старшего.

— Мы не против, — повторил и Молчан Прозвиков.

Ватажники одобрительно загудели.

— Спасибо, братцы, — сказал Степан Гурьев, — думал, помру, своих не увижу, а тут гляди-ко. Уж как я рад, и не обскажешь!.. А вы куда, братцы родненькие, путь-дорогу держите, до каких мест?

Старшой Молчан Прозвиков усмехнулся:

— И сами не знаем, парень. Длинная нам дорога на восход солнечный. Путь нам указано разведать к реке сибирской Енисею и дальше. Новых ясачных людишек для царя-батюшки отыскать. Говорят, там соболя не перечесть да и другого зверя много. И кости заморной моржовой⁵⁰ по берегам навалено бессчетно.

Когда наелись, Бритоусов вымыл в ручье ложку и подсел к федоровскому мужику.

— Скажи-ка, друг, много ли хлеба в Бежецком верху родилось? Хватало ли до новины?

— У нас хорошо земля родит. Ежели сказать короче — с хлебом всегда были. А боярин-то и дворню кормил, и на торг отсылал. В хороший год пять тысяч четей⁵¹ продавали.

— А теперь?

— Что теперь! Все сожгли кромешники. Кто жив остался, в бегах мыкается вроде меня.

Степан Гурьев горько усмехнулся.

Василий Твердяков, широкоплечий мужик с огромными кулачищами и с серебряной серьгой в ухе, сказал:

— Правду сказал Степан, много Грозный царь по всей Руси бояр смерти предал. Как теперь народ жить будет?

— Разве тебе бояр жалко, Василий?

— Бояр мне не жалко, пес с ними, — живо отозвался Твердяков. — Да ведь кромешники вместе с боярами и крестьян не жаловали. Разбежались мужики. Опустошил царь всю Русскую землю. Ни людей, ни хлеба. Говорят, все богатство себе забрал: и золота, и серебра, и каменьев драгоценных полны кладовые. А для войны не только деньги нужны, а и хлеб и люди.

— А без царя тоже не прожить, — вмешался рязанец Петрушка Анисимов, лохматый, угрюмый мужик. — Наедут татары, ограбят, подожгут. На моих глазах они Рязань пустошили, а христиан в полон угнали. Мало кому убежать довелось... По сей день пусто на Рязанской земле, а люди в татарщине бедуют. Других в туретчину и дальше куда продали. На галерах муки терпят.

— Царя-то сам бог поставил Русскую землю оберегать, — вставил старик Бритоусов. — Одна

нам защита — царь. Не было бы царя, татары давно весь русский народ перевели.

С этими словами все были согласны. Без царя прожить нельзя. Но и с таким царем, как Иван Васильевич, тяжело. И бегут русские люди куда ни попало: и в Литву, и за Урал, и в казаки на вольные реки, и просто в разбойники.

— Многих воевод показнил царь, — вступил в разговор старшой Молчан Прозвигов. — Против татар с умом воевать надо, смелый и хитрый народ. А как воевать, ежели царские воеводы по застенкам сидят, а то и вовсе без голов остались? Не дай господь в теперешнее время татарам на Русскую землю наехать: ни хлебушка, ни мужиков, ни воевод.

— А ведь верно говоришь, черт ты дери, — сказал Твердяков.

— Не каркай, Твердяк. Силен русский бог — выручит.

— Довольно языки чесать, ребята, пошли ворота ставить, — приказал старшой, — трава от дождя осклизла, то нам на пользу.

Ватажники дружно принялись за работу.

У креста на берегу большого озера врыли в землю столбы и на них поставили ворот. Крепкий, как орешек, холмогорский коч обвязали вокруг канатом и воротом подтягивали его к озеру. Под днище подкладывали кругляки. Чуть поскрипывая, коч медленно, как улитка, полз по ровному песчаному волоку. К концу длинного северного дня оба коча стояли на воде Большого озера. Предстояло перенести запасы и товары на себе и перетянуть карбасы.

Степан Гурьев был слаб, но от работы не отказался. Ватажники жалели его и не давали брать на себя больше пуда.

Сбросив с плеч сверток красной кожи, приготовленный для менового торга, Степан Гурьев остановился у креста передохнуть.

Подошел Федор Шубин со связкой железных топоров и тоже остановился.

— Не нудись, Степан, — сказал он, со звоном кидая топоры наземь. — Куда тебе работать? Неделю отдохнешь, вот тогда... Хочу предупредить тебя, — он приблизился к Гурьеву и стал говорить тише, — мы для купцов Строгановых новые земли ищем. Слышал о таких?

— Слышал, как не слышать. Всю соляную торговлю захватили, на всех реках ихние дощаники да струги ходят!

— Значит, слышал. Ну вот, мы для Строгановых новые земли ищем. Потом те земли, само собой, под царскую руку передадут со всеми ясачными людьми. А первый ясак — в карман Строгановых. Найдем небольшой лесной народец в пятьсот либо в тысячу человек. С каждого по соболу будем требовать. Вот и считай: по три, по пять, а другой соболек и десять рублей стоит. Пусть две тысячи рублей от ясачного соболиного сбора. Да еще на всякие купецкие товары, хоть бы на медные пуговицы, наменяем соболей сороков двадцать. Ну и нам от таких денег кое-что к рукам прилипнет. На круг по четвертаку в день придется, а то и больше.

Потрясенный неслыханным богатством, Степан молчал. Он знал, что мужики в Новгороде плотничали за одну копейку в день и считали копейку хорошим заработком.

Завидев подходившего строгановского человека Прозвигова, Шубин замолчал.

К полудню небо сделалось ясным и синим. Легкий ветер медленно гнал от моря, словно стадо овец, маленькие белые облака. Отраженные зеленой гладью озера, они казались в ней

неестественно белыми и очень отчетливыми.

Казалось, что небо опустилось вниз и сделалось зеленым.

Мореходам предстояло плыть по озеру на восход верст десять, к истоку реки Зеленой. Там с давних времен стоял высокий столб. Озеро широкое, более трех верст, мелководное на востоке, заросло травой, и без приметного знака войти в реку Зеленую трудно.

Вечером перед ужином старшой Прозвигов отозвал Степана в сторону.

— Поклянись животворящим крестом, — сказал он, — что верно Строгановым будешь служить и про торговые тайные дела никому не расскажешь. А если солживишь, то лучше тебе, Степашка, тута на волоке было с голоду умереть. У Строгановых руки долги. И Аника Федорович, и двое сыновей — все в опричнину вписаны. Понял, парень? Ежели верою служить будешь, Строгановы завсегда тебя от беды заслонят. Они верных людей любят.

Молчан говорил нараспев, окая, по привычке прищулив один глаз.

Степан Гурьев поклялся на верность страшными словами.

— Помни, — пряча Евангелие, сказал Молчан, — хорошо будешь служить, самолично Григорию Аникиевичу о тебе поведаю.

— Спасибо, Молчан Семенович, — поклонился Степан, — не забудь милостью.

Глава пятнадцатая. «СУДИТЕ НАС ПРАВЕДНО, НЕ БЫЛИ БЫ ТОЛЬКО НАШИ ВИНОВАТЫ»

Каменный дом Малюты Скуратова в Александровой слободе был построен крепко, на века. И стоял он удобно — почти рядом с царскими хоромами. Из окон Малютиных покоев виднелись высокие разноцветные купола и золотые крыши дворца. С другой стороны дома темнела мрачная государева тюрьма с обширными подземельями и застенками.

Вершитель тайных дел думный дворянин Скуратов с утра наведася в царскую опочивальню. Царь Иван лежал на кровати лицом вниз, трое лекарей растирали его дряблое тело.

Царь был в хорошем расположении духа и напевал свою любимую песенку:

Уж как звали молодца,

Позывали молодца,

На игрище поглядеть,

На Ярилу посмотреть...

Разгромив федоровские вотчины в Бежецкой пятине, царь Иван стал спокойнее, нервные припадки повторялись реже. Основательно пополнилась царская казна. У старого боярина родни не осталось, и все его богатства перешли царю. Князья и бояре, подписавшие челобитную грамоту князю Владимиру, один за другим исчезали в тюрьмах.

Увидев бородатое, озабоченное лицо своего любимца, царь махнул рукой:

— Завтра приходи, Гриша.

У дверей опочивальни Малюта Скуратов столкнулся со своим шурином князем Афанасием Вяземским, царским оружничим. Скуратов был женат на его старшей сестре. Кто кому больше помог перед царем, трудно сказать. Родство было полезно обоим.

— Ггигогий Лукьяныч, — сказал князь, — я в гости к тебе собигаюсь. Кое-кого с собой пгиведу... Все люди тебе известные.

Малюта Скуратов качнул головой и, позванивая ключами, болтавшимися у пояса, направился в тюрьму проведать новгородского купца, заподозренного в измене. Он пересек двор под лучами яркого утреннего солнца и долго возился с пудовым тюремным замком. От купца Малюта пошел по всей тюрьме, смотрел, крепки ли запоры на дверях, не задумали ли царские преступники побега.

Закончив обход, он в хорошем настроении вернулся домой и приказал слугам готовить угощение, а сам по деревянной скрипучей лестнице поднялся в свою комнату, служившую кабинетом и спальней. По стенам, на железных костылях висели всевозможные орудия, с которыми Григорию Лукьянычу приходилось работать. Затейливые клещи, плети с железными крючками на конце. Особые крючья для сдирания кожи с живых людей. Длинные и короткие цепи, железные оковы, пилы для распиливания человеческого тела и топоры с острием вместо обуха. Ко всем этим вещам хозяин питал уважение, усовершенствовал как мог и заботился об их сохранности.

Малюта Скуратов любил свою комнату. Из нее проложен тайный ход за земляной вал и ров, окружавшие царский дворец. Врагов у Малюты было много, приходилось заботиться и о своей безопасности.

Слуги покрыли дубовый стол чистой скатертью, поставили кувшин с медом и вином, принесли холодную баранину, жареных кур, блюдо с заливным поросенком и много сладких заедков...

Положив на стол волосатые руки с короткими толстыми пальцами, Григорий Лукьяныч задумался о врагах, с которыми боролся скоро шесть лет. Наделенный недюжинным умом, он первый из своих родичей появился при опричном дворе. Отец его Лукьян Афанасьевич, по прозвищу Скурат, был мелким помещиком в Звенигороде и принадлежал к такому роду, какие в боярах не бывают. Малюта не думал о невинных людях, о детях и женщинах, им загубленных. Он напрягал свой мозг, вспоминая, о чем царь говорил вчера и позавчера, что сказал сегодня, стараясь проникнуть в скрытый смысл его слов. А царь умел другой раз вложить два смысла в одно слово. У Малюты была способность чувствовать, чего хочет царь, и воспринимать слова и поступки остальных людей в превратном, извращенном смысле. Заставить человека сказать нужное слово на пристрастном допросе для него не представляло труда.

— Батюшка! — услышал он слабый голос. — Ты выучил азбуковицу? Я пришла.

— Это ты, Машенька? — Малюта достал с поставца толстый рукописный букварь с красочными картинками и положил на стол. Царь несколько раз упрекал его в безграмотности, и он решил кое-чему поучиться.

Машенька, его двенадцатилетняя дочь, с важным видом уселась рядом. Открыв букварь, она ткнула пальцем:

— Это что за буквица?

- Буки.
- А это?
- Како.
- А это?
- Веди.
- А это?

Григорий Лукьяныч поморщил лоб, стараясь вспомнить. Посмотрел на букву и с правой, и с левой стороны. Как же она называется? Он забыл, и ему было стыдно перед дочерью.

— Запомятовал, батюшка? «Мыслите» называется. А запомнить просто, будто два домика рядом.

— Умница ты у меня, Машенька, вот подрастешь, выдам тебя замуж за хорошего человека, богатого и знатного. И будет вас обоих царь-батюшка любить.

— Не хочу замуж. Я с мамкой проживу, — надула губки девочка.

— Весь-то век с мамкой не проживешь, — усмехнулся Малюта.

Говоря с дочерью, он не думал не гадал, что его Машенька, выйдя за Бориса Годунова, станет русской царицей... Другие дочери пристроились совсем неплохо: Анна вышла замуж за двоюродного брата царя Ивана, князя Ивана Михайловича Глинского, а Евдокия — за князя Дмитрия Ивановича Шуйского, брата будущего царя Василия Шуйского. Малюта Скуратов отлично разбирался в сложных дворцовых делах и замужеством дочерей обеспечил себе беспроигрышное положение.

Хлопнула дверь, раздались голоса. Малюта вышел навстречу гостям.

Опричники, не торопясь, расселись за столом. Их было четверо: Алексей Данилович Басманов, первый боярин опричной думы, князь Афанасий Иванович Вяземский, царский оружничий, князь Никита Романович Одоевский, воевода, и боярин Иван Яковлевич Чеботов.

Все они считались сильными людьми в опричнине, ближайшими царскими советниками.

Вельможи решили собраться у Малюты Скуратова потому, что от его глаз и ушей все равно трудно уберечься. Его люди подслушивали и подглядывали везде.

Дважды выпили за здоровье царя Ивана, поговорили о его болезнях. Вспомнили боярина Федорова, помянув его недобрый словом. Алексей Басманов, худой жилистый старик с жиденькой белой бородкой, вытерев рот полотенцем, сказал:

- Перестань царя пугать, Григорий Лукьяныч.
- Царя пугать? — сделал удивленное лицо Малюта. — Да ты в своем уме?
- В своем. Новгородских скоморохов помнишь?
- Каких скоморохов?
- Если запомятовал, напмню. Ты приказывал скомороху Кирилке сказывать царю и великому государю про царицу Соломонию и сына ее Георгия⁵².

Малюта Скуратов кинул быстрый взгляд на Басманова, посмотрел на других опричников, схватился за нож, торчавший из-за пояса.

— Лжешь, замолкни.

— Это ты лжешь, — усмехнулся Басманов. — Угроз твоих не боюсь. Пусть братья, — он кивнул на опричников, — скажут, кто прав.

— Ведомо тебе, Ггиогий Лукьяныч, нет ведь цагского бгата Геоггия, выдумки одни, — примирительно сказал Афанасий Вяземский. — А люди твои в Новом гогоде и иных гогодах пго то слух пущают. Дгугие твои тех людей имают, куют в железа и к тебе в застенок волокут, а пытошные сказки ты цагю носишь. Выходит, пугаешь цагя. А он и так свегх мегы боягскими изменами напуган.

— Я так понимаю, — поддержал всегда хмурый боярин Чеботов, — за царя Ивана надоть держаться. Без него нам жизни нет. Сам ведь сказывал.

У боярина Чеботова бледное вспухшее лицо, будто искусанное пчелами.

— И я тако же мыслю, — посмотрев в глаза Малюте, сказал Никита Одоевский.

Малюта Скуратов задумался. Его, как и всех вельможных опричников, беспокоила накаленная обстановка в государстве. Он знал о желании царя Ивана отъехать в Англию из-за страха перед боярским мятежом. Но у Малюты была своя, особая линия. Он хотел быть единственным советником царя, единственным человеком, которому царь доверял бы свою жизнь.

— Для вас же, братья, стараюсь, — после затянувшегося молчания произнес Малюта. — Если царь бояться не будет, не для чего ему нас, верных слуг, возле себя держать.

— А князя Володимира надо кончить, — опять строго сказал Алексей Басманов, — доведись ему на престол сесть, он нас всех на колья посадит. Не он, так бояре земские. И князя Володимира и старуху Старицкую, как собак поганых, в реку...

— Думаете, вы умнее Малюты Скуратова и я не вижу, откуда и что идет? — взорвался вдруг думный дворянин. — Однако великий государь своему братцу больше веры дает, чем нам, верным слугам.

— Не слова нужны царю, а дело. Человека надо сыскать, которому будто Володимир Андреевич отравное зелье дал, извести брата своего царя и великого князя. А как сыскать, нам учить тебя, Григорий Лукьяныч, не приходится.

— Ладно, спорить не время, — согласился Малюта Скуратов, по привычке пригладив бороду, — на то мы верные царские слуги, чтобы царя сберечь, а его врагов рубить без жалости и отдыха.

— Понял наконец, — ухмыльнулся Иван Чеботов, — а то ломается, словно красная девица.

— И еще задача, братья, — опять вмешался Алексей Басманов, — дело важное.

— «Важное»! — пробурчал Малюта. — Сколь у тебя дел важных?..

— Мария Темрюковна, царица, больна. Жить ей осталось немного. Значит, царю другая жена понадобится. А нам, опричнине, не все равно, кто царицей будет. Так я говорю?

Вельможные собеседники согласно наклонили головы.

— Ну вот. Катерину Ягеллонку царю теперь не взять, она свейской королевой стала. Значит, великий государь природную русскую будет искать. А кто у нее в родне окажется, может, и враги наши! Станут царице в уши дуть, а она царю печалиться. И кто знает, куда дело пойдет. Ночная кукушка, говорят, дневную завсегда перекукует. Глядишь, и опричнине конец. Отдадут нас, грешных, на суд земщине... Надо найти ему такую жену, чтобы красива была, и опричнину любила, и чтобы родня ее тоже нас любила.

— Марию Темрюковну братец научил, — вмешался Иван Чеботов, — так она каждую ночь царю плакалась: «Боюсь-де я, нас могут вороги жизни лишить! Нужны-де нам верные люди для бережения». Царь и приблизил нас, опричников, к себе. А новая жена может супротив наговорить.

— Как ты мыслишь, Алексей Данилович, с какой стороны к этому делу подойти? — спросил Малюта Скуратов.

— Пусть царь объявит смотрины. А мы со всей Русской земли ему красавиц пригоним. И по сердцу поможем выбрать, знаем, какие ему нравятся.

Скуратов засмеялся, щуря узкие глаза.

— А твое дело, Григорий Лукьяныч, лекарей да повивальных бабок научить, какая невеста пригодна для царской радости, а какая нет и по каким статьям ущерб имеет. Невест, что земские бояре будут предлагать, надо отместить.

Малюта опять засмеялся.

— Здесь я промашки не дам, все в лучшем виде устрою. И царю смотрины посоветую.

Братья-опричники выпили еще по чаше меда во здравие великого государя.

— Цагь дугим стал, не шутит, как пжежде, все думает, — сказал Вяземский, — и зла в нем больше.

Еще поговорили о том о сем.

На дворе залаял цепной пес. В дверях раздался настойчивый стук. Опричники посмотрели друг на друга. Никита Одоевский побледнел.

— Неужто от царя?

Малюта молча поднялся с места, снял с гвоздя связку ключей, пристегнул их к поясу и стал медленно спускаться по крутой лестнице.

Послышались приветственные возгласы. Снова заскрипели лестничные ступени. В комнате появился Малюта, а с ним низенький щуплый старичок с живым и умным лицом.

— Аникей Федорович в гости к нам, — сказал Скуратов, изобразив на своем лице радость. — И кстати угадал. Праздник у Машеньки, родилась сегодня. Товарищи, — он показал на опричников, — поздравить пришли.

Осторожный Малюта кривил душой — день рождения Машеньки давно миновал. «Не обнесли бы перед царем, будто мы здесь изменные дела замышляем», — пришло ему в голову.

Аникей Федорович поклонился. Он дышал тяжело: лестница его утомила. Опричники вежливо ответили. Царь любил и жаловал Строганова.

— Сколько же ей минуло, твоей Машеньке, Григорий Лукьяныч? — спросил купец с ласковой

улыбкой.

— Двенадцать годочков, скоро заневестится.

Аникей Федорович полез в кошель из замши, висевший на поясе с левого боку, и вынул белую холщовую тряпочку.

В тряпочке оказались золотые серьги, а в них, на подвесках, граненые рубины, большие, как желуди.

— Мой поминок⁵³, Григорий Лукьяныч, — сказал Строганов, отдавая серьги. — И пожелай ей здоровья и хорошего жениха... Денек сегодня бог послал пригожий. В небе облачка нет, тихо, и солнышко яркое.

Малюта Скуратов подарок принял, поблагодарил. Старика Строганова опричники усадили в красный угол под иконами.

— С просьбишкой я к тебе, Григорий Лукьяныч, — сказал, отдышавшись, Аникей Федорович. — Помоги. Хочу государя Ивана Васильевича увидеть и с ним говорить по тайному делу.

— Болеет царь, — скорбно вздохнул Скуратов, — вторую неделю к себе никого не пускает. Почему челобитную царю в приказ не подашь?

— Боюсь я через приказных. Дело тайное.

Малюта подумал.

— Аникей Федорович, а ежели тебе о своем деле нам поведать, может быть, и поможем вместе-то?

Строганов окинул гостей быстрым взглядом. Он знал опричников, знал их силу при царском дворе.

— Что же, ежели так, спасибо... Тесно нам, купцам, на Руси. Свои товары в заморье просятся. А немецкие товары, ежели через наши руки пойдут, — большой прибыль. Нарва нас, купцов русских, вот как выручала, а теперь ляхи и шведы морской ход закрыли. Мне море нужно. Морем я куда хочешь товары повезу. А попробуй через Литву, сухопутьем — рожки да ножки останутся.

— А Студеное море, газве не море? — спросил Афанасий Вяземский.

— Море-то море, да далече оттуда кораблям плыть. В летнее время и то опасно, а зимой не приведи бог... и разбойники стерегут.

— Чего ты хочешь, Аникей Федорович, никак в толк не возьму? — развел руками Малюта.

— А вот чего. — Строганов поднялся с лавки. — Надо бы батюшке-царю Ивану Васильевичу корабли с ратными людьми и с пушками завести для бережения мореходов, что в Нарву к нам с немецким товаром идут и от Нарвы с нашим товаром... У меня служит иноземец Карстен Роде. Раньше он донские корабли по морям водил и в морских боях бился. Он меня и надумил. Говорит, для начала ему два больших корабля надобны, а другие он сам будет с боя брать. Дело-то для государя прибыльное. Царю в доход каждый третий корабль пойдет и с каждого взятого с бою лучшая пушка. — Строганов помолчал. — Я на два корабля денег дам. И наряд мой, и мореходов своих пошлю... Пусть попробует Карстен Роде, повоюет.

— А от царя что тебе потребно, ежели деньги свои даешь?

— Дозволения его царской милости. Морехода Карстена Роде надо на царскую службу взять и бумагу ему дать за царской печатью. Как в других государствах делают.

— Мореходы у тебя откуда, тоже из немцев?

— Свои, природные русские, с разных городов, а более из Двинской земли.

— Дело нужное, Григорий Лукьяныч, — сказал внимательно слушавший Алексей Басманов. — Надо бы царю пересказать не откладывая. А мы, ежели надо, поддержим.

— И то верно, — согласился Малюта. — Завтра великому государю все обскажу.

— Спасибо, Григорий Лукьяныч. Вам, царским помощникам и слугам, премного благодарствую, — поклонился Строганов вельможам.

Сказав еще несколько слов, Аникей Федорович стал прощаться.

— Вы уж не взыщите со старика, восьмой десяток пошел, в застолье тягостно мне, кости на покой просятся.

Малюта Скуратов вышел его провожать.

— Поможешь, Григорий Лукьяныч, вот те крест, — Строганов взял в руки железный крест, висевший на шее, и поцеловал его, — Машеньке на приданое тысячу рублей отваяю. Ежели на расходы деньги надобны, или, скажем, соболя, или другое, только скажи.

— Ладно, сделаем, — добродушничал Малюта, — не забудь свои посулы!

Аникей Федорович взобрался в колымагу, дожидавшуюся его у ворот царского двора, и приказал слугам ехать в Москву. И все же, несмотря на обещания опричников, он не был уверен в успехе. Хоть и близок Малюта к царю, однако не его как будто бы дело о купцах печись.

«Попрошу Ивана Михайловича Висковатого. Он надежнее про все царю обскажет, — думал Строганов, трясаясь по ухабам. — А Малюта Скуратов ежели перечить не будет, и то ладно».

Проехав слободскую заставу, он заметил на высоком колу человеческую голову. Голова высохла, обнажились кости. На ветре она вертелась, пристукивая, словно сломанное колесо на телеге.

Глава шестнадцатая. «Я ВИЖУ ТВОЮ ВЕРНУЮ СЛУЖБУ И НАГРАЖУ ЗА НЕЕ»

С первых же дней на заседании Люблинского объединительного сейма 1569 года между поляками, литовцами и русскими возникли ожесточенные споры.

Поляки требовали политического союза Литовского государства с Польским, основанного на старых актах: Польша и Литва должны составить единое государство. Литовско-русские вельможи возражали.

С особым вниманием была выслушана речь литовского гетмана Яна Хоткевича, доказавшего, что Польша не имеет никакого права требовать соединения Польши и Литвы в одно государство.

— Наши предки никогда не соглашались стать холопами и соединиться с вами на основании

старых записей, — сказал в заключение гетман, обращаясь к польским панам. — И мы не желаем этого... До сего времени мы были свободны и, я надеюсь, останемся свободными до конца.

Слово Яна Хоткевича одобрили все литовские и русские вельможи на сейме. Выступая вслед за гетманом, они утверждали, что потомки Ягайлы, а значит, и теперешний польский король Сигизмунд-Август не имели права наследовать литовское княжество.

Польские представители настаивали на немедленном и безоговорочном объединении. Их рьяно поддерживало многочисленное католическое духовенство, всегда тянувшее сторону Польши.

Литовцы соглашались на объединение с поляками, но не на таких условиях, каких желали в Польше.

— Король должен свободно избираться как в Польше, так и в Литве! — кричали с мест литовцы и русские⁵⁴.

— Сеймы отдельные у вас и у нас!

— В Литовском государстве остаются все русские области!

— Государственным языком остается русский!

— Границы Литвы должны быть прежними, без изменений!

Развязка наступила в первый воскресный день великого поста. В ответ на непреклонное требование польского панства слить представителей обоих народов в общий польско-литовский сейм литовско-русские вельможи решили больше не участвовать в заседаниях и разъехались по домам.

Однако за полное объединение Литвы и Польши стояла военная сила Литовского княжества — среднее и мелкое литовское и русское дворянство, в большинстве своем принявшее католичество. Опираясь на них, польское правительство решило заставить литовских вельмож пойти на объединение.

Коронные советники заседали непрерывно. Наконец решение было принято. Оставалось главное — склонить короля Сигизмунда на строгие меры. Все знали, что король питал нежные чувства к своей вильненской родне и благожелательно относился к чаяниям литовцев.

Коронный маршал Ян Фирлей, архиепископ Гнезненский, епископ краковский и канцлер Польского государства Валента Дембинский стояли перед закрытой дверью королевских покоев, не решаясь ее открыть. За дверью слышался женский визг, смех и веселые голоса.

— Ваша эксцеленца, — зашептал коронный маршал архиепископу, — вы войдете первым. Ради вас его величество прервет свои забавы.

— Да, да, ваша эксцеленца, его величество любит и уважает вас, — поддержал канцлер.

Архиепископ промолчал. Он сегодня видел дурной сон и не знал, на что решиться. Выгодно ли ему сейчас нарушить королевское веселье и не разгневется ли на него король?

— Может быть, мне войти первым? — вызывающе спросил краковский епископ Филипп Падневский, придвигаясь к двери.

Архиепископ гневно взглянул на него. В это тяжелое для католической Польши время два

главных иерарха польской церкви враждовали между собой. Архиепископ Яков Уханский явно склонялся к протестантской церкви, надеясь, в случае если протестанты возьмут верх, стать независимым от римского папы, главой польского духовенства.

Король Сигизмунд-Август также благоволил протестантам и едва сам не покинул лоно католической церкви.

— Ваша эксцеленца, мы навсегда можем потерять литовско-русское княжество, если сейчас не проявим необходимую твердость, — волновался коронный маршал. — Ждать нечего, король может развлекаться бесконечно.

— Хорошо, — сказал архиепископ, — да поможет нам бог. — И, распахнув дверь, он решительно шагнул в комнату.

За ним вошли маршал Ян Фирлей, канцлер Дембинский и Филипп Падневский.

В кабинете короля шла игра в жмурки. Сигизмунд-Август, король польский, с завязанными глазами гонялся за придворными дамами. В тот момент, когда архиепископ открыл дверь, король схватил в охапку пани Алоизу, полную молоденькую женщину, и стал ее целовать.

Две другие дамы засмеялись, захлопали в ладоши и закричали:

— Браво, браво, ваше величество!

Увидев в дверях нахмурившего брови архиепископа в черной сутане, пани Алоиза что-то шепнула королю в самое ухо.

Сигизмунд-Август снял повязку с глаз и с неудовольствием взглянул на вошедших.

— Ваше величество! — сказал архиепископ, стараясь не смотреть на женщин. — Я прошу несколько минут вашего внимания.

— Нельзя ли отложить на завтра, ваше священство? — просительно сказал король. Его длинное лицо еще больше вытянулось.

— Никак нельзя, ваше величество. Важные государственные дела требуют немедленных действий.

Король с сожалением посмотрел на придворных дам и вздохнул:

— Придется нам сделать перерыв, мои прекрасные пани. Прошу вас, подождите в моей спальне... Прекрасные пани не дают мне ни за что взяться, хотя бы я и хотел, — сказал он, улыбаясь, когда женщины скрылись за дверью. — Садитесь, ваши священства, садитесь, панове.

Он вытер вспотевший лоб кружевным платком, по-стариковски, частыми шажками подошел к бархатному креслу и с кряхтением опустился в него.

Архиепископ сел в кресло напротив королевского, канцлер — рядом с архиепископом. Епископ краковский сел поодаль. Коронный маршал, несмотря на приглашение короля, остался стоять.

Яков Уханский внимательно посмотрел на короля. Сигизмунду-Августу было под пятьдесят, но выглядел он почти дряхлым. Лицо нездорового, желтоватого цвета, в резких морщинах. Глаза слезились, руки заметно дрожали.

За два последних года он постарел еще больше.

— Ваше величество, — тихо начал архиепископ, — вы последний король из рода Ягеллонов, правившего Польшей почти два столетия. У вас нет наследников. Когда призовет вас всевышний, — архиепископ поднял глаза к потолку, — прекратится связь литовского государства с польским. Вы должны...

— Я передал Польскому государству свои наследственные права на Литву и русские земли, — поморщился король. — Что же еще вам нужно? — Он пощипал полуседую бороду, пригладил усы.

— Нужна уния, ваше величество, — вмешался канцлер. — Передача наследственных прав Польше оспаривается литовцами.

— Литовцы и русские покинули сейм, и объединение опять повисло в воздухе, — сказал архиепископ. — Царь и великий князь Московии и всея Руси Иван Васильевич...

При этих словах Сигизмунд поднял голову и блеклыми глазами уставился на архиепископа.

— Царь? Он не царь, а князь. И почему он зовется «всея Руси»? — слабым голосом сказал король. — Я называюсь королем Польским, великим князем Литовским и Русским и имею такие же права на русские земли, как и он. Московит не по чину величает себя. Я запретил раз и навсегда называть его русским великим князем. Пусть он будет только московским.

Архиепископ и сановники удивились столь длинному словоизлиянию короля.

— Вы устали, ваше величество, — пожалел коронный маршал, заметив тяжелое дыхание Сигизмунда. — Вам не надо утомляться.

— Великий князь московский, — подчинился королю архиепископ, слывший в придворных кругах тонким политиком, — хочет возвратить принадлежавшие его предкам русские города Витебск, Киев и Минск и даже всю Волынь, Подолию и Галицию. Другими словами, он требует все русские земли, входящие в Литовское княжество.

Король поднялся с кресла. Он вспомнил разговор с Николаем Радзивиллом в Вильне.

— Этого не допустит бог. Мало ли чего хочет московский дикарь... Я же приказал не называть его «всея Руси»...

— Хорошо, я согласен с вами, ваше величество, но после вашей... гм... после того, как вы оставите нас навсегда, он будет иметь право на свою отчину, на все русские земли... Московит пока несокрушим. Не он, а мы хлопочем о мире. Он будет воевать, пока не вернет русские земли... Только уния, ваше величество, может спасти нас. Объединенные силы Польши и Литвы сумеют дать отпор зазнавшемуся московиту. Ваше величество, московит и сейчас воюет ливонские земли. Если он возьмет в свои руки Ригу, поверьте, любезная вам Вильна не будет стоить и десяти грошей. Но стоит нам захватить Ливонию, и ключи от Новгорода будут здесь. — Архиепископ показал крепко сжатый кулак. — Тогда, о тогда мы задушим московского князя. Только Польша и Литва вместе могут...

Сигизмунд-Август в гримасе раскрыл рот, показав гнилые зубы.

— А что скажешь ты? — повернулся он к канцлеру. — Что же делать, если литовцы и русские не хотят этой унии?

— Я не вижу иного пути, как употребление верховной власти вашего королевского величества, — твердо произнес Валента Дембинский. — Надо заставить литовцев и русских принять унию. Тогда мы разрушим нечистые замыслы московита.

Король посмотрел на архиепископа.

— Я согласен с канцлером, — сказал первосвященник.

— А ты, мой маршал?

— Надо заставить непокорных принять унию.

— А ты? — Король обернулся к Филиппу Падневскому.

— Я тоже согласен с канцлером, — с поклоном отозвался епископ.

Король снова сел и опустил веки. Молчание затянулось. Вельможам показалось, что король заснул.

Но Сигизмунд-Август наконец открыл глаза.

— Я вижу, сам бог научает меня вести дело так, чтобы при мне состоялась уния для блага наших народов. — Он придвинул к себе золотой крест с распятием и стал шевелить губами, творя молитву.

— Ваше величество, — растрогался архиепископ, — если вы соедините Литву с Польшей, то слава о вас пойдет по всему миру и память о великом деле вашем сохранится до тех пор, пока живет на земле хоть один истинный христианин.

Он поклонился королю и поправил свой широкий красный пояс.

После слов архиепископа король еще больше уверился, что совершает справедливое, богоугодное дело.

— Как я должен поступить? — сказал он, обращаясь к канцлеру.

Королевский вельможа словно дожидался этих слов.

— Ваше величество, вы должны подписать универсал о навечном присоединении к польской короне русского Подляшья, Волыни и Киевщины. Надо обрезать крылья Литве, тогда она будет сговорчивей. А потом, ваше величество, вы призовете знатных лиц и государственных чиновников из этих областей и потребуете от них под присягой признать ваше решение.

Не спуская взгляда с канцлера, король напряженно слушал.

— А если они не согласятся признать?

— Тогда мы договоримся с татарами. С ними и со всем польским воинством двинемся на Литву... Но они признают, они не посмеют ослушаться. Литва ослаблена войной с московитом. Надо действовать решительно, ваше величество. Если какой-нибудь Каштелян 55 или воевода из Волыни или Киевщины не явится по вашему приказу, вы немедленно назначьте на его место поляка, придворного вельможу. Это подействует, ваше величество, обязательно подействует. * * *

Советы канцлера Дембинского оказались превосходными. Когда король посадил своих придворных в Подляшье на места невыполнивших его приказ, вельможи из прочих областей стали один за другим приносить присягу. Изъявили покорность киевский воевода князь Константин Острожский, луцкий староста Корецкий, князь Вишневецкий, волынский воевода Чарторийский...

Принятые меры оказали свое действие и в остальном. Литва сделалась сговорчивей. Заседания Люблинского сейма возобновились. Наступило 28 июня 1569 года.

Ровно в десять часов утра на заседание прибыл король.

От великого Литовского княжества снова выступил с речью гетман Ян Хоткевич. Теперь он униженно просил короля и польских вельможных панов уступить литовцам хоть немного самостоятельности, хотя бы сохранить свою государственную печать.

— Ваше королевское величество и высокие советники польской короны! — взывал Ян Хоткевич. — Умоляем вас богом, не унижайте, не делайте нас своими холопами, будьте к нам милостивы и не заставляйте нас вечно плакать. Заклинаем устроить все так, чтобы мы могли успокоить совесть, сохранить нашу добрую честь и чтобы всем нам было радостно...

Королю было жаль литовцев, он даже прослезился. Глядя на него, трудно было поверить, что в молодости он сумел отстоять свое право жениться на Варваре Радзивилл, вопреки желанию своей непреклонной матери Боны и большинства польских вельмож. Но теперь никакие заклинания не помогали.

Поздно вечером уния была принята подавляющим большинством собравшихся. А на следующий день в праздник апостолов Петра и Павла в люблинских костелах пели «Тебя, бога, хвалим» и ксендзы призывали народ благодарить небеса за счастливое окончание трудного и важного дела.

В городе Люблине царил необычайное оживление. На сейм съехалась со всех сторон обширного государства польская, литовская и русская шляхта. Многие приехали вместе с женами и дочерьми. На улицах пановья хвалились яркими жупанами, дамскими нарядами, колясками, лошадьми. Во всех лавках, открытых с утра до позднего вечера, толпились люди.

Звонили колокола в костелах, там шли молебны. Приезжим бросалось в глаза множество черных сутан, снующих по улицам. Ксендзы не теряли времени, они немало потрудились, уговаривая дворян, не согласных на унию.

Погода стояла жаркая. Земля превратилась в камень, а дороги на четверть покрыл мягкий слой серой пыли. Зеленая листва на деревьях посерела. Люди, обливаясь потом, размазывали на лицах серую грязь.

Первого июля все члены сейма — поляки, литовцы и русские — собрались вместе в большом зале сеймового дома. В полдень в зале появился король в сопровождении свиты и архиепископа Гнезненского.

Собравшиеся приветствовали короля громкими возгласами.

Сигизмунд выглядел изнуренным. Не годы, а болезнь все больше и больше подтачивала его. Морщины выделялись особенно резко, под глазами темнели отечные мешки. Казалось, что король не добредет до своего места у огромного стола с кипами бумаг. Когда он сел, в зале воцарилось молчание. Король дрожащей рукой подвинул к себе тяжелый крест с распятием и, откашлявшись, приказал читать протоколы.

Все слушали, боясь пропустить слово.

Когда протоколы были оглашены, наступил торжественный момент. Участники сейма стали присягать на верность государственному союзу — Речи Посполитой.

Одними из первых поцеловали золотой крест, поднесенный архиепископом, киевский воевода Константин Острожский, князь Александр Чарторыйский, воевода Волынский и Роман Сангушко, воевода Брацлавский и Винницкий.

Литовско-русские магнаты, отстаивая независимость своего государства, проявили мало настойчивости и были недружны в своих действиях.

Соединение Польши и Литвы в одно государство несомненно прибавило сил. Средств на

военные нужды для борьбы с московским царем, с татарами и турками стало больше. Однако в Литовском княжестве по-прежнему хорошо жили одни дворяне. Но и то не все, а только те, кто принял католичество и отрекся от своей национальности и от своего языка.

Положение простого народа еще больше ухудшилось.

После присоединения к Польше Киевской и Подольской земель крестьяне, очутившиеся под владычеством польских панов, стали бесправными рабами. Владельцы не только отнимали у бедного холопа все, что он зарабатывал, но и убивали его самого, когда хотели и как хотели. И крестьяне покидали насиженные места, спасались в пустынных, диких степях и у казаков в Запорожской Сечи.

С последнего заседания Сигизмунд-Август вернулся совсем обессиленный. Придворные дамы в изящных нарядах с высокими кружевными воротниками вымыли ему руки и лицо прохладной душистой водой и принесли кубок с красным, как кровь, бургундским.

Король отхлебнул вина и немного оживился.

— Что будем сегодня делать, мои прекрасные пани? — сказал он, взяв за пухлую руку свою любимицу пани Алоизу.

— Может быть, вы отдохнете, ваше величество, и будем играть в жмурки?

Но игра не состоялась. Королю пришлось принять папского посла кардинала Коммендони.

Кардинал торжественно поздравил Сигизмунда с объединением польской короны и Литовского княжества, а затем стал тонко поучать его, указывая на недостатки в правлении, на ослабевшую в Польше римскую церковь, на падение нравов в государстве... В конце своих наставлений он обрушился на польских вельмож.

— Они совсем не похожи на своих предков, ваше величество, — говорил он, вздыхая. — Не на пирах за столом предки нынешних сенаторов расширяли границы государства, а подвигами воинскими, сидя на конях. Они спорили не о том, кто больше выпьет вина, а о том, кто превзойдет других на поле брани...

Король слушал и не слушал, еле сдерживая зевоту.

Глава семнадцатая. РУЛЬ КОРАБЛЮ ДОРОГУ ПРАВИТ

Ивану Михайловичу Висковатому не спалось. Конец июня в Москве был жарким. От утра и до вечера над городом висело густое облако пыли, поднятое колесами повозок и лошадиными копытами. По ночам дышать было нечем. Многие, спасаясь от духоты, спали в садах под открытым небом.

Ворочаясь в жаркой постели, Иван Михайлович не мог уснуть. Его терзали беспокойные мысли о судьбах Русского государства. Ослабленная внутренними раздорами, Москва все меньше и меньше сил могла противопоставить окружавшим ее врагам. Устрашала попытка польского правительства объединить Польшу и Литву в единое государство. «Жигимонд рвется к Новгороду, — думал Висковатый. — Ливония, а затем Новгород. Король хочет отрезать Россию от западных стран и заставить ее снова вариться в собственном соку...»

Неясные предчувствия сжимали сердце. Что-то должно произойти.

Обдумав все, дьяк решил, что продолжать Ливонскую войну опасно и бесполезно. «Швеция из врага стала другом Польши, — думал он. — Дания вот-вот заключит мир со Швецией». Единственным козырем оставался принц Магнус, брат датского короля. С ним велись переговоры. Если Магнус согласится стать королем Ливонии и подручником царя Ивана, отношения с Данией останутся по-прежнему хорошие. Если нет, Дания присоединится к морским державам, препятствующим нарвскому плаванию. В этом случае война будет тяжела и неблагоприятна для России. «Я уверен, Магнус согласится, — думал Висковатый, — в кармане у него нет ни копейки».

Иван Михайлович встал с постели, распахнул окно, налил из кувшина квасу, выпил, прошелся взад и вперед по комнате.

«И, как назло, — продолжал он размышлять, — на юге сгустились грозные тучи. Чем кончится турецкий поход на Астрахань, знает один бог. Султан Селим расчищает себе путь в Персию... Только смерть короля Жигимонда сможет развязать нам руки. Ах, если бы так случилось! Из Польши сообщали много раз о близкой его кончине. Но ведь он может жить еще много лет!..»

Промаявшись в тревожных мыслях всю ночь, канцлер встал еще до восхода солнца и, одевшись, потребовал коня. Вместе с верным слугой Митяем они спустились с пригорка к низкому песчаному берегу реки Москвы. Иван Михайлович смыл липкий пот, освежился в прозрачной, прохладной воде. Через час Висковатый был в Кремле у дверей своего приказа — высокого бревенчатого дома, стоявшего напротив царского дворца. Государя в Москве не было, он жил в Александровой слободе, и дьяк чувствовал себя свободнее. Когда царь находился в Москве, бояре и думные дьяки съезжались во дворец сразу же по восходу солнца. Во дворце вельможи часами дожидались в приемной царского вызова. К обедне шли вместе с государем и только из церкви возвращались домой. С первым ударом церковных колоколов к вечерне все снова собирались в государевых палатах и оставались там еще часа два или три. Другими словами, времени на работу оставалось мало, приходилось задерживаться в приказах допоздна.

Думного дьяка Висковатого иноземцы недаром называли канцлером Русского государства. Пожалованный царем Иваном в 1561 году хранителем государственной печати, он по-прежнему оставался во главе внешней политики. Хранитель печати — высокая должность. Он был самым близким к царю человеком. И царь Иван говорил, что он любит его, как самого себя. Свою верность царской семье Иван Михайлович доказал в тяжелое время, пятнадцать лет тому назад. Царь Иван был болен, и престол под ним шатался. В ожидании смерти царь назначил наследником сына — младенца Дмитрия. Вельможи колебались, многие желали видеть царем князя Владимира Старицкого и не хотели присягать «пеленочнику».

Иван Висковатый первый принял присягу царственному младенцу и держал крест, на котором клялись бояре и князья. Он рисковал многим. Если бы сторонники Старицкого одержали верх, ему бы головы не сносить.

По характеру Висковатый крут и упрям. Он всегда говорил, что думал, даже царю Ивану, а на это решался далеко не всякий.

Иногда при приеме иноземных послов Иван Михайлович говорил речь от имени царя. Он готовил все бумаги, носившие царскую печать. Царь обращался к нему за советом по всем делам государства.

В течение многих лет дьяк решительно отстаивал войну за Ливонию, за обладание морским побережьем и считал необходимым для России вести независимую политику, подчиненную национальным интересам.

У многих на памяти был отказ Ивана Висковатого ходить «за кресты». Участие в крестных

ходах, отнимавших много времени, было обязательным для всех думных и дворовых людей. Глядя на Висковатого, стали отказываться, ссылаясь на дела, и другие. Царь Иван, несмотря на жалобы духовенства, не стал вмешиваться...

Не очень-то признавал Иван Михайлович необходимость церковных постов. «Не ест мяса в понедельник боярин, а на винопитии сидит целый день, — говорил он друзьям. — А лишнее винопитие причина всякому злу. От мясоедения ничего такого не бывает».

Первым пришел в приказ к Висковатому дьяк земского двора Иван Мятелев, ведающий надзором за порядками в столице.

Заразная, прилипчивая болезнь гуляла по московским областям. В лето она еще больше усилилась. Вокруг Москвы стояли заставы. Стрельцам был отдан строгий приказ никого не пускать в столицу.

— На Тверской улице двое умерли и у Кузнецкого моста двое, — бубнил Иван Мятелев. — И больные есть. Во всех домах, где занедужили, я велел двери гвоздями забить. У домов стражу поставил.

— Сколько домов с больными?

— Восемь, Иван Михайлович, — один на Варварке, один на Никольской...

— Не надоть, — поднял руку Висковатый, — все равно не упомню. А вот скажи-ка, Иван Яковлевич, тебе хворого приходилось видеть?

— Приходилось, не без этого.

— Знаменье есть ли на человеке?.. Постой, сначала скажи, с чего болезнь начинается.

— Ежели моровое поветрие, дак сначала недужится, в жар бросает. А потом и знаменья на теле выходят. Пятна багровые с синью... а то и сплошь все тело в красноте. Через недели две либо помрет человек, либо жив, однако более помирают. Бывает, у хворых носы отгнивают, уши, а порой и концы пальцев.

— От чего болезнь сия, как мыслишь?

— Ежели с хворым другой человек спать ляжет, ежели хворого одежду оденет, ежели рядом сидит...

— Так, так... — Иван Висковатый подумал, почесал большой нос, придвинул к себе бумагу, принесенную подьячим Мятелевым. — Выходит, в эту неделю на сорок человек больше померло?

— Выходит, так.

— Попы помирают от сей хвори?

— Помирают, Иван Михайлович.

Висковатый еще подумал.

— А ходят попы к хворым?

— А как же иначе, Иван Михайлович, напутствовать в мир иной, со святым причастием!

— Запретить, — распорядился Висковатый. — Попы заразу разносят. К тем, кто со знаменьем помирает, попов не пускать!

— Хорошо, Иван Михайлович, сделаем.

— На заставы стражников прибавить, и пусть боярские дети по заставам для догляда ездят, не спят ли стражники. А скажи мне, сколь от голода померло?

— Полтысячи за неделю, Иван Михайлович... Теперь овощ пошла, чуть полегче стало. А как бог повелит зимой... — Мятелев развел руками.

— Воля божья без людей не творится... Великий государь приказал по монастырям народ голодный кормить. Кормят ли?

— Кормят помаленьку, все больше репой, а еще чем, и разобрать нельзя. Да ведь всех не прокормишь. И ругаются игумены, самим, говорят, есть нечего.

— То не беда, что во ржи лебеда, а вот беды, как ни ржи, ни лебеды, — нараспев произнес Висковатый. — Пусть хоть репой кормят, все человеку держаться помогают. А что касемо игуменов, врут. У них немало еще припрятано.

После подьячего Мятелева на прием к канцлеру явился подьячий Павел Кочерга, только что прискакавший из Люблина. Он присутствовал на сейме, объединившем Польшу с Литвой.

Иван Михайлович внимательно выслушал подьячего Павла Кочергу. Сведения были важные. Висковатый еще раз подумал, что воевать за Ливонию станет труднее. Польша и Литва объединили свои силы. Самые худшие предположения сбывались. Подьячий доложил и о том, что Польша захватила Киевщину и другие русские земли в свои руки.

«Еще хуже станет простым русским людям под Польшей, — подумал Висковатый. — Хоть и сейчас они полные рабы. И православной церкви хуже». Он понимал, что после сейма чаша весов в борьбе за русские земли склонилась в сторону Польши, и русское правительство, кроме настойчивых требований возратить отчие земли, вряд ли сможет что-либо предпринять. Зато Польша получит новые возможности ополячить и окатоличить русское население.

Иван Михайлович, не откладывая, стал писать бумагу для отсылки царю Ивану в Александрову слободу.

Третий, кого пришлось выслушать думному дьяку, был лазутчик с Дона Богдашка Зюзин. По его словам, войска турецкого паша Касима подошли к переволоке, и паша Касим велел рыть канал от Дона до Волги. Однако работа продвинулась совсем мало. В войсках турецкого султана начались недовольства.

Висковатый выслушал вести с радостью. Чем больше пройдет времени у турок в бесплодных попытках, тем лучше для Русского государства.

Около полудня или в седьмом часу от восхода солнца в приказ прибыл из Швеции большой царский посол боярин Иван Воронцов, ездивший в Стокгольм за Катериной Ягеллонкой. С ним вместе прибыл дьяк Курган Лопатин. А товарищ посла опричник Василий Наумов заболел по дороге и отлеживался в Новгороде. Русское посольство потеряло в Швеции около двух лет.

Иван Михайлович Воронцов долго жаловался на притеснения и обиды, учиненные королем Юханом. Уходя, он оставил на столе большой свиток плотной бумаги с перечнем обид и свой подарок думному дьяку — золотой перстень с красным камнем.

Через два часа верховой гонец с извещением о прибытии боярина Воронцова в Москву поскакал в Александрову слободу.

Висковатый подробно отписал царю Ивану все, о чем рассказал ему посол. Думному дьяку давно было известно о перевороте в Швеции. Он знал, что царь Иван не оставит без последствий глумление над послом. И отказ выслать Катерину Ягеллонку. Трудно было предположить, что предпримет царь против «непослушника» — свейского короля. Но при нынешних осложнениях полагалось бы не слишком выказывать свое самолюбие.

Иван Михайлович отпустил боярина Воронцова и собрался идти домой обедать. Но пришлось остаться. В комнату, гремя оружием, ввалились сразу несколько человек. Все это были военные люди из разрядного приказа. Главным был боярин и воевода Михаил Воротынский. Недавно по просьбе Висковатого царь поручил ему составить росписи всем городам и сторожам, возникшим на южных границах, и сделать новые чертежи. С князем Воротынским пришли его помощники: князь Михаил Тюфякин, ржевский воевода Юрий Булгаков и дьяк Борис Хохлов.

Разговор был долгий. Споров было много.

Иван Михайлович понимал значение новых городов для будущего Русского государства. Он с радостью читал доклады воевод о поселениях, возникавших на юге, и добивался царского указа строить новые крепости и сторожевые засеки.

Переселенцы из разных мест Русской земли в течение столетий оседали на жительство в Диком поле. Русский народ отвоевывал то, что ему раньше принадлежало. К половине XVI века южная граница России заметно сдвинулась к югу.

Могучая Русская держава сложилась и выросла за короткий срок, после двухсотлетнего монголо-татарского порабощения и княжеских междоусобиц. При Иване Третьем, деде царя Ивана, уже существовала надежная государственная машина, управлявшая обширными русскими землями. Появилась многочисленная плеяда ученых дьяков и подьячих, занимавших в правительстве важные посты, нисколько не уступавших образованием своим западным коллегам.

Правительство тщательно изучало страну, рассылая по городам грамотных людей и заставляя их собирать всевозможные сведения. Все, что они добывали, обрабатывалось в московских приказах и пускалось в оборот. Были измерены, описаны и положены на бумагу почти все земли Русского государства. Получили широкое распространение писцовые книги, в которых учитывалось сельское и городское население. Управление страной вершилось на разумной основе.

Образовалась дипломатическая школа с собственными, русскими обычаями и правилами. Деятельность послов направлялась правительственными указами и положениями.

Особенной четкостью и организованностью отличались военные мероприятия. Все делалось так, что в случае необходимости государство могло в кратчайший срок собрать все свои силы. Пожалуй, ни одна страна в мире не могла похвастаться подобным устройством. Правила ведения боя, порядок расположения полков вытекали из давних обычаев. В последнее время многое было рассчитано на борьбу против монголо-татарских орд. Тяжелые тучи войны десятками лет не сходили с горизонта Русского государства. Они возникали то на юге, то на западе.

Военной необходимостью вызвана почтовая связь. Движение по ямским дорогам происходило в невиданные в западных странах сроки. Обычная скорость доставки почты и людей достигала двухсот верст в сутки. Ямские дороги содержались в хорошем порядке.

Царя Ивана Грозного окружали высокообразованные русские люди, умевшие управлять государственной машиной. При страшных потрясениях в годы опричнины государство смогло выдержать и не развалиться только благодаря ранее сложившимся обычаям и

приобретенному опыту.

По всей Русской земле развивались разнообразные ремесла, торговля и промышленность без всяких царских указов, а иногда и вопреки им. Русские гости и купцы ездили по всей Европе торговать, русские мореходы и землепроходцы бесстрашно осваивали далекие восточные и северные земли, о которых в других странах ходили только страшные сказки. Давно начавшееся русское продвижение на восток, в Сибирь происходило непрерывно.

Мозг великого русского народа был здоров, руки крепки.

Все больше и больше выходило на поверхность людей из простого народа: купцы, мастера, промышленники, дьяки. Появились такие люди, как посол Федор Писемский, знавший десяток иностранных языков, дьяк Иван Висковатый, Иван Выродков — строитель крепостей, послы Афанасий Нагой и Новосильцев Иван, много других ученых дьяков, управлявших приказами. Купцы Строгановы своим предпринимательством и торговлей накапливали богатства, будили дремавшие силы страны. Русский народ тяжелым, настойчивым трудом создавал все новые и новые ценности...

За обедом из головы Висковатого не выходила мысль о герцоге Магнусе, эзельском епископе. Царские опричники Иван Таубе и Эгерт Крузе, взявшиеся уговорить епископа стать королем Ливонии, недавно сообщили, что в Москву скоро прибудет посольство герцога. Однако дьяк не верил немцам-опричникам и убеждал царя Ивана, что в конце концов они обманут, несмотря на клятвы.

Последний разговор у Ивана Михайловича произошел вечером с государственным казначеем Никитой Афанасьевичем Фуниковым. Фуников дружил с Висковатым давно, уважал его и слушался беспрекословно. Он был худой и маленький, с острым носом и большими серыми глазами.

Казначей поклонился иконам, перекрестился.

— У меня разговор тайный, — сказал он, многозначительно посмотрев на дверь, на стены.

За стеной в большой комнате сидели полсотни подьячих и усердно скрипели перьями. Открытое для прохлады окно в комнате Висковатого выходило в сад.

— Говори, не подслушают. Их много, один другого боится.

Фуников уселся на лавке.

— Хороша богородица! — скосил он глаза на икону. — Откуда?

— Самого Андрея Рублева. Аникей Строганов подарил. Ну говори, с чем пришел?

— Иван Михайлович, до каких пор такое будет? В казне ни пула⁵⁶, а царские приказы денег требуют. Давай да давай, и все на Ливонскую войну, — сказал Фуников.

— А тамга?⁵⁷

— Все рассчитано.

— Отписал великому государю как и что?

— Отписал... Моему гонцу он велел голову срубить. Мне в рогожном мешке ее опричники привезли.

— М-да... Что ж делать! Подати с сох исправно получаешь?

— Одну четверть от сметы. Разбежался народ, пустует земля.

— А ты с монастырей побольше выжми.

— Жал, больше не каплет. Боюсь, скоро и мне голову государь срубит.

— Ливонская война — дело нужное, Никита Афанасьевич, море нам во как надобно... Может, придумаешь?

Фуников долго сидел, склонив голову.

— Нет, ничего не могу придумать... Везде одни дыры... — Он безнадежно махнул рукой. — Денег надо много. А прежде всего тысячу человек вооружить и на коней посадить.

— Послушай, Никита Афанасьевич, а ежели к Строгановым, к Аникею обратиться. Он нам тысячу человек за свой счет представит.

— Согласится ли? — В голосе Фуникова слышалось сомнение. — Немалые деньги потребуются.

— Ежели я попрошу, согласится. Он из наших рук не в пример больше получает. Мне про его дела немало ведомо. Соболиная дань с новых земель в царскую казну на второй и на третий год идет, а что раньше — все в его карман. Не печалься, Никита Афанасьевич, в дружбе будем — не пропадем. Грамоту я завтра Аникею отпишу.

Висковатый снял пальцами нагар со свечи и вынул из ящика глиняную баклажку.

— Хлебнем, Никита Афанасьевич, крепкое вино. Мне английский купец подарил.

— Неохота мне, Иван Михайлович.

— Да уж приневолисья...

— Во здравие царя и великого государя!

Иван Михайлович хлебнул и дал хлебнуть другу.

— Ну и крепка! — Фуников вытер усы и откашлялся. — Кваском бы запить...

— Возьми орешков на заедку.

— Хотел спросить тебя, Иван Михайлович, — пережевывая орехи, сказал Фуников, — что за каша в Новгороде заварилась? Ведомо ли тебе?

Висковатый ответил не сразу.

— Не хотят новгородцы денег давать на Ливонскую войну... В этом вся суть. Многие купцы от войны разорились, у других прибытков менее стало, вот и смута пошла. Великий государь велел им конного войска две тысячи выставить либо денег дать. Новгородцы вместо двух тысяч сотню пригнали. Челом били государю, нет-де больше денег, обеднели, и все тут. Разгневался царь, но смолчал, затаил обиду... Псковичи, те сполна две тысячи всадников дали, как им царь повелел.

— Я другое слышал...

— Потом и другое началось. В Литве прознали про недовольство новгородцев и лазутчиков в город заслали. В подметных грамотах под короля Жигимонда стали звать. Жигимонд, дескать, на войну денег не берет. Под Жигимондом и вольготней и сытней люди живут. И от

князя Курбского грамоты подметные были... И будто новгородцы на то согласны.

— Затея, ложь! А не слышно ли про Володимира Старицкого? Не хотят ли новгородцы его на царский престол посадить?

— Не знаю. Однако и раньше о том бояре шептались... А в иных подметных грамотах писано, будто наш царь Иван и не царского рода вовсе, а сын Ивана Федоровича Овчины-Оболенского.

— Господи, помилуй нас, грешных... — Лицо Фуникова от испуга густо покрылось каплями пота.

— ...Прознали про те грамоты новгородские молодцы Малюты Скуратова, бросились ловить лазутчиков, а те как в воду канули: месяц искали — не нашли. Наконец удалось уцепить ниточку за кончик, выяснили, что один лазутчик в монастыре укрылся. Пошли с облавой на монастырь. Еще семерых нашли. Государю донесли, он и вовсе распалился. А тут архиепископ новгородский Пимен за монастыри стал вступаться. Негоже, дескать, святыни поганить... Зол теперь государь на Новгород Великий и на монастыри новгородские. И на Пимена. Ох как зол!..

— Как ты мыслишь, Иван Михайлович, для дел государских нужна опричнина?

— Не знаю, — сразу ответил Висковатый. — Задумка-то, может, и хорошая была. Порядок навести, силу свою показать. Я, мол, над всеми хозяин... А теперь опричниной детей пугают, всем на зубах навязла. Хуже разбойников — ни бога, ни царя не боятся.

— А дальше еще хуже будет, — добавил Фуников, — вспомнишь мои слова.

— Что было — слышали, что есть — сами видим. А что будет, кто ведает? Плохо — большую веру государь дал Малюте Скуратову и немцам, что за великие богатства возле трона отираются. Ежели бы мне власть, я бы перво-наперво Малюту за ребро повесил и всех немцев от престола вымел поганой метлой. И за царя Ивана я головой стоять не стану, как раньше стоял. Пусть...

В это время послышался шум в саду. Почуввав недоброе, Висковатый бросился к окну. Он увидел, как от стены дома метнулась быстрая тень и скрылась в кустах.

— Человек Малюты Скуратова, — выдохнул дьяк, повернувшись к Фуникову. Он побледнел и, казалось, сразу постарел. — Негодяй, подсылает ко мне лазутчиков, хочет, чтобы я ему покорился... — Висковатый знал, что произойдет, если его слова достигнут царских ушей.

— Что ж будет с нами, Иван Михайлович? — Никита Фуников стал заикаться от сильного испуга. — Эх, д-дурак я, мой язык р-раньше ума рыщет! Погибли мы теперь...

Шатаясь, казначей Фуников подошел к столу и, взяв баклажку в руку, выпил все, что в ней осталось.

Глава восемнадцатая. «НЕ ПОКУШАЙСЯ НА ТО, ЧЕГО ВЗЯТЬ НЕ МОЖЕШЬ»

Высокий, худощавый князь Андрей Курбский, ссутулившись, сидел на своем месте в зале заседаний сейма. Он молчал, поглаживая коротко стриженную, седоватую бородку. И на голове в густых волосах было много седины, несмотря на еще нестарые годы.

На громогласном и шумном люблинском сборище, молчаливый и сжавшийся, он был похож на затравленного волка.

Не проронив ни одного слова ни за, ни против, Андрей Курбский голосовал за навечное соединение Польского королевства и Литовского княжества. Он знал, что неравноправный союз ухудшит положение русского православного населения в объединенных государствах, усилит Польшу — злейшего врага московских князей... Он понимал, что воссоединение всех русских земель станет еще более сложным делом.

«Может быть, объединение Литвы и Польши поможет королю Сигизмунду расправиться с московским злодеем? — думал князь Курбский. — Я не пошевельну пальцем там, где надо оказать помощь царю Ивану, и всегда буду помогать тем, кто поднимает на него руку».

Он снова и снова проклинал царя Ивана, обвиняя во всех своих бедах. Ненависть к московскому владыке заслонила от его глаз великие нужды и страдания русского народа. Сделавшись ненавистником одного человека, он перестал быть русским. Задавшись целью уничтожить царя Ивана, он считал, что для этого хороши все средства. Конечно, он хотел вернуться на родину, но понимал, что сможет это сделать, только переступив через труп своего заклятого врага.

Курбский немного оживился, услышав горячее выступление своего друга, киевского воеводы Константина Острожского, против неравноправного объединения. Глаза князя загорелись, в голове стали складываться слова, противные унии. Но пришло на память новое оскорбление, нанесенное московским царем, и он взял себя в руки.

Утром Андрей Курбский проходил с Острожским мимо четырех московских вельмож, прискакавших по приглашению польского правительства на Люблинский сейм. Московские вельможи очень вежливо раскланялись с Острожским, но, увидев Курбского, стали со злостью плевать на него.

— Изменник, — кричали они, — да будешь ты проклят на вечные времена!

Князь Курбский выхватил саблю, но сеймовая стража мгновенно его обезоружила.

— Мы выполнили приказ царя и великого князя всея Руси Ивана Васильевича, — гордо сказали московские вельможи.

Когда-то Андрей Курбский, боярин и князь, был любимцем царя. Он происходил из знатного рода ярославских князей и фамилию свою получил от реки Курбы. В Ливонию был послан воеводой большого полка. В 1564 году он изменил своему государю, покинул отечество и стал служить яростному врагу Московского государства польскому королю Сигизмунду. К измене отечеству Курбский пришел не в один день. Он почитал Адашева разумным правителем и был его единомышленником. Расправа царя Ивана со всеми, кто поддерживал Адашева, возмутила и испугала Курбского. Он не раз получал зазывные листы от Сигизмунда с щедрыми посулами. Сенаторы присягнули в исполнении королевских обещаний и прислали князю охранную грамоту. И князь Андрей решился: темной октябрьской ночью, попрощавшись навсегда с женой и девятилетним сыном, он перелез крепостную стену города Юрьева, где был в то время наместником и воеводой, и бросил городские ключи в колодезь. На лошадях, приготовленных слугою Шибановым, он ускакал в город Вальмар.

Вскоре после бегства из России Курбский получил от Сигизмунда-Августа обширные поместья. Земли даны были на время, без права собственности. Но в 1567 году, в награду за доблестную, верную службу во время войны польского дворянства с царем Иваном, король предоставил перебежчику ленное право⁵⁸ на пожалованные земли. С того времени Андрей Курбский стал величать себя князем Курбским и Ярославским. На гербе его был изображен вставший на задние лапы лев. Князь знал латинский и греческий языки, изучал разные науки,

обладал писательским даром. Его письма немало досадили грозному царю.

По нраву князь Курбский был крут и неуживчив. Обиды никому не спускал. Часто ссорился с соседями-помещиками. От обид и притеснений защищался вооруженной рукой. Иногда он саблей расширял границы своих земель...

1 июля 1569 года Курбский без возражений принял присягу на верность новому объединенному государству.

На следующий день после закрытия сейма князь попросил аудиенцию у короля и был благосклонно принят.

В королевских покоях жарко. Через открытые окна налетело много больших мух. Двое придворных шляхтичей отгоняют назойливых насекомых от короля, двое других охотились с мухобойками.

— Благодарю, мой друг, — сказал Сигизмунд-Август, трясая головой от слабости. — Мне сказали, князь, что ты с радостью принял унию.

— Я всегда был верным слугой вашего величества. — Курбский поцеловал королевскую руку. — И сейчас хочу сообщить нечто весьма важное и полезное вам.

— Мой канцлер и вы, Ян Фирлей, прошу, подойдите ближе. Князь Курбский хочет сообщить нам важные новости.

Сановники с поклонами приблизились, бросая настороженные взгляды на Курбского. Канцлер был в красной суконной куртке, расшитой золотом, в чулках и башмаках, а Ян Фирлей в синем жупане и щегольских сапожках.

— Я слушаю, князь.

— Ваше величество, в Москве и по всей земле Московской свирепствуют голод и моровое поветрие. Верные люди оттуда пишут мне, что страна обезлюдела. Царские кромешники разорили многие плодородные земли, крестьяне разбежались. На войну с Ливонией царь Иван тратит последние деньги. Людей в полки приходится собирать под страхом смерти.

— Что же ты предлагаешь?

Курбский на мгновение задумался.

— Время пришло. Для победы над Москвой надо послать хорошие подарки крымскому хану. Вдвое, а то и втрое больше, чем дает Москва. И Девлет-Гирей с большой ордой нападет на московские земли. Я сумею указать крымскому хану дорогу в обход приокских крепостей. Девлет-Гирей разорит много городов и возьмет Москву, в этом я уверен... А в это время вам, ваше величество, следует ударить с другой стороны на московского князя. И может так случиться, что великий князь Иван Васильевич, этот дикарь и кровопийца, будет у вас в руках. Тогда вы сами решите, кого посадить на московский престол. Прошу, ваше величество, не откладывая, отправить послов к крымскому хану. Я уверен, предложение будет весьма кстати. У меня есть все доказательства, я получаю письма от вельможных лиц московского государства.

— Вы позволите, ваше величество, задать один вопрос князю? — вмешался в разговор внимательно слушавший канцлер Валента Дембинский.

— Пожалуйста, прошу вас.

— Как вы думаете, пан Курбский, чем окончится поход на Астрахань объединенных сил татар и турок?

— Я не жду ничего хорошего, это несбыточно. Чтобы прокопать проход для кораблей из Дона на Волгу, туркам понадобится сто лет.

— Вот как... однако вы предлагаете...

— Я предлагаю одновременно ударить на Москву крымскому хану и его королевскому величеству.

— Вряд ли это возможно в будущем году... Мы изрядно задолжали хану.

— Ах! Я забыл, что его величество платит татарам дань.

— Собственно говоря, это не дань... зато без согласия турецкого султана крымский хан не имеет права напасть на наши земли. А земли москвиты он грабит, когда ему захочется.

— Да, да, — вмешался король, — надо уплатить наши долги Девлет-Гирею... Итак, панове, подумайте и без отлагательств доложите мне.

От короля Андрей Курбский вышел вместе с канцлером. На улице цвели липы. От деревьев тянуло густым медовым духом.

— Я вас не совсем понимаю, дорогой князь, — сказал с вежливой улыбкой канцлер, когда они стали прощаться. — Вы, русский, обрекаете свою землю на страшное татарское разорение, да еще хотите, чтобы мы, поляки, взяли Московию и наш король назначил бы туда правителем своего ставленника?

— Если бы король Сигизмунд-Август поступил с вами так, как поступил со мной московский царь, то поверьте...

— А как он поступил с вами, позвольте узнать?

Курбский, не ожидая подобного вопроса, промолчал.

— Насколько известно мне, — продолжал Валента Дембинский, — вы задолго до побега договорились с королем о возмещении своих владений в Московии. Но королевского слова вам показалось мало, и вы потребовали клятвы наших вельмож. Извините, князь, что я задеваю столь тонкие струны...

Канцлер, прямой и по-своему честный человек, был недоволен, как и многие польские вельможи, пожалованием князю королевских земель и с трудом скрывал неприязнь к чужеземцу. Волынские помещики успели пожаловаться на Курбского и даже требовали отобрать у него королевский подарок. Жаловался и князь Чарторыйский на разбой и грабеж в Смедыни. Курбский пришелся не ко двору вельможному панству.

— Мне угрожала смерть, — ответил князь Андрей, вспыхнув. — Если бы я не отъехал к вам, может быть, мои кости давно сгрызли собаки где-нибудь у кремлевской стены... Право на отъезд от одного князя к другому было древним законом моих предков.

Валента Дембинский взглянул Курбскому прямо в глаза:

— Смерть могла угрожать после битвы, где пятнадцать тысяч русских под вашим воеводством потерпели поражение от четырех тысяч поляков. Князь, вы, наверно, помните, что, не будь вашего желания, полякам вряд ли удалось одержать столь легкую победу.

Кровь бросилась в лицо князю Андрею. Он схватился за саблю.

— Успокойтесь, дорогой князь, вы забыли, что я коронный канцлер и читал все бумаги, в том числе и вашу записку к пану Хоткевичу.

— Но ведь его величество обещал мне хранить тайну, — вырвалось у князя.

— Я и не собираюсь нарушать обещание. Это сказано только вам. Мне интересно, при каких обстоятельствах позволительно... ну, скажем, бросить свою отчизну, окруженную врагами, свой народ...

— Где моя отчизна, от кого мне ее защищать? Не татары, а царь губит отчизну! — яростно выкрикнул князь.

— Ну хорошо... Будем считать, что вы отъехали от московского князя согласно с законами предков. Но после вы два раза сражались со своими, русскими. И не только своей саблей... Помнится, вы привели двести воинов, вооружив их на свои деньги. А теперь советуете королю кое-что похуже...

Мимо проскакали на гнедых конях два ратника, увешанные оружием. Пыль, поднятую конскими копытами, подхватил ветер и закрутил вихрем по улице.

Курбский не сразу ответил. Он долго вытирал потное лицо большим белым платком.

— Что ж, у каждого свой взгляд на вещи, — сказал он наконец. — Я доказываю свою преданность польской короне, разве вам это не по душе?

— Не знаю, может быть, и я, чувствуя, что над головой висит топор палача, покинул бы свое отечество. Но бороться против него с оружием в руках, придумывать погибель своей земле... нет, это не укладывается в моей голове. Вот если бы вы, вместо того чтобы наводить крымского хана на свою землю, прикончили царя Ивана? Но простите меня, вельможный пан Андрей, это мысли простого шляхтича. Как канцлер польской короны, я другого мнения и буду весьма рад, если нам удастся свершить вашу задумку. Кстати сказать, мне очень понравилась мысль провести к Москве Девлет-Гирея в обход приокских крепостей. Прошу вельможного пана завтра утром быть у меня. Мы вместе разработаем секретный план против гнусного москвитя. * * *

Князь Константин Острожский во время сеймовых заседаний занимал обширный дом своего двоюродного брата. В последний вторник июля, вскоре после торжественной присяги, он собрался ехать на Киевщину. В день отъезда князь дал прощальный обед. За его столом сидели почти все православные вельможные паны из Литвы и русских земель.

Князь Курбский, сказавшись больным, не принял приглашения. Он не хотел встречаться со своими соседями, с которыми враждовал. А потом, после разговора с канцлером, состоявшегося рано утром, когда было решено немедленно отправить к крымскому хану королевских послов и добиваться его выступления против Москвы, Курбскому стало не по себе. «Я сделал правильно, — старался он себя успокоить. — Царя Ивана необходимо уничтожить, для борьбы с бешеным зверем хороши все средства».

Однако Курбский знал, что его чудовищный план, если он станет известен, одобрят далеко не все русские вельможи Литовского княжества.

Около четырех часов после полудня, закончив недолгие сборы, князь Андрей с десятком слуг выехал в свой замок, стоявший близ Ковеля, в местечке Милянвечи. За городской заставой его догнал торжественный поезд киевского воеводы. Князь Острожский ехал в золоченой карете в сопровождении двухсот вооруженных всадников.

Заметив на обочине дороги Курбского, скромно уступившего дорогу, воевода остановил карету и пригласил князя к себе.

Андрей Курбский с большим уважением относился к Константину Острожскому, русскому человеку, крепко державшемуся за обычаи и веру предков. Как и его отец, он был невысок ростом, но велик душой. Никто из воевод Литовского княжества не одерживал над татарами столько славных побед, сколько их было на счету у князя Острожского. Не много нашлось бы людей в Польше и Литве равных ему по богатству. Ему принадлежало сто городов и более тысячи сел. Говорили, что он может один снарядить на войну тридцать тысяч всадников. Киевский воевода не раз в трудную минуту помогал Курбскому и заступался за него перед королем и сенаторами.

Несколько верст они проехали молча. Лето было в самом разгаре. По пыльной дороге карета катилась мягко. За заставой сразу потянулись желтеющие нивы попеременно с перелесками и рошицами.

— Я слышал, ты внове хочешь жениться, княже? — спросил Константин Острожский, подкладывая под локоть подушку.

— Мою жену замучил московский царь, — со злобой сказал Курбский. — Она умерла в заточении вместе с сыном.

— Что ж... Мария из дома Голшанских выгодная для тебя жена. Она в родстве со многими знатными родами. Сангушки, Збаражские, Сопеги, Воловичи — ее родственники. Большие поместья на Волыни и в Литве... Однако вдова не совсем молода.

— Она мне ровесница.

— Прости, княже, сколько тебе, я запомнил.

— Исполнилось сорок два.

Знакомцы помолчали.

Острожский знал, что Мария Юрьевна старше своего жениха на четыре года. Она успела схоронить двух мужей. В семействе Голшанских были вечные раздоры и бесконечные тяжбы. От первого мужа у вдовы осталось два взрослых сына...

— Обед у меня прошел очень шумно, — сказал Острожский. — Пановья оплакивали кончину вольного Литовского государства. Они чуть не передрались, упрекая друг друга в слабости. Жалели, что дали клятву... Вся надежда на скорую смерть Сигизмунда-Августа. Его смерть — удобный случай оторваться от польской короны. Ты не поверишь, княже, Сигизмунд еще жив, а на обеде называли имена новых королей!

— Интересно, какого короля хотят вельможные паны?

— Императора Максимилиана, его сына эрцгерцога Эрнеста... Но вот что сказал вельможный пан Ян Хоткевич: мелкое дворянство прочит в короли Федора, второго сына московского царя, или самого Иоанна.

Курбский круто повернулся к собеседнику.

— Ты шутишь, вельможный князь и пан?

— Вовсе нет. Я повторяю то, что слышал от пана Хоткевича.

— Они сошли с ума! Им не жалко своих голов. Пусть только появится в Польше этот зверь!

Он зальет кровью всю землю.

— Ну, положим, здесь не Москва. Наши законы не дадут ему своевольничать... А ты подумай, княже, в этом, пожалуй, есть смысл.

— В чем смысл, посадить королем царя Ивана?

— Да.

— Душегуб своего народа не может быть благодетелем другого.

— А ты подумай иначе. Если москвит станет королем или посадит на польский престол своего сына Федора, он поможет Литовскому княжеству отойти от Польши. Потом будет видно, что делать дальше. Для православной церкви это принесет несомненную пользу. Русские земли снова соединятся...

— Он оторвет Киев от Литвы.

— А сейчас его отобрали у нас поляки. Что лучше? Мне думается, лучше отдать его Москве. Православный народ не будет обижен. Царь Иван за мирный договор и сейчас требует возвратить ему Витебск, Киев, Минск и даже всю Волынь.

— Прежде всего царь Иван отрубит твою вельможную голову или посадит тебя на кол! — зло сказал Курбский. — Он не потерпит возле себя такого богатого князя. Неужели ты, самый умный человек в Литве, мыслишь, как малое дитя... А что скажет турецкий султан? Он никогда не согласится на царя Ивана.

Константин Острожский положил руку на плечо Курбского:

— Довольно об этом, княже. Я знаю, ты никогда не согласишься быть снова подданным московского царя. Да и он вряд ли потерпит тебя.

— Я опишу все злодеяния московского тирана, пусть те, кто хочет видеть его королем, узнают правду. Клянусь тебе, вельможный князь, я сделаю тако. К нему не пойду, лучше стану служить туркам.

— Хорошо, хорошо, княже, — старался успокоить киевский воевода расходившегося Андрея Курбского. — А сейчас уймись. Посмотри, какой замок виден на горке, его недавно построил пан Замойский. Леса какие вокруг, какие могучие дубы!

Курбский умолк. Замок Замойского скрылся из глаз, миновали дубовый лес.

— Я думаю, княже, — начал снова Острожский, — Речь Посполитая никогда не сможет добиться единомыслия во внешних и внутренних делах. Три разных народа, поляки, литовцы и русские, тянут в разные стороны, смотрят на вещи разными глазами. Что хорошо одному, плохо другому. А в Московском царстве один народ решает свою судьбу. У царя Ивана сильное войско, всегда готовое к выступлению. А мы не можем собрать каких-нибудь сорок тысяч, даже если от этого многое зависит... Его величество король слаб, очень слаб, и хорошо, если он протянет еще год. Я согласен на все, лишь бы рассчитаться с наглыми католиками, душителями православия.

Курбский обиделся и ничего не ответил.

— Княже, я в Киев. Король заметил мне вчера, что город плохо укреплен и татары не боятся его. Посмотри крепость. Я знаю, ты опытный воевода и стратег. Согласен?

— Хорошо, вельможный князь.

По дороге в Киев князь Константин Острожский останавливался в замках русских панов, своих знакомых. Со многими из них он был в родстве. Киевского воеводу всюду встречали с почетом. На князя Курбского литовские и русские вельможи смотрели косо, хоть и рода он был высокого и древнего и Острожский ему покровительствовал. Своевольством и высокомерием Курбский раздражал своих норовистых соседей, и слава о нем шла худая.

На четвертый день воевода киевский пересел в седло. Вместе с Курбским в сопровождении небольшого отряда они подъехали к разрушенным стенам когда-то знаменитой и могучей столицы всей Русской земли. Сейчас город лежал в развалинах. Курбский с грустью разглядывал полуразрушенную, запустевшую церковь святой Софии с тринадцати куполах, любовался мозаикой на сводах и каменным полом из цветных плит. Из других старинных построек ничего не сохранилось, кроме церкви святого Михаила с большим золоченым куполом. Жителей в древнем городе почти не было, дома с обитателями встречались редко.

Внизу в долине возник новый небольшой городок. В нем виднелось много глиняных домов, деревянные русские церкви. Только церковь на главной площади была каменная.

Крепость стояла на отдельном холме, она тоже деревянная и в некоторых местах требовала починки. Ее стены в защиту от огня были густо замазаны толстым слоем глины. Киевский воевода не сидел в этой крепости, а проживал в каменном неприступном замке.

«Всыпал бы царь Иван батов воеводе за такую крепость», — невольно подумал Курбский, с грустью оглядывая жалкие укрепления.

После монголо-татарского нашествия на Киевскую Русь жизнь народа в приднепровских землях стала опасной. Набеги ханских орд разрушили прежнюю обширную торговлю. Днепр перестал служить международным торговым путем, появились новые торговые связи, и Киев потерял былое значение.

Много простого люда в эти тяжелые столетия переселилось к северу, туда, где были леса, в которых можно было спастись от врагов, где находились сильные русские князья.

— Вельможный князь и пан, — наконец сказал Курбский, пряча глаза от киевского воеводы, — король думает не о войне с татарами, а только о плясках и машкерадах. И вельможи знают только есть и пить сладко: за столом они очень храбры, берут Москву и Константинополь, и даже если бы на небо забрался турок, и оттуда готовы его снять... Выступая в поход, они идут за врагом издали и, походивши два-три дня, возвращаются к бабам... Если бедные жители успели спасти от татар в лесах какой-нибудь скарб или скот, то все поедят и последнее ограбят... Что ж, вельможный князь и пан, киевскую крепость надо строить заново, и не деревянную, а из камня...

— Пусть король дает денег на постройку крепости, — сердито отозвался князь, — а свои я тратить не буду.

Митрополит Киевский и всея Руси обосновался в Печерском монастыре, обнесенном крепкими стенами. Монастырь был расположен в одной версте от старого города по течению Днепра.

Вместе с Курбским киевский воевода посетил Печерский монастырь. В мраморной гробнице под полом церкви покоились останки его отца Константина Острожского.

Воевода, сняв шапку, молча постоял у могилы. Затем он по крутой лестнице поднялся в келью митрополита и долго с ним беседовал.

Православный владыка жаловался на притеснения католической церкви. Воевода терпеливо его выслушал и обещал помощь.

Король Сигизмунд-Август вел дружбу с турецкими султанами, и крымские ханы не имели права нападать на земли Литвы и Польши без султанского разрешения. Правобережные земли, называемые Русской стороной, понемногу заселялись, оживали, поправляясь от монголо-татарских набегов. Однако и сейчас эти богатые и плодородные земли населены были слабо и не приносили и десятой доли того, что могли бы принести.

От левого татарского берега Днепра начинались пустые безжизненные степи, по которым разъезжали разбойничьи орды, двигаясь на земли Московского государства.

Вельможи в Литовском княжестве, чрезмерно чувствительные к московским делам, почти равнодушно относились к татарской опасности на своих южных окраинах.

Две крепости на южной границе Литовского княжества, Черкассы и Брацлава, не могли оградить население от татарских набегов.

Глава девятнадцатая. ВСЕ МЕНЬШЕ СЛАВЫ, ВСЕ БОЛЬШЕ СРАМУ НА СВЕТЕ

Пожалуй, никогда царь Иван не чувствовал себя так плохо. Каждую ночь он видел страшные сны, а днем во всех углах ему чудились изменники и убийцы. Малюта Скуратов докладывал о заговорах, и выходило, что заговоры против царя зреют и в Москве, и в Новгороде, и в других городах.

Мария Темрюковна умирала тяжело. Глядя на ее мучения, царь Иван сожалел. Но разве не он уготовил ей смерть?

И в дружбу датского короля Фредерика он потерял веру. «Продаст, — терзался он, — продаст тому, кто хорошо заплатит. Сегодня он хорош для меня, а ежели что-нибудь произойдет?»

Царь Иван надеялся только на одного человека — на англичанку королеву Елизавету. Трудно сказать, кто внушил ему такую надежду, может быть, английские купцы, жаждавшие наживы. Царь даровал им новые выгоды. Он разрешил вести торг с Персией через Россию, искать железную руду на Вычегде, предоставил право захватывать чужеземные корабли, которые стали бы ходить к беломорскому побережью. По просьбе купцов он передал английское подворье из ведения земщины в опричнину.

20 июня 1569 года царь направил в Лондон чрезвычайного посла Андрея Григорьевича Совина и теперь с нетерпением ждал его приезда из Англии. С помощью Елизаветы он рассчитывал расквитаться со своими врагами и обеспечить себе безопасность.

А враги не дремали. Усилилось объединенное Польско-Литовское государство. В прошлом году польский король заключил новый союз с турецким султаном и уговаривал крымского хана на войну с Москвой. А сейчас турецкие войска и Девлет-Гирей двигались к Астрахани...

Дьяк Иван Михайлович Висковатый подробно доложил царю о походе кафского паши Касима.

— Турецкое войско, — говорил Висковатый, — двадцать тысяч отборных солдат, движется из Кафы к переволоке, где Волга и Дон близко подходят друг к другу... Крымский хан волей или неволей, а вышел на соединение с пашой во главе пятидесяти тысяч всадников. Турецкие корабли, груженные пушками, ядрами и порохом, плывут из Азова вверх по реке.

— А далее как? — спросил царь Иван, морща лоб. — Волоком, всем воинством, что ли, потянут корабли на Волгу?

— Турецкий султан приказал вырыть ров от Дона к Волге и, соединив реки, вести корабли к Астрахани.

— И выйдет по-ихнему?

— Много копать придется. Не выдержат турки.

Царь вздохнул и потер лоб. Он казался усталым.

— Не вовремя султан поход затеял, — сказал он, помолчав. — Где мне войско набрать?

— Разреши, государь, слово молвить.

— Говори.

— Пошли князя Володимира Старицкого в Нижний Новгород собирать людей. Многие его послушают, из последнего наскребут. До Астрахани, вниз по реке, войско сплавить недолго. А воеводу князя Петра Серебряного с легкой дружиной немедля отправить в Астрахань, и пусть сидит в осаде, пока князь Володимир Андреевич не подоспеет.

— Добро, изготовить приказы... Прогневили мы бога, — добавил царь, — и шлет он на нас напасти.

Иван Михайлович вспомнил просьбу купца Аникея Строганова.

— Король Жигимонд, — сказал дьяк, — держит на своей службе морских разбойников. Со всех сторон они Нарву обложили. Грабят торговых людей, ходу не дают.

Царь Иван молчал.

— Этим летом английский купец Христофор Гудзон на трех кораблях из Нарвы вышел. И на него жигимондовские разбойники напали.

— Заполонили англичан? — спросил царь.

— Нет, великий государь, Христофор Гудзон вооружил свои корабли пушками. И мореходам роздал оружие. Когда разбойники напали, храбрый англичанин вступил в бой и победил.

— Сколько было кораблей у разбойников? — с интересом спросил царь.

— Шесть. Один корабль англичане сожгли, другой успел уйти в море. Четыре корабля они привели в Нарву и выдали нашему воеводе. И матросы числом восемьдесят, и капитан Асмус Кендриксон тоже отданы нашему воеводе. Что прикажешь с ними делать, великий государь?

— Повесить за ноги, пусть висят, пока птицы не исключют, — сразу сказал царь.

— У капитана Асмуса Кендриксона английские купцы отняли опасную грамоту короля Жигимонда и прислали ее тебе, великий государь.

— Что написано там?

— Король Жигимонд называет тебя нехристом и язычником и обвиняет в поступках противу всей христианской церкви. Он пишет, что для борьбы с тобой он посылает в море своих разбойников.

— А еще что?

Висковатый прочитал каперское свидетельство, написанное по-немецки. В нем были

оговорены условия, на которых воевал Асмус Кендриксон против московского царя.

— Значит, в глаза одно, а за глаза вон что Жигимонд творит, нехристом называет, врагом церкви христианской... А ежели я найду мореходов и пошлю воевать разбойников, что король на свою службу взял?

Иван Михайлович ждал этого вопроса.

— У Аникея Строганова есть такой человек, донских земель, Карстен Роде. Он берется разбойников унять. Аникей ему два корабля дает и мореходов своих природных русских. Тебе, великий государь, иноземца надобно к себе в услужение взять и опасную грамоту ему выдать.

— Согласен, — оживившись, сказал царь, — пиши грамоту. Григорий Лукьяныч мне тоже о донском мореходе сказывал... Да я болел и Строганова отпустил, не повидавши. Короля Жигимонда назови настоящим, истинным наследным врагом святой апостольской церкви и вечным союзником турок против всех христианских государей. А еще сошлись в грамоте на морские разбои, чинимые Жигимондом, и на жалобы тех, кого он обидел. И на письма сошлись иноземных правителей, где просят они положить конец такому порядку. Объяви, что решил я на будущее время защищать от короля польского неповинных купцов и гостей, ради чего приказываю корабельщику...

Царь Иван приостановился, забыв имя датчанина.

— Карстен Роде, великий государь.

— Приказываю Карстену Роде с товарищами преследовать огнем и мечом в убежищах и в открытом море, на воде и на суше не только поляков и литовцев, но и всех тех, кто бы стал привозить к ним либо отвозить от них товары, припасы или что бы то ни было... Ну, а все прочее пиши, как в грамоте короля Жигимонда.

Иван Михайлович записал все приказы царя Ивана.

— Исполню, великий государь.

— Пленников, кои ему достанутся, пусть Карстен Роде передает моим людям в Нарве. А ежели сам Карстен Роде в плен попадет, буду выручать. Не забудь капитана Асмуса Кендриксона повесить вместе с матросами, зачем согласился с королем Жигимондом меня называть нехристом и врагом христианской церкви.

— Исполню, великий государь, — повторил Висковатый и низко поклонился.

— И откуда все напасти на нас идут? — помолчав, сказал царь Иван. — Скажи мне, Ивашка.

И тут Иван Михайлович Висковатый решился сказать о том, что, по его мнению, угрожает безопасности Русского государства. Он в мягких и расплывчатых выражениях предложил закончить войну в Ливонии, укрепив прежде взятые города.

— Когда меня в животе не будет, тогда и отцовский наказ забуду, — приподнявшись в кресле, не спуская тяжелого взгляда с Висковатого, сказал царь.

Иван Михайлович знал, как трудно уговорить упрямого и самолюбивого царя. Но другого выхода не было.

— Великий государь, не следует забывать родительских наказов, но можно отложить их осуществление. Войну в Ливонии необходимо закончить. Я говорю, временно закончить. Собравшись с силами, мы снова начнем воевать. Король Жигимонд хочет мира — надо

мириться. В отчинах твоих, — продолжал Висковатый, — большое оскудение в людях. Шведский король Юхан, твой супротивник, за Ревель будет стоять. И турецкий султан войско в Астрахань гонит и Девлет-Гирей с ним.

Печатник замолк.

Царь Иван опустился на сиденье и крепко сжал длинными пальцами резные ручки кресла.

— Говори, — приказал он.

— Совсем недавно король Жигимонд заставил литовцев принять унию. Попросту Польша захватила литовские и русские земли. Жигимонду теперь воевать будет способнее. От Ливонии он не отступит.

— Что, по-твоему, я должен делать?

— Подписать с королем Жигимондом перемирие, хотя бы на несколько лет, и готовить силы против турок и Девлет-Гирея... Когда можно было, — помолчав, добавил Висковатый, — я первый советовал тебе, государь, идти на Ливонию, а сейчас необходим мир. Да и среди холопов твоих, — Висковатый слегка запнулся и понизил голос, — разладица. Многие несогласны за Ливонию воевать. Говорят, захватили Нарву и Юрьев и прочие города, и хватит... А новгородцы, те только и ждут, когда ты ослабнешь, великий государь. Они хотят свое слово крепко сказать, вольности свои требовать, как по старине было.

Царь Иван, внимательно слушавший печатника, при этих словах выпрямился в кресле и притопнул сафьяновым сапогом. Лицо его исказилось.

— Я их уничтожу! — закричал царь пронзительно. — Они не посмеют больше говорить о своих вольностях. Мой дед начал, я закончу. Я буду воевать Ливонию, а кто не согласен, всех уничтожу...

Висковатый спохватился. О Новгороде вспоминать не следовало.

У царя Ивана начинался припадок.

— Эй, кто там? — прохрипел он, хватаясь за сердце. — Ко мне!..

В комнату ворвался постельничий Дмитрий Иванович Годунов. Сообразив, в чем дело, он послал за лекарем. Царя Ивана раздели, окутали мокрыми, холодными простынями...

Непомерные и беспощадные требования ставил царь Иван перед своим народом, как рехнувшийся умом кормщик, поднявший в бурю все паруса на своем корабле. И вот ветер рвет в ключья парусину и ломает мачты, и спасение свое моряки видят в том, чтобы лишить власти сумасшедшего...

Лекарства и холодные простыни оказали свое успокоительное действие. К вечеру царь оправился, встал с постели и снова вспомнил Ливонскую войну. Он долго сидел не шевелясь в кресле с резной спинкой, уткнувшись взглядом в решетчатое оконце.

«Что делать? — думал царь. — Могу ли я, сын и внук двух русских государей, отступить от заветов своих предков? Помню, что заклятый враг государства крымский хан Девлет-Гирей издавна разоряет русские земли. Помню, что должен освободить все наши земли, и в первую очередь Киев и все русские города и земли, захваченные Литвой... Ливония... Разве не обязались рыцари платить дань моему деду? Разве не мы построили город Юрьев? Когда я начинал войну за Ливонию, многие думные бояре прожужжали мне уши хвалебными речами.

Аникей Строганов и многие московские купцы не раз докучали просьбами добыть города в

Ливонии, чтобы доходно вести морскую торговлю. А сейчас даже Ивашка Висковатый не согласен воевать с ливонцами. За войну стоит одно воинство в надежде на богатую добычу... Все это так, — думал царь, — но если я перестану воевать с Ливонией, как возликует король шведский? А Жигимонд? Он возомнит, что победил меня, русского государя. Будет унижать, надсмехаться и снова величать московским князем».

«Мы поудержались писать тебя великим князем всея Руси», — вспомнил он слова из последней королевской грамоты. От гнева снова перехватывало в горле, затряслись руки. «Добраться бы мне до тебя... Нет силы честно воевать оружием, так он письма моим князьям да боярам шлет, на измену прельщает! Так нет же, будет по-моему! А князь Андрей Курбский!» Из горла царя послышалось хрипение. Он задыхался. «Нет, не царский обычай смиряться перед другими! Как решил, так и будет. Гришке Скуратову скажу, пусть всех без разбора берет, кто нашему приказу поперечит...»

25 августа царю Ивану исполнилось 39 лет. В этот день он долго молился у иконы святого Ивана Предтечи.

Царь клал земные поклоны до тех пор, пока не шевельнулись сухие губы святого. Царю показалось, что он поднял худую руку, чтобы благословить его...

— Господи, укроти дух мой, пошли мир мятежной душе моей... — шептал царь, бухая лбом в каменные плиты.

В приделе Благовещенского собора было темно. У иконы горела свеча. Огромная коленопреклоненная тень занимала почти всю стену.

— Вразуми душу мою, господи, — просил царь.

Новый золоченый венец и серебряные ризы Ивана Предтечи светились каким-то странным искристым светом. Его длинные волосы, ниспадающие на плечи, казались черными как уголь. Небольшая бородка в колечках, усики. На левое плечо накинута звериная шкура, в худых руках крест...

Тяжело опираясь на посох, царь Иван поднялся с колен, пододвинул ближе к иконе тяжелый стул, опустился на него и долго смотрел на святого.

Только перед ликом своего покровителя, с которым связана вся его жизнь, царь Иван советовался о самом сокровенном.

«Святой Иван будто с тебя писан, — вспомнил он слова своей первой жены царицы Анастасии, — похож ты на него зело. И глаза твои, и шея, и грудь».

«И впрямь святой похож на меня, — думал царь Иван, — хорошо ли это?» И вдруг спохватился: «Меня крестили в день усекновения главы Ивана Предтечи. Не предназначение ли это всевышнего? Может быть, и мне написано на роду быть с отрубленной головой, не к тому ли вершатся все боярские заговоры?»

Царь Иван не спускал глаз с лика святого, стараясь получить от него ответ. Незаметно приползли другие мысли, терзавшие его все чаще и чаще: «Законный ли я наследник престола? — Царь отдал бы сейчас половину своей жизни, чтобы знать наверняка. — Я прочитал все бумаги с допросами проклятой Соломонии и всех ее приспешников. Не было у нее сына. Все это выдумки. Я наследник, только я, единственный... Но почему они шепчутся? Малюта вызнал, что бояре тыкали пальцем на князя Федора Овчину-Оболенского, обзывали его моим братом. — Царь Иван задрожал от негодования. — Моя мать любила его отца... Ох! Тяжко мне, окаянному... Ты ведь все знаешь, скажи, — опять посмотрел он на образ святого. — Если поможешь, новую церковь построю, икону новую напишу, камнями усыплю

драгоценными...

Знаю, живет около меня заклятый враг. Я вижу его, разговариваю с ним, но не знаю, что это он. Я подозревал многих, и Гриша уничтожал их. Но его топор не задел главного. Это не Володька Старицкий, нет, нет... Иной раз я чувствую его взгляд на себе, страшный, прожигающий, но, когда поднимаю глаза, вижу одни раболепные, угодливые рожи... Помоги, святой Иване».

Царь снова рухнул на колени.

Прошло несколько дней. Со всех сторон шли тревожные вести.

Царь Иван едва сдерживал безумные силы. Он шесть раз в день пил успокоительную настойку из лесных трав и корней. Спальник Годунов испортил желудок, слизывая лекарства со своей ладони, прежде чем государь изволил их отведать. Но болезнь не унималась. Однажды он на целую неделю потерял разум и не помнил, что говорил и делал. Особенно пагубно на него повлияла человеческая кровь. Он любил смотреть на врагов под пытками, любил смотреть на казни, самые страшные. И тогда лекарства не действовали, и черная пелена застилала разум...

Наступила осень. На улицах грязь. Каждый день моросил мелкий, нудный дождь. Стены каменных и деревянных домов в Слободе не успевали просыхать. Только зеленая листва на деревьях выглядела по-летнему свежо. Казалось, дожди, усиленно питая влагой корни, омолодили деревья.

26 сентября 1569 года царю Ивану сделалось легче, и он приказал дьяку Васильеву принести список с письма, отправленного английской королеве.

Но царю не удалось прочитать его, в комнату вошел Малюта Скуратов.

— С чем пришел, Гриша? — ласково спросил царь.

Малюта Скуратов повалился на колени.

— Встань. — Царь протянул руку для поцелуя.

— Великий государь, с недобрыми вестями пришел к тебе. Князь Володимир Андреевич Старицкий...

Царь Иван поднял страшные глаза на своего любимца.

— Я послал его в Нижний Новгород.

— А в Костроме горожане встречали его как нового царя. С крестами встретили, с честью, с хлебом и солью. В колокола звонили по всем церквам.

Иван Васильевич насторожился. В голове возникла мысль: «Ивашка Висковатый посоветовал».

— А еще что знаешь? — сказал он свистящим от возбуждения голосом.

— Повар Федька Ребро ездил в Нижний Новгород за рыбой, для твоей, великого государя, поварни. Вчера назад вернулся. Братец твой зазвал его, дал яд и пятьдесят рублей и велел отравить тебя, великий государь.

— Где Федька? — Царь Иван вскочил на ноги.

— У меня на цепи сидит, во всем сознался. Злую отраву, порошок зеленый, вместо ладанки

на шею носил, мне отдал и деньги отдал.

— Где отравы?

Малюта вынул из кошелька, висевшего на серебряной цепочке, завернутое в тряпку снадобье.

— Псу чуток дали в мясе, сразу подох... И деньги вот, пятьдесят рублей...

— Отраву положи сюда, — царь показал на золотую чашу, стоявшую посередине стола, — а деньги возьми себе за верную службу.

— Спасибо, великий государь.

Иван Васильевич, постукивая пальцами по дубовой столешнице, несколько минут сидел молча. Лицо его постепенно бледнело.

— Спасибо тебе, братец, отблагодарил ты меня, век не забуду, — вдруг сказал он, ни к кому не обращаясь. — Вот что, Гриша, посылай гонцов в Нижний Новгород с грамотой ко князю Володимиру. Я-де, великий государь, зову его с ласкою к себе в Александрову слободу с супругою и с детками... И костромчан, кои князя Володимира хлебом-солью встречали, к себе зови. А тем временем мы с Федькой-поваром побеседуем.

Не подозревавший ничего плохого, Владимир Андреевич приехал по зову царя и остановился верстах в трех от Александровой слободы, в деревне Слотине.

На следующий день ранним утром опричное войско окружило со всех сторон деревню.

Опричники шли как на бой: с победными кликами, под завывание труб и литавр.

Царь Иван слез с коня и вошел в дом, стоявший неподалеку от дома, где остановился его двоюродный брат.

Малюта Скуратов вскоре появился у князя Владимира.

— Княже, Володимир Андреевич, великий государь и царь всея Руси Иван Васильевич не считает тебя больше своим братом, а считает врагом, ибо знает, что ты покушался на его жизнь.

Полное, добродушное лицо князя Владимира исказилось страхом, он взглянул на жену.

— Не виновен я, Евдокеюшка... Ложь...

— Нет, не ложь, — хладнокровно продолжал Малюта. — Ты дал царскому повару Федьке Ребру отраву и пятьдесят рублей денег.

— Не давал я отравы, не знаю и повара царского.

— Хорошо, посмотрим, что ты скажешь сейчас...

Малюта Скуратов вышел и через минуту возвратился, ведя за собой окровавленного, трясущегося человека с маленьким крысыным личиком.

Федька Ребро давно раскаялся в своем предательстве, не рад был пятидесяти рублям, которые посулил ему Скуратов. Его пытали по-настоящему, а когда с ним беседовал сам царь, он едва не отдал богу душу. Два раза его отливали холодной водой. Но отступить было некуда, везде была смерть.

— Ты знаешь его? — Малюта ткнул пальцем в князя.

— Знаю, как не знать, это князь Володимир Андреевич.

— Давал тебе князь деньги?

— Давал, не откажусь.

— За что давал тебе князь деньги?

— Наказывал отравить своего брата, государя и великого князя Ивана Васильевича. Пятьдесят рублей дал и яду дал.

Князь Владимир Андреевич понял, что все подготовлено, чтобы погубить его. Увидел свою смерть.

— Ты лжешь, несчастный раб! — крикнул он и заплакал.

Евдокия Романовна, его жена, обняла князя, прижала к своей груди.

Старшие дети, девочка и мальчик, испуганно жались к матери.

— Собирайся, князь, вместе с супругой и детками, хочет поговорить с тобой наше пресветлое солнышко, великий государь Иван Васильевич, — сладким голосом пропел, появившись в дверях, Василий Грязной.

Охая и причитая, собирался князь Владимир к своему брату. Его глаза были красны от слез.

Княжеский род Старицких давно мешал русскому царю. Отец князя Владимира, Андрей Иванович, умер в тюрьме тридцать лет назад. А Владимиру, еще совсем маленькому, пришлось побывать в заточении три долгих года вместе с матерью Евфросиньей Андреевной. В декабре 1541 года одиннадцатилетний великий князь Иван простил своего двоюродного брата и его мать. В 1553 году Владимир и старая княгиня отказывались целовать крест на верность младенцу Дмитрию, сыну тяжело заболевшего великого князя Ивана, и Старицкие снова подверглись опале. Княгиню Евфросинью принудительно постригли в монахини и сослали на Белоозеро. Князь Владимир был помилован.

По натуре своей Владимир Андреевич Старицкий был малоподвижен и бездеятелен. Не блистал умом, и многие считали его глуповатым. «Простоват ты, Володимир, — говорила ему мать, — а простота-то хуже воровства иным разом оборачивается».

После заточения в монастырь княгини Евфросиньи, злой, мстительной женщины, Владимир совсем замкнулся в себе. Боясь рассердить своего царственного брата, он всячески уклонялся от тайных разговоров с боярами, противниками царя Ивана и опричнины. В 1567 году князь Владимир выдал участников заговора, прочивших его самого в цари.

Открыто дружить с князем Владимиром никто из московских бояр не отваживался. Возле него держались лишь доверенные люди царя Ивана да лазутчики Малюты Скуратова, заменившие старых слуг князей Старицких.

Царь Иван сидел в просторной избе на деревянном кресле, поставленном под иконами. Он был в дорожном платье. На поясе висела сабля, сверкающая драгоценными камнями, в руках царь держал плетень. Со всех сторон его окружали опричники. У самого кресла, держась за резную спинку волосатой рукой, стоял Малюта Скуратов. Когда привели Владимира Андреевича, в избе стало тихо. Всхлипывал, уткнувшись лицом в материнское платье, маленький сын князя.

— Ну, — произнес царь Иван, — говори!

Владимир, толстый и тяжелый мужчина, упал на колени перед двоюродным братом.

— Не виновен, поверь мне, великий государь и любимый брат, не умышлял я против тебя худого...

Рядом с князем на колени опустились княгиня Евдокия и дети.

— Помилуй нас, — просила Евдокия Романовна. — Ежели неуютны тебе, сошли в монастырь, пострижемся.

— Не виновен я, — опять сказал Владимир Андреевич, — но согласен постричься в монахи. Помилуй, великий государь и брат...

— Помилуй нас, государь, — вторили голоса княжеских детей.

Царь Иван задумался. Заметив колебания на его лице, Малюта Скуратов нагнулся к царскому уху и сказал:

— Матушка-то его, Евфросинья Андреевна, давно в монастырь пострижена, а что ни день, от нее всякие выдумки на твоё здоровье, великий государь, и многие козни исходят.

В этот миг острый царский глаз заметил рыжего таракана, выползшего из щели противоположной стены. Недавно в избе обитали полчища тараканов, но перед царским приходом слуги долго шпарили кипятком по всем щелям.

Таракан пошевелил усами и пополз вдоль бревна к небольшому черному сучку, видневшемуся неподалеку.

Царь не спускал с него глаз. «Доползет до сучка, — решил он, — помилую князя Володимира, не доползет — казню».

Малюта Скуратов первый заметил, что молчание царя Ивана затянулось, и перепугался. А что, если он раздумает казнить брата и на этот раз? Однако нарушить царское раздумье он не посмел.

Василий Грязной видел, что царь пристально смотрит на стену, но не заметил таракана.

А таракан все полз к сучку.

Царь Иван решил было, что помилует, но близ смолистого сучка таракан резко свернул в сторону. «Не дополз, — с некоторым сожалением подумал царь, — делать нечего, видно, так бог велел».

И таракан перестал занимать его, царь словно очнулся.

— Не верю я тебе, злочестивец, — прихмутив брови, сказал он. — Федьку-повара я сам пытал, все его речи мне ведомы. Хотел ты меня погубить, подговаривал повара порошок в еду и питье мне сыпать, не удалась твои козни. Сегодня от своего яда умрешь, из моей руки. Палачам не позволю великокняжескую кровь проливать. Подойди ко мне, Володимир...

В это время Малюта Скуратов подал золотую чашу с вином в руки царя.

Владимир Андреевич посмотрел на жену.

— Попрощаемся, мой господин и муж, — сказала Евдокия Романовна. — Не унижайся, не проси его.

Она поняла, что пощады не будет. С плачем прощались дети с отцом. С деревенской

колокольни раздался медленный погребальный перезвон.

— Выпей, князь, — прозвучал скрипучий голос царя. — По твоей милости колокола звонят. — Он смотрел на сизый, вспухший нос брата, любившего выпить.

— Иди, — подтолкнула мужа Евдокия Романовна. — Мы не будем жить без тебя, скоро свидимся на суде у всевышнего.

Князь Владимир перекрестился, шагнул вперед, взял золотую чашу из рук царя Ивана. Лицо князя будто земля тронула — серое. Он вспомнил день, когда поверил своему брату и выдал тех, кто просил его на царство и подписал челобитную... Все они чередой прошли перед его глазами. «Зачем я поверил злодею, погубил себя и многих? Ежели бы я встал против него, может быть, и остался жив». Эта последняя мысль была невыносима. Он почувствовал себя необычайно гадко.

Не сказав ни слова, Владимир залпом выпил вино.

Несколько мгновений он стоял прямо, уставившись взглядом в глаза царю Ивану. Когда голова закружилась, он прислонился к стене, скользнул по ней и тяжело свалился на пол.

— Ты покушался на мою жизнь и власть, так умри же! — громко сказал царь.

Не прошло и пяти минут, как Владимир скончался в корчах и мучениях.

Когда он затих, царь Иван поднялся с кресла и подошел к Евдокии Романовне.

— Евдокеюшка, — сказал он ласково, — ты молода еще, и брат твой в опричнине, на что тебе умирать? Проси у меня милости.

Княгиня Старицкая стояла молча, не поднимая глаз.

Царь костяной рукояткой плети сбросил шапку с головы княгини.

Евдокия Романовна побледнела от оскорбления, губы ее задрожали.

— Что не смотришь на меня, красавица, али жить надоело? — с издевкой продолжал царь. — О твоём здоровье пекусь!

— Братоубийца, — с неженской силой сказала Старицкая. — Каин... Да, я прошу милости. Ты не посмеешь отказать. Дай мне вина, которым угостил моего мужа. Если не дашь — прокляну.

— Гриша, — сказал царь Иван, — налей вина для княгини. Я милостив, Евдокеюшка, — подавая чашу, продолжал царь. — Хочешь быть с мужем в небесах, иди, нам на земле вольготнее станет.

Царь захохотал. Его дружно поддержали опричники.

Княгиня бережно в обе руки приняла чашу.

— Цветочки мои, — обратилась она к детям, — отпейте по глотку и увидите своего папу, не бойтесь, здесь сладенькое.

Дети послушно потянулись к чаше. Сначала отпил старший мальчик, потом девочки. Евдокия Романовна благословила детей, прижала их к себе и выпила все, что осталось.

В молчании прошло несколько минут. Царский лекарь осмотрел неподвижные тела отравленных.

— Скончались, великий государь.

— Похоронить достойно, — приказал царь Иван.

Сегодня он не чувствовал подъема. Люди, умиравшие от яда, не возбуждали, не подстегивали нервов. Он собрался уходить, но Малюта Скуратов задержал его.

— Великий государь, при Евдокии состояли девки и бабы. Как с ними поступить прикажешь?

Иван Васильевич задумался. Повернулся и сел в кресло. Усмехнулся чему-то.

— Зови баб и девок.

Вскоре с десятков женщин стояли перед царем Иваном. Они жались друг к другу, словно овцы, и со страхом смотрели на опричников и на тела князей Старицких, лежавшие в углу.

— Я милостив, — сказал царь Иван, насладившись страхом своих жертв. — Просите меня, и я отпущу вас. Князь Володимир оказался изменником, он хотел смерти и власти моей. Я убил его. А вы не виноваты в его грехах.

Царь был уверен, что женщины упадут на колени и станут умолять о пощаде. Но случилось иначе.

— Ты палач и кровопийца! — сказала вдруг старая боярыня. — Ты убил невинных. Будь ты проклят на вечные времена, и не надо нам твоей милости!

— Будь ты проклят! — закричали женщины.

— Не надо твоей милости!

— Кровопийца!

— Палач!

— Мы лучше умрем!

Лицо царя Ивана исказила судорога. Глаза окровавились. Он глотнул слюну.

— Не хотите? — с усилием произнес он оледеневшим голосом. — Раздеть их до тела, выгнать на двор, выпустить собак.

Опричники мигом сорвали с несчастных одежду и выпихнули их из избы.

Раздались отчаянные женские вопли.

Царь прильнул к окну. Он смотрел, как собачьи зубы рвали тела беззащитных женщин. Кулаки его сжимались, на губах пузырилась пена. Он весь дрожал злобной дрожью.

— Куси, куси! — выкрикивал он, притопывая сапогами.

Когда затихли женские вопли и собачий лай, царь Иван отошел от окна.

— Разрубить на куски, оставить без погребения, — охрипшим голосом приказал он Малюте Скуратову. — А старую ведьму Евфросинью Старицкую утопить в Шексне вместе со всем поганым отродьем, что служит ей в монастыре...

Царь Иван выпил холодного квасу, немного успокоился. «Наконец-то я отправил на тот свет самого опасного врага, — стал думать Иван Васильевич. — Бояре-изменники остались без

царя. Кого-то они теперь на русский престол посадят? Ох, будто сто пудов упало с сердца... Нет, не спихнуть им меня с отцовского престола. Не дам... Остались еще смутьяны, мятежники из Новгорода и Пскова. Подождите, разделаюсь с вами, и наступит на Русской земле тишина...»

1569 год был обилен человеческими жертвами. В умелых руках Малюты Скуратова появлялись все новые и новые изменные дела. Виновные горели на кострах, умирали в застенках, замученные пытками, страдали посаженные на колья, тонули, немногим счастливым просто отрубали головы. Все больше и больше усердствовал Скуратов, доказывая преданность опричнины. Царь Иван должен был твердо уверовать, что без своих телохранителей ему не прожить и одного дня.

Тяжелая колесница Русского государства, застревая в рытвинах и ухабах, двигалась все медленнее. Ее тащила, выбиваясь из последних сил, многочисленная, но голодная и нищая толпа мужиков.

Наступала зима.

Глава двадцатая. НЕ В ТОМ КУСТЕ СИДИШЬ, НЕ ТЕ ПЕСНИ ПОЕШЬ

К утру ветер разнес снеговые тучи, открылось звездное небо. Солнце еще не взошло, а мороз усилился.

Небольшого роста мужичок, по имени Петр и по прозвищу Волынец, в овчине и старых подшитых валенках, подошел к закрытым воротам Александровой слободы. За ним по нетронутому снегу тянулась цепочка темных следов.

Остановившись у ворот, мужичок нерешительно подергал за щеколду. В калитке открылся глазок.

— Чего тебе? — спросил сиплый голос.

— Изменное дело на государя, — ответил мужичок, испуганно озираясь по сторонам. — Хочу видеть самого Малюту Скуратова...

Глазок закрылся, и все стихло. Светлело. На востоке показалась горбушка красного холодного солнца. Огненные тени легли на вершину оснеженной сосны, стоявшей у ворот. Прошло немало времени.

Из калитки вышел высокий опричник в меховой черной шапке.

— Озяб, поди? — посмотрел он на оледеневшую бороду мужика. — Заходи, погрейся.

В сторожке жарко топилась печь, двое стражников после бессонной ночи дружно храпели на полатах.

Петр Волынец скромно присел на кончик лавки, склонил голову к горячей печке и стал очищать бороду от ледяных сосулек.

Зазвенели колокола в дворцовой церкви. В сторожку вскоре прибежал отрок.

— Пойдем за мной, — позвал он Волынца.

И царский двор был покрыт чистым белым снегом. Из дворцовых печных труб тянулись

кверху, в синее небо, столбы розового кудрявого дыма. Солнце, едва оторвавшись от темной полоски далекого леса, круглым красным шаром висело в небе. Мороз сделался еще крепче, снег под ногами Петра Волынца звонко поскрипывал.

Малюта Скуратов сидел в подземелье на лавке, прислонившись к стене. Он был пономарем в опричном братстве и вставать ему приходилось рано, не так, как всем остальным опричникам. На столе ярко горела восковая свеча, освещая орудия казни, развешанные по стенам. Стражник у дверей от скуки переминался с ноги на ногу.

Малюта Скуратов молчаливо и долго разглядывал Волынца.

— Ну, — соизволил он наконец вымолвить, — какую измену знаешь на великого государя? — и не удержался, сладко зевнул.

— Я из Новгорода Великого, — заикаясь, начал Волынец. Он впервые видел перед собой человека, обладавшего страшной, беспощадной властью.

Малюта Скуратов сразу насторожился. Сон как рукой сняло.

— Из Новгорода, говоришь?.. Ты мой обычай знаешь? За правду озолочу, за лукавство шкуру спущу тотчас. А на меня жаловаться некому. — Скуратов усмехнулся, обнажив большие, вкось и вкривь понатыканные зубы.

— Спасибо за упреждение... буду знать теперича, — сказал Волынец. Он перекрестился. — В Новгороде Великом, почитай, все изменники великому государю. И на торгу, и в церквах черным словом царя поносят.

— За что поносят великого государя?

— В Ливонии, говорят, войной замешкался. Для торговли все дороги закрыты, а с людишек поборы берет непомерно. И мужиков, почитай, половину на войну угнал... И многие люди говорят, не лучше ли будет к Литве отсечь? Король Жигимонд вольности наши приумножить обещает, а царь Иван Васильевич последние норovit отнять.

— Все — это никто. Имена! Имена тех, кто хулу на царя расточал и изменные слова говорил, ведомы тебе?

— Ведомы. — Волынец будто ждал вопроса. Он вынул из-за пазухи лоскут бересты с написанными именами и отдал царскому любимцу.

— Хорошо. — Малюта отложил бересту в сторону. — Сам-то ты из каких будешь?

— Из духовного звания... Расстрига.

— Поп?

— Поп.

— За что же тебя?

— По злобе наговорили, будто казну церковную пропил. Без хлеба оставили, а детей-то шестеро и попадья, обглодали всего, без штанов хожу. Известно ли великому государю, что по монастырям люди изменные в чернецах, а то и в монаси постриглись. А монастырей вокруг Новгорода за полторы сотни.

— Значит, ты церковь святую обокрал да и пьяница в придачу... Силен, батюшка! — Малюта Скуратов, умевший быстро распознать человека, понял, что за птица перед ним. И вдруг ему

пришла в голову мысль: пользуясь услугами обиженного расстриги, добыть повод для расправы с ненавистными великому государю новгородцами.

— Вот что, человек, ежели мне службу сослужишь, опять попом тебя сделаю. На хороший приход поставлю.

— Согласен. Что твоя милость прикажет, все сделаю.

— Клятву дашь все в тайности соблюсти?

— Согласен... — Сердце Петра Волынца часто забилося. Он понял, что сможет крепко насолить своим недругам.

— Дожидай меня, человек, — сказал Малюта и, поднявшись со своего места, пошел к лестнице. — Садись на лавку, пожалей ноги, бог других не даст, — добавил он.

Время шло. Петр Волынец с нетерпением дожидался возвращения Малюты Скуратова. Мысль его лихорадочно работала. Он видел своих голодных детишек, сбившихся на печи, и свою попадью. Видел дьякона Евстафия, своего недруга. Вспомнил и батоги на торговой площади... Под конец перед глазами возникли два вороньих пугала с распростертыми руками, черневшие на снегу. Вчера, увидев их сквозь метельные вихри, он понял, что жилье близко, и нашел в себе силы добрести до Слободской заставы.

Два раза Волынец пытался заговорить со стражником. Но получал в ответ только грубые окрики.

Малюта Скуратов возвратился не скоро, с бумажным свитком в руках. Со свитка свисали большие красные печати. Усевшись, он подозвал Волынца и приказал целовать железный крест, стоявший на столе.

— Могу ли я в опричнине великому государю служить? — спросил Волынец, поклявшись и немного успокоившись.

— Когда дело исполнишь, поговорим особо, — сказал Малюта. — Теперь слушай в оба уха. Эту бумагу тайно положишь за икону пресвятыя богородицы в храме святой Софии новгородской. Уразумел?

— Уразумел, Григорий Лукьяныч!

— Положишь грамоту, часу не медли, возвращайся в Слободу, прямо ко мне. А на дорогу и на прокорм получи десять рублей и для детишков пять.

Короткими волосатыми пальцами Малюта отсчитал деньги.

— Сроку тебе даю две недели.

Петр Волынец упал на колени перед Скуратовым:

— Спасибо, милостивец, век не забуду, исполню все, как приказано!

— Подожди, человек. Чтобы ты дорогу к нам не забыл, дьяк приметы твои опишет.

Малюта ударил в колокол, висевший у него над головой.

Вошел подьячий с медной чернильницей, болтавшейся на груди, и с гусиным пером за ухом.

— Пиши, Митрий, приметы. — Малюта ткнул пальцем в грудь Волынца.

Подьячий сел на чурбан возле стола, положил бумагу на свое колено, бросил на расстригу быстрый взгляд.

— Ростом средний, телом волосат, на верхней губе черная родинка, — заскрипел он пером, вслух повторяя слова, — нос большой, вислый, глаза голубые. — Он еще раз посмотрел на Волынца. — На левой руке нет среднего пальца. Борода рыжая, а на голове волос светлый...

— Готово, Григорий Лукьяныч. — Подьячий присыпал песком написанное, свернул бумагу. — Теперь не убежишь, — засмеялся он добродушно. — Ни в Литве, ни у крымского хана не скроешься, всюду найдем. Приметы у тебя — лучше не сыщешь...

Петр Волынец снова увидел Малюту Скуратова 15 декабря, в день святых отроков Анания, Азария и Мисаила. Он выполнил поручение в срок. По дороге расстрига отморозил нос и щеки, и теперь они пунцово блестели, смазанные гусиным жиром. Порасспросив его, Малюта Скуратов тут же научил, что надо сказать великому государю.

— Уразумел, Григорий Лукьяныч, — повторял расстрига, утирая рукавом под носом, — не сомневайся, родимец.

В Александровой слободе еще стояла ночь. Морозный снег искрился на лунном свете. Скуратов торопился к церкви, где шла утренняя служба.

Три сотни самых верных опричников, одетых поверх нарядных кафтанов в черные монашеские рясы, заполняли небольшую дворцовую церковь. Сверкали золоченые подсвечники и паникадила. Иконостас залит огнями множества свечей и лампад. Приторные запахи ладана и благовоний не могли заглушить хмельной отрыжки дюжих молодцев, не успевших выпастыться после попойки. Однако служба шла своим чередом, и ничто не нарушало ее благолепия. Опричники в положенных местах крестились, клали поклоны и шептали молитвы.

Служил заутреню молодой поп Куприян, огромного роста, краснорожий детина.

Царь Иван стоял впереди на обычном месте. Он ревностно молился, подпевая хору, вторил попу, читавшему Евангелие, усердно отбивал земные поклоны.

Царь отлично знал всю церковную службу. Он несколько раз поднимал голову, насмешливо поглядывая на попа, и с недовольным видом шевелил губами.

Неуместное повторение и пропуски подвыпившего попа наконец разозлили царя. Он сошел со своего места и незаметно проскользнул в алтарь. Помахивая кадилом, вошел в алтарь через царские ворота и поп Куприян.

Прошло совсем мало времени. Из царских ворот вышел в полном святительском облачении царь Иван и подал возглас резким, немного гнусавым голосом.

Служба продолжалась. Опричники-монахи переглянулись и снова крестились и клали поклоны.

Благолепие службы нарушил Малюта Скуратов, неожиданно появившись в церкви в длиннополом цветистом кафтане.

— Батюшка-царь, — сказал он, улучив время. — Важное, государское дело, измена новгородская... тебе бы послушать.

Царь Иван разоблачился, разрешил продолжать службу протрезвевшему от страха Куприяну.

— Твое счастье, поп, в другой раз так просто не отделаешься...

В черной монашеской одежде царь спустился в подземелье. Увидев его белое строгое лицо, Петр Волынец бросился наземь и от избытка чувств стал тереться головой о царский сапог.

— Новгород и Псков хотят отсесть к Литве? — спросил царь Иван с нетерпением. — Ты сказывал это?

— Сказывал, великий государь, — не поднимаясь с земли, отвечал расстрига.

— Чем ты докажешь свои слова?

— В новгородском храме святой Софии, за большой иконой пресвятые богородицы, лежит письмо к королю Жигимонду от архиепископа Пимена и новгородской старшины. Послать его новгородцы вскорости собираются. Был я ночью в церкви, видел и слышал.

Царь Иван злобно захохотал.

— Не пошлют, — сказал он, сразу оборвав смех. — Сначала мы их на колья пересажаем.

— Еще говорят новгородцы, будто ты, великий государь, не в свое место сел и будто твое место в отчине князя Ивана Овчины-Оболенского, — добавил Волынец, вспомнив поучения Малюты.

Царь Иван побледнел, поднял на доносчика посох, но одумался.

— Добро, добро, — хрипло сказал он, — я всем покажу теплое место...

— Великий государь, позволь слово молвить, — вмешался Малюта Скуратов.

— Говори, Гриша.

— В столь важном деле проверка нужна. По моему рабскому разумению, послать надобно верного человека с Петром Волынцем вкупе. Пусть они то письмо из храма изымут и представят перед твои светлые очи.

— Добро, — сказал царь Иван. — А кого, Гриша, ты мыслишь послать?

— Есть у меня на примете верный человек, родной племяш твоего спальника Дмитрия Ивановича Годунова — юноша Борис Годунов.

Скоро год, как молодой Годунов ходил в дом к Малюте Скуратову и считался женихом его дочери Машеньки. Царский любимец старался открыть будущему зятю широкую дорогу во дворец.

Царь сразу согласился.

На этот раз Петр Волынец ехал в Новгород как царский гонец, по царской подорожной грамоте. Однако он снова получил строгое повеление все держать в тайне.

Вместе с Борисом Годуновым, высоким розовощеким юношей, они без задержек получали на каждом яме свежих лошадей. На заезжих дворах их досыта кормили мясной похлебкой и мягкими пирогами. Ехали в крытом возке, укутанные медвежьими шкурами.

Всю дорогу стояли солнечные дни. Ямские крепкие лошадки быстро несли возок, лихо закатывая на поворотах. На гладкой дороге санки встряхивало только изредка, ухабы и рытвины разгладила зима. Время шло незаметно. Набив животы жирной похлебкой и пирогами, царские гонцы храпели без просыпу.

Расстрига пытался заговаривать со своим соседом, но Борис Годунов был юношей гордым и простому попу-расстриге отвечал неохотно. К концу третьего дня путники подъезжали к стенам Великого Новгорода. Позади осталось много деревень и сел, дремучие леса и бесконечные реки и озера.

— Двести верстов каждодневно отмеривали, — с удивлением сказал Вонынец. Он вспомнил свои прежние путешествия и довольно усмехнулся.

Дождавшись, когда в церкви святой Софии не было народа, Борис Годунов своими руками вынул из-за иконы пресвятые богородицы грамоту королю Жигимонду, подписанную архиепископом Пименом. Остерегаясь лихих людей, он зашил ее в голенище мехового сапога.

Спутники переночевали на подворье Чудова монастыря. На другое утро, едва рассвело, тронулись в обратный путь.

23 декабря царь Иван читал изменную грамоту новгородцев. Он пришел в неистовство и, казалось, вконец потерял разум.

— Сожгу, уничтожу, утоплю! — кричал он, брызгая желтой слюной и потрясая кулаками.

Ввиду важности известий, царь в тот же день призвал на совет самых близких людей. На совете присутствовали царевич Иван, Малюта Скуратов, Афанасий Вяземский, Алексей Басманов, Петр Зайцев, Иван Чеботов и Петр Борятинский. Это был последний совет, где зачинатели опричнины собрались вместе.

По случаю сильных морозов печи в горнице были жарко натоплены, и царские вельможи то и дело вытирали пот, обильно выступавший на лицах.

Царь Иван прочитал письмо. Сановники слушали, низко опустив головы. Алексей Басманов искоса бросил подозрительный взгляд на Малюту Скуратова.

— Я разрушу Новгород и Псков, — крикнул царь, — все сожгу! Людей уничтожу, всех, всех... и стариков и детей. С корнем вырву проклятое отродье и по пути всех изменников под топор, а тверчан особенно! В поход немедленно! Сегодня, завтра...

Царевич Иван, верховный глава опричнины, подпевал отцу:

— Предатели, всех сжечь живьем! А деньги, батюшка, в казну, станет чем Ливонию воевать.

Малюта Скуратов испугался. Слишком грозно отозвался царь на подметную грамоту. Недовольство в Новгороде и Пскове было, может быть, сильнее, чем в других владениях великого государя, но письма-то ведь не было. И Великий Новгород — не вотчина конюшего Ивана Петровича Федорова. Стереть с лица земли Новгород не так-то просто. Даже думному дворянину стало не по себе.

Однако, когда царь спросил его совета, Малюта Скуратов отозвался сразу:

— Я согласен, Новгород и Псков надобно изничтожить начисто.

— А ты, Афоня? — спросил царь Вяземского.

— Не согласен, великий госудагь, — неожиданно ответил князь. — Ежели виновен агхиепископ Пимен, надобно его казнить. Если виноваты еще какие бояге или купцы, их тоже казнить лютой смегтью. Пусть Ггигогий Лукьянович газбежет сие дело. У него из гук никто не выскользнет. А гушить богатые гогода негазумно. Новгогодцы пособляют тебе, великий госудагь, в гатных делах... Однако воля твоя, как скажешь, так и будет.

— Тебе, Афонька, изменников царских жалко? — крикнул царевич Иван.

Глаза царя злобно сверкнули. Но он сдержал себя и повернулся к Басманову:

— А ты, Алексей?

Басманов, не поднимая головы, долго молчал.

— Како повелишь, тако сделаем, — наконец ответил он.

— А ты? — Царь посмотрел на Петра Зайцева.

— Како повелишь, тако сделаем, — повторил он слова Алексея Басманова.

— Как все, так и я, — ответил Иван Чеботов.

— И я со всеми, — присоединился Петр Борятинский.

Единогласия на совете не было. Больше того, царь впервые почувствовал глухой протест сановников. Однако он не раздумывая назначил поход на третий день рождества. Петр Борятинский получил приказ готовить к походу запасы и кормить лошадей.

— Свершить все в полной тайне, — сказал в заключение царь Иван Басманову, — ни один человек не должен знать, что мы готовим Новгороду и Пскову. Тебе, боярин, поручаю все.

Алексей Басманов склонил седую голову.

— Сделаю, как ты сказал, великий государь.

— Великий госудагь, — низко поклонился князь Вяземский, — я по твоим делам отбуду в Вологду, мне донесли, что мужикам нечего есть, и они бросили габоту. А крепость твоя готова только наполовину.

Царь подумал, недобро посмотрел на своего любимца.

— Поезжай, Афоня, в Вологду. Недаром ты вологодский наместник... Поторопи мужиков. Пусть псари непослушных на куски рубят да в канаву бросают. Глядишь, остальные на работу станут...

Вернувшись в Москву около полуночи, Афанасий Вяземский долго не мог уснуть. То, что царь Иван уготовил Новгороду и Пскову, выходило за пределы разума. Афанасий Иванович от всего сердца служил царю Ивану, веря, что бояре хотят лишить его престола либо жизни! Но вскоре Вяземский увидел, что человеческая кровь очень часто проливается без всякой вины, что злая болезнь, захватившая царя, заставляет в безумстве свершать злодеяния. Он понял, что Русской земле угрожает разорением и небытием не только Девлет-Гирей и король Жигимонд, давние и беспощадные враги, но и больной царь Иван.

Острый ум просвещенного владыки Русской земли не прельщал больше князя Вяземского. Раньше он, радуясь, слушал, как царь Иван обосновывает свои казни, ловко ссылаясь на святое Евангелие, Библию и другие божественные книги.

Но когда князь понял, что все разумные и умиленные слова царя защищают царскую волю и утверждают, что все остальные подданные не люди, а рабы, у которых нет ни чести, ни собственности, ему все опротивело. Он действительно был готов своими руками предать смерти царя Ивана. Однако Вяземский не хотел видеть на русском престоле ни слабоумного Владимира Старицкого, ни царевича Ивана, схожего по нраву с отцом. За последние месяцы он возненавидел Малюту Скуратова, сумевшего создать опричнину в опричнине. Люди

думного дворянина следили не только за земскими, но и за каждым опричником.

И сегодня Афанасий Вяземский решил, что должен спасти старинные русские города Великий Новгород и Псков. Но как это сделать? Он долго думал, ворочаясь на мягкой постели. Наконец решился, хлопнул три раза в ладоши.

— Беги за Григорием Дмитриевичем Ловчиковым, — приказал он слуге.

Григорий Ловчиков, царский ловчий, был близким человеком Вяземского. Они водили между собой крепкую дружбу. Князь представил его в опричнину, делился с ним самым сокровенным, доверял многие тайны.

И часу не прошло, как Григорий Ловчиков стоял у постели князя.

— Нагнись ко мне, — тихо сказал князь, — ибо и на стенах я вижу Малютины уши. Слушай, цагь замыслил вовсе уничтожить Псков и Великий Новгогод... Я хочу упредить гогожан, спасти их от смегти. Готовься в догогу. Завтга утгом на ямских поскачешь в Новгогод и все гасскажешь агхиепископу Пимену. Пусть остегежется. А спгосит владыка, от кого послан, не говоги, — добавил, помолчав, Вяземский.

— Не забуду, Афанасий Иванович. Сделаю, как велишь... А может быть, грамоту отпишешь ко владыке, не спутал бы я чего?

— Не, пегедай словами.

— Сделаю, как велишь.

А случилось иначе. Григорий Ловчиков не спал всю ночь. Он понимал, что рискует жизнью вместе с женой и детьми. Ему представились страшные пытки в застенке у Малюты Скуратова. «Если бы князь дал мне письмо, тогда еще куда ни шло, можно отговориться незнанием, — размышлял он. — Но теперь?»

С тяжелыми мыслями Григорий Дмитриевич засветло выехал за ворота своего двора в направлении Тверской заставы. Однако на полпути он остановился, еще постоял, в сердцах бросил шапку в снег и поскакал не к архиепископу Пимену в Великий Новгород, а в Александрову слободу к думному дворянину Малюте Скуратову.

Он решил донести на своего друга-покровителя, обвинить его в измене.

Сегодня было теплее. Шел снег большими хлопьями. Колокола в церквах звали к ранней заутрене.

Глава двадцать первая. «СЕРДЦЕ ЦАРЕВО — В РУЦЕ БОЖЬЕЙ»

28 декабря в полдень царь Иван выступил из Александровой слободы со всем войском. Его окружали ближайшие сановники из опричнины и подвластные татарские вельможи. Царя сопровождал духовник, благовещенский протопоп Евстафий.

Особняком держались опричники-дворяне из немцев: Альберт Шлихтинг, вестфалец Генрих Штаден, Иоганн Таубе, Элерт Крузе и доктор прав Каспар Эльферфельб, тучный и богатый господин.

На десяти санях ехали царские лекари во главе с бельгийцем Арнольдом Линдзеем. Они

везли с собой лекарства и все, что могло потребоваться в дороге царю. Еще на десяти санях ехали повара и везли всякие запасы.

Шли как на войну. Опричными войсками командовал царский шурин князь Михаил Темрюкович Черкасский. Все города, большие дороги и монастыри от Слободы до Лифляндии были заняты опричными заставами. Даже на тропинках стояла стража. Никто не знал, куда и зачем выступило войско.

Десять верст царь Иван гарцевал на своем вороном жеребце. Но мороз согнал царя с седла, он забрался в каптан — теплую избушку на санях, изнутри обитую красным сукном. У одной из стенок каптана находилась низкая лавка с постелью. Слуги каждые два часа накладывали в медную жаровню круглые раскаленные камни, а остывшие убирали. Под конский топот, поскрипывание полозьев, крики ездовых царю хорошо дремалось.

Время шло незаметно. Наступила темнота, ярко загорелись звезды, показалась полная серебряная луна. По приказу дворецкого Льва Салтыкова слуги зажгли большие фонари, встроенные впереди каптана. Двадцать всадников с горящими факелами скакали по сторонам дороги. Царский возок окружали телохранители в лохматых песцовых шапках, сидевшие на черных крупных жеребцах. Мороз усилился. Всадники подняли воротники и надвинули меховые шапки. Лошади стали седыми от изморози.

Царь Иван откинул медвежью полость и высунул голову. Его окружали вековые разлапистые ели, отягощенные сверкающим снегом. В лесу ни звука, ни движения. Изредка трещали раздираемые морозом деревья.

Сунув два пальца в рот, царь пронзительно свистнул.

— Что велишь, великий государь? — тотчас раздался сиплый на холоду голос воеводы Петра Борятинского.

— Призвать князя Черкасского и Малюту Скуратова.

Скуратов и Черкасский были недалеко. С белыми от мороза бородами они ехали следом за царским каптаном и, скинув шапки, мигом забралась в теплый дорожный домик.

Царский поезд проехал еще одну версту по лесной дороге.

Михаил Темрюкович, торопясь выполнить царский приказ, на ходу вывалился из каптана прямо в снег. Вскинув в седло грузное тело, он помчался к воеводам. Правый и левый полки получили повеление двигаться вперед и охватить со всех сторон город Клин. А Малюта, оставшись наедине с царем, вынул из кожаной сумки списки изменников города Клина и зажег толстую позолоченную свечу. Царь, подвинувшись к свету, внимательно читал, водя пальцем по строкам, и утвердительно кивал головой. Отложив списки, он отпил вина из дорожной баклажки и налил чашу своему любимцу.

— Скоро ли монастырь, Гриша? — спросил царь, позевывая.

Скуратов выглянул наружу. Кроме заснеженного дремучего леса, он ничего не увидел.

— Должно быть, скоро, великий государь, — все же сказал он. Настоятеля предупредили о царском приезде, и думный дворянин был спокоен.

И вдруг где-то вдали торжественно зазвонили колокола. Услышав колокольный звон, царь оживился:

— Ишь ты, не проспали монаси!

Царский домик свернул с ямской дороги в лес. Колокола близились, гудели все громче.

У монастырских ворот царя встретил игумен в праздничном одеянии со всей монашеской братией. Царь вылез из возка, принял благословение.

— Перестань звонить, святой отче, — сказал он с притворной строгостью. — Мороз стоит лютый, гляди, и треснет твой голосистый.

Утихли колокола... Потревоженный звоном, бесшумно осыпался снег с деревьев. Освобожденные ветви подымались с чуть слышным шорохом.

Сказочно выглядел маленький деревянный монастырь среди глухого, засыпанного снегом леса. Полная луна, высоко поднявшись над деревьями, ярко освещала снежные сугробы, подступившие к бревенчатым стенам, и невысокую колокольню с заиндевевшим крестом... Где-то совсем близко многоголосо выли волки.

— Зверья много, — вздохнув, сказал настоятель. — Страшится братия.

На следующий день в городе Клине заиграли звонкие медные трубы, и глашатаи объявили о приезде царя. Горожане встретили великого государя почетно, с хлебом-солью, как отца и защитника. Но недолго длилось их заблуждение. Царь приказал начинать расправу. Безоружных жителей, обвиненных в измене, рубили мечами и топорами, кололи пиками, а дома их грабили. Не щадили ни женщин, ни младенцев. На следующий день из Клина в Александрову слободу выехали первые возы с награбленным добром...

Ночью жители города увидели вокруг луны туманное сияние. Мороз к утру стал еще сильнее. Знающие люди предсказывали многие беды, грозящие в этом году русскому народу.

От Клина до Городни и до самой Твери разъяренные опричники не вкладывали в ножны мечей. И в славном и древнем городе Твери никто не ждал царское войско.

Пятнадцатилетний царевич Иван во главе двух тысяч опричников обрушился на беззащитных жителей. Тверичане хотели спастись бегством, но со всех сторон встречали воинов с обнаженным оружием. Опричники грабили каждый дом, брали легкое и дорогое, остальное бросали в огонь.

А царь Иван расположился в одном из пригородных монастырей. Он приказал служить молебен и горячо молился, прося господина покарать изменников. После молебна царь сел трапезовать. Был постный день, и он ел только рыбу и черствый хлеб, а пил квас. И пахло от него ладаном и кипарисом. Прислуживал за столом Григорий Ловчиков.

Насытившись, царь повеселел и, прохаживаясь по келье, напевал свою любимую:

Уж как звали молодца,

Позывали удальца

На игрище поглядеть,

На Ярилу посмотреть...

Наступил вечер. Ловчиков поставил на стол большой серебряный подсвечник, в котором горели в ряд шесть свечей, и царь принялся читать Библию.

Тем временем подземелья монастыря наполнились обреченными людьми, привезенными для безумных царских утех.

Царь Иван дал слишком большую волю своим телохранителям. И многие записывались в опричнину, желая приблизиться к царю и получить выгодную должность. Власть и безграничное доверие развращали их. Опричник был всегда прав, земский всегда виноват. Другие шли в опричнину, чтобы сохранить свою шкуру: жизнь тех, кто оставался в земщине, не стоила ломаного гроша. По существу, земские стали людьми вне закона. Опричники восхваляли любое преступление, совершенное царем, и он потерял всякое чувство меры.

В большую и светлую настоятельскую келью, где расположился царь, вошел Малюта Скуратов. Он успел казнить всех, кто числился у него в списках. В них вносились не только люди, подозреваемые в чем-нибудь за последние годы, но и внуки и правнуки тех тверичан, кто противился деду и прадеду царя Ивана. Тверской епископ Варсанофий был ограблен до нитки и отстранен от должности.

— Великий государь, — отвесив низкий поклон, сказал думный дворянин. — Дозволь слово молвить.

— Говори.

— В Отроч-монастыре живет и здравствует бывший митрополит всея Руси старец Филипп, а в миру Федор Степанович Колычев!

Царь ответил не сразу.

— Сходи, Гриша, к старцу Филиппу, возьми у него для меня благословение. В тот раз не дал, так, может, сегодня сжалится.

— Ежели не даст?

— А ты проси, проси, не уходи от него, пока не благословит.

На лице царя играла легкая усмешка, а в глазах горел огонь, которого так боялись и друзья и враги. Малюта Скуратов увидел, что хотел увидеть.

— Сделаю, как велишь, государь. — И он заспешил было к выходу.

— Постой, — остановил царь, — в твоих списках есть ли старец?

— Нет, ты не приказывал, великий государь.

— А-а, ну тогда ладно, иди.

Малюта Скуратов поскакал в Отроч-монастырь. Через час он переступил порог кельи опального митрополита.

Весь заросший седыми волосами, бледный и худой, старец стоял на коленях перед иконами. Он не обернулся на звяканье ключа в замке, на шарканье Малютиных ног.

— Здрав будь, старче! — услышал он громкий голос.

Филипп поднялся и сразу узнал Скуратова.

— Давно ожидаю смерти, — тихо произнес он, — да исполнится воля божья.

— Оставь говорить о смерти... Великий государь просил благословить его.

— Благословляют на доброе.

— Не хочешь? — будто сожалея, сказал Малюта. — Жарко у тебя, старче, усердно монаси топят. Угару не боишься?

Старец промолчал.

— Благослови, старче, великого государя, — повторил Скуратов. — Он с воинством своим искоренять измену идет.

— Благословляют добрых на доброе. — Филипп упрямо сжал высохшие губы.

Малюта посмотрел на запавшие в черных провалах глаза старца, на морщинистую худую шею, на худые бессильные руки, и кровь прилила к его вискам.

— Последний раз прошу, благослови великого государя всея Руси! — В голосе думного дворянина послышалась угроза.

Филипп не ответил. Снова преклонив колени перед иконой, он стал креститься и громко читать молитву.

Малюта Скуратов воровато оглянулся, вынул из-за пазухи короткий кусок пеньковой веревки и петель накинул на слабую шею старца.

Через минуту он вышел из кельи, прикрыл дверь и, отерев со лба обильный пот, сказал ожидавшим его монахам:

— Предайте земле тело старца Филиппа, преставился он, надо думать, от угара. — Малюта снял шапку.

Монахи ужаснулись и заплакали.

Прошло пять дней, войско царя Ивана покинуло разоренную и сожженную Тверь. Опричники отправили по своим домам много награбленного добра. Порубленные, истерзанные тела горожан, окаменевшие от мороза, лежали на улицах и площадях, торчали на кольях, висели, повешенные за ноги... Многие были утоплены в прорубях Волги. Пошел мелкий сухой снег. Занялась пурга, засыпая снегом залитые кровью улицы и площади города.

Покинув Тверь, опричники и дальше двигались с теми же предосторожностями. Никто не должен был знать, куда идет царское войско. По дороге опустошили огнем и мечом город Торжок, город Вышний Волочек и другие места до самого озера Ильменя. В Торжке в одной из крепостных башен сидели пленные воины Девлет-Гирея. Когда царь Иван вошел к ним, молодой высокий крымчак встретил его бранным словом. Зная, что пленные безоружны и закованы в цепи, царь ударил пикой дерзкого воина. Но неожиданно крымчак выхватил пику из рук царя и замахнулся с радостным воплем.

Малюта Скуратов бросился вперед и успел собой заслонить царя Ивана. Копье раздробило левое плечо думного дворянина. Он упал, обливаясь кровью.

— Гриша, — наклонился к нему царь, — Гриша, не опасно ли ты ранен? Я послал за лекарем... А этих всех я повелел на куски порубить. Гриша, за твою кровь...

Приговаривая, царь Иван вздрагивающими нервными пальцами гладил лицо любимца. Малюта поцеловал холодную царскую руку.

Прибежавший лекарь Арнольд Линдзей перевязал пробитое копьем плечо, а слуги уложили раненого в царский возок.

2 января 1570 года опричное воинство окружило со всех сторон Великий Новгород. По всем дорогам боярин Алексей Басманов поставил крепкие заставы. Ни один человек, ни пеший, ни конный, не мог спастись бегством.

У истока реки Волхова широко раскинулся Новгород. Софийская сторона на западном берегу и торговая на восточном возникли в далекую, незапамятную старину. У самого Волхова, на пологом холме, высились каменные стены детинца⁶⁰ с башнями и узкими воротами. За стенами крепости теснились разукрашенные главы древнего Софийского собора.

Прежде всего по царскому повелению закрыли все монастыри и церкви в окрестностях Новгорода, а иноков и священников согнали в одно место и потребовали с них по двадцать рублей выкупа. Кто не мог заплатить, того ставили на правеж, били батогами. Дворы богатых купцов в городе тоже запечатали. Дьяков и подьячих заковали в цепи и согнали, как скот, в огороженный забором двор. Жен и детей стерегли в домах.

Войска увидели царя Ивана 6 января в пригороде. На другой же день опричники казнили всех монахов, бывших на правеже, и развезли трупы по монастырям для погребения.

Окруженный сановниками царь Иван 8 января вступил в город как победитель. У городских ворот его встретили почетные горожане с духовенством. В руках у всех были иконы. Именитые купцы Федор Дмитриевич Сырков и его брат Алексей поднесли хлеб с солью на золотом блюде. Царь хлеба-соли не принял, велел всем мужикам вырвать бороды, а Федора Сыркова с братом посадил в погреб. На Великом мосту дожидался архиепископ Пимен с крестами и чудотворными иконами.

Царь не сошел с коня, не принял благословения.

— Злочестивец, — закричал он пронзительно, — в твоей руке не крест животворящий, но оружие убийственное, которое ты хочешь вонзить нам в сердце! Знаю умысел твой и всех гнусных новгородцев... Знаю, что вы готовитесь предаться королю Жигимонду... Отселе ты уже не пастырь, а враг церкви и святой Софии, хищный волк, губитель, ненавистник венца Мономахова...

— Не виноват я, государь... — Архиепископ едва шевелил от страха языком. — Обнесли меня враги лживым словом...

— Молчи, об этом я поговорю с тобой особо, а сейчас иди с иконами и крестами в Софийскую церковь.

Царь умилялся, слушая литургию, падал на колени, усердно стучался лбом о древние каменные плиты. После службы он вошел в архиепископские палаты, сел за обеденный стол вместе с софийскими боярами⁶¹ и своими вельможами. Приближенные заметили новые ссадины и синяки на его лбу.

Раненый Малюта Скуратов сегодня встал с постели. Рука его лежала на перевязи. Бледный и похудевший, он почти не притрагивался к пище. Сидел он рядом с царем. По другую сторону государя — царевич Иван. За царевичем расселись татарские вельможи.

Обед начался торжественно, здравицами за царя и царский дом. Застолье ничем не омрачалось. И вдруг в самом конце пиршества царь Иван приподнялся со своего места и завопил неистовым голосом.

Это был сигнал.

В палаты тотчас ворвались вооруженные опричники в черном, схватили архиепископа и всех софийских бояр и архиепископских слуг.

Софиянин Никита Бобыль, высокий, с огромными кулаками детина, свалил с ног двух опричников и выскочил в дверь. В сенях он ударил ножом царского телохранителя, загородившего дорогу, и со всех ног бросился на колокольню Софийской церкви. И по всему Великому Новгороду разнеслись могучие медные стоны большого колокола. Он призывно звонил до тех пор, пока опричники не сбросили с колокольни мертвого Никиту Бобыля.

Кое-кто из горожан отважился с оружием прибежать на площадь. У стен древней соборной церкви завязалась схватка. Два часа держалась горсточка отважных новгородцев против царских опричников.

— Изменники, продажные шкуры! — кричали опричники.

— Разбойники, душегубы! — отвечали новгородцы.

— Отпустите архиепископа!

— Мы вас всех в капусту изрубим!

— Архиепископ первый изменник государю!

Но сила сломила отвагу. Все новгородцы были перебиты.

В первый же день жестокие пытки людей затуманили сознание царя Ивана. Его болезненный мозг, отравленный кровью, везде искал измену... Двоюродный брат Владимир снова стоял перед глазами. По ночам царю чудился хан Девлет-Гирей с мечом в руке или польский король Сигизмунд. «Я сел не в свое место? — кричал царь Иван во сне. — Я покажу вам, где мое царство! Я вам не князь Овчина-Оболенский...»

А днем царь без сожаления рубил головы или сажал на кол всех, кого подозревал в измене.

Снадобья лекаря Арнольда Линдзее мало помогали.

Царский дворецкий Лев Салтыков и духовник государев Евстафий обобрали Софийскую церковь. Взяли в московскую казну драгоценности из других церквей и монастырей — сосуды, иконы, колокола.

Новгород был предан поголовному грабежу. Множество мужиков с одноконными и двуконными санями перевозили награбленное в городе добро, сундуки и лари, в один из монастырей, расположенный за городскими стенами. Там все сваливали в кучу и охраняли. Добычу хотели делить между всеми опричниками.

Царские воины чувствовали себя, как во вражеской стране. Они ломались в дома, лавки и кладовые, влезали в окна, срывали двери и ворота с петель. А то, что не могли захватить, уничтожали. Жгли пеньку, кожи, бросали в реку воск и сало. Погибли огромные запасы, скопившиеся в городе за десятки лет.

Конные отряды царь Иван направил в окрестности Новгорода, дал им право без суда казнить людей и губить их достояние. Всадники с собачьими головами и метлами грабили помещиков, крестьян и монастыри, сжигали хлеб, уничтожали скот, убивали людей.

Появились и самочинные группы опричников, считавших недостаточной свою долю при общем дележе и грабивших новгородцев за свой страх и риск.

Доведенные до отчаяния новгородцы брались за оружие, соединялись в отряды и нападали на царских слуг. Немало опричников погибло от меча народных мстителей.

Тем временем в городище открылся суд. Изменников судил царь Иван со своим наследником.

Ежедневно около тысячи людей приговаривались к смерти.

Наступил месяц февраль. Царский гнев стал понемногу стихать. 3 февраля царь Иван сидел на золоченом архиепископском кресле. От его ног по снегу тянулась длинная дорожка кроваво-красного сукна. Потеплело. Падал мягкий редкий снежок.

Царя окружали рынды в белых меховых кафтанах с серебряными секирами в руках. Рындой правой руки стоял статный красавец Борис Годунов. Недавно он справил свадьбу с дочерью Малюты Скуратова.

Царь сидел в соболиной шубе и меховой заснеженной шапке, сложив руки на коленях. За спиной стояли Малюта и боярин Алексей Басманов. Они держали в руках списки, выкрикали имена представших на царский суд и докладывали их воровские дела. Сегодня царь Иван узнал, что один из его опричников пожалел голодную женщину и дал ей каравай хлеба, ничего не взяв с нее. Царь приказал обезглавить и опричника и женщину. Их положили на площади рядом, вместе с караваем хлеба, на устрашение тем, кто поддавался состраданию...

В толпе послышался какой-то шум, заглушенные голоса, возня. Опричники из царской охраны, обнажив оружие, стали расталкивать народ. Алексей Басманов по приказанию царя прекратил доклад и тоже затрусил рысцой вслед за телохранителями.

Вернувшись, боярин сказал царю:

— Татары привели каких-то людей. Старшим у них иноземец, русский разговор понимает плохо. Хочет видеть тебя, великий государь.

— Добро, — нехотя распорядился царь, — ведите их сюда.

Стражники подвели десятка два людей, связанных по-татарски — вместе одной веревкой. Впереди вышагивал высокий и худой человек. На нем была кожаная куртка, суконные штаны и высокие сапоги. За поясом торчал кинжал. На плечах для тепла шерстяная вязаная накидка.

Остальные тоже были одеты не совсем обычно. Среди приведенных были Степан Гурьев, отец Феодор, Федор Шубин, Дементий Денежкин, Иван Баженов. Все они, увидев царя, повалились на колени.

— Толмача ко мне! — приказал царь Иван.

К царю с поклоном приблизились два немца: померанский уроженец Альберт Шлихтинг, переводчик царского лекаря, и саксонец-опричник Генрих Штаден.

Альберт Шлихтинг ростом мал и худ, с кошачьими усами, а Генрих Штаден — краснощекий, располневший на царских харчах. Вчера он вернулся в город, едва унеся ноги от вооруженных новгородцев.

— Кто ты? — спросил царь, нахмурясь, у долговязого иноземца.

— Датчанин Карстен Роде, ваше величество.

Его слова переводил Альберт Шлихтинг. А опричник Генрих Штаден следил, правильно ли.

— Почему ты здесь?

— По вашему приказу, ваше величество.

— По моему приказу? — приподнял бровь царь Иван. — Что же ты здесь делаешь?

— Я должен закупить в этом городе пеньковые веревки, смолу и парусину для кораблей вашего величества.

— А кто эти люди?

— Русские мореходы, мои помощники, люди Аникея Строганова.

— Мореходы? — Царь оживился, все вспомнил. На его морщинистом лице появилась улыбка.

— Да, я приказал Строганову снарядить два корабля для охраны нашей заморской торговли от морских разбойников... Добро. А где корабли?

— В городе Нарве, ваше величество. Построены и спущены на воду. Осталось вооружить их снастью и парусами. Поставить пушки.

— Кто строил?

— Русские корабельщики под моим досмотром, великий государь, холмогорцы, отличные мастера.

Царь Иван долго и пытливо смотрел на странно одетых людей, сгрудившихся вокруг датчанина.

— Наказной капитан Карстен Роде, мы благодарим тебя за усердие к нашему делу. И вам, русские мореходы, спасибо. Нужна ли наша помощь?

— Ваше величество! Не велите рушить кладовую, где мы храним корабельную парусину, веревки и смолу. Прикажите дать нам двести саней с лошадьми для наших товаров, хотим по зимней дороге отправить их в Нарву. И нас с великим поспешанием просим отпустить.

Царь Иван нахмурился, помолчал.

— Нет, я не отпущу вас нынче из Новгорода. А товары ваши буду охранять... Ты слышишь, Алексей? — обернулся он к боярину Басманову. — Наступит время, отпущу и лошадей, и сани дам. А сейчас прошу всех мореходов со мной обедать чем бог послал... Эй, кто там, распустить на них узы...

Обласканные мореходы наелись до отвала за царским столом и, захмелевшие, вышли на улицы Новгорода. Город опустел, людей словно ветром сдуло. У заборов валялись застывшие человеческие трупы, полузанесенные снегом.

На Гончарной улице у одного из небольших домиков стояло шесть одноконных саней. На двух санях навалены узлы и ящики, остальные пустовали. Заиндевшие лошади, покрытые дерюгами, жевали сено. Шесть вооруженных топорами слуг в лаптях и суконных онучах топтались на снегу, стараясь уберечь от мороза ноги.

Мореходы прошли было мимо. Их остановил истошный женский вопль, раздавшийся из дома. Карстен Роде и Степан Гурьев бросились к двери, она оказалась открытой. Ворвавшись внутрь дома, мореходы увидели царского толмача Генриха Штадена, тащившего за волосы полураздетую молодую женщину. Уцепившись за юбку, две маленькие девочки с плачем волочились по полу.

Степан Гурьев сильным ударом кулака сбил с ног опричника. Из кожаной сумки, висевшей у него на животе, посыпались золотые и серебряные монеты.

— Ах, ты! — крикнул Генрих Штаден, поднявшись на ноги. — Я тебя в тюрьме сгною, посажу

на кол, попомнишь, как опричника трогать! Нам, опричникам, все вольно...

Вторым ударом в лицо Гурьев снова свалил его с ног.

— Негодяй, сволочь! — ругался Генрих Штаден, утирая кровь. — Я вот сейчас свистну, и тебя на кол...

— Так-то ты царскую службу справляешь? — побледнев от гнева, крикнул Степан Гурьев. Он вспомнил свою жену Анфису. — Зачем тебе бабу терзать спонадобилось? Почто за волосы по полу волочишь?

— Понравилась мне эта баба, — нагло сказал опричник. — Я ее к себе в услужение возьму, а девчонок в прорубь. Я здесь за добром охочусь, — продолжал он похваляться. — Разбогатели изменой новгородцы, добра много. Только дурак на Русской земле не разбогатеет.

Переставшая было кричать женщина снова заголосила. Девочки спрятались за ее спину и выглядывали испуганно, словно мышки.

— Спасите, миленькие, спасите от душегубца, — причитала баба. — Ведь у меня муж есть, родненькие мои, ненаглядные...

В избу вошли еще два морехода.

— Возьмем ее с собой, ребята, и девочек возьмем, — решил Степан Гурьев.

— Да, да, — закивал головой Карстен Роде. — Возьмем с собой женщину и девочек. А этого, — он показал на опричника, — этого надо поднимать на березу.

— Убьешь гадину, государя разгневаешь, — вмешался Дементий Денежкин. — Мы его и так обработаем, неделю рта не раскроет. Ишь разожрался, боров!..

Не обращая внимания на вопли Генриха Штадена, ему сняли порты и долго били по заду толстой веревкой. Разогнав слуг немца-опричника, мореходы сбросили узлы и ящики на снег, а на сани посадили бабу с девочками, сели сами и погнали застоявшихся лошадей в Плотницкий конец, где находился склад морских товаров и где жили сами мореходы.

Чем дальше от детинца, тем тише было на улицах. Часто встречались тела убитых, выброшенные из домов и окаменевшие на морозе.

Мореходы снимали шапки и крестились.

В церквах не служили. Они стояли пустые, запечатанные большими царскими печатями.

Около шести недель продолжались ничем не объяснимые зверства. Малюта Скуратов проклинал свою рану. Он не мог по-настоящему участвовать в деле. Но не только рана мучила Скуратова. Может быть, в первый раз он устранился своих дел. Слишком много погибло невинных людей в Новгороде.

12 февраля 1570 года, в понедельник второй недели великого поста, царь Иван, насытившись кровью и смертью, призвал к себе оставшихся в живых именитых новгородцев, от каждой улицы по одному человеку. Люди собрались в архиепископских палатах, ожидая смерти, еле дыша от страха.

Царь сидел в золоченых ризах и с шапкой Мономаха на голове. Умиротворенное лицо его было бледно, огромные черные тени легли вокруг глаз. Он был похож на святого с дорогой иконы.

— Мужичи новгородские, — едва слышным голосом сказал он, — молитесь господу о нашем благочестивом царском державстве, о нашем христианском воинстве. Да будем мы и впредь побеждать всех врагов, видимых и невидимых. Да будет бог судьей изменнику моему архиепископу Пимену и злым его советникам. На них, на них взыщется кровь, здесь пролитая... Да умолкнет плач и стенанье, да утешится скорбь и горесть. Живите и благоденствуйте в сем городе. Вместо себя оставляю вам правителя, боярина и воеводу моего князя Петра Даниловича Пронского. Идите в дома свои с миром.

Уцелевшие новгородские мужичи повалились в ноги государя и заголосили:

— Спасибо тебе, милостивец наш...

— Будем бога молить за тебя...

— Проклянем изменников твоих!..

— Жизней своих за тебя не пожалеем...

Царь Иван махнул рукой охране.

— Идите, идите по домам, — толкали опричники в спины не помнящих себя от радости новгородцев, — а то еще раздумает царь-батюшка.

На следующий день на торговую площадь привели архиепископа Пимена в худых монашеских одеждах.

— Ты лишен епископского сана, — сказал царь. — Тебе подобает быть скоморохом. Поэтому я хочу наградить тебя... Эй, приведите сюда вон ту старую белую кобылу. Получи жену, — продолжал царь, когда слуги привели лошадь. — С ней ты больше не расстанешься. Привяжите его покрепче. А раз уж ты женат, тебе быть архиепископом не пристало.

Опричники прикрутили Пимена веревками к седлу.

— Дайте ему в руки волынку и бубен — пусть веселит народ.

— Не виновен я, надежа православный царь, — твердил изрядно помятый опричниками Пимен. — Не осквернил себя изменой. Помилуй мя...

Он потерял человеческий облик. Со спутанными волосами, с худым, синим лицом, архиепископ представлял жалкое зрелище. Его, как шута, долго возили по опустевшим улицам Новгорода, он усердно надувал мехи волынки и бил в бубен.

Созванных на святительскую свадьбу архимандритов, настоятелей монастырей и монахов царь заставил заплатить откупные деньги: с архимандритов по две тысячи золотых, с настоятелей по тысяче и с остальных кому сколько пришлось.

В этот последний день царь Иван почувствовал раскаяние. За обедом он ел только постное. А перед сном, закрывшись в спальне архиепископского дома, он до полуночи тоскливо выпевал покаянные псалмы.

Глава двадцать вторая. «ДА ИСПОЛНЯТ НАШУ ВОЛЮ ИЛИ УВИДИМ, ЧЕЙ МЕЧ ОСТРЕЕ»

В первых числах марта 1570 года в Нарву приехали люди царского наказного капитана Карстена Роде. Они привезли из Новгорода много всякого товара, нужного для корабельного

снаряжения. Царь Иван не забыл своих слов — дал и лошадей и охрану. Две сотни двуконных саней мореходы нагрузили разными пеньковыми канатами и веревками, парусиной, смолой... Вместе с мореходами приехали московские пушечные мастера. Отливать пушки для кораблей решили в Ивангороде.

Богатая, разжиревшая на русской торговле Нарва быстро оправилась от недавнего разгрома, учиненного по царскому приказу. Немецких купцов и сельских жителей опричники не тронули. Но дома, амбары и лавки новгородцев были разграблены, и принадлежащие им товары выброшены за городские стены и сожжены.

После всего увиденного в Новгороде ни Карстен Роде, ни остальные мореходы не удивлялись нарвским событиям. Однако смысл всего происходящего был им непонятен. Особенно диким казалось истребление товаров, которые можно было бы выгодно продать, а деньги положить себе в карман.

Близ самого моря, где река Россонь широким рукавом вливает свои воды в Нарву, на песчаном берегу раскинулось большое русское село Наровское. Здешние жители занимались постройкой морских и речных судов. В этом селе Клаус Тоде и Ганс Дитрихсен ожидали приезда из Новгорода Карстена Роде. Неподалеку высилась деревянная крепость, недавно построенная для охраны Нарвского устья. В ней по-прежнему сидел воеводой Тимофей Сбитнев, а начальником морской стражи был Федор Рыжиков... На реке Россонь в небольшом затончике стояли спущенные на воду русские корабли «Царица Анастасия» и «Варяжское море».

Вместе с Карстеном Роде и русскими мореходами приехал в село Наровское монах Феодор. Старый кормщик сразу бросился осматривать корабли. Там он встретился с Иваном Баженовым, приехавшим раньше.

— Смотри, не узка ли палуба, — предупредил отец Феодор, — разве с парусами на такой управишься! А ежели сюда карбас или повозок поставить, так и вовсе деваться некуда.

— Господин Карстен Роде еще уже приказывал, да я по-своему сделал. Узкая палуба будто для морского боя способнее, — оправдывался корабельный мастер.

— Сумнительно мне, крепко ли мачты поставлены. Не будут ноги ее держать... И надстройки на носу и на корме высоки. Нет, на таком корабле далеко не уйдешь.

Отец Феодор, звеня деньгами в кружке, залезал во все дыры. Он часто вступал в споры со строителями и во многом оказывался прав.

Как-то раз кормщик Дементий Денежкин сказал Карстену Роде:

— Господине, пусть отец Феодор с нами идет: в море вместо попа будет. Ребята просят, не откажи.

— О-о! Я не против. Святой отец очень хороший мореход!

Карстен Роде хотел через два месяца выйти в первое плавание. Однако скоро для мореходов стало ясно, сколь многотрудное дело им предстоит. Не в мае или июне, а только в августе можно надеяться на окончание всех работ. Мореплавание не любит торопливости. На корабле, уходящем в море, следует предусмотреть каждую мелочь. А ведь после того, как будет натянута последняя снасть и поставлены паруса, оборудовано жилье для капитана, штурмана и матросов, предстоит еще вооружить корабль пушками и погрузить в трюмы ядра, порох и кормовые запасы. Правда, пушки можно бы ставить сразу, не дожидаясь конца всех построечных работ, но, к досаде, их еще не было, мастера только приступили к отливке.

В конце апреля река Нарова разломала ледяные оковы и стремительно понесла обломки в море. Течение весной сильное, река подмывает берега, и вода в устье делается грязной и густой, словно жидкая каша. Через несколько дней после ледохода, когда грязь и песок немного улеглись, нарвские лоцманы стали ставить на выход в море вехи, выискивая безопасный корабельный путь.

На берегах реки началась весна. Зазеленела трава. Кусты ракитника покрылись желтыми цветами. Распустили нежные листочки березы, зацвела дикая яблоня.

Зимовавшие в Нарве купеческие корабли усиленно готовились к плаванию.

В один из весенних дней, когда солнце светило особенно ярко, Карстен Роде собрал своих мореходов.

— Нет терпения ждать, пока вы забьете последний гвоздь, закрепите последний блок, протянете последнюю снасть, — сказал он. — Душа горит, хочу поскорее взяться за настоящее дело. Я покажу королю Сигизмунду, как надо воевать. Есть у меня знакомый капитан на голландском корабле, хочу выйти с ним в море. Он высадит меня на острове Борнхольм, там живет мой большой друг. Я остановлюсь у него... Глядишь, вместе что-нибудь придумаем и корабль достанем.

Карстен Роде замолчал.

Все ждали, что еще скажет капитан.

— Стефан Гурьев, — обернулся он к Гурьеву, — хочешь идти со мной?

— Хочу, господин капитан, — не задумываясь, ответил мореход.

— Я рад, что ты пойдешь со мной, Стефан... А ты, Ганс Дитрихсен, согласен плыть на Борнхольм?

— Да, согласен.

— Спасибо тебе, Ганс... Клаус Тоде, ты останешься здесь до окончания постройки. Я назначаю тебя капитаном «Варяжского моря», а ты, Дементий Денежкин, будешь командовать кораблем «Царица Анастасия»... Будешь старшим, Клаус Тоде, и тебя должен слушаться капитан Денежкин. Я выдам корабельные документы от своего имени, как наказной царский капитан.

Карстен Роде поднялся и крепко пожал руки товарищам. Потом он достал рукописную карту Восточного моря и положил ее перед собой.

— Когда корабли будут совсем готовы, Клаус Тоде, ты пойдешь в море вместе с капитаном Денежкиным. Не теряй ни одного дня. Я думаю, что ты сможешь первого августа быть у острова?

— О да, я надеюсь!

— Запомни, где мы должны встретиться. — Карстен Роде показал на карте отмеченное крестиком место. — К югу от острова Борнхольм двадцать миль. Я жду тебя первого августа. Опознавательный знак — две корзины, одна над другой, на фокмачтеб3 и три пушечных выстрела, когда мы увидим корзины.

— Решено. Я не подведу тебя, Карстен.

До глубокой ночи прощались мореходы. Много было выпито вина и двойного немецкого пива,

много сказано хороших слов. Рано утром голландский парусник «Святая Тереза» поднял якорь и медленно стал спускаться вниз по реке.

За пять рублей серебром капитан «Святой Терезы» взялся доставить Карстена Роде, Степана Гурьева и Ганса Дитрихсена к острову Борнхольм и высадить на пристань в городе Рёне.

За «Святой Терезой» и тремя другими голландскими судами из Нарвы в море вышли английские суда с грузом леса и воска, два французских со льном и пенькой и одно испанское. Вместе не так страшно: капитаны боялись морских разбойников, хотя их государства не участвовали в войне, бушевавшей между датчанами и шведами.

Корабли благополучно миновали опасную зону, где патрулировали шведские корсары, и легли курсом на юго-запад. Ветры дули попутные — восточные и северо-восточные. Покачиваясь на пологой зыби, парусник «Святая Тереза» шел со скоростью семи миль в час, и через неделю перед глазами мореходов открылись берега Борнхольма.

Этот небольшой островок, длиной сорок, а шириной двадцать пять верст, с холмистой поверхностью и обрывистыми берегами, стоял на большой морской дороге и часто служил убежищем корсарских кораблей... Он был давним владением Дании. Однако король Фредерик I уступил его на пятьдесят лет городу Любеку в возмещение понесенных военных расходов. С 1525 года на острове находился наместник любекского городского совета, в обязанности которого входило управление островом, суд и сбор податей. Более десяти лет борнхольмским наместником состоял отставной капитан торгового флота Шведер Кеттинг. Борнхольмские жители не очень-то благоволили к немцам за многие злоупотребления и несправедливости.

Капитан «Святой Терезы» обогнул остров с юга и встал на якорь возле города Рёне, столицы острова. Весна здесь чувствовалась еще сильнее, чем в Нарве. Все зеленело. В садах буйно цвели фруктовые деревья.

К вечеру Карстен Роде был гостем в доме своего давнего приятеля Шведера Кеттинга. Закрывшись в кабинете, они долго разговаривали, попивая отличное любекское пиво. В морском сражении Кеттингу ядром оторвало правую ногу, и он ходил на деревяшке. Однако наместник был ловок и подвижен, превосходно ездил верхом, дрался на шпагах.

Три дня Карстен Роде, Степан Гурьев и Ганс Дитрихсен жили в богатом доме наместника, не показываясь в городке, словно ждали чего-то. Они нежились на мягких постелях, лакомились вкусными обедами и ужинами, приготовленными придворным поваром.

На четвертый день к наместнику явился капитан купеческого корабля, прибывшего утром из Данцига на рейд города Рёне. Корабль назывался «Веселая невеста» и поднимал на борт груза около восьмидесяти тонн.

Наместник Шведер Кеттинг пригласил капитана в кабинет, а в соседнюю комнату посадил Карстена Роде, и он стал невидимым участником заговора.

— Какой груз на вашем судне, господин капитан? — спросил наместник, ознакомься с корабельными документами.

— Очищенная овечья шерсть, самого лучшего качества.

— Куда идет груз?

— Ревельскому купцу Иоганну Штоку.

— Сколько служителей на борту?

— Штурман, — загнул толстый палец капитан, — два купца, сопровождающие груз, боцман и его два помощника, старший повар. Плотник и двенадцать матросов... Значит, всего, всего...

— С вами вместе, господин капитан, двадцать один человек, — подытожил Кеттинг. — Есть ли на борту пушки?

— Только две, господин наместник, очень небольшие, ядро весит всего пять фунтов. Боцман одновременно выполняет обязанности пушечного мастера... Настали тяжелые времена, море кишит разбойниками. Свой убивает своего. Приходится защищаться, — словно оправдываясь, говорил капитан. — Даже польский король Сигизмунд вооружил больше десятка кораблей пушками и дал им каперские свидетельства, на них плавают всякий сброд... люди без чести, без совести. Представьте себе, господин наместник, король Сигизмунд приказал городу Данцигу принимать этих разбойников как гостей, разрешил им продавать в городе награбленное... Мы возражали, просили. Король не внял нашим просьбам. И тогда данцигский совет решил действовать... Прибрежная крепость при входном маяке открыла огонь по разбойничьим кораблям, когда они, несмотря на предупреждения, решили приблизиться. Разбойникам все же удалось прорваться, и они вошли в реку. И тогда, вы слушайте, господин наместник, данцигский совет обвинил в разбое одиннадцать каперских капитанов. На суде они были приговорены к смерти и повешены.

— Ого, — произнес наместник, — это смелый шаг! И что же тогда сделал польский король?

— Неприятностей было много. Ведь на кораблях был королевский флаг с гербом Ягеллонов — в руке поднятый меч. Король снова приказал нам открыть порт для своих разбойников. Советников вызвали на сейм в Люблин. Бургомистр Георг Клеефельд выступил там с большой речью, он превосходно отстаивал права города. Но ничего не помогло, — грустно закончил капитан, — на сейме многие польские дворяне требовали примерно наказать город. Они даже требовали ареста наших советников и бургомистра. Король лишил многих привилегий город Данциг, готовился новый устав. От нового устава мы откупились золотом — королю понадобились деньги на войну с русскими. А корсаров приходится терпеть.

— Я не понимаю одного, — разглаживая бороду, спросил наместник, — почему городские власти так рьяно отбивались от корсаров? Собственно говоря, при известном... при уменьше вести дела вы получили бы значительные доходы от их промысла, по существу ничем не рискуя. Ведь деньги не пахнут.

— Если бы так, господин наместник... Но, к сожалению, все оборачивалось для города одними убытками. Должен вам сказать, что польского короля Сигизмунда заботило только одно — нарвская торговля русских. Он хочет сам захватить все Восточное море и сходит с ума от мысли, что русский царь поставил и свою ногу на морской берег. Но король забывает, что нарвская торговля выгодна всей Европе, она вливает в наши жилы свежую кровь. Датский король Фредерик и тот набивает свой карман золотыми: чем больше кораблей пропустит он через свои проливы в Нарву, тем он богаче. Увеличив пошлину на проходящие купеческие корабли, он воюет со Швецией. На эти же деньги он умудрился построить превосходную крепость Кронсберг. Польские корсары, окружив со всех сторон Нарву, мешают плаванию. Они посягнули на золото короля Фредерика, и он всю злобу обрушил на город Данциг, считая его виновником... В отместку датский король задерживает наши корабли в проливах, захватывает груз...

Толстый капитан разгорячился, пыхтел и кряхтел, выказывая Кеттину свои огорчения.

— А мы, купцы, думаем так, — сказал он со вздохом. — Дорогу к Восточному морю русским не прикроешь, они будут воевать до тех пор, пока не встанут на берег обеими ногами. Чем скорее поймет это польский король, а кстати и шведы, тем будет лучше всем нам...

— Пожалуй, с вами можно согласиться, господин капитан, — заметил Шведер Кеттинг. — Для

русского царя, да и для Польши, выход к морю — совершеннейшая необходимость, насущная, так сказать, пища, а для датского короля да и для Швеции приобретение земель Ливонского ордена — ненужное лакомство, весьма вредное для их желудков... Значит, господин капитан, — свернул на другую дорогу разговор наместник, — ваш корабль «Веселая невеста» пришел в наши края для...

— Мне необходимо пополнить запас воды, господин наместник. С вашего разрешения завтра я отправлю свою лодку с матросами за водой в город. Мне требуется всего десять больших бочек. Как только вода будет на борту, я немедленно снимаюсь с якоря и следую по назначению.

— Сколько матросов вы намерены отправить за водой, господин капитан?

— Десять матросов вместе с боцманом... Но разве это имеет значение?

— Никакого, я просто хотел знать, сколько пьяных будет сегодня в городе... Что ж, я не буду препятствовать. Вам придется заплатить ничтожную пошлину. Желаю счастливого плавания, господин капитан.

Толстяк распрощался с наместником в самом хорошем расположении духа. Кое-что купив в городских лавках, он нашел свою лодку, ожидавшую у деревянных мостков, и отправился на корабль.

Карстен Роде после его ухода долго разговаривал с борнхольмским наместником. Именно в этот вечер они заключили между собой договор, по которому Карстен Роде обязался продавать всю захваченную на море добычу только Шведеру Кеттингу. А наместник обещал снабжать на своем острове корабли Карстена Роде всем необходимым... О договоре не должен знать ни один человек.

Поклявшись на Евангелии свято соблюдать каждое слово договора, Шведер Кеттинг сказал:

— Значит, завтра ты станешь капитаном «Веселой невесты», мой друг. Я советую прихватить с собой еще двух человек, втроем вам не управиться. Я пошлю их тебе?

— Пожалуй, ты прав, Шведер, надо делать наверняка, посылай вечером людей, — сказал Карстен Роде.

Возвратившись к своим товарищам, он сообщил:

— Корабль грузоподъемностью восемьдесят тонн под названием «Веселая невеста» завтра будет в наших руках.

— Ты хочешь купить корабль, Карстен? — спросил простодушно Степан Гурьев. — Хватит ли у нас денег?

— Купить? — усмехнулся Карстен Роде. — Нет, я хочу захватить его у подданного короля Сигизмунда, недруга нашего великого государя. Завтра утром, друзья, мы отправимся в гости к шкиперу. Осмотрите оружие, наденьте под плащи кольчуги. Десять его матросов и боцман будут в это время на берегу наливать воду в бочки. Я думаю, надо сделать так... — Капитан подробно изложил друзьям свой план.

Утром к борту «Веселой невесты» подошла небольшая лодка.

— Мы, датские матросы, хотим предложить свои услуги шкиперу, — сказал Карстен Роде штурману с отекившим, заспанным лицом.

— Вряд ли у вас что-нибудь выйдет, ребята, — ответил штурман, — матросов на корабле

достаточно. Вот если бы кто-нибудь из вас был бы хорошим поваром... Наш негодяй замучил всех своей бездарной стряпней.

— Я матрос, но хорошо умею готовить, — ответил Карстен Роде.

— Ладно, поднимайтесь на борт, капитан у себя. — И штурман, широко зевнув, отправился в свою каюту.

Привязав лодку к железному штырю, торчавшему на планшире парусника, Карстен Роде, Степан Гурьев и Ганс Дитрихсен направились на корму. Два борнхольмских матроса остались ждать у трапа. Взявшись за ручку капитанской каюты, Карстен Роде спокойно сказал:

— Приготовьтесь!

Степан и Дитрихсен, сжав кулаки, стояли у дверей. Сейчас решалась их судьба.

В каюте царил полумрак. Карстен Роде с трудом разглядел ковры по стенам и на полу, неприбранную постель.

— Добрый день, господин капитан, — обратился он к толстому человечку, сидевшему за столом спиной к двери.

Толстяк обернулся, он усиленно жевал, рот его был набит жирной ветчиной. Ему так и не удалось проглотить свой завтрак. Карстен Роде в один миг расправился со шкипером. Потом он открыл дверь.

— Парусник в наших руках, — сказал он. — Ну-ка, Ганс, позови штурмана. Скажи, требует капитан.

Штурман с отекившим лицом не заставил себя ждать.

— Вот что, приятель, — сказал ему Карстен Роде. — Твой капитан мертв, как дверной молоток. Посмотри. — Он кивнул на распростертое неподвижное тело. — Капитаном на этом корабле стал я, Карстен Роде. Хочешь мне служить? Если нет, тогда ничего не поделаешь, придется тебе кормить рыб.

Штурман испуганно посмотрел на мертвеца, потом на датчанина.

— Если не хочешь, я не настаиваю.

— Я, Фриц Носке, согласен вам верно служить, господин капитан, — пробормотал штурман. — Не очень-то он был добр ко мне. — Он кивнул на мертвеца. — Жалеть не о чем!

— Превосходно, но если ты думаешь, что я позволю тебе пьянствовать, ты ошибаешься. Ладно, посмотрим, а пока оставайся на своей должности... Но если солживишь... — Карстен Роде показал штурману свой огромный кулак. — Вызывай матросов на палубу.

Штурман, не жалея ног, бросился выполнять приказание.

Когда все собрались, Карстен Роде сказал:

— Я адмирал русского царя Ивана Васильевича. Мы будем захватывать вражеские корабли, топить их или продавать вместе с грузом... — Карстен Роде показал всем желающим жалованную грамоту царя Ивана с красной печатью и золотым шнуром. — Я прочитаю, что пишет русский царь. — И он громко прочитал грамоту. — Все слышали? Я буду делить добычу между всеми. Из того, что мы захватим, каждый получит свою долю.

— Согласны! — хором закричали матросы.

— Мы не согласны, — сказали данцигские купцы.

— Тогда вам одна дорога, — ответил датчанин. — Мы привяжем к вашим ногам камни и бросим в воду. И будете стоять на дне морском, пока рыбы не сожрут ваше мясо.

— Пусть так, — ответили купцы источающим слезы голосом, — но разбойниками мы не станем.

Карстен Роде с любопытством на них посмотрел.

— Я люблю прямых людей, у которых одно сердце, — сказал он, помолчав. — Лучше чистосердечный враг, чем двуличный друг. Дарю вам жизнь, но вы должны отказаться от овечьей шерсти и поклясться молчать обо всем, что здесь видели.

Купцы упали на колени перед адмиралом, растроганные его милостью.

— Будем молчать, — сказали они, — и всегда помнить тебя с благодарностью. Мы добровольно отказываемся от овечьей шерсти и об этом дадим тебе письмо.

— Кто хочет служить русскому царю, пусть встанет у правого борта, остальные остаются на месте, — продолжал Карстен Роде.

Все матросы перешли к правому борту.

— Снимайся с якоря, матросы, по местам! — послышалась громкая команда.

Двухмачтовый корабль «Веселая невеста» поднял паруса и лег курсом на север вдоль обрывистого берега острова Борнхольма. Через три часа он вошел в укромную, закрытую бухточку. На пустынном берегу, покрытом скудной растительностью, стояли два-три дома под черепицей. А среди береговых утесов виднелись стены и башни крепости Хамерсхус.

Поблизости обитало великое множество морских птиц. Они с пронзительным криком носились над бухтой, над кораблем, навевая на мореходов тоску. Издали глухо доносился шум морского прибоя.

Высокие обрывистые берега, прибрежные камни и скалы придавали берегу суровый и негостеприимный вид.

На передней мачте новый капитан велел поднять синий флаг. Вскоре на берегу появились люди. Они принялись что-то грузить на большую лодку, стоявшую у деревянных мостков. Когда лодка подошла к борту «Веселой невесты», мореходы увидели, что в ней лежит дюжина средних пушек и десятка два дубовых бочонков с порохом. Приплывшие на лодке девятнадцать человек оказались новыми матросами. Все это прислал борнхольмский наместник... Боцман с матросами, отправленные за водой, остались в Рёне.

Когда моряки выгрузили пушки на палубу корабля, Карстен Роде сказал:

— У нас много дела. Надо поставить рымы64 для крепления пушек, раскрепить пушки по местам. Надо привезти с берега ядра и съестные припасы... Ты, Степан, следи за установкой пушек, а ты, Ганс, отправляйся на берег и торопи ребят.

Работа закипела. С берега на лодках везли чугунные и каменные ядра, картечь, абордажные крючья, огнестрельное ручное оружие, панцири, кольчуги, ножи и топоры и всякое другое оружие. На лодки, возвращавшиеся к берегу, грузили мягкие кипы первосортной овечьей шерсти из трюмов «Веселой невесты». За оружие, порох и съестные припасы Карстен Роде расплачивался захваченным грузом.

С последней лодкой приехали два пушечных мастера из города Рёне, а помилованные капитаном Роде купцы перебрались на берег.

К вечеру «Веселая невеста» преобразилась. Вместо мирного купеческого парусника, бороздившего морские воды под флагом города Данцига, в бухте стоял вооруженный пушками корсарский корабль. На зеленых флагах красовался черный двуглавый орел с коронами, точно такой, как на знаменах царя Ивана.

Капитан Карстен Роде в расшитом золотом синем камзоле принимал в своей каюте клятву верности от матросов. Повторив за капитаном страшные слова клятвы, матрос целовал золотой крест, нарисованный на обложке Евангелия, выпивал большую чашу испанского вина и получал из рук датчанина серебряную монету в один гульден. В кубрике под палубой матрос брал у боцмана ружье с небольшим запасом пороха и пуль, боевой топор, два ножа и саблю.

Теперь под командованием капитана Карстена Роде было тридцать три человека: три штурмана, боцман, его помощник, два пушечных мастера, повар и младший повар, плотник и двадцать три матроса. Ганс Дитрихсен был назначен начальником абордажной команды, а Степан Гурьев — штурманом.

Ночь прошла спокойно. Утро было тихое. Дул ровный ветерок от северо-запада. Когда краюшка окровавленного светила вышла из-за горизонта, корсарский корабль «Веселая невеста», подняв все паруса, медленно двинулся в открытое море. Отдалившись от берега, он лег курсом на юго-восток, прямо на полуостров Хель.

У капитана Карстена Роде в каюте сидели штурман Степан Гурьев и начальник абордажной команды Ганс Дитрихсен. Втроем они решили идти к городу Данцигу и ждать удачи вблизи его берегов.

— Будем охотиться на корабли польского короля Сигизмунда и на тех, кто торгует с городом Данцигом. Ответим ударом на удар, — закончил совет Карстен Роде. — Я намертво закупорю данцигскую дыру. А сейчас, друзья, надо готовить корабль и людей к бою!

«Веселая невеста» оказалась хорошим быстроходным судном, построенным из отборной древесины. Покачиваясь на разгулявшейся волне, парусник каждый час оставлял за кормой около восьми миль.

Глава двадцать третья. ВСЯКОЕ НАСИЛИЕ ВЛЕЧЕТ ЗА СОБОЙ НАСИЛИЕ ЕЩЕ БОЛЕЕ ТЯЖЕЛОЕ

Дни стояли солнечные, теплые. Глубокие снега, за зиму завалившие Москву, растаяли, и на улицах держалась непролазная грязь. Утопая по ступицу, медленно двигались телеги, а пешеходы, подобрав полы кафтанов, старались не набрать в голенища сапог. Огромные лужи блестели на торговой площади. Купцы проложили мостки к своим лавкам. К богатым покупательницам, застрявшим среди грязи, подходили дюжие приказчики и переносили их на руках...

Посольство Речи Посполитой, возглавляемое Яном Кротовским, целый месяц томилось в Москве в ожидании великого государя. Переговоры с посольскими дьяками и боярами пришли в тупик, обе стороны не хотели уступать.

В день перенесения мощей святителя и чудотворца Николая зацвели вишни в московских

садах, березка оделась яркой зеленью. На улицах в местах, где было посуше и росла трава, распустились желтые цветы одуванчика. После обеда посол Ян Кротовский и его товарищ Николай Тавлош решили посмотреть на новый опричный дворец царя Ивана. Недалеко от Троицких ворот Кремля их остановили стрельцы, расчищавшие дорогу от толпившихся людей.

— Царь! Царь едет! — раздавались возгласы.

Разбрызгивая жидкую грязь, промчались в Кремль гонцы. За ними прошел на рысях отряд опричников в черных одеждах. Люди с опаской поглядывали на собачьи головы, подвешенные к их седлам. Стайка перепуганных босоногих мальчишек, мчавшаяся во весь дух по улице, мгновенно скрылась за оградой деревянной церквушки с синими куполами. Гнавшийся за ними всадник осадил рослого жеребца и с недоумением стал оглядываться.

В толпе засмеялись.

Опричник выругался, вздыбил коня, полоснул плетью по чьей-то спине и поскакал обратно.

На улице показался царь Иван, по-татарски, на коротких стременах, сидевший в седле. На нем черная монашеская одежда наброшена поверх золоченой кольчуги. На шее вороного жеребца болталась собачья голова. Царь размахивал саблей и что-то кричал. Рядом с ним на рыжей однорогой корове, растопыбив ноги, ехал шут, обряженный в мантию из цветных лоскутов, с нашитыми серебряными колокольчиками. За царем двигались приближенные опричники в черных шапках и одеждах. Проехав Троицкий мост, процессия скрылась за кремлевскими воротами.

Возвратившись на свое подворье, послы долго обсуждали приезд в Москву царя Ивана. Им казалось, что вид у него был какой-то странный.

— Когда царь взглянул на меня, я подумал, он пьян или сошел с ума, — сказал Ян Кротовский. — Я уверен, что он смотрел, но ничего не видел.

— Царь опьянел от крови, — ответил Николай Тавлош. За долгое сидение в Москве посол узнал кое-что про новгородские дела.

Вечером в посольском приказе состоялась новая встреча с думными боярами. Много спорили и опять без всякого успеха. Тогда королевские послы просили позволения переговорить с государем.

Царь Иван назначил прием. То, что послы увидели во дворце, еще больше удивило их. С посохом в руках царь стоял у решетчатого окна, и не в приемной палате, а возле сеней. У его ног примостился шут, что ехал на однорогой корове.

Увидев послов, царь громко закричал:

— Поляки, поляки! Если не заключите со мной мир, прикажу вас изрубить в куски. — Глаза у царя выкачены, лицо бледное. Редкие волосы прилипли ко лбу.

Послы в растерянности переглянулись.

Закатываясь смехом, царь Иван схватил соболью шапку с головы Яна Кротовского и надел ее на шута.

— Кланяйся, кланяйся мне по-польски! — закричал царь пронзительным голосом. Он кричал что-то еще, совсем несуразное и непонятное...

Через час царь Иван пришел в себя и повелел звать послов в приемную палату. Он сидел в

черном кресле из мореного дуба. Спинка была резная, на ней изображен двуглавый орел с распростертыми крыльями. Царь был одет в парчовые ризы, украшенные узорами и драгоценными камнями. Теперь на престоле сидел совсем другой человек. Его величавый и строгий вид невольно внушал уважение. Послы почувствовали робость. В золотых парчовых одеждах толпились у трона царедворцы.

После обычного обмена любезностями начали серьезные разговоры.

— Ты утверждаешь, Иван, что нынче мне особо выгодно заключить с королем Жигимондом мир? — спросил царь.

Взгляд его черных маленьких глаз вперился в посла.

— Государские советы короны Польской и великого княжества Литовского, — витиевато ответил Кротовский, — советовались о том, что у государя нашего детей нет, и если господь бог государя нашего с этого мира отзовет, то обе рады не думают государя взять от басурманских или от иных земель, а желают избрать от славянского рода и склоняются к тебе, великому государю, и к твоему потомству.

Посол был уверен, что царь обрадуется польской короне и сделается податливее на мирный договор. Однако он ошибся. Не изъявив ни согласия, ни удивления, царь Иван ответил:

— Милосердием божьим и молитвами наших прародителей Россия велика. На что мне Литва и Польша? А ежели вы хотите нас видеть своим владыкой, то не должно раздражать нас войнами...

Царь Иван вошел в охоту и говорил полных два часа, не передыхая и ни разу не запнувшись. Он подробно и точно изложил историю отношений Москвы к Литве за время своего царствования.

Три писаря, ломая перья, торопливо записывали его речь.

Послы дивились царской памяти и острому уму.

— Выходит, не я причинен войнам, а король Жигимонд, — закончил царь. Однако по совету думных бояр он согласился заключить перемирие на три года.

Если царя Ивана на самом деле не столь сильно интересовала польская корона, то как-нибудь изловчиться и разъединить Польшу и Литву ему очень хотелось.

Надвигалось тяжелое время. Со всех сторон русскому государству грозили враги. Правительство царя Ивана всеми силами старалось уменьшить опасность.

После новгородского погрома царь Иван был милостив и миролюбив. В одном был непреклонен: он не мог простить обиды от нового шведского короля. Екатерина Ягеллонка вырвалась из его рук... Шведские послы, приехавшие заключить мир, долго ожидали приема. Наконец они встретились с Иваном Висковатым и Андреем Васильевым. По царскому велению руководители посольского приказа вновь потребовали выдачу Екатерины Ягеллонки, теперь жены короля. На других условиях заключать перемирие царь Иван отказался. Это был разрыв. После переговоров шведские послы были отправлены в Муром и посажены в тюрьму.

10 июня в Москву приехал эзельский епископ принц Магнус. Он появился с пышной, многочисленной свитой. Царь Иван принял его с благосклонностью. Переговоры шли успешно и через несколько дней закончились к удовольствию обеих сторон. Царь назвал принца Магнуса королем Ливонии, а Магнус царя Ивана — своим верховным владыкой.

— За доверие ко мне, любезный брат, я назначаю тебя и твоих наследников правителями всей Ливонии, хотя и имею двух сыновей, — сказал царь Иван, обнимая принца.

Чтобы покрепче привязать к себе нового ливонского короля, царь обручил его со своей племянницей Евфимией^{б5}, дочерью покойного князя Владимира Андреевича. В приданое царь обещал пять бочонков червонного золота.

После торжественных проводов король Магнус отправился завоевывать свое королевство. Царь Иван отрядил ему в помощь двадцать пять тысяч русских воинов и назначил воеводами Ивана Петровича Яковлева и Василия Ивановича Умного-Колычева. Кроме русских войск, вооружил и большую немецкую дружину. Главной целью похода был город Ревель, захваченный шведами.

Советниками при короле Магнусе царь поставил опричников-немцев Иоганна Таубе и ЭлERTA Крузе. Вечером, накануне отъезда, он, одетый по-домашнему, принимал их в своем кабинете. Едва взглянув на Ивана Висковатого, опричники низко поклонились царю и подошли к руке. Держались они с преувеличенным достоинством.

Царь Иван был ласков с ними.

— Прочти мне, Ваня, — обратился он к Иоганну Таубе, — письмо к ливонцам, кое ты сочинил.

Таубе вынул из большой кожаной сумки свернутую трубкой бумагу, развернул ее, откашлялся.

— «Царь московский желает свободы для немцев, но не хочет видеть в Ливонии поляков, литовцев и шведов; царь повелел удалиться из страны даже русским, ибо отлично понимает, что им не пригодно жить между немцев. Русский народ грубый и необразованный. Великий князь и царь — отличный государь, он не верит русским, потому что любит правду и справедливость. Права ваши не только будут сохранены, но и умножены, и ни один народ во всем христианском мире не будет пользоваться столь неизъяснимым благоденствием».

Закончив чтение, Таубе поклонился царю.

— Хороша ли грамота? — спросил царь Висковатого.

— Я написал бы иначе, великий государь. Зачем он на русских хулу возводит?

Царь Иван досадливо сморщился и махнул рукой.

— Тебя, Ваня, я князем сделал, золотом тебя осыпал, — обратился он к Таубе, — и тебя, Илья, над многими своими возвысил, из праха поднял. Верю вам, служите мне верно, помните крестное целование. Клялись мне верными быть и все по правде отписывать. А сделаете дело, как уговор был, еще выше подниму, города вам в отчину отпишу. Для верных слуг я ничего не жалею.

Царь сошел с кресла и в знак великого доверия положил руку на плечо Иоганна Таубе.

Немцы повалились на колени.

— Благодарим, великий государь, — перебивая друг друга, повторяли опричники, — знаем мы мудрость и милости твои.

— Добро, идите. — Царь махнул рукой.

Тучный Таубе поднялся с трудом, Крузе услужливо придержал его за локоть.

Поднявшись с колен, расточая поклоны, низенький толстый Таубе и длинный сухощавый Крузе задом пятились до самой двери.

— Ежели они помогут завоевать Ливонию, значит, не напрасны были мои подарки, — сказал царь и как-то по-особенному посмотрел на Висковатого.

«А за царя Ивана я головой стоять не стану, как раньше стоял... — вспомнил он слова думного дьяка, подслушанные Малютиным лазутчиком. — Будто наш царь Иван и не царского роду вовсе, а сын Ивана Федоровича Овчины-Оболенского».

И надо бы промолчать Висковатому, но, как всегда, он прямо и честно сказал:

— Ливонию не завоеешь подарками, великий государь, надо прочно держать войсками захваченные земли, строить новые крепости, охранять жизнь и имущество коренных обитателей. А мы каждый год вторгаемся в Ливонию и оставляем за собой только следы огня и меча, не имея твердых мест, кроме Нарвы, Юрьева и Феллина. Коренные обитатели, ранее добровольно переходившие на твою сторону, великий государь, ныне выказывают неудовольствие. Твои воеводы по-прежнему грабят...

— Довольно! — крикнул царь. — Не хочу слушать!..

Иван Висковатый поклонился. Им овладело ощущение нависшей опасности, но он не предполагал, что стоит на краю гибели.

— Скажи мне, Иван, — спросил царь, — ты всегда за меня стоишь, как прежде стоял?

«Ему известен наш разговор с Никитой Фуниковым», — догадался канцлер и решил не скрывать свои мысли.

— Сказать истину, великий государь, не кажешься ты мне, как прежде казался.

— Что так?

— Много крови невинной пролито. Под твоей рукой Русская земля оскудела. Вовсе ограбили ее опричники.

Царь Иван вспомнил и челобитную московских вельмож, вспомнил, что Висковатый говорил против ливонской войны. «Не много ли я терплю от раба?» И злость закипела в нем.

— Скажи, за Ливонию правильно я воюю?

— Нет, не правильно, великий государь... Сил больше нет у людей, а через силу много не навоюешь.

— Помни, Иван: кто против войны, тот мой враг. А теперь иди...

Тем временем думный дворянин Малюта Скуратов не дремал. В застенках Александровой слободы пытали заподозренных в измене новгородцев, собирали доносы, улики. Кто не мог вынести мук, клеветал на себя и других, и тех тоже пытали. В новгородские дела оказались замешанными московские сановники, пользовавшиеся особым доверием царя Ивана. В конце следствия был взят под стражу государственный канцлер Иван Михайлович Висковатый, казначей Никита Афанасьевич Фуников, боярин Семен Васильевич Яковлев, а с ними несколько думных дьяков разных приказов. Дьяки Василий Степанов и Андрей Васильев тоже оказались в числе государственных преступников.

Стараниями Малюты Скуратова изменники были найдены и среди опричников. Главные деятели опричнины, ее основатели, первые любимцы царя Ивана тоже оказались

единомышленниками архиепископа Пимена. Малюта испросил позволения царя посадить под замок Алексея Басманова, старшего военачальника опричнины, его сына Федора Басманова — царского любимца. Князь Афанасий Вяземский был обвинен в том, что вместе с архиепископом Пименом собирался отдать Новгород и Псков Литве, известить царя, а на трон посадить князя Владимира Старицкого. Малюта Скуратов не стал выгораживать шурина. Наоборот, донос Григория Ловчикова он расцветил такими подробностями, что и самому стало страшно. Среди обвиненных в измене, кроме Афанасия Вяземского, Алексея и Федора Басмановых, оказались десятки видных опричников. Преступников, достойных смерти, в списках, приготовленных для царя, числилось около трехсот человек.

Царь Иван внимательно прочитал все, что говорили на допросах обвиняемые, и задумался. Первый раз ему пришли в голову мысли совсем иные, нежели полагал его тайный советник.

«Для чего я создал опричнину? — спрашивал себя царь. — Я стоял за право, данное мне богом, казнить и миловать своих рабов. Я один отвечаю перед всевышним за мои поступки. А бояре хотели известить меня, убить, лишиться престола. Они хотели моей смерти? Бояре пекутся о своей чести и больше ничего не хотят знать. А разве у рабов может быть честь, помимо моей чести, чести их господина. Я убивал их, а они стали сговариваться против меня. Чем больше я убивал их, тем пуще они ярились. Если бы не опричнина, на престоле давно сидел Володька Старицкий или еще кто-нибудь из тех, в ком течет разбавленная кровь моих предков... Значит, я прав, значит, опричнина была нужна. Но прошли годы, и опричники из покорных слуг превратились в опасную силу. Они обогатились, убивая моих врагов, а потом стали убивать людей по своей выгоде.

Алексашка и Федька Басмановы, Афоня Вяземский! Вы хотели обманом взять меня в свои руки. Вы хотели стать вечными в своей силе. Вы думали, я запутаюсь в сетях, вами расставленных? Забыв клятвы, многие стали якшаться с земскими и чинить изменные заговоры. Теперь, после смерти брата Володимира, нужна ли мне опричнина? Можно ли, как прежде, верить опричникам? — спросил он себя еще раз. — Боже милостивый, ты видишь мои сомнения?»

Немного успокоившись, царь Иван взял в руки позолоченное лебединое перо и, не торопясь, стал ставить крестики впереди многих имен в списке.

Этих людей ждала страшная смерть.

— Добро. Сто тридцать человек отделаем, Гриша, — сказал он, подведя итог и подняв мутные глаза на Малюту Скуратова. — Подожди, я поставлю еще одного. — И царь вписал своей рукой в самом конце «Иван Висковатый». — Они умрут так, что содрогнутся сердца у самых храбрых. Мы подумаем с тобой, как их казнить... И Вяземский умрет. Но сначала я палками выбью из него богатство. Не трогай его, я сам справлюсь. А тебе, Гриша, не жалко князя, ведь он твой родич?

— Твои враги, великий государь, мои враги.

— Добро, я знаю, ты мой верный слуга... А скажи, как твоих дочерей звать? — неожиданно спросил царь.

— Анна, Мария, Евдокия, — торжественно ответил Малюта.

— Так звали моих дочерей, умерших во младенчестве. Почто ты так назвал своих дочерей, Гриша? — Голос царя помягчел.

Малюта Скуратов упал на колени.

— Не вели голову рубить, надежа православный царь, — с притворным испугом сказал он, —

винюсь, назвал их в память дочерей твоих.

Царь дал руку Малюте для поцелуя.

— Не гневаюсь я вовсе, вижу любовь твою.

Малюта торжествовал.

Когда он ушел, царь Иван долго раздумывал о тех, кто должен был умереть. Многие, кому он поставил крестик, пользовались его доверием и расположением, недавно ели и пили за его столом.

Но было еще одно дело, которое не переставало тревожить в эти дни, — Ливонская война. Царь Иван с нетерпением ждал вестей от своих воевод, осадивших город Ревель.

С того дня как царь утвердил своей подписью списки Малюты Скуратова, прошла неделя. Казнь готовили на 25 июля.

В назначенный день народ на торговую площадь согнали с трудом. Люди страшились грозных приготовлений к казни.

Под барабанный бой из кремлевских ворот выехал царь с сыном Иваном, со своими телохранителями и придворными. Царь был вооружен. В кольчуге, со шлемом на голове, с луком, колчаном и секирой. И опричники одеты в черное и вооружены, как на войну. Следом за царем из ворот Кремля выехали конные стрельцы и взяли в обхват всю площадь.

Когда на площади появились три сотни человек, обреченных на казнь, народ изумился. Многие заплакали от жалости. Узники едва передвигали ноги. Все одеты в рваную, окровавленную одежду. Лица бледны, словно у мертвых.

Царь Иван, видя, что народ оробел, не хочет смотреть на казнь и жалеет обреченных, разъезжал по площади верхом и увещевал.

— Не бойтесь, православные, — пронзительно восклицал он, — я вас не трону! Гневался на вас, не скрою, а теперь гнев свой сложил.

Увидев близко царя, услышав его слова, народ приободрился, люди похрабрее подошли ближе. Многие залезли на крыши домов, на стены, чтобы лучше видеть. Царь снова подъехал к толпе москвичей.

— Народ, увидишь муки и гибель — но казню изменников. Ответствуйте, прав ли суд мой?

В ответ раздались выкрики:

— Да живет многие лета государь!

— Да погибнут изменники!

— Живи, преблагой царь!

Царь Иван подъехал к вкопанным в землю столбам и крикнул телохранителям:

— Подведите ко мне людей с малыми винами!

Опричники подогнали к царю большую половину узников, приведенных на казнь. Их было почти две сотни.

— Прощаю вас! — крикнул царь обреченным. — Не имею ни какого суда над вами.

— Да живет многие лета государь! — обрадованно закричали в толпе.

— Живи и царствуй, наш милостивец!

Помилованные московские сановники, крестьяне и благодаря бога за спасение, выбрались из окружения опричников.

Царь Иван махнул рукой. На середину площади вышел думный дьяк Василий Щелкалов с большим списком и громко, во весь голос прочитал:

— Иван Висковатый!

Опричники подвели Висковатого к дьяку. Василий Щелкалов торжествовал: врага, заслонявшего дорогу к власти, больше не существовало.

— Иван Михайлов, бывший тайный советник государев, ты служил несправедно, — с торжеством вычитывал дьяк. — Ты вероломно поступил, писал к королю Жигимонду, обещал передать ему Псков и Новгород. Се первая твоя вина.

Василий Щелкалов размахнулся и ударил плетью по лицу Ивана Михайловича.

— А второй твой знак вероломства и обмана — твое письмо к султану турецкому. Ты писал, изменник, султану турецкому, чтобы он взял Астрахань и Казань.

Дьяк ударил Висковатого плетью еще раз. Лицо узника окровавилось.

— Ты же звал и хана крымского пустошить Русскую землю, се твое третье злое дело. Ты уличен в вероломстве и обмане, учиненном против твоего государя. Когда ты овца, не твори из себя пастыря. Когда ты нога, не воображай, что ты голова.

Канцлер вытер рукавом кровь с лица. Посмотрел на царя Ивана.

— Свидетельствую господом богом, что я всегда служил верою своему отечеству, — сказал он, с трудом выговаривая слова. — Слышу наглую клевету и не хочу больше оправдываться. Но раз ты жаждешь моей крови, пролей ее, хоть невинную, ешь и пей до насыщения.

Царь махнул рукой.

— Возьмите его! — раздался его скрипучий голос.

Малюта Скуратов сноровисто заткнул рот Висковатому тряпкой. Опричники одним мигом сорвали с него одежды и подвесили за ноги к поперечному бревну. Иван Михайлович, видя свой конец, силился перекреститься.

Малюта с низким поклоном подошел к царю.

— Кто должен казнить его, надежа православный царь?

— Пусть каждый мой верный слуга казнит вероломного.

Малюта первый подошел к висющему на бревне канцлеру, обрезал нос и, вскочив в седло, отъехал. Кто-то другой из опричников отрезал ему ухо... И пошло, и пошло... Каждый старался показать царю, что и он верный слуга.

Дьяк Василий Щелкалов выкликнул новое имя:

— Никита Фуников-Карцев, казначей великого государя!

Казначей Фуникова, верного друга Висковатого, опричники вывели на середину площади.

Дьяк Щелкалов слово в слово повторил Никите Фуникову обвинения, только что сказанные его товарищу.

— Ты, вероломный слуга, заслужил смерть, — закончил он.

— Я виноват перед богом, — сказал Никита Фуников, обращаясь к царю, — но не перед тобою. Однако твоя воля казнить меня безвинно.

— Ты погибнешь не по моей вине, — прохрипел царь, — а по вине своего товарища Ивашки Висковатого. Ведь ты слушался его. Ежели ты и не виноват ни в чем, однако ты угождал ему, и потому вам надлежит погибнуть обоим.

И царь махнул рукой.

Никиту Фуникова привязали к бревну так же, как и его друга. Но казнили его иначе. Опричники обливали его то кипятком, то холодной водой до тех пор, пока осужденный не испустил дух.

Третьим был казнен повар Федька Ребро. Он не избежал смерти. Малюта Скуратов не любил оставлять в живых тех, кто много знал...

Один за одним выходили на середину площади приговоренные к смерти. Их казнили по-разному. Некоторых жгли на костре, других сажали на кол или четвертовали.

Царь Иван часто дышал, не спускал глаз со смертников, вздрагивал от их криков и стонов, а порой заливался безудержным смехом.

Москвичи, бывшие на площади, не видели среди казненных ни князя Афанасия Вяземского, ни Алексея и Федора Басмановых.

Расправы и опалы продолжались все лето.

Погиб славный воевода, двадцать лет не слезавший с коня, победивший татар, и Литву, и немцев, князь Петр Семенович Оболенский-Серебряный. Думный советник Захария Иванович Очин-Плещеев. Иван Воронцов и Василий Разладин. Погиб воевода Крик Тыртов, израненный во многих битвах. Воевода Михаил Матвеевич Языков... Трудно перечислить всех, кто положил свою голову на плаху в этом году.

Временами царь приходил в себя. Лекарь давал ему укрепляющее питье. Царь Иван звал думного дьяка Василия Щелкалова и задавал ему один и тот же вопрос:

— Как мои воеводы в Ливонии, взят ли город Ревель?

И каждый раз дьяк Щелкалов отвечал:

— Город еще держится, великий государь. Однако воеводы обнадеживают вестями.

...24 октября возвратился из Англии долгожданный посол Андрей Совин. То, что он привез от королевы Елизаветы, было недостаточно для царя Ивана. Вместо договора он получил две грамоты: обычную, — как назвал царь, «проезжую», и тайную — за собственноручной подписью Елизаветы.

В обычной грамоте королева обязывалась соблюдать союз с Россией, оказывая взаимную помощь против общих врагов. В другой, тайной, она обещала царю с его семейством и приближенными убежище в Англии.

Но царю Ивану нужен был договор с крестным целованием и с соблюдением всех правил.

Иначе он не верил, и грамота для него была пустой бумагой. Царь просил прислать посла Дженкинсона — он не приехал. Простое обещание королевы Елизаветы предоставить убежище повергло его в ярость. Оно унижало его, било по самолюбию, самому больному месту...

Посла Андрея Совина, избитого собственноручно царем, увезли домой без сознания.

Царь Иван снова и снова читал тайную грамоту:

«...Мы столь заботимся о безопасности вашей, царь и великий князь, что предлагаем, если когда-либо постигнет вас, господин брат наш царь и великий князь, такая несчастная случайность, по тайному ли заговору, по внешней ли вражде, что вы будете вынуждены покинуть ваши страны и пожелаете прибыть в наше королевство и в наши владения с благородной царицею, супругою вашею, и с вашими любезными детьми, князьями, мы примем и будем содержать ваше высочество с такими почестями, какие приличествуют столь великому государю, и будем усердно стараться все устроить в угодность желания вашего величества и спокойному и свободному препровождению жизни вашего величества со всеми теми, кого с собой привезете...»

«Негодная, — сжимал кулаки царь Иван. — Ты забыла, что пишешь великому царю, выше тебя стоящему...»

«...Сверх того, мы назначим вам, царь и великий князь, в нашем королевстве место для содержания на вашем собственном счете, на все время, пока вам будет угодно оставаться у нас... обещаем сие по силе сей грамоты и словом христианского государя, во свидетельство чего и в большее укрепление сей нашей грамоты, мы, королева Елизавета, подписываем оную собственною нашею рукою в присутствии нижепоименованных вельмож наших и советников».

«Десять низких слуг читали эту грамоту, — едва сдерживая себя, думал царь Иван. — Глупая девка нарушила все правила, пренебрегла нашей просьбой... Я просил держать в тайне договор. У меня в Москве знал о нем только один человек. А она разгласила по всему государству. Я просил о взаимном предоставлении спокойной жизни в своей стране, ежели что случится. Я — ей, она — мне, а не так, как здесь написано... Я просил посла Антона — его не послали. Я не какой-нибудь свейский король Юхан, голый, и босый, и без деньги в кармане. Равных мне среди ваших королей нет...»

— Эй, — крикнул царь, — позвать ко мне Ивана Висковатого!

Вместо покойника вошел дьяк Василий Щелкалов. Царь Иван вспомнил про казнь своего канцлера и прикусил до крови губу.

Василий Щелкалов увидел бледное лицо, глаза, сверкающие гневом.

— А, это ты!.. Пиши грамоту к королеве аглицкой Елизавете... «Твоим государством, — произнес царь, подняв кверху руку, — правят, помимо тебя, люди, да не то что люди, а мужики торговые, а ты пребываешь в своем девическом чине, как есть пошлая девица. И коли так, мы прежние дела отставим в сторону. Возврати нам нашу жалованную грамоту. А ежели не вернешь, все равно она силы не имеет... Посмотрим, каково-то будет тогда тем торговым мужикам, которые ради своих прибылей пренебрегли нашей государской честью, государскими выгодами нашими...»

Царь Иван еще долго диктовал дьяку свой ответ королеве Елизавете. В гневе он отменил все льготы, пожалованные английским купцам. Все имущество и все их товары были отобраны в казну. Англичанам было отказано в платеже долгов. Выстроенное ими в Ярославле судно для плавания на Каспийском море было задержано в Астрахани.

Царь больше не надеялся и не ждал от других помощи. Он решил с корнем вырвать измену, уничтожить всех оставшихся в живых врагов, не дающих ему спокойно спать по ночам.

Несчастья продолжались. 20 ноября 1570 года умерла Евфимия Старицкая, просватанная за короля Магнуса.

В конце ноября царь Иван узнал от лазутчиков, что турецкий султан Селим просил у короля Жигимонда отдать ему город Киев для удобного нападения на Москву. Король Жигимонд Киев не отдал.

Посол Афанасий Нагой доносил из Бахчисарая, что крымский хан Девлет-Гирей готовится к войне. А царевич крымский разбил тестя государева, кабардинского князя Темрюка, и пленил двух его сыновей.

Вестей о взятии города Ревеля все еще не было.

Глава двадцать четвертая. ПРЕЖДЕ НЕ ВИДНО БЫЛО МОСКОВИТОВ НА МОРЕ

Около суток кургузый двухмачтовый парусник «Веселая невеста», пересекая пустынные морские просторы, шел к песчаному мысу Хель. Зеленоватые волны с пенистыми гребешками вздымались с северо-запада, догоняя корабль. Они подкатывались под правый борт «Веселой невесты», то опуская, то поднимая ее.

Дул северо-западный ветер. Погода держалась пасмурная. Накрапывал мелкий дождь. Серые, тяжелые тучи, едва не задевая верхушки мачт, низко проносились над кораблем.

Холодные капли влаги попадали за воротник матросов, прибиравших палубу, крупными алмазами украшали натянутые снасти и упругие на ветру паруса.

Промозглая сырость пронизывала до костей тех, кто не мог погреться у очага, жарко пылавшего на корабельной кухне, или закутаться в шерстяные одеяла в собственной подвесной койке под палубой.

Карстен Роде, подперев голову огромными кулаками, задумавшись, сидел в своей каюте. Ему было тепло от медной жаровни с раскалившимися кусками древесного угля. Капитана тревожили опасения: правильно ли он сделал, пустившись на единственном корабле в опасное корсарское плавание. Он надеялся на свое везение, на свою счастливую звезду. Но ведь недавно он потерял все свое имущество и сам едва остался жив! И все же Карстен Роде твердо решил при первом удобном случае напасть на купцов, торгующих с городом Данцигом. Но больше всего ему хотелось сразиться с корсарскими кораблями польского короля Сигизмунда, отомстить за свое разорение, раны и многотрудную жизнь на чужбине.

«Я должен в бою вернуть свои деньги, отнять их у разбойников, — убеждал он себя. — Тогда я смогу снова честным человеком показаться в Копенгагене и уплатить свои долги. Царская грамота позволяет мне нападать на тех, кто мешает русской торговле и помогает королю Сигизмунду».

Карстен Роде стал обдумывать всякие способы, с помощью которых он намеревался, обладая всего одним кораблем, захватить в плен несколько купеческих судов. Три купца... Карстен Роде видел перед собой эти купеческие корабли так явственно, будто они существовали на самом деле. «Нет, я не побоялся бы напасть на них. О-о, только бы они не сбежали!»

Рано утром «Веселая невеста» миновала песчаный, низменный мыс Хель и, обогнув его, вошла в закрытую от всех ветров обширную бухту. Зыбь утихла, словно по приказу морского царя. Карстен Роде решил отстаиваться в спокойных водах. На «Веселой невесте» убрали паруса и отдали якорь.

День был воскресный, матросы после тяжелой и бессонной ночи валились с ног от усталости. Капитан освободил всех от работы, и «Веселая невеста» превратилась в сонное царство. Только дозорные из бочек, на самых верхушках мачт, прилежно всматривались в пустынный горизонт. Прошел день, ночь, еще день и еще ночь. Море было пустынно по-прежнему. Несколько рыбацких лодок, промышлявших сетями рыбу, в счет не шли. Снова наступил день. По-прежнему низкое серое небо лежало над морем и дул пропитанный влагой ветер.

Неожиданно с передней мачты раздалось:

— Парус на юге! Еще парус!

Карстен Роде услышал крик дозорного и выбежал на палубу без сапог, в одной рубашке.

— Еще парус на юге! — услышал он голос с мачты.

— Сколько же ты видишь парусов? — закинув голову, спросил капитан.

— Вижу три корабля, господин капитан!

У Роде ёкнуло сердце. Мечты его сбывались.

— Все на палубу! — рявкнул он. — На паруса и на якорь! — А сам бросился в каюту одеваться.

Ударил колокол, призвавший команду. По вантам побежали матросы. Пушечные мастера и их помощники готовили пушки к бою. «Веселая невеста», поскрипывая блоками, быстро покрывалась парусами.

Корабли, видневшиеся на юге, приближались.

Карстен Роде вышел на ют в ботфортах и в короткой куртке из кожи лося. За поясом виднелись два пистолета и боевой топор на короткой ручке. На голове красовалась черная шляпа с большим пером.

— Слушай, Ганс, и ты, Степан! — весело сказал он. — Клянусь мессой, мы пойдем им навстречу и начнем бой... Мы должны победить!

— Согласен, — сказал Ганс.

— И я тоже, — поддакнул Степан. — Но пока, господин капитан, не видно, кому принадлежат корабли.

— Это все равно! — отрезал Карстен Роде. — Раз они оказались возле Данцига, значит, наши враги.

«Веселая невеста», быстро набирая ход, понеслась навстречу своей судьбе.

— Я вижу на кораблях флаг торгового города Данцига. Они следуют друг за другом.

Суровое лицо капитана осветилось улыбкой.

— Удача... Эй, рулевой, корабли оставим вправо! Готовы ли пушки, Ганс?

— Пушки готовы.

— Убавить паруса, Степан, иначе мы не успеем зарядить пушки после залпа.

Пушки «Веселой невесты» были небольшие, и на перезарядку каждой шло пятнадцать минут. Пушки крупного калибра могли выстрелить не более двух раз в час. На корабле убавили наполовину паруса, ход сразу замедлился. Люди замерли в ожидании. Пушки грозно глядели сквозь прорезанные в бортах квадратные порты⁶⁷.

Карстен Роде, чтобы лучше видеть, поднялся на рейс⁶⁸ передней мачты.

— Правый борт, огонь! — прогремел его голос, когда данцигский корабль оказался против борта «Веселой невесты».

Раздался оглушительный залп из шести пушек правого борта. Картечь в клочья разодрала главные паруса купеческого корабля. Он сразу остановился, и его стало заносить бортом к ветру.

— Право на борт! — снова послышалась команда капитана.

«Веселая невеста» послушно повернула вправо и прошла под самым носом у второго парусника.

— Лево руля, бери лево! — командовал капитан. — Левый борт, огонь! Правый — заряжай пушки!

Загремели пушки левого борта. Картечь ударила по натянутой парусине второго данцигского корабля. Снова от парусов полетели клочья. Корабль остановился.

— Молодец наш капитан, — сказал Дитрихсен Степану, — из всякого положения найдет выход. Третье судно он возьмет на абордаж, вот посмотришь.

Словно в подтверждение его слов с мачты раздалась новая команда:

— На абордаж!

«Веселая невеста» приблизилась к борту третьего данцигского корабля. Висевшие на реях корсары с устрашающими криками стали прыгать на палубу купца. Раздались ружейные выстрелы.

Ганс Дитрихсен, ворвавшись в каюту капитана «Быстрокрылой чайки», нашел его в шкафу помертвевшим от страха. Ухватив капитана за шиворот, он выволок его на палубу. На юте были убиты штурман и рулевой. Всех остальных Дитрихсен загнал в носовой кубрик и забил снаружи дверь. Штурман Генрих Шульце и два матроса корсарского корабля остались сторожить парусник.

Тем временем «Веселая невеста», освободив свои запутавшиеся снасти от снастей «Быстрокрылой чайки», медленно стала подходить к дрейфовавшему с разорванными парусами данцигскому кораблю «Золотая овца». Его капитан вместе со штурманом и тремя матросами успели спустить небольшую лодку и сейчас гребли изо всех сил к синевшему невдалеке берегу. Так же поступил капитан «Центавра», третьего данцигского корабля.

— Их можно вернуть, — сказал Степан Гурьев.

Карстен Роде махнул рукой:

— Пусть уходят, это только к лучшему. Меньше греха перед всевышним.

Оставшиеся матросы «Золотой овцы» собрались на палубе и, подняв руки, молили о пощаде. Они обещали верно служить корсару.

Карстен Роде оставил здесь опытного штурмана Нильса Гейдрихсена и трех своих матросов. «Золотая овца», трехмачтовый большой корабль, понравилась капитану. Он измерил шагами палубу: длины в нем было от кормы до носа шестьдесят шагов, а между бортами — пятнадцать.

— Ставьте запасные паруса и следуйте за мной! — сказал Карстен Роде. — А вам, друзья, клянусь мессой, я дарю жизнь... — подошел он к кучке перепуганных матросов. — Помогите моим людям управиться с парусами.

Матросы с радостью согласились.

На «Центавре» Карстен Роде оставил Тевса Бартольцена и трех своих матросов. И на этом судне матросы просили пощады и обещали верно служить победителю.

Через два часа три данцигских корабля медленно двигались следом за «Веселой невестой». Разорванные паруса были починены или заменены новыми.

— Ну, Степан, — сказал Карстен Роде, — ты теперь и штурман и мой помощник.

— Очень рад, капитан... Могу я знать, куда мы идем?

— В маленькую бухточку на восточном берегу Борнхольма. Там достаточно места для четырех кораблей... А скажи, Степан, как твои успехи в морском деле? Понял ли ты, как управлять нашими кораблями?

— Отчасти понял, господин капитан. Однако еще многому надо учиться.

Карстену Роде всегда везло в сложном штурманском деле. А в этом рейсе даже ветры благоприятствовали ему. Ровно через сутки показался южный мыс Борнхольма. Он был низменным и песчаным. Капитан вел свое судно близко от берега, желая уверенно опознать место. Проплыли мимо береговые склоны, поросшие травой, за ними виднелся хвойный лес, возвышались одетые кустарником белые дюны.

От южного мыса капитан изменил курс, и деревянный морской бог в золотой короне, поддерживающий спиной тяжелый бушприт корабля, устремил свой взор на северо-восток. Этот курс вел вдоль берега. Кое-где на берегу, сначала низменном, а дальше к северу — скалистом, стояли домики, казавшиеся игрушечными. Корабль прошел приметную ветряную мельницу, выкрашенную меловой краской... Постепенно перед глазами вырос крутой скалистый мыс. За этим мысом капитан повернул на северо-запад.

Время шло, Степан Гурьев не сходил с высокой кормовой надстройки. Он внимательно следил за берегом и делал отметки в своей книге.

— Смотри, Степан, на тот мыс, — показал Карстен Роде на высокую оконечность гранитного полуострова. — Чуть левее наша бухта. Видишь ли ты проход в эту бухту?

Степан Гурьев долго всматривался в огромные валуны и скалы, громоздившиеся у подножия мыса.

— Господин капитан, я не вижу прохода левее скалы.

— И не увидишь, мой друг, клянусь мессой, — засмеялся Карстен Роде. — Мало кто знает, как провести сюда корабль. У меня дрожали колени, когда я первый раз шел в этих местах.

Степан Гурьев удвоил внимание. Зрение у него было отличное. Он силился увидеть среди скал что-нибудь похожее на свободный проход, но тщетно.

Роде убавил паруса и поднял сигнал на конце реи: деревянный конус, выкрашенный в черный цвет.

На трех кораблях, идущих вслед «Веселой невесте», убрали половину парусов.

— Пусть подождут, — пробурчал Карстен Роде, не отрывая взгляда от берега. — Смотри внимательней, Степан, запоминай все, что я делаю. Остальные корабли поведешь ты. — Он помолчал. — Видишь красное пятно на той скале?

— Вижу, господин капитан.

— А сосну с высохшей вершиной?

— Вижу.

— Когда вершина сосны найдет на красное пятно, поворачивай прямо на нее и держи так, чтобы сосна не сходила с красного пятна. Вот так, видишь?

— Сосна на камне, господин капитан.

— Держи на сосну, — обернулся Роде к рулевому.

Нос корабля послушно повернулся на два румба. Шли прямо на камни. И справа, и слева, и впереди торчали из-под воды серые валуны.

Степан Гурьев с трудом рассмотрел темневший впереди узкий проход между камнями. «Разве здесь пройдет наш корабль?» — подумал он с испугом.

Но корабль благополучно прошел между огромными валунами, казавшимися спинами чудовищных животных. В прозрачной воде справа и слева виднелись подводные камни, покрытые водорослями.

Перед глазами изумленного Степана открылась просторная бухта. На самом берегу виднелись два длинных сарая, пристань и небольшой дом с черепичной крышей.

Карстен Роде поставил корабль на якорь совсем близко от берега. Глубины здесь были хорошие. От пристани отошла лодка с двумя гребцами. С кормы «Веселой невесты» подали на лодку канат, и гребцы привязали его за вкопанный в берег дубовый столб.

— Сможешь провести сюда остальные корабли?

— Смогу, господин капитан, — уверенно ответил Степан Гурьев.

— Я очень рад, Степан. Садись на лодку, это наши люди, они отвезут тебя на рейд. Не забудь: сосна должна прийти точно на середину красного пятна.

К вечеру четыре корсарских корабля стояли в укромной бухте. С моря трудно заметить их тонкие мачты, затерявшиеся среди соснового леса, спускавшегося с холмов почти к самому берегу.

Степан Гурьев выполнил порученное ему дело и со спокойной совестью похрапывал на своей койке.

Перед тем как приступить к выгрузке грузов с захваченных кораблей, Карстен Роде решил поговорить с матросами. Он собрал их на палубе «Веселой невесты» и рассказал, на чьей

стороне он воюет и против кого.

Заканчивая речь, он предложил всем желающим поступить к нему на службу.

— А кто не хочет, неволить не буду. Высажу на берег и ступайте кто куда знает. Вон он, берег, рядом. Однако подумайте. Не выпустите из рук выгодное дело... У меня на службе, клянусь мессой, через год каждый сможет купить себе корабль такой, как этот, — стукнул Карстен Роде ногой в палубу своего корабля. — Что у вас в трюмах? — спросил он матросов «Золотой овцы».

— Воск и выделанные воловьи и бараньи кожи.

— Отлично... А на «Центавре»?

— Пшеница в зерне и воск.

— Тоже неплохо. А у вас на «Быстрокрылой чайке»?

— Пшеничное зерно в мешках.

— Я продам этот груз, себе беру четверть от всех вырученных денег, остальное делю между вами... И так будет впредь.

— Игра стоит свеч! — раздался чей-то голос. — Кто как хочет, а я прошу капитана взять меня на службу.

— И я прошу!

— И я!

— Возьмите меня, капитан!

Когда Карстен Роде подвел итог, оказалось, что на берег просился только один человек — матрос с «Быстрокрылой чайки».

— У меня большая семья, — сказал он, — недавно родился одиннадцатый мальчик, и ради моих сыновей я не имею права рисковать жизнью.

Несколько товарищей подтвердили слова чадолюбивого матроса.

Наказной капитан обещал отправить его в город Рёне. Остальные матросы торжественно обещали верность русскому царю Ивану Васильевичу. Его флаг, черный орел на зеленом поле, всем понравился.

Карстен Роде немедленно послал гонца к наместнику Шведеру Кеттингу, предупреждая о своем прибытии на остров и с просьбой приготовить пушки и боевой припас.

Время шло незаметно. Груз давно лежал на берегу в длинных сараях. Компаньон наместника, любекский горожанин Мац Рейнгольт, приехавший в бухту, не торгуясь, купил весь груз. Карстен Роде, как обещал, разделил все вырученные деньги между матросами. Свою долю он истратил на пушки и на всякое морское снаряжение.

Предстояла большая работа: в самый короткий срок превратить купеческие суда в боевые корабли, вооружив их пушками, снабдить всем необходимым.

Вскоре, обогнув остров Борнхольм с севера, корабли вошли в гавань, расположенную к западу от северной оконечности острова, с гранитными берегами, поросшую хвойным лесом и кустарником.

При заходе в гавань Степан Гурьев долго рассматривал крепость Хамерсхус, недавно заново отстроенную борнхольмским наместником. Крепость стояла на скалистой вершине. Квадратные башни с бойницами и высокие стены выглядели неприступными. Датский король Фредерик II был недоволен, узнав о восстановлении борнхольмской твердыни наместником. Это показалось королю подозрительным. Он перестал сноситься с любекским советом и, не обращая внимания на протесты, издал ряд законов, уничтожавших распоряжения наместника. Просьбу города Любека продлить срок владения островом еще на пятьдесят лет король Фредерик отклонил.

Степан Гурьев, конечно, ничего не знал о мыслях датского короля. А крепость Хамерсхус ему понравилась.

Русскому мореходу по душе пришлось служба под командой смелого, грамотного капитана. Однако часто тоска сжимала ему грудь. Детей своих и жену он не мог забыть. Иногда Степану думалось, что Анфиса жива и дожидается его. И тогда ему хотелось бросить все и очутиться на родине, в деревне Федоровке...

Целый месяц пробыли в северной гавани корабли Карстена Роде. Из крепости Хамерсхус привезли пушки, порох, картечь и ядра. Под руководством опытных мастеров матросы крепили пушки, укладывали боевые припасы... Боцманы наливали бочки пресной водой из речки, закупоривали их и укладывали в самый низ трюма. Из новой парусины сшили два полных набора парусов — один вместо изодранных картечью, другой в запас.

Борнхольмский наместник господин Шведер Кеттинг за несколько дней до отхода сам прискакал в северную бухту. Его сопровождали десятка два вооруженных всадников.

В каюте «Золотой овцы» между наместником и капитаном с глазу на глаз произошел тайный разговор большой важности. Друзья распили пинту крепкой английской водки и съели заднюю ногу крупного барана.

— Дорогой Христиан, — прощаясь, говорил наместник, — не забудь условия, на которых любекский рат решил тебя поддерживать. В Нарве сейчас находятся сто тридцать купеческих судов. Корабли Сигизмунда и шведы, желая на них напасть, держатся в фарватере. Я дал знать в Любек и датчанам: они должны освободить закрытые в Нарве суда. Мы просим и тебя, славного капитана, как можно скорее прийти на выручку. Мы поддерживаем русского царя. Надо пустить московитов к морю, это только справедливо. Действия русского царя полезны всем нам, а то, что делает Сигизмунд, полезно только ему. Любекский рат верит, что ты сумеешь открыть город Нарву. А мы всегда продадим тебе на Борнхольме необходимое вооружение и припасы и купим по самой высокой цене твою добычу. Матросов я пришлю завтра, это проще всего.

— Я уничтожу всех королевских корсаров, клянусь мессой, можешь мне верить. У меня с ними личные счета. Передай мои слова любекскому совету.

Наконец настал день, когда все было готово к отплытию. По просьбе матросов Карстен Роде пригласил аббата из замка отслужить на корабле молебен.

Своим главным кораблем Карстен Роде сделал «Золотую овцу», большое трехмачтовое судно из Данцига. Этот парусник был построен крепко, а главное, хорошо управлялся и обладал самым быстрым ходом.

1 августа, как было условлено, корабли Карстена Роде крейсировали в двадцати милях от южной оконечности острова Борнхольм.

Со всех мачт матросы, не отрывая глаз, наблюдали за горизонтом. На фок-мачтах адмирал велел поднять по две корзины, одну над другой.

Около полудня с крепостницы на передней мачте «Золотой овцы» раздался возглас:

— Паруса на востоке!

Острый глаз Степана Гурьева различил на мачтах показавшихся кораблей две темные точки. Там тоже висели корзины — это шли свои. Раздалось три условных выстрела.

Когда нарвские корабли приблизились, Карстен Роде приказал всем капитанам явиться к нему на «Золотую овцу». В своей просторной каюте датчанин радостно обнял старых друзей.

Дементий Денежкин, капитан «Царицы Анастасии», не узнал своего друга Степана Гурьева. На нем была короткая суконная куртка с кружевами, стянутая кожаным поясом. За поясом торчал длинный нож. На ногах поблескивали новой кожей широкие ботфорты.

Друзья обнялись и долго похлопывали друг друга по плечам.

— На наших кораблях, — шепнул другу Степан, словно извиняясь, — такие матросы, что без оружия нельзя быть и часу. Головорезы со всей Европы!

Клаус Тодде доложил, как снаряжались в селе Наровском, как он набирал команду, как держались новые корабли в море под парусами.

— Русский царь два раза присылал узнать, как идут дела, — говорил он. — По его приказу из Холмогор прислали тридцать матросов, остальных я нашел в Нарве... На «Царице Анастасии» у капитана Денежкина служит штурманом твой знакомый, Федор Рыжиков из приморской крепости.

Карстен Роде удивленно поднял брови:

— Федор Рыжиков? Не помню.

— Он говорил, что встречался с тобой два года назад на данцигском корабле... ты был ранен. Он провел твое судно в гавань.

— А-а, начальник морской стражи?

— Да, начальник морской стражи. Он очень хороший моряк.

— Что ж, очень рад, клянусь мессой!

— Федор Рыжиков высказал очень интересную мысль, и я с ним согласен.

— Расскажи!

— Он предложил всем нашим кораблям идти от Борнхольма к датским проливам вместе с английскими купцами. Они идут следом за нами. И если корсары польского короля нападут на купцов, мы вступим с ними в бой. Это будет неожиданно и...

— Сколько английских кораблей вышло из Нарвы?

— Четыре. Они придут завтра к вечеру.

— Вместе с нами будет десять кораблей... — Карстен Роде задумался. — Что ж, в этом есть смысл! Королевские корсары пойдут на приманку и попадутся на крючок. Клянусь мессой! У Федора Рыжикова хорошая голова. Пожалуй, мы так и сделаем. А ваше мнение, друзья?

Капитаны согласились с предложением Рыжикова. План был принят, и началось обсуждение всех подробностей. К вечеру совет закончился. Карстен Роде угостил отличным ужином и

хорошим вином.

Под дружескую беседу было выпито четыре малых бочонка по шесть пинт сухого испанского вина.

Неожиданно Карстен Роде назначил капитаном на «Веселую невесту» Степана Гурьева. Он сказал:

— Я уверен в тебе. Ты отлично умеешь управлять кораблем в бою. Ты будешь держаться возле меня и, если нужно, поможешь.

В полночь капитаны разъехались. На «Золотой овце» остался лишь Клаус Тоде, совсем захмелевший и не стоявший на ногах.

Английских купцов ждали вечером следующего дня. Однако получилось не совсем так, как предполагалось. Рано утром, еще не взошло солнце, на горизонте показались чужие корабли. Они шли с востока. Тревожно зазвонили сигнальные колокола на «Золотой овце». Матросы всех кораблей оставили теплые гнездышки на койках и с оружием выбежали на палубы.

Пушечные мастера бросились к пушкам.

— Корабли пройдут немного южнее нашего места, господин капитан, — доложил с мачты дозорный.

— Но кто это? Может быть, шведы?

Встреча со шведами не сулила корсарам царя Ивана ничего хорошего.

— Сколько их? — снова спросил Карстен Роде.

— Пока я вижу три корабля!

Пошатываясь, подошел Клаус Тоде. Хмель не совсем выветрился из его головы.

— На одном из английских кораблей паруса красные, — сказал он. — Я хорошо помню.

Никто не ответил. Медленно сыпался песок в большой склянке. Карстен Роде перевернул песочные часы — прошло полчаса. «Золотая овца» плавно покачивалась на зыби. Мачты слегка поскрипывали, где-то внизу стучала плохо прикрытая дверь.

— Ясно вижу четыре корабля, господин капитан, — доложил дозорный. — На втором — красные паруса.

Приказной царский капитан облегченно вздохнул.

— На юго-юго-востоке видны паруса, — послышался голос второго дозорного, — много парусов!

Это было неожиданно. Корсаров ждали позже.

— Враги, клянусь мессой, — нахмутив брови, произнес Карстен Роде. — Сегодня у нас будет жаркий день. Будем надеяться на пречистую богородицу.

Английские купцы прошли в двух милях южнее дрейфовавших кораблей Карстена Роде и продолжали упрямо двигаться тем же курсом.

— Если королевские корсары и англичане будут идти и дальше так же, как идут сейчас, они встретятся меньше чем через три часа, — сказал штурман.

Карстен Роде кивнул головой.

— Через час мы поднимем паруса и рванем вслед за англичанами, — сказал он, подумав.

Как только на мачте «Золотой овцы» появился черный шар, на всех кораблях поставили паруса и двинулись вслед за своим адмиралом.

Погода хмурилась. В небе появились серые лохматые облака. Зыбь сделалась крупнее, ветер усилился и стал насвистывать в снастях. Заморосил мелкий дождь.

Ровно в полдень корабли королевских корсаров сошлись с англичанами на близкое расстояние. Прогремел выстрел с большого корабля под гербом Ягеллонов. Он послужил сигналом к началу боя для всех корсарских кораблей. На англичан посыпались ядра, корсары не жалели пороха. Корабли окутались клубами черного ядовитого дыма.

Степан Гурьев записал в свою книгу, что и англичане изредка отвечали пушечными выстрелами...

Пороховой дым и жажда наживы застилала глаза королевским корсарам. Они не заметили приближения кораблей наказного царского капитана. Русский корсар подоспел как раз вовремя. Корабли польского короля изрядно потрепали англичан: на двух кораблях оказались разбитыми мачты и они вместе с парусами и спутавшимися снастями рухнули на палубу; а еще на двух паруса были разорваны картечью, и ветер раздувал обрывки парусины. Английские купцы, привыкшие силой навязывать на всех морях свою торговлю, яростно защищались.

Приближалась развязка. После пушечного обстрела передовой и самый крупный корабль королевских корсаров «Корона» пошел на сближение с английским. Готовые к abordажу матросы висели на реях и на вантах, норовя спрыгнуть на палубу противника, и стреляли из ружей... Англичане готовились вступить в рукопашную, однако надежды на спасение у них было мало.

Неожиданно на корме главного корабля королевских корсаров увидели чужой бушприт с блестящей под ним золотой овцой. Корабль Карстена Роде с ходу врезался в борт «Короны», затрещал крепкий корпус, вздрогнули мачты. Несколько человек, не удержавшись на вантах, с воплями упали в воду...

— Вода в трюме! — раздался истошный голос.

— К насосам, к насосам! — кричали на королевском корабле.

Четыре десятка вооруженных людей наказного капитана спрыгнули на палубу «Короны».

— Московиты! — кричали королевские корсары. — Черный орел на флагах!

— Московиты!..

Огромный корабль «Корона» медленно подносило к борту английского купца. Англичане, ободренные помощью, потрясая оружием, дружно бросились на палубу корсара, а другие метали во врагов с мачт своего корабля короткие копья.

Через полчаса «Корона» оказалась в руках царского капитана Карстена Роде. Потоки крови растекались по палубе. Многие матросы были убиты или сброшены в море. Молили о пощаде раненые. Умер от страха толстый католический священник.

Трехмачтовый корабль «Царица Анастасия», где капитаном был Денежкин, а штурманом Федор Рыжиков, подошел к высокобортному корсару «Доминиканец». Денежкин поставил

свой корабль за кормой неприятельского и, держась возле него в разных положениях, вел пушечную стрельбу.

Отец Феодор, подоткнув за ремень полы черной рясы, возился возле носовой пушки. Он заменил раненого пушкаря и отлично вел стрельбу.

Корма на «Доминиканце» скоро оказалась разрушенной тяжелыми ядрами «Царицы Анастасии». Потеряв управление, королевский корабль стал бортом против ветра. Паруса заполоскали. Ветер, не надувая парусов, рвал их и бил о мачты. От ядер, обмазанных горючей смесью, на «Доминиканце» возник пожар. Пушки, заряженные ядрами и брошенные матросами, разогревшись, стреляли сами собой куда ни попало... Пожар, раздуваемый ветром, разгорался все больше и больше. Люди, обезумев от страха, бросались в воду.

И остальные корабли Карстена Роде ударили по королевским корсарам. Бой длился еще два часа. Гремели пушки, раздавались яростные крики озверевших людей, бросавшихся друг на друга. Вопили раненые.

Несколько ядер попало в «Веселую невесту». Одно из них расщепило кормовой поручень, обломки полетели в разные стороны. Куском дерева зацепило Степана Гурьева, стрелявшего из пушки вместо убитого пушечного мастера. Левая рука его покрылась кровью. Перевязав рану, капитан продолжал командовать боем. Другим ядром проломило борт, появилась течь...

Со всех сторон слышались громкие команды капитанов, их отборная ругань.

Бой кончился. Семь кораблей королевских корсаров сдались в плен. Поднявшийся ветер осложнил дело. Раскачиваясь на вдруг возникшей зыби, корабли бились друг о друга бортами. С северо-запада напал туман со слякотью.

Капитаны Карстена Роде оказались отличными мореходами. Они быстро привели в порядок свои корабли. Исправили повреждения и на плененных судах.

Всех оставшихся в живых королевских корсаров согнали на один из взятых в плен кораблей, закрыли в трюм и поставили охрану.

Тех, кто попал в воду и не утонул, люди Карстена Роде и английские купцы выловили и оказали им помощь.

После удачного боя корабли наказного капитана снова вошли в бухту на острове Борнхольм, и мореходы под охраной пушек крепости Хамерсхус отдыхали и готовились к предстоящему сражению.

Карстен Роде собирался снова выйти в море в первый вторник сентября.

Глава двадцать пятая. «ДОРОГА МОРСКАЯ — БОЖЬЯ, НИКТО ЕЕ ЗАСТУПИТЬ НЕ МОЖЕТ»

Быстро прошли недели спокойной стоянки в тихой бухте острова Борнхольм. Корабли в порядке. Команды отдохнули, настало время выполнить обещание, данное городу Любеку, прорвать заслон вражеских кораблей у Нарвы.

Над морем начинался рассвет. Звезды побледнели, на востоке возникла ярко-желтая полоса. Штурман, спустившись в каюту Степана Гурьева, тронул его за плечо..

— Я видел неприятельские корабли, господин капитан, — сказал он, — много, больше десятка.

Степан Гурьев окончательно проснулся, посмотрел на бледное небо за окном.

— Мы подходим к ним с наветра, — добавил штурман.

— Видны ли наши корабли?

— Позади, в полмиле, идет «Золотая овца», господин капитан.

— Хорошо, ступай на свое место, Шульц.

Натянув сапоги, накинув на плечи плащ, Степан поднялся на корму. Корабли противника держались в дрейфе против ветра длинной чередой, один за другим. Кормовые фонари не горели. Степан Гурьев прикинул расстояние: оставалось не больше двух верст. Море было спокойным, северо-западный ветер только рябил воду.

— Спустить лодку и держать за кормой на канате! — приказал Степан.

На этот раз «Веселой невесте» предназначалась почетная, но печальная участь. Подобравшись вплотную к адмиральскому кораблю, надо взорвать три десятка бочек пороха у себя в трюме. Таким способом Карстен Роде хотел обезглавить королевских корсаров, нагнать страху, а потом всеми силами напасть на них.

Прислонившись к мачте, Степан Гурьев задумался. Может быть, он живет сегодня последний день? Ради чего он умрет в далеком Варяжском море? Если бы его спросили об этом полгода назад, когда он не знал всей напряженности борьбы, ведущейся против Русской земли, он не смог бы ответить на этот вопрос. Но сейчас Степан Гурьев чувствовал, что умрет не даром. Ему вспомнилась Москва. Перед глазами встали кремлевские стены, цветные купола нового храма. «Мою родину хотят оторвать от моря, обескровить, — подумал он. — „Россия пересыщена своими товарами, — пришли в голову слова Аникея Строганова, — если не дать им выход в другие страны, она задохнется, товары ее задушат“. Да, с такими соседями жить — нельзя не огрызаться. Все они хотят поживиться за наш счет». Эти корабли, что черными тенями выстроились впереди, закрывают свободный путь к Нарве, путь к богатству и славе Русской земли. Корабли казались ему живыми чудовищами, о которых в детстве он много слышал сказок от матери. Он чувствовал себя богатырем, которому под силу отрубить головы крылатым драконам.

Снова Степан Гурьев с тоской вспомнил жену Анфису и вдруг мысленным взором увидел ее. Анфиса стояла рядом и улыбалась. «Я жива, милый, и жду тебя, — прошептала она, — помни, я жива». Степан протянул руки.

— Ты здесь, женка? Подожди...

Анфиса исчезла. Степан тяжело вздохнул.

На большом вражеском корабле, державшемся посередине, стал виден обвисший на мачте белый адмиральский флаг.

— Правь к большому трехмачтовому паруснику с высокой кормой, оставим его левее... Ого! Рядом с ним, совсем близко, еще один корабль.

Капитан оглянулся. Лодка давно спущена и тащится вслед. На корме около него собралась вся команда. Оставалось самое трудное и опасное.

«Веселая невеста», управляемая умелыми руками, легко прислонилась к королевскому

корсару. Матросы прицепили к его борту веревки с крючками на конце, надежно закрепили их у железных стоек на своей палубе и бросились к лодке.

Сотрясение при подходе «Веселой невесты», хотя и легкое, не осталось незамеченным. На адмиральском корабле показались люди, послышалась команда, тревожно зазвонил колокол, с мачты раздался рев сигнального рога...

В лодку сошла вся команда «Веселой невесты», кроме двоих.

Степан Гурьев, оставив боцмана Твердякова у веревочной лестницы, побежал в пороховой трюм, прихватив медную жаровню с раскаленными углями. В трюме все было готово к действию, тяжелая дверь, окованная железом, всегда строго охранявшаяся, открыта, от нее к бочкам тянулись две дорожки зернистого пороха. У трех бочек выбиты крышки. Капитан Гурьев проверил, не рассыпались ли пороховые дорожки от сотрясения, и положил на них красные угли. Порох задымился, синие огоньки пламени быстро поползли к бочкам. Капитан, не теряя времени, выбежал на палубу. Вместе с боцманом они спустились в лодку, перерезали ножами канат, гребцы рванули весла, и лодка помчалась прочь от обреченного корабля.

Прогремел взрыв. Из трюма «Веселой невесты» вырвался огненный столб, корабль подпрыгнул и развалился на две части. Его мачты с горящими парусами с шумом свалились на вражеский корабль, загрозив его палубу, а сотни обломков взлетели в воздух. Степан Гурьев широко перекрестился, прощаясь с «Веселой невестой».

На адмиральском корабле начался пожар.

Королевские корсары открыли беспорядочную стрельбу по приближавшимся кораблям Карстена Роде. Много ядер упало в воду, не долетев до цели. Пушки стреляли всего на двести шагов.

Степана Гурьева и его людей подобрали на головной корабль. В то время как они поднимались на палубу, на передней мачте «Золотой овцы» появился красный флаг, обозначавший начало сражения. Загремели орудия. Корабли Карстена Роде, стреляя из пушек левого борта, нанесли немалый урон королевским корсарам. Многие паруса были порваны, мачты сломаны, продырявлены борта. Сбитые картечью люди, как птицы, падали с мачт. На кораблях возникли пожары. Черными клубами дыма заволокло королевских корсаров. Среди дыма и огня они с трудом различали друг друга.

На этот раз царский капитан хотел уничтожить корабли врага, а не брать их в плен: он опасался неожиданного появления шведов, отличных моряков, обладавших могучим флотом.

Не переставая гремели пушки. Королевские корсары упорно сопротивлялись, несмотря на потерю адмиральского корабля. Загорелся и вскоре пошел ко дну «Доминиканец», сражавшийся под флагом русского царя. Ядра пробили в борту несколько больших дыр. И «Золотая овца» получила большую пробоину. Команда, откачивая насосами, с трудом держала воду в трюмах на уровне двенадцати дюймов. Корабль накренился на правый борт, однако продолжал вести непрерывный огонь из пушек. Пушки перед боем разожгли угли в жаровнях. В них калились железные пруты. После каждого выстрела пушки раскрепляли, сдвигали внутрь корабля и снова заряжали. В дуло деревянным совком насыпали порох, закладывали пыжи из пакли, а на пыжи вкатывали железное ядро весом двадцать фунтов.

Затем пушки снова выдвигали из бортового отверстия наружу и крепко привязывали веревками.

Получив команду стрелять, пушкарь поджигал раскаленным докрасна железным прутком

порох, насыпанный в углубление казенной части пушки, порох загорался и через небольшую дырку в стволе поджигал заряд.

Один за другим выходили из строя корабли короля Сигизмунда. Без парусов они не могли ни изменить своего положения, ни уйти из-под обстрела и представляли собой неподвижные мишени. Спасаясь от гибели, матросы бросались в море и плавали, ухватившись за деревянные обломки.

Очень хорошо показали себя построенные в селе Наровском корабли «Варяжское море» и «Царица Анастасия». Русские мастера, посланные из Москвы царем Иваном, отлили пушки, стрелявшие дальше, чем другие. А русские пушкари, приносившие, били из них без промаха. Особенно отличились пушкари на «Царице Анастасии» и среди них отец Феодор. У них меньше, чем у других, уходило времени на зарядку. Один залп они дали из спаренных пушек, стрелявших двумя ядрами, скованными между собой железной цепью. Такое приспособление быстро приводило в негодность паруса и снасти вражеских кораблей. Все пушки тоже заряжались с дула, но русские мастера научились отливать прочные стволы вместе с камерой и глухим дном и стали делать порох в зернах вместо неудобной мякоти, прилипавшей на стенки в пушечном канале.

На четвертом часу боя только три корабля королевского флота из семнадцати оставались на плаву и продолжали бой, остальные или сгорели, или были затоплены. Оставшиеся корабли представляли жалкое зрелище.

Вскоре затонул еще один корабль русских корсаров «Нептун», а всего царский капитан потерял в бою два корабля.

Неожиданно усилившийся ветер, поднявший изрядную зыбь, прекратил сражение. Спущенные по приказанию Карстена Роде лодки подобрали плавающих в море моряков и перевезли на свои корабли.

После победы Карстен Роде не стал задерживаться на месте сражения. Прихватив один вражеский корабль, вода в трюмах которого поддавалась откачке, он направился к острову Борнхольм.

— Чем гуще туман, чем хуже погода, тем лучше для нас, — говорил он, радостно потирая руки.

Четыре корабля, и в том числе «Золотую овцу», он поставил в своей любимой бухте на восточном берегу острова, а остальные, которым там не хватало места, спрятались от штормового ветра и крупной зыби под юго-западным берегом.

Сильный ветер бушевал вот уже скоро неделю, и даже в укромную бухточку доходили отголоски волнения. В капитанской каюте тепло. Карстен Роде сидел у растопленного камелька и с наслаждением пил пиво из огромной глиняной кружки. Ноги его в войлочных туфлях покоились на шкуре бурого медведя.

Степан Гурьев сидел напротив и тоже пил пиво. Сегодня он последний день на корабле. Завтра Степан повезет грамоту царю Ивану — отчет наказного капитана и маленькую записку к герцогу Магнусу. В Рёне он едет верхом. Оттуда на попутном судне надеется попасть в Аренсбург на острове Эзеле. А уж из Аренсбурга нетрудно добраться к границам Московского царства.

— После победы над семнадцатью кораблями короля Сигизмунда я могу с полным правом называться адмиралом, — прихлебывая пиво, говорил Карстен Роде.

— Да, господин адмирал, это так.

— Если тебе удастся встретиться с его царским величеством, ты ему расскажи об этом. Я хочу, чтобы сам царь назвал меня адмиралом. Сейчас я в чине дородного капитана, но заслужил большего. Всякий другой правитель, не задумываясь, назвал бы меня адмиралом. Теперь с моими кораблями мне в Восточном море страшны только одни шведы. Но если бы я получил десяток таких кораблей, как «Царица Анастасия», с русскими матросами и пушками, я не побоялся бы и шведов. Я вызвал бы на бой самого адмирала Гона.

— Я верю вам, господин адмирал.

Район действий Каперской флотилии Карстена Роде.

— Я написал его величеству всю правду. Если он хочет свободу морскому пути, ему необходим флот, такой, как, скажем, у Дании или Швеции. А иметь флот без хорошей гавани невозможно. Нарва в счет не идет. Вход в реку очень мелок и ненадежен, надо ждать благоприятного ветра. Царь должен завоевать хорошую гавань. Ты понимаешь, в закрытой гавани, защищенной пушками, я спокойно могу укрыться от шторма и от превосходящих сил врага. Могу пополнить свои запасы продовольствием, порохом и ядрами, поставить новые пушки, починить корабли. Я могу сделать все, что требуется флоту... Конечно, обладать хорошей гаванью — это еще не все, — продолжал Карстен Роде. — Возьмем корсаров короля Сигизмунда: они обладают превосходной гаванью — Данцигом. Но король не может заставить данцигских горожан помогать себе... О-о, если бы Ревель принадлежал его величеству, я, адмирал Карстен Роде, утверждаю, что через десять лет он обладал бы самым сильным в Европе флотом! Я знаю теперь, — датчанин встал от возбуждения и стукнул себя кулаком в грудь, — русских людей, знаю русские пушки, знаю русских матросов и умение ваших людей строить корабли. Пусть он мне даст гавань Ревель, я покажу, как надо воевать на море...

Карстен Роде сел и снова отхлебнул пива.

— Вот, скажем, ты, Степан. Ты отличный штурман. Знаешь, как пользоваться астролябией⁷⁰, знаешь компас и карту. И все это ты постиг за короткий срок.

— Многое я получил от вас, господин адмирал.

— Я знаю, некоторые люди рождаются моряками, других ничему не научишь, хоть разбейся в лепешку. Не всякого научишь малевать или вырезать деревянные статуи. Я пью пиво за здоровье русских моряков! А тебе, Степан, я хочу сказать еще одну вещь: пушки нужны не только для завязки боя, как думают некоторые, а дальше, дескать, судьбу сражения должен решать абордаж. Нет, по-моему, если многочисленных солдат, необходимых для абордажа, и продовольствие, которое они сжирают во время плавания, заменить хорошими пушками, ядра сделают дело самым лучшим образом.

В этот вечер Карстен Роде долго разговаривал со Степаном Гурьевым о морских делах, словно чувствуя, что они никогда не увидятся.

Адмирал хотел как можно больше передать своему любимому ученику из того, что он знал сам.

Утром Степан Гурьев уехал в город Рёне.

А следующие дни принесли дурные вести. В полдень 22 сентября к борту «Золотой овцы» прискакал гонец от борнхольмского наместника Шведера Кеттинга.

— Господин адмирал, — сказал гонец, очутившись в каюте датчанина, — ваши корабли близ Рёне на глазах у горожан были взяты в плен шведским адмиралом Горном.

— Не верю! — вскочил с кресла Карстен Роде.

— Так произошло. Шведы напали внезапно, и ваши капитаны не успели скрыться.

— Сколько было кораблей у шведов?

— Двенадцать.

— Ты говоришь, что все мои корабли сдались?

— Да, кроме одного. Кроме «Царицы Анастасии». У самого берега этот корабль успел вывернуться и ускользнуть между пальцев у шведов.

— Молодец капитан Дементий Денежкин! — Карстен Роде радостно засмеялся.

— Господин адмирал, борнхольмский наместник советует немедленно уходить из этой бухты. Шведы собираются прихлопнуть вас здесь, как в мышеловке... Вы должны взять самое ценное из грузов на складе и уходить в Копенгаген, за остальное, что останется здесь, вам будет уплачено.

— Да, да, я так и сделаю. Передай Шведеру благодарность за предупреждение. — Адмирал ударил в ладоши, призывая дежурного матроса. — Мы начинаем сниматься. Первыми будут выходить они. — Карстен Роде кивнул на стоявшие в бухте корабли. — Тем временем я набью свои трюмы. Слава богу, у меня на борту хватит места... О-о, если бы у меня был Ревель!..

...Степан Гурьев три дня прожил в городе Рёне, ожидая попутного судна. На четвертый день он узнал, что двухмачтовая пинка71 «Катерина» взяла полный груз пшеницы для города Аренсбурга-на-Эзеле. За небольшую сумму он столкнувался со шкипером и к вечеру переехал из гостиницы в маленькую каморку на корме «Катерины».

Утром 20 сентября пинка вышла в море и, обогнув с севера остров Борнхольм, легла курсом на Аренсбург.

Шкипер происходил из граждан города Любека. Он многое знал о событиях на Ливонской земле.

— Скоро десять лет, — говорил шкипер, — как в бедной Ливонии появился герцог Магнус, брат датского короля Фредерика. По отцовскому завещанию король Фредерик был обязан уступить своему брату Голштинские земли, а вместо них он отдал купленную у эзельского епископа часть острова Эзеля. Девятнадцатилетний епископ герцог Магнус не скупился на обещания и соглашался на все условия, вовсе не заботясь, в силах ли он будет их исполнить... За ним пошли многие ливонские дворяне, надеясь, что датский король не оставит своего брата...

Сначала герцог Магнус склонился к союзу с магистром ливонского ордена Горхардом Кетлером и был враждебен русским. Потом шведы заняли город Ревель и часть эстонских земель, а Кетлер решил передать все владения ордена польскому королю Сигизмунду. Тем временем московский царь захватывал одну за одной ливонские крепости. Борьба за Ливонию между русскими, королем Сигизмундом и Швецией разгоралась, и положение герцога Магнуса среди трех враждующих держав сделалось ненадежным и даже опасным. Герцогская казна совсем опустела. Потеряв всякую надежду на поддержку Польши и Швеции, Магнус решил обратиться за помощью к царю Ивану. В это тяжелое время русский царь предложил ему королевскую корону из своей руки. «Если Ливония будет жить в любви и мире с русским царем, — рассуждал шкипер, — то и желать лучшего нечего. Король Магнус сохранит Ливонию от всякой опасности. Он хочет вышибить шведов из Ревеля, и он прав.

Ведь Ревель приобрел себе богатство, силу, вольности и всякое удовольствие, торгуя с русскими».

Медленно проходили дни. Степан Гурьев мучился от безделья. Он часто вспоминал Анфису.

Путь от Аренсбурга пинка прошла благополучно. Но герцога Магнуса в замке не оказалось.

— Его величество король отбыл завоевывать Ревель, — важно сказал дворецкий.

С отрядом немецких стрелков, спешивших под стены Ревеля, русский корсар отправился в лагерь короля Магнуса, чтобы передать ему записку Карстена Роде.

3 октября немецкие стрелки добрались к окрестностям Ревеля. Царский голдовник милостиво принял Степана Гурьева и письму Карстена Роде был рад. Он вышел пышно разодетый, с королевской короной на голове. За спиной его величества стояли ливонские дворяне — опричники царя Ивана: низкий и толстый Иоганн Таубе, сухопарый и высокий Элерт Крузе. Без них король не делал сейчас ни одного шага. По правую руку от него маячил его духовник и главный советник Христиан Шрапугер с Евангелием в руках, человек с огромным орлиным носом и чудными длинными ногами. В отдалении держались еще несколько человек из ливонских дворян, решивших соединить свою судьбу с судьбой Магнуса.

И король и все, кто с ним находился, были в гасконских шелковых чулках, коротких панталонах и камзолах с кружевами. Степан Гурьев удивился молодости нового короля и подумал: «Вряд ли ему больше тридцати лет. А ведь он десять лет был архиепископом... Что говорить, за деньги все можно».

Король подарил ему две золотые монеты с изображением Филиппа и Марии английских, казна его была пуста по-прежнему.

— Мы довольны твоей службой, — сказал он на прощание, — и будем рады, если ты снова вернешься к адмиралу. Скоро мне привезут пять бочек золота от царского величества, тогда и ты получишь богатый подарок.

Из королевского лагеря, расположенного довольно-таки далеко от города, Степан Гурьев отправился посмотреть Ревельскую крепость. Город показался ему неприступным. Много вооруженных людей виднелись на стенах и на башнях. Ворота были железные, укрепленные коваными угольниками. Из рассказов Карстена Роде Степан знал, что у города превосходная гавань, способная укрыть много кораблей. А во все стороны, куда только хватал глаз, дымились костры русских войск.

Двадцать пять тысяч воинов окружали Ревель.

«Сломит царская сила и этот город», — подумал Степан.

Громко завывая в медные трубы, к стенам подъехали на конях бирючи⁷² короля Магнуса. Высокий немец с бумагой в руках выехал вперед.

— Слушайте, слушайте, достопочтенные и всемудрые граждане города Ревеля! — раздался зычный голос. — К вам обращается его величество Магнус, божией милостью король Ливонский, государь Эстонской и Латышской земли, наследник норвежский, герцог Шлезвиг-Голштинский, Старманский и Дитмаршский, граф Ольденбургский и Дельменгортский... «Всем жителям города Ревеля на пользу и ради блага, свободы и истинного благоденствия всей утесненной и бедствующей Ливонии и не желая вашего и потомства вашего вечного несчастья, бедствия и конечной гибели, но желая предотвратить пролитие христианской крови, объявляем: так как несчастная и разными народами раздираемая Ливония и ее бедные жители с воплем зывали к всемогущему о даровании

немецкого христианского правительства, то мы с самого начала нашего правления также обращались к милости божьей, дабы обрести средства и пути для поправления дела бедной страны. По неисповедимому божьему произволению царь, великий князь и государь всея России, утвердив грамотами и печатями и обычным крестным целованием, решился всемилостивейше закрепить за нами Ливонское королевство...»

На стенах города слушателей становилось все больше и больше.

— «...Буде же город, по своей воле, ради спасения своего и детей своих, намерен приступить к полюбовным переговорам, — продолжал выкрикивать бирюч, — и прислать своих людей, то мы готовы дать королевскую охрану или заложников. Но в случае если Ревель в свой вечный вред и свою погибель и несчастье находит приятность в кровопролитии, то да будет ему известно, что русский царь воспользуется своей великой царской мочью, чтобы разгромить, опустошить и взять город в вечное рабство и подчинение, лишив его всех привилегий...»

На следующий день Степан Гурьев явился к боярину и главному воеводе Ивану Петровичу Яковлеву. Под его командой были все земские войска.

Боярин, насупившись, сидел в покинутом жителями каменном домике, неподалеку от госпиталя святого Иоанна. Он был недоволен результатами предпринятого вчера обстрела Ревеля. Большая часть ядер по дальности расстояния не долетела до городских стен. А еще он был недоволен опричными войсками, во главе которых стоял окольный Василий Умный-Колычев.

Вместо военных забот о взятии города опричники занялись грабежом и убийствами коренных жителей. Вчера между воеводами произошел крупный разговор. Опричный воевода Умный-Колычев дерзко плюнул в сторону боярина и отказался слушать его увещания. Воровские действия опричников разлагали и земские войска. Видя, как опричники набивают свои карманы, появились охотники до чужого добра и у земских. Вчера Иван Петрович отрубил головы четырем стрелкам для устрашения остальных.

Войскам читали грамоту воеводы, где он указывал, что великий государь велел воевать со шведами и ослушниками — ревельскими немцами, с окрестными же селянами жить в дружбе.

А сегодня воевода Яковлев узнал, что опричник Умный-Колычев отправил к себе в поместье двести возов награбленного добра. Иван Петрович понимал, что если вести войну таким способом, то можно превратить во врагов коренных жителей — эстов, дружелюбно расположенных к русским. Однако боярина грызла зависть. Ему самому хотелось как-нибудь пополнить свой тощий кошелек...

Выслушав рассказ Степана Гурьева, воевода долго смотрел на него. Он не мог понять, почему русский человек согласился одеть короткие штаны и короткую куртку. Большого срама он не мог представить.

— У тебя есть грамота к великому государю, — наконец произнес воевода и протянул руку.

— Нет, боярин, царский адмирал приказал мне вручить письмо в руки великому государю.

Воевода Иван Петрович хотел было вскочить, затопать ногами, наказать шелепугами простого мужика, обряженного в дурацкую скоморошью одежду, но стерпел.

— Ладно... получай проезжую в Москву.

Через шесть дней Степан Гурьев подъезжал к престольному городу. Проезжая действовала безотказно. На всех ямских дворах лошадей давали без всяких задержек и еще кормили в

придачу. Царь находился в Александровой слободе.

Степан решил заглянуть к Макару Соскину, знакомому мельнику на реке Яузе. Мельница стояла на старом месте, в густых кустах ивняка, однако Степан не сразу узнал ее. У мельницы была пристройка — каменное сооружение с высокой трубой. Из трубы выползали черные клубы дыма. Огромные колеса работали на полную скорость, шумно поворачиваясь в воде. У дверей мельницы и возле каменной пристройки стояли вооруженные стрельцы.

Перед Степаном стрельцы загородили дорогу.

— Кто таков, откуда?

— Мой друг здесь мельником, пустите повидаться.

Стрелецкий десятник позвал Макара Соскина и по его слову пропустил на мельницу Степана.

— Что у вас за порядки, — спросил Степан, — почему стрельцы?

— Третий год как мельница государю отошла. У боярина Ивана Петровича Федорова, покойника, отобрали. И не муку мы здесь мелем, а делаем для государя и великого князя бумагу. Приказные много ее изводят... Мастером у нас Панфил Мокрошубов, — важно ответил мельник.

Он вынул из ящика плотный кусок белой бумаги.

— Пощупай, какова.

Степан заметил на бумаге какие-то знаки. Посмотрев на свет, он прочитал: «Царь Иван Васильевич всея Руси. Князь Великий Московский».

— Молодцы, — сказал Степан. — Бумага — хитрое дело.

— А стрельцы потому поставлены, — объяснил Макар Соскин, — что в прошлом годе сгорели две бумажные мельницы от злой руки.

Мельник принес угощение и долго рассказывал про московские дела.

Утром Степан Гурьев поехал в Слободу.

Два дня он ждал приема. На третий день думный дьяк Василий Щелкалов приказал ему одеться.

— Ступай за мной, увидишь светлые царские очи.

Степан надел черные чулки, башмаки из грубой кожи с золочеными пряжками, черные панталоны, камзол из черного сукна с капитанскими позументами. На плечи накинул черный шерстяной плащ. К поясу прицепил шпагу в кожаных ножнах.

Василий Щелкалов с усмешкой смотрел на него.

— Ты думаешь, так будет лучше? — спросил он. — Одедся не по обычаю, как журавль, а царь сердит нонче... Ну, пойдём.

Мореход молча шагал по двору вслед за Щелкаловым к царским хоромам, расположенным на противоположной стороне. Двор был посыпан белым речным песком, и, несмотря на дождь, грязи не было.

Наконец Степан Гурьев увидел перед собой того, кто беспричинно убил его детей и жену, разрушил жилище. Царь Иван сидел совсем близко в кресле, на небольшом возвышении, и Степан мог рассмотреть каждую морщину на его лице. Лицо царя землистого цвета, глаза слезились...

Степан упал на колени.

— Встань, Степашка, — сказал царь Иван, протянув ему для поцелуя холодную руку. — Наш наказной капитан Карстен Роде сообщил нам хорошие вести и хвалил тебя.

И царь устремил на Гурьева буравящий взгляд своих черных глаз.

— Дозволь слово молвить, великий государь!

— Говори.

— Карстену Роде, великий государь, подчинены сейчас капитаны многих кораблей и негоже ему называться капитаном, ибо капитан — начальник одного корабля.

— Вот как! — сказал царь. — Хорошо, пусть он будет морским атаманом.

— Карстен Роде просил назвать его адмиралом, великий государь, как то водится у других государей.

— Хорошо, я жалую его адмиралом.

— Адмирал Карстен Роде будет очень рад твоей царской милости, великий государь.

— Скажи-ка, Степашка, кто служит у него на кораблях матросами?

— Всякий сброд, великий государь. Кроме преданности и послушания капитану, у них нет других добродетелей. Только на двух кораблях есть русские люди...

— Чем заставляет Карстен Роде таких людей служить себе преданно?

— Деньгами и ножом. Он платит по шесть гульденов в месяц, а в каждом гульдене двадцать четыре любекских шиллинга. Прежде, когда матросов было меньше, он делил захваченные товары поровну между ними.

— Так много? — удивился царь Иван.

— Служба тяжелая, великий государь. Очень тяжелая. А если человек служит недостаточно храбро и преданно, его убивают, а тело выбрасывают в море на съедение рыбам. Адмирал Карстен Роде очень доволен русскими мореходами, особенно пушкарями.

— Он пишет это нам в своем письме. Еще пишет Карстен Роде, что для охраны свободной торговли в Нарве нужен город Ревель... Разве я не понимаю этого! — сердито добавил царь, пристукнув посохом. — Скоро десять лет я веду борьбу за море, за хорошую гавань, за свободную торговлю... Но многие из моих слуг не постигли, что значит для нашего государства Варяжское море... Скажи, почему ты одет не по русскому обычаю?

— Великий государь, так одеваются все капитаны твоих кораблей.

— Что же, — после недолгого раздумья отозвался царь, — раз так одеваются все капитаны моих кораблей, ты имел право явиться перед моими глазами в этой одежде. А теперь расскажи мне, как ведется морская война на Варяжском море. Как сражались капитаны с моим врагом королем Сигизмундом?

Степан Гурьев рассказывал целый час. Не только царь, но и бояре, и дьяки, находящиеся при царе, слушали Гурьева с неослабным вниманием.

— Значит, ты хочешь возвратиться к нашим купцам Строгановым? — спросил царь, когда мореход закончил свои речи.

— Я обещал вернуться Аникею Строганову, великий государь. У Строгановых много кораблей плавают по студеным морям и в другие места. Надо обучить мореходству на Варяжском море молодых кормщиков.

— Вчерашнего дня прискакал к нам гонец из Сольвычегодска. Аникей приказал долго жить, — со скорбным видом сказал царь. — Он умер в ангельском чине, схимником Иосафом. — Царь закрыл глаза и три раза перекрестился. — Да будет ему земля пухом... Но ты поезжай в Сольвычегодск, дело доброе. У Аникея сыновья-наследники остались. А скажи нам, из каких ты мест родом?

— Крестьянин, из деревни Федоровки, боярина Ивана Петровича Федорова.

Царь долго смотрел на Степана Гурьева. Лицо его сделалось жестоким и злым. Воцарилось тягостное молчание.

— Из деревни Федоровки... — произнес наконец царь. — Пусть так. — Лицо его приняло прежнее выражение. Он подозвал дьяка Василия Щелкалова и что-то сказал ему.

Дворецкий, боярин Лев Салтыков, на золотом блюде принес кожаный тяжелый кошелек, туго набитый серебром, и золотую монету с царским ликом.

Царь из своих рук подал монету Степану.

— Жалую за верную морскую службу, носи на шапке, — сказал царь и снова дал руку для поцелуя.

Глава двадцать шестая. «ГОРОДА И ЗЕМЛИ ЗА ЧАШЕЮ ДА ЗА ХЛЕБОМ НЕ БЕРУТСЯ»

Неподалеку от бахчисарайского дворца Девлет-Гирея, на реке Альме, стоял приземистый, сложенный из дикого камня дом. В нем жил посол московского царя Афанасий Иванович Нагой. Царь поручил ему склонить на свою сторону хищного властителя крымских орд. Три года Нагой удерживал хана от разбойничьих набегов на русские земли. Один бог знает, сколько труда и дорогих подарков ушло на уговоры. И соболя отборные, и оружие, и броня. Английские тонкие сукна и шубы из легкого и теплого меха... Хан, принимая подарки, грозил войной, требовал все больше и больше.

В Бахчисарае стояла жара. Татары отлеживались на мягких подушках в садах, в тени шелковиц и ореховых деревьев. На улице не видно людей, не слышно голосов. В тишине жаркого полдня разносилась русская печальная песня:

Не белая лебедушка из степи летит —

Красная девушка из полону бежит.

Как под девушкой конь чубарый что сокол летит,

Его хвост и грива по сырой земле,

Из ушей его дым столбом валит,
Во ясных очах как огонь горит.
Подбегает девушка ко Дарье-реке,
Она кучила, кланялася добру коню:
Уж ты, конь мой, конь, лошадь добрая!
Перевези-ка ты меня да на ту сторону,
На ту сторону да к родной матушке.

В садах, огородах и виноградниках работали молчаливые рабы — русские. Обливаясь потом, они носили на коромыслах воду из колодцев, поливали овощи и рыхлили землю на виноградниках.

Подымая пыль, рогатые волы медленно тащили по дороге крытую повозку с двумя женами какого-то татарского князя. Лошадей татары берегли: даже царице не разрешалось впрягать в повозку лошадь.

Посол Афанасий почти голый лежал на полу. Он был толст и не любил жары. Два окна, обращенные к солнцу, занавешены темной материей. Окно, выходящее в сад и затененное огромной шелковицей, открыто. На подоконнике видны кровавые пятна от спелых ягод, упавших с дерева. Рядом на стуле сидел посольский дьяк Петр Подушка. Положив бумагу на колено, повернувшись к свету, он писал под диктовку посла.

— Слышишь песню, Афанасий Иванович? — перестав писать, сказал дьяк. — Это Марфа, рязанка, хозяйское дите укачивает.

Посол утвердительно хмыкнул.

Бежали за девушкой два погонщика,

Два погонщика, два татарина.

Расстилала красная девица кунью шубу,

Кидалась красная девица во Дарью-реку,

Тонула красная девица, словно ключ ко дну.

— Сколько тут нашего народа томится в неволе! — продолжал Петр Подушка. — И женщин много, красавицы есть. Обидно, что не для русского народа они детей рожают... Каждый год в Кафе73 на базарах наших людей продают. В иное время каждый день по три-четыре галеры от пристани в Константинополь отходят и все полным-полны. И на всех турецких кораблях русские гребцы.

— Правда, правда, — вздохнул Афанасий Иванович. — Татары и детей малых в неволю

берут и продают туркам, а турки их в свою веру оборачивают и военному делу обучают. Дай бог, скорее бы время пришло рассчитаться за все. И души убиенных, и полон, и кровь взыщет бог с басурманского племени.

Унылая далекая песня рязанской полонянки Марфы продолжала теснить сердце. Ни Афанасий Нагой, ни Петр Подушка издали не разбирали слов этой песни. Но они понимали ее душой, всем своим существом.

— Хорошо поет, — опять сказал дьяк, смахнув слезу.

Во дворе лениво залаял цепной пес.

В доме забегали слуги, шлепая по глиняному полу босыми ногами. Слуга тихонько приоткрыл дверь в комнату, где лежал посол.

— Афанасий Иванович, к тебе Алексей просится.

— Зови, — слышалось в ответ.

Вошел Алексей, главный приказчик мурзы⁷⁴ Сулеша. Загорелый, высокий, с небольшой русой бородкой и голубыми глазами.

— Здравствуй, господине, — сказал он, кланяясь, — с вестями к тебе.

— Говори! — Афанасий Иванович приподнялся, сел на ковер. Сейчас можно разглядеть в полумраке его тяжелое, мясистое тело, грузный живот, окладистую бороду. Жирная и отвислая грудь его колыхалась, как у женщины.

— Посол короля Жигимонда сегодня в Бахчисарай приехал. С ним тридцать четыре человека и девятнадцать колываг, полных товарами, да стражи более трех сотен всадников. Я с одним погонщиком говорил, свой, русский. Так он сказывал, будто король хорошие поминки хану дает. Хочет, чтобы хан на Московскую землю ударил... И мурзы вчера на совете жаловались, будто им жен кормить нечем. Войны хотят. Совет держали, у хана сегодня будут требовать.

Алексей замолчал.

Афанасий Иванович обдумывал вести. Ему пришло в голову, что скоро предстоит неприятная встреча с ханом. Сколько уж их было, и после каждой посол подолгу мучился и болел.

Русская невольница Марфа продолжала свою песню.

Перед новым приемом московского посла Афанасия Нагого Девлет-Гирей решил выслушать советы своих приближенных. В маленькой комнате дворца, где обычно происходили секретные беседы, его с нетерпением ждали казанские вельможи-беглецы: князь Спат, Янгурчей-Ази, Улан Ахмамет. Здесь же сидели знатные мурзы и чиновник турецкого султана.

Поклонившись в землю хану, вельможи со всех сторон обступили его.

— Не верь царю Ивану, великий хан, обманывает он тебя, — начал князь Спат. — Он твердит о мире, а сам строит города на Дону, хочет взять Азов и открыть себе путь в Крым.

— Этот московский царь опаснее своего отца и деда, — поддержал Янгурчей-Ази, — он завоевал Полоцк, Казань, Астрахань, Ливонию. А если он польского короля одолеет, то и до последнего юрта Батыева доберется.

— Не верь ему, великий хан, — упрашивали вельможи.

— Мне говорил посол Афанасий, — сказал Девлет-Гирей, стараясь не смотреть в глаза своим

чиновникам, — что московский царь большие поминки дает.

— Афанасий умеет медом глаза замазать. Я ни одному слову его не верю! — вышел из себя князь Спат. — Если царь Иван мира хочет, пусть магомет-гиреевские поминки дает, а посулами сыт не будешь.

— Хорошо, хорошо, — поглаживая черную бородку, повторял хан наступавшим на него вельможам. — Я подумаю, послушаем, что королевский посол мне скажет.

— Ногайские князья просили тебе передать, великий хан: если ты царевича своего на Казань с войском пошлешь, ногайцы с многими людьми ему помогать будут.

— Московский царь и на Тереке город поставил. Разве для мира города ставят? — гнул свое Спат.

— Помиришься с московским князем, он Литву извоюет, Киев возьмет. Станет города по Днепру ставить, — густым голосом произнес огромный татарин Улан Ахмамет.

— Он тебе поминки дает, чтобы короля Жигимонда извовать, а когда короля извоюет, и нашему юрту от него конец. Московский и казанцам шубы дарил, а после взял Казань и Астрахань. Велики ли его поминки? А доходит ему сейчас от Астрахани на день по тысяче золотых.

Татары зацокали языками, закачали головами.

— Думали мы с царевичами твоими, — вступил в разговор ханский советник мурза Мансур, татарин с голым остроконечным черепом, — с нами многие князья и мурзы, и надумали мы за лучшее мириться с королем, великий хан, а московскому — войну учинить... На Москву ходить не будем, чем нам быть сыту и одету?

Девлет-Гирей с неудовольствием повел носом на своего советника. Но самый коварный выпад сделал турецкий чиновник, глаза и уши султана.

— Светлейший из светлейших, султан Селим, — сказал он, — вскоре снова шлет на Русь свое войско, и тебе, хан, не подобает мириться с московским царем.

Девлет-Гирей понимал, что мир с московским царем не желателен для вельмож. Однако он не разделял взглядов своих приближенных. Все зависело от поминок московского князя. Хорошие ежегодные поминки давали хану не меньше, чем грабительские наезды на Московскую землю. Мучительные боли в животе тоже играли свою роль. Последнее время он с трудом сидел на коне, и боевые походы его мало прельщали. Добыча от войны делилась между всеми, а подарки доставались немногим. Но султан опять требует шесть тысяч крепких русских рабов — гребцов для галер. Отобрать рабов у своих воинов нельзя. Прошлый раз султан потребовал всего тысячу рабов, а когда хан захотел взять их у владельцев, простых воинов, они твердо ему сказали: «То нам дано за службу, за кровь и за смерть. Кто что возьмет на войне, тем он и живет. Не отдадим своих рабов».

— Хорошо, все ваши слова у меня здесь. — Девлет-Гирей показал на голову. — И здесь. — Он показал на сердце. — Теперь оставьте меня одного, я буду думать. — На безбровом, круглом, как тарелка, лице хана выразилось нетерпение.

Крымские вельможи, турецкий чиновник, казанские князья заторопились к выходу.

Только огромный мурза Сулеш по-прежнему неподвижно стоял возле хана. Багровое лицо мурзы, изрытое оспинами, рассекал шрам. Он был слеп на один глаз. Говорили, что мурзу полоснул саблей воевода Шереметев, которого татары уважали за храбрость и боялись. Пожалуй, мурза Сулеш был самым умным вельможей при ханском дворе, и хан не обходился

без его советов.

Девлет-Гирей, прихрамывая, придерживая живот рукой, сделал несколько шагов, опустился на мягкие подушки у стены и закрыл глаза.

— Мой верный Сулеш, — сказал хан после долгого молчания, — как я должен поступить, по-твоему? Я выслушал сегодня много слов, и мысли мои стали путаться.

— О сладкорукий! — ответил Сулеш. Он нагнулся к хану и шептал почти в самое ухо: — Турецкий султан снова задумал воевать Астрахань? Ему это выгодно. А тебе? Разве ты хочешь отдать свой юрт туркам? Если в Астрахани засядут турки, крымскому ханству придет конец.

— Так, так, — сказал хан. — Я не хочу пустить султана в Астрахань. Но с кем я должен воевать: с московским царем или с королем Жигимондом? Без добычи, без рабов мурзы и князя меня съедят.

Мурза Сулеш еще ниже нагнулся к ханскому уху:

— Воевать надо поровну — с московским царем и с ляхами. Но не надо ослаблять ни одного из них больше другого. И тогда Москва не даст усилиться ляхам, а ляхи не дадут спокойно спать Москве. Это тебе на руку, великий хан. И Москва и ляхи обязательно будут воевать между собой... Но помни, твоим союзником против султана всегда будет Москва, а не король, великий хан. Москва будет защищать Астрахань, а значит, и тебя.

Девлет-Гирей закивал головой.

— Хорошо, теперь мне стало совсем понятно. Зови Афанасия.

Посол Афанасий Нагой дожидался ханского зова в одной из комнат дворца. Несмотря на жару, одетый по всем московским правилам в кафтан и пышную шубу, он появился в приемной с шестью слугами, нагруженными подарками.

После краткого обмена обычными любезностями между послом и ханом слуги Афанасия развернули царские подарки, недавно присланные из Москвы.

— Дарит тебе, светлейший хан, наш государь и царь всея Руси платье со своих плеч, в котором послов твоих принимал. Желает тебе, государь, чтобы ты это платье носил на здоровье... и чару ту, из которой пил, вместе с черпалкой, чтобы и ты пил из нее на здоровье. Ежели будешь жить с нами в согласии, каждый год московский царь будет посылать тебе поминки, какие посылал Саип-Гирею⁷⁵. И еще тебе шлет великий царь всея Руси Иван Васильевич кафтан из алой бархатной парчи с золотыми украшениями.

Один из слуг взял в руки лежавший сверху кафтан и развернул его перед ханом.

— Черный соболь одинок, коготки золотом окованы, из царской казны, — с жемчугом. Двадцать жемчугов новгородских на каждой ноге. Алый кафтан с белыми цветами и жемчужными пуговицами...

Хан жадно взглянул на подарок, кафтан ему понравился. Сам носить такое платье он вряд ли станет. Но если придется благодарить кого-нибудь из европейских владык...

— Шапка, вышитая крупным жемчугом, — продолжал Афанасий Нагой, — и с кистью, в которую вделан драгоценный камень. И еще посылает великий государь тебе шесть пар парчовых сапог, подкованных под пяткою серебром. Две пары сапог из красного травчатого бархата и золотой пояс с четырьмя золотыми пряжками и бантом... Две шубы соболиные, покрытые сукном...

Закончив показ подарков, слуги посла Афанасия отступили к дверям.

— Я с государем вашим, побранившись, с радостью помирился бы, — с сожалением сказал хан, — да теперь на него опять поднимается человек тяжелый... — он сделал паузу, — турецкий султан. Он и меня на войну поднимает. Да и все басурманские государства на царя вашего восстанут за то, что он побрал мусульманские юрты.

Хан замолчал, устремив на Афанасия Ивановича испытующий взгляд. Посол насторожился, он не слышал ничего о новых замыслах турецкого султана, а теперь сам хан говорит... Как это понимать? Хан предупреждает, не хочет успеха султану? Но долго думать нельзя.

— Государь наш за неправды и подлые дела на Казань ходил ратью, — твердо ответил Афанасий Иванович. — Бог над ними суд учинил. А которые казанские люди государю нашему праведно служат, те и теперь в государском жалованье по своим местам живут. А от веры государь их не отводит, мольбищ их не рушит. — Посол чихнул и вытер платком нос и вспотевший лоб. — Астрахань государю нашему дал бог и стоит за нее бог же да государь наш, — продолжал он. — Ведаешь и сам, великий хан, что государь наш крепко сидит на своем коне и недругам свою недружбу мстит.

— Оно так, — ответил раздумчиво хан, — государю вашему эти юрты бог поручил, но ведь и мы на бога надеемся.

— Век свой государи между собой ссылаются поминками, а землями и городами государи не ссужаются, этому статья нельзя.

— Так, так, правильно говоришь... Понравились нам московские поминки. Теперь ты все сказал, а мне подумать надо, посоветоваться со своими ближними людьми, воевать ли московского царя либо мириться с ним.

Прием был окончен. Афанасий Иванович поцеловал ханскую руку и в сопровождении нескольких мурз вышел из дворца.

Через десять минут посланник польского короля Сигизмунда с двумя ханскими сановниками вошел в приемную, где еще держался резкий запах после пропотевшего, одетого в шубы московского посольства. Девлет-Гирей, развалясь, сидел среди подушек со скорбным выражением на лице. Со всех сторон его окружали вельможи в праздничных одеждах. Боли от грыжи у хана не уменьшались. Левую руку он держал на животе, а правую протянул для поцелуя.

Посол поклонился и поцеловал желтую ханскую руку.

— Как здоровье моего брата польского короля? — начал хан обычную церемонию.

Когда порядок был соблюден и все, что нужно сказать, было сказано, хан отложил в сторону королевское письмо и сказал:

— Московский князь согласен посылать мне такие же поминки, какие посылались Саип-Гирею, если я буду с ним в дружбе.

— Если великий хан разорвет мир с Москвой, его величество король польский тоже согласен посылать ему саип-гиреевские поминки, — поспешил возразить посол.

— Стоит ли мне нарушать свое слово, если король дает поминки такие же, как и московский царь?

— Известно ли великому хану, — продолжал посол, — что войска московского князя находятся в Ливоний и обороняются от вашего ханского величества ему нечем. Голод душит

московский народ. Нападение на ослабевшую Московскую землю сулит огромную добычу...

— Но войска моего брата польского короля тоже отправлены в Ливонию, — с усмешкой сказал хан, — и не меньшую добычу я захвачу в Польских или Литовских землях.

— Его величество польский король никогда не забывает своих подданных, где бы они ни находились, — с достоинством ответил посол. — Немало войск осталось и на юге королевства... Но разве великий хан может нарушить мир между королем польским и султаном Селимом? Разве великий хан может напасть на земли польского короля без ведома султана?

Хан недовольно поморщился.

— Если мой брат король забудет договор и не будет исправно присылать мне поминки, я всегда волен взять силой то, что мне причитается... Сулеш, — обернулся он к мурзе, стоявшему возле него, — велик ли долг моего брата?

— Польский король Жигимонд не присылал поминок тебе, великий хан, уже пять лет.

— Вот видишь! Почему же я должен порвать мир с московским царем, который исправно присылает мне поминки, по просьбе моего брата Жигимонда, у которого не хватает денег со мной рассчитаться?

Кровь бросилась в лицо польскому послу. Но он промолчал.

— Нет, — продолжал хан, — я не хочу слушать пустые слова. На них не прокормишь и одну жену, а у меня их почти четыре сотни. Передай моему брату, польскому королю, что я не нарушу мира с Москвой. А если в этом году мой брат не пришлет мне то, что он должен, я направлю своих коней на его земли. Если которых городов и не возьмем, то по крайней мере землю повоюем и досаду учиним.

— Польские рабы в Турции ценятся дороже московских, — шепнул, нагнувшись к ханскому уху, Сулеш, но так, что его шепот был слышен по всей комнате, — они покорливее. — Рубец на его лице сделался синим.

— Я вижу, посол, тебе нечего больше сказать. Я устал, меня мучает боль вот здесь. — Хан показал на свой живот и тяжело вздохнул.

— Великий хан и царь, — заторопился посол, — дай мне закончить. Я привез с собой тридцать тысяч золотых. И если ты порвешь мир с Москвой, его величество король Сигизмунд-Август повелел мне передать их в твою казну.

Хан оживился, его глаза заблестели.

— Я слышу слова, достойные моего брата, польского короля, — сказал он, улыбаясь. — Давай деньги. Мой брат может спокойно спать. Ни один татарский воин не ступит на его землю.

— Этого мало, — сказал польский посол, — его величество король Сигизмунд-Август хочет, чтобы твои кони топтали Московскую землю. К Москве, в обход приокских городов, тебя проведут сами русские. Ты сможешь захватить много пленных. Соберешься на войну — пошли гонца в крепость Черкассы нашему воеводе и тогда жди вестей.

— Хорошо, — сказал хан, — я подумаю. А ты отдай в казну деньги, что прислал мой брат король... Я буду ждать вестей, как ты сказал. Но поминки должны присылаться каждый год, не забудь.

И Девлет-Гирей отпустил поляка.

Посол ушел из дворца радостным, уверенным в победе. То, что приказал ему канцлер, он выполнил.

— Мой верный Сулеш, — обратился хан к своему любимцу, — правильно ли я сделал?

— Ты поступил правильно, великий хан, — кланяясь, ответил мурза. — Деньги у польского короля надо взять, он тебе должен в пять раз больше. Придет время, пойдешь воевать московского царя, а надо будет, и мир с ним учинишь.

— Хорошо, пусть будет так... Вернуть ко мне русского посла Афанасия.

Ханские слуги догнали Афанасия Нагого почти у дверей дома. Ни слова не говоря, одолеваемый недобрыми предчувствиями, он повернул серого в яблоках жеребца и поскакал во дворец.

Хан продолжал лежать на подушках. Он лениво протянул послу правую руку.

— Хочу, Афанасий, просить у тебя беличью шубу для князя Спата, — без всякого предисловия сказал он.

— Нет у меня шубы для князя, все тебе отдал, великий хан.

Девлет-Гирей помолчал, посмотрел на мурзу Сулеша и сказал:

— Ручаешься ли ты, Афанасий, что царь пришлет мне магомет-гиреевские поминки?

— Магомет-гиреевские? — с удивлением произнес посол. — Нет, за это я не могу ручаться.

— Смотри, Афанасий, не было бы от того твоему царю худа. Подумай. — И хан, отвернувшись, стал внимательно следить за тем, как летают мухи.

— Великий повелитель, я напишу в Москву о твоих словах. Сегодня пошлю гонца, повели дать ему ярлык⁷⁷.

— Хорошо, посылай.

Прием был окончен.

В раздумье выходил Афанасий Нагой от хана. Он догадывался, что ему напортил польский посол. В дверях он зацепил ногой за тростниковый коврик и чуть не упал. Надо предупредить государя. Сегодняшние слова хана говорят о многом.

В большой комнате с мраморным фонтаном посредине посла ждали мурзы.

— Ты шубы не дал, так царь наш наложил на тебя опалу, высылает тебя вон, а что нашего посла держат в Москве, от того худа не будет, — вкрадчиво произнес князь Спат.

Афанасий Нагой твердо знал, что выехать из Крыма ему нельзя. Обстановка делалась все более и более угрожающей. Каждый день он слышал тревожные вести. Москва вовремя должна узнать обо всем, что творилось в ханстве.

— Если хан ваш отправит своих послов в Москву и нас отпустит, то мы ехать рады, — кланяясь мурзам, сказал Афанасий. — А станет высылать без послов и без мира, то мы не поедем. Лучше нам в Крыму помереть, чем ехать без мира. А шубу я не дал потому, что беличьей у меня нет. А если князь Спат похочет соболью взять, я согласен, пусть заедет ко мне вечером.

Мурзы переглянулись и больше разговора не затевали.

В сопровождении ханских сановников посол Афанасий миновал комнаты с высокими потолками, увешанные дорогими бухарскими коврами, вышел в сени с двумя фонтанами, истекающими из каменных стен в огромные чаши. Отсюда искусно сделанные железные двери вели во внутренний двор.

У выхода из дворца посла ждали слуги, державшие под уздцы его серого коня.

Глава двадцать седьмая. «КТО ПОБЕДИЛ, ТОТ И ПРАВ, ТОТ И ДАНЬ БЕРЕТ»

Приближалось лето 1571 года. Скоро два года жила Анфиса Гурьева с надеждой в сердце у отца с матерью на берегу Оки в небольшом сельце Подгорье. Она верила, что ее муж Степан жив и обязательно вернется в деревню Федоровку. «Если он вернется, старуха Пелагея скажет, где я», — утешала себя Анфиса. Жить в сожженной деревне ей было голодно и тяжело, и она решила уйти к родителям.

Работать приходилось тяжело и здесь. Однако благодатная рязанская земля за труд отплачивала обильными урожаями. Селяне и подати платили исправно, и самим оставалось на пропитание. Татары вот уж три года не появлялись на Рязанщине, и народ понемногу залечивал раны от прежних наездов.

Утро 12 мая началось как обычно. Под пение пастушьего рожка хозяйки выгоняли скотину за ворота. Еще не взошло солнце, а селяне, позавтракав, отправились на сенокос. В здешних местах стояла жаркая погода, и, несмотря на раннее время, травы стояли высоко. В избях остались старые и малые.

Анфиса управлялась с косой, как хороший мужик, и не отставала от отца и брата. Солнце на синем безоблачном небе поднималось все выше и выше. То отец, то сын, утирая со лба обильный пот, прикладывались к глиняному кувшину с квасом. Косцы приустиали, ломило спину, болели руки.

— Довольно, Федор, — тяжело дыша, сказал отец, перестав косить, — отдохнем. Анфиса, кончай работу. — И он побрел к разросшемуся кусту лесного орешника. Босые ноги старика ступали по скошенной мягкой траве.

Но отдохнуть им не пришлось.

Раздался продолжительный свист. Из-за леса вырвался большой отряд конных ордынцев. Размахивая кривыми саблями, они дико вопили.

Анфиса не успела вскрикнуть, как оказалась связанной. Отца, бросившегося на помощь с топором, враги закололи.

В селе кто-то ударил в набат. Призывный звон колокола прокатился над нивами. Но колокол звонил недолго... Вскоре запылало село, подожженное со всех сторон.

Мужиков и баб со скрученными назад руками татары согнали в кучу на опушке леса.

Громко рыдали женщины, ругались и плакали от ярости мужчины.

Ордынцы пригнали и остальных жителей Подгорья, захваченных в селе. Это были дети — мальчики и девочки. Дряхлых стариков и старух татары не брали.

Неожиданное нападение на крестьян во время сенокоса и полевых работ было излюбленным приемом крымчаков. Никто не мог ни убежать, ни спрятаться. Оставшихся в избах выкуривали дымом.

Татарские обозники нарубили в лесу жердей и привязали за руки по десять человек к жерди. Отцы и матери подзывали своих детей, чтобы быть вместе на одной жерди.

Все свершилось быстро, солнце еще не достигло вершины своего дневного хода, а воины уже погнали пленников к месту стоянки главной орды.

Позади полыхало пламя. Как факел, ярко горела высокая церковная звонница. Горели бревенчатые избы. Рязанцы оборачивались и крестились, глядя с тоской на пожарище.

Анфиса заметила, что брат Федор шел в передней десятке. Его поймали и тоже привязали к жерди.

Татарские конники шли рысью, заставляя бежать и пленных. Люди выбивались из сил, мучились от жажды, глотали пыль, поднятую конскими копытами. На пути от плохой пищи и от усталости умерло много детей, остались самые выносливые.

На третий день подгорских крестьян пригнали к большому скопищу русских пленных, захваченных в разных местах Рязанской земли.

Здесь расположились крымская орда и большая ногайская орда под командованием самого хана Девлет-Гирея.

Под давлением турецкого султана и своих советников хан покинул бахчисарайский дворец и выступил в поход.

Великий из великих сидел в роскошном шатре среди шелковых подушек, охая и болезненно морщась. Как всегда, его мучила грыжа, и он держался одной рукой за живот. Среди окруживших его князей и мурз царило оживление. На завтра хан назначил дележ русских пленников.

Шатер был окружен невысоким забором. Никому без ханского пропуска не разрешалось переступить эту границу. Нарушители карались смертью. Над шатром развевалось турецкое знамя — зеленое с красным и ханский знак — хвост белой лошади, перевитый золотыми нитями и привязанный к палке.

Вокруг забора поставили свои кибитки главные ханские вельможи. Остальные спали прямо на земле, подстлав баранью шкуру.

Каждый военачальник мечтал получить не один десяток рабов и выгодно продать их перекупщикам. И каждый простой воин надеялся на раба или рабыню и, пользуясь их трудом, хотел жить до следующего похода.

Весь следующий день в орде слышались крики и ругань — татары делили пленников. Десятая часть всех русских, самые красивые и здоровые, предназначались хану. Остальных разделили между собой мурзы и рядовые воины.

Утром русских невольников под охраной небольшого отряда всадников погнали в Крым.

Хан Девлет-Гирей со всем своим войском остался на прежнем месте. Он давно послал гонца в пограничную литовскую крепость Черкессы и ждал вестей.

Прошло еще два дня.

В ханский шатер, вздыхая и отдуваясь, вошел мурза Сулеш в огромной серебряной кольчуге и бараньей шапке. На квадратной золотой пластинке, вделанной в кольчугу, вырезано изречение из Корана.

— О сладкорукий, — тихо произнес мурза, — несколько русских прибежали к тебе с берегов Оки, у них важные вести. Их начальник Кудеяр Тишенков хочет видеть тебя, великий.

Хан восседал, опершись локтем на шитую золотом подушку. У него опять разболелась грыжа. Услышав слова вельможи, хан обрадовался, но виду не подал.

Мурзе Сулешу жарко в бараньей шапке, пот ручьями стекал со лба. Но татарин не смел утереться и только моргал глазами.

Хан приподнял тяжелые веки и покосился на лекаря-армянина, готовившего целебную мазь, на вельмож, окружавших его.

— Если важные вести, — вздохнув, сказал он, — пусть войдет Кудеяр Тишенков.

Мурза Сулеш с поклоном удалился.

В шатер ввели русоволосого парня с окровавленным лицом и связанными назад руками.

— Кто ты? — спросил Девлет-Гирей, придерживая живот рукой.

— Кудеяр Тишенков, боярский сын, из города Каширы, великий царь, — поклонившись, ответил русский.

— Говори.

— Во всех городах московских два года сряду был большой голод и мор, много людей померло, а много других московский государь в опале побил, остальные военные люди и верные ему татары — все в немецкой земле.

— Где великий князь Иван?

— Государь в Серпухове с опричниной, но людей с ним мало... Ты ступай мимо к Москве, мы проведем тебя через Оку, и если тебе до самой Москвы встретится какое-нибудь войско, то вели нас казнить. Путь в Москву открыт.

— Почему на свою землю врагов ищешь? — спросил хан.

Кудеяр Тишенков молчал.

— По своей воле пришел или послан?

— Тебе, великий хан, одному про то скажу.

Хан посмотрел на мурз и повелел:

— Отойдите, хочу слышать тайное.

Вельможи отошли на несколько шагов и старались не смотреть на хана, будто ханский разговор их совсем не интересовал.

Только два ханских телохранителя продолжали стоять за спиной Кудеяра, не спуская с него глаз.

Кудеяр Тишенков сделал шаг к разноцветным подушкам и, склонившись к хану, прошептал

несколько слов.

— О-о, — хан растянул рот в улыбке и привстал с подушек, — тебя послал большой князь! Родственник царя Ивана. Ты не лжешь?

— Богом клянусь... Но не выдай князя, великий хан.

— Хорошо. А кто воевода большого полка?

— Князь Михаил Темрюкович Черкасский.

— Сын Темрюка, большого кабардинского князя! — Хан весело засмеялся, забыв про грыжу.

— В этом году мы Темрюка победили и под свою руку привели. Хорошо, ты можешь идти. Кормите русских вдосыт, — приказал он телохранителям, — держите под строгим надзором... А вы, мои слуги, подойдите ко мне.

Девлет-Гирей рассказал вельможам все, что услышал от русского, скрыв лишь имя изменника.

— Пусть Темрюк, большой кабардинский князь, напишет письмо своему сыну, — посоветовал мурза Сулеш, подойдя поближе к хану.

— Хорошо сказал мурза Сулеш, — кивнул головой хан, — очень хорошо, призовите ко мне Темрюка.

Захватить беззащитную Москву и ограбить ее хотелось всем крымским вельможам. Сказочные богатства русского царя не один раз снились самому хану. Посоветовавшись, вельможи дружно согласились продолжать поход и напасть на русскую столицу. * * *

8 мая 1571 года король Сигизмунд подтвердил заключенное его послами трехлетнее перемирие. Эту весть принесли царю Ивану в Серпухов, где он расположился с опричным полком в ожидании крымского хана.

Царь не пожелал жить в хоромы осадного воеводы Серпуховской крепости и остановился в удобном доме настоятеля Высоцкого монастыря.

В монастыре расположилась и «походная» царская дума. Бояре и князья Иван Мстиславский, Михаил Воротынский, Петр Пронский, Федор Трубецкой, Никита Одоевский, Василий Сицкий, Иван Шереметев, Петр Шейдяков и думные дворяне Малюта Скуратов и Демид Черемисинов, печатник Роман Олферьев и дьяки Андрей и Василий Щелкаловы.

С царем находился его наследник сын Иван, семнадцатилетний юноша.

Во главе всех полков, расположенных на Оке и Заозких городах, как опричных, так и земских, царь поставил своего шурина, князя Михаила Темрюковича Черкасского, а товарищем его другого видного опричника — князя Василия Ивановича Темкина-Ростовского.

Раннее утро. Первые солнечные лучи ударили в разноцветные стекла сводчатого окошка настоятельской кельи. Царь только что вернулся из церкви и милостиво слушал монаха, выдавшего этой ночью удивительный сон.

Духовник протопоп Евстафий хорошо знал царскую слабость разгадывать сны и постарался доставить ему удовольствие. Сложив руки на животе, он с умилением смотрел на царя.

— ...И будто повелел мне твой старший сын, царевич Иван, дать напиться тому боярину из серебряного ковша, а на нем цветы выбиты. И дал я в руки боярина ковш, а он на меня смотрит, да жалобно так. Я говорю ему: «Пей, царевич Иоанн приказал». Боярин стал пить, а

я ему в глаза глядел. А глаза у боярина большими сделались, остановились, помертвели. И смотрит и не смотрит на меня боярин... Понял я — умер человек. Однако стоит и ковш в руках держит. Похотел я ковш у него взять, а сил нету — крепко держит его в руках боярин. Удивился я, почему мертвый стоит, и что было сил толкнул его. Не шелохнулся боярин, словно дуб столетний корнями в землю врос... Испугался раб твой, проснулся, а рассветало, к отцу-игумену пошел и сон свой рассказал...

Слушая сон, царь все больше и больше хмурился.

— Какая борода была у боярина, — спросил он, — седая или черная?

— Седая борода, — ответил монах, — длинная, до пояса.

В комнату вошел новый царский оруженосец Борис Годунов.

— Дьяк Васька Щелкалов бьет челом, хочет видеть тебя, великий государь. Дело, сказывает, тайное и важное. И Григорий Лукьянович Скуратов с ним...

Царь Иван изменился в лице.

— Зови.

Василий Щелкалов и Малюта вошли и низко поклонились царю.

— Гонца от Девлет-Гирея перехватили, — сказал дьяк Василий Щелкалов, — при нем грамотка сыскалась: в деревянной баклажке бок пустой, а в нем бумага вложена ко князю Михаилу Черкасскому.

Царь посмотрел на Малюту Скуратова.

Царский любимец криво усмехнулся.

— Давай! — Царь протянул руку. — А ты, чернец, — сказал он монаху, — поди вон, сон после доскажешь.

Царь развернул грамоту, где по-русски мелким четким почерком было написано.

«Вошло в слух нам, — писал кабардинский князь Темрюк Ойдарович, — что любимая дочь наша Кученей⁷⁸ умерщвлена по приказу царя Ивана. Мне верный человек донес, что царский лекарь отравил ее медленным ядом. Будто бы царь хотел взять себе другую жену в свейском королевстве, а по русскому закону две жены ему держать нельзя... И потому не хочу быть под рукой у московского царя и решил по-старому служить крымскому хану Девлет-Гирею. И тебе, моему сыну, повелеваю помогать крымскому хану...

...Однако все делай тайно, — писал далее Темрюк, — пусть царь Иван думает, что ты ему верен. Еще повелеваю тебе собрать надежных людей, верных Магомету, и, как к Москве великий хан приблизится, схватить царя Ивана, связать и пленного привести к хану. Нам известно, что некоторые русские бояре хотели бы избавиться от своего царя. Однако ты никому свои мысли не открывай и про письмо мое не говори. А если ослушаешься отцовской воли, пусть падет на тебя гнев божий...»

Великого государя бросало то в жар, то в холод. Он с трудом заставил себя прочитать письмо до конца. Когда он поднял голову и взглянул на Малюту Скуратова, лицо его было ужасным. Он судорожно глотал слюну и не мог вымолвить ни слова. У дверей послышался шум. В горнице снова появился оруженосец и поклонился царю.

— Великий государь, князь Михаил Черкасский к тебе.

Царь Иван прохрипел что-то в ответ, дико вращая глазами. Наступал припадок.

Звеня оружием, в горницу торопливо вошел князь Черкасский. Он раскраснелся от быстрой ходьбы и тяжело дышал.

— Великий государь, — сказал он, — наши сторожи⁷⁹ донесли, что хан Девлет-Гирей переправился через Оку. Хана ждали у Серпухова, а он переправился через реки Жиздру и Угру, подошел к Оке и перелез ее на Быстром броде верст на десять выше устья реки Цны. Его орды движутся к московской дороге. Что прикажешь?

Царь уставился страшными глазами на своего главнокомандующего. На губах появилась желтая пена. Усы встопорщились, пальцы рук сводила судорога.

Князь Михаил Черкасский попятился к двери.

— Взять его! — Длинный царский палец указал на перепуганного князя. — На кол...

Царские телохранители со всех сторон бросились на главного воеводу. Почувствовав, что ему пришел конец, Михаил Темрюкович выхватил саблю и стал отбиваться. Лицо его посерело, из горла вырвался хрип, непохожий на голос человека. Малюта Скуратов ловко накинул князю веревку на шею.

Царь Иван подошел к полузадушенному опричнику и плюнул ему в лицо. Сказать что-либо у него не было сил.

— Коня! — прохрипел царь, отдышавшись. Теперь лицо его покраснело и покрылось потом. — Татары окружают!

Он заметался по горнице.

Слуги бросились исполнять приказание. Келья опустела.

— Великий государь, — подошел к царю оруженосец Борис Годунов, он один остался около царя, — нам надобно скакать на Бронницу, а там в Александрову слободу. Хан не догонит нас.

Глаза царя сделались осмысленными. Он понемногу приходил в себя.

Борис Годунов стал одевать царя в боевые доспехи.

Когда воеводы пришли за приказаниями, в монастырской келье царя Ивана не оказалось. Окруженный своими ближними боярами и телохранителями, он был уже далеко от Серпухова.

Перепуганные монахи молча указали на изуродованное тело без головы. Воеводы с трудом узнали казненного князя Михаила Черкасского, первого дворового воеводу.

Мало кто любил царского родича, злобного нравом князя, но время для казни было совсем неподходящее.

— Да сохранит господь бог нашу родную землю, — тихо сказал Михаил Иванович Воротынский, — на него одного надежда.

Полчища хана обошли Серпухов и двигались прямо на Москву. На длинные разговоры времени не было.

Посоветовавшись, воеводы решили опередить ханские войска и всеми силами защищать столицу, укрывшись за стенами Земляного города.

23 мая русские полки с окских берегов примчались к Москве. Князь Иван Бельский и Михаил Морозов с большим полком стали на Варламовской улице; Иван Мстиславский и Иван Шереметев-меньшой с правой рукою — на Якиманке; Михаил Воротынский и Петр Татеев — на Таганском лугу против Крутицкого подворья. Князь Василий Темкин-Ростовский с дружиною опричников стал за рекой Неглинкой.

Город был наполнен крестьянами, сбежавшими из окрестных сел и деревень. Они бросали все свое имущество, лишь бы не попасть в руки врага.

Воеводы готовились защищать Москву насмерть. Войска стали полукругом, выпуклостью к югу, преграждая татарам путь. Народ из пригородов прибывал всю ночь. Те, что жили в посадах, прятали свое добро в церквах и подвалах, закапывали в землю.

Стрельцы помогали затинщикам⁸⁰ и пушкарям устанавливать и укреплять пушки, подвозить ядра и порох.

Под знамена воеводы большого полка Ивана Бельского собралось немало воинов.

Ночь прошла спокойно. Хан Девлет-Гирей, оберегаясь нападения, медленно приближался к Москве, рассылая во все стороны лазутчиков.

Под утреннюю зорю поднялся легкий ветер с северо-запада. Солнце взошло яркое. Сильно пахло зеленым листом, травами и цветами. Наступил праздник Вознесенья.

Воевода князь Иван Бельский поднялся с постели с первым пением петуха. Он с недоумением оглядел свою спальню, пока не вспомнил, что ночевал не в Серпухове, а у Троицких ворот, в своем кремлевском подворье.

Позавтракав и попрощавшись с родными, он на тяжелом рыжем жеребце поскакал к войскам.

На Варламовской улице, где стояли пушки большого полка, Бельского встретил воевода Морозов.

— Дозорные казаки недавно вернулись с объезда, — доложил он, — врагов не увидели.

Но враг был близко.

В церквах шли заутрени. Зазвонили колокола Успенского собора. Откликнулись веселым звоном еще десяток церквей, и вот вся Москва наполнилась радостным благовестом.

Был полдень 24 мая.

Первые тревожные вести принес гонец от князя Темкина с опричного царского двора. Загорелись подоженные крымчаками дома за Неглинкой. Огненный вихрь охватил царский дворец. В Кремле ударили в набатные колокола на дозорных башнях. За Неглинкой загоралось все больше и больше домов. Черные столбы дыма поднялись над Москвой, запылал Китай-город. Вихрем, образовавшимся от пожара, срывало деревянные крыши с домов и носило их по улицам. С ужасом смотрели люди на режущее пламя, пожирающее все на своем пути.

В церквах и монастырях тревожно звонили колокола. Промчалась из Китай-города шестерка испуганных лошадей, волоча за собой охваченную огнем колымагу. Не выдержав, многие горожане бросились вон из города и пытались укрыться в лесу от нестерпимого жара. Здесь их перехватывали ордынцы, связывали по сотням и гнали на юг, в свое царство.

Воевода Иван Бельский выезжал за Москву-реку, за болота на луг, и сражался с войсками крымского хана. В клубях дыма слышались протяжные крики русских, стонали раненые,

пронзительно визжали лошади. В бою воевода был ранен.

Вернувшись, он приказал своим войскам тушить пожар, а когда борьба с огнем стала бесполезной, разрешил отступить из города. А сам, обеспокоенный судьбой своих близких, бросился в Кремль. Рыжий жеребец пронес его сквозь дым и пламя.

Деревянные дома на подворье Ивана Бельского загорелись, тушить было бессмысленно, а бежать из города поздно, горело все вокруг.

— В подвал, — закричал князь толпившимся на крыльце домашним, — скорее в подвал!

Вся семья собралась в обширном каменном убежище.

Слуги принялись ушатами набирать воду из колодца и носить в подвал. Работали споро, не передыхая. Когда уровень воды поднялся до колен стоявших людей, а младшего сына боярина пришлось взять на руки, носить воду стало неважноту от огненного жара, и слуги, бросив ушаты, укрылись в подвале...

Огонь бушевал. Сквозь рев и шум пламени доносились удары набатных колоколов. Колокола звонили, пока не расплавились и не стекли в землю. Рушились церкви и высокие здания. Вскоре взорвались каменные Китайгородские башни, где хранился порох. Под обломками погибло много людей.

В дыму и в пламени метались черные тени татарских воинов. Они проникли в город для грабежа, но не могли найти дорогу обратно и, отягощенные награбленным добром, задыхались в дыму и гибли. Только в Кремле, за высокими стенами, можно было спастись. У кремлевских ворот и прилегающих улицах люди сбились в плотную толпу и закупорили ворота. Обезумевшие от страха, в загоревшейся одежде, задние лезли на головы передних и по их головам шли в Кремль.

Многие, нацепив свои драгоценности на руки, на ноги и на шею, бросались в реки и рвы, наполненные водой, и, спасаясь от огня, ныряли в воду.

В церкви Успения богородицы укрылся митрополит всея Руси Кирилл с духовенством. Он оберегал казну и святыни. Ждали нападения татар. Митрополит молился в праздничных одеждах с митрой, украшенной изображениями святых. В церкви все молились и плакали. Ярко горели свечи и лампы у икон. Церковные двери были крепко закрыты на засовы, у дверей сгрудились вооруженные люди.

26 мая Девлет-Гирей расположился на Воробьевых горах. Здесь было безопасно от огня и хорошо видна дымящаяся в развалинах Москва.

Больше ста тысяч русских пленных шли по кровавой дороге в Крым. Много награбленного добра нагрузил хан на тысячи телег. Он не стал осаждать Московский Кремль. Добыча была и так велика. С другой стороны, Девлет-Гирей опасался неожиданного нападения русских. Через два дня слуги разобрали ханский шатер, нагрузили его на арбу.

Ханские орды двинулись в Крым, разграбив по пути юго-восточные области Русского государства; они разорили четыре десятка городов к югу от Оки и захватили огромные табуны лошадей. В Рязани хан разграбил и сжег Епифанский монастырь, старых монахов убил, а молодых взял в плен. Весь скот крымчаки угнали. Только свиньи, запрещенные кораном, остались нетронутыми и дичали без людей.

Москва еще горела, а к воеводе Михаилу Ивановичу Воротынскому прискакал царский гонец с повелением преследовать крымского хана. Воротынский бросился в погоню, но хан успел переправиться через реку Оку, увернувшись от русского войска.

Москва представляла печальное зрелище. Из-за множества мертвых тел вода в реках не текла и выступала из берегов. Мертвые были везде: в подвалах домов, в церквях, на улицах, горами лежали обгоревшие, обезображенные трупы.

В своем подворье на Варварке сгорели двадцать четыре английских купца и с ними товаров на десять тысяч рублей. В Китай-городе погиб лекарь Арнольд Линдзей.

Воины главного воеводы Ивана Бельского с трудом пробрались в Кремль на его подворье. Они проникли в подвал. Там были все мертвы и от огня обуглились, хотя воды было по колено. Едва стихли пожары, на улицы выползли оставшиеся в живых горожане и принялись рыться в трупах погибших, разыскивая драгоценности. К ним присоединились пришлые из других мест. Доставали кольца, золотые блюда, мешки с золотом и серебром, золотые цепи и браслеты. Многие обогатились.

Смрадный дух от разлагавшихся мертвых тел, человеческих и лошадиных, поднялся над Москвой и отравил воздух. Дышать стало невозможно. По приказу великого государя, сидевшего в Ярославле, в Москву гнали людей из окрестных городов для похорон умерших. Рыли общие глубокие ямы. Наполненные трупами реки не проносили мертвых. Люди с баграми и шестами стояли по берегам и спускали трупы по течению.

В этот год хорошо вызрели хлеба на Московской земле. Ветер поднимал волны в пожелтевших нивах. Но не было сил, чтобы скосить спелые, тяжелые колосья. И снова голод распростер над русскими людьми свои костлявые руки.

Глава двадцать восьмая. «И ЛЕТО И ЗИМУ НА ТЕБЯ УЧНУ ХОДИТЬ...»

Ханский гонец Течибай все еще чувствовал в ноздрях запах дыма. Он участвовал в походе Девлет-Гирея на Москву, немало награбил добра в горящем городе и немало захватил пленных. Он был уверен, что московскому царю нанесен сокрушительный удар, от которого нельзя оправиться, и жаждал встретить его униженным и покорным.

Гонец Течибай ехал не один. Его сопровождал небольшой отряд отборных воинов. Кони под татарами были породистые. Воины были одеты в овчинные кафтаны, на головах теплые бараньи шапки. У каждого за плечами лук, у седла колчан со стрелами, сбоку на поясе дорогая сабля.

Татары ехали к царю в Ярославль по Троицкой, ямской дороге. Она пролежала среди темного леса, стеной стоявшего по сторонам. День был ненастный. Сильный ветер гнул деревья: они скрипели, стонали, сучья трещали и ломались. А внизу на дороге — затишье.

Невольный страх пал в души татарам. Им казалось, что даже их голоса изменились в лесу, сделались глухими, незнакомыми...

Ханский гонец Течибай показал на деревья с недавно ободранной корой, истекавшие пахучим соком.

— Мне говорил отец, — озираясь по сторонам, произнес он, — что огромный свирепый зверь сдирает когтями кору с деревьев. Русские называют его медведем. Он в десять раз больше волка... Наши воины не заходили в эти леса, в них водится много нечистых духов.

На пути часто встречались мостки через болота и реки. В речках и ручьях татары заметили бобровые плотины.

Дорога тянулась извилистой лентой шириной в три сажени.

В лесу темнело быстро. Всадникам казалось, что они видят в кустах огненные волчьи глаза, лошади фыркали и прядали ушами. На душе сделалось легче, когда темную ель сменила белоствольная веселая береза. Лес стал редеть. Показались луга и пашни. А вскоре из темноты выступили бревенчатые избы.

Подъехали к заставе села Братовщины.

На заставе татар задержали стрельцы. И прием был оказан совсем не такой, как думал Течибай.

В холодной избе, где поместили гонцов, окна забили досками, поставили у каждой стены по стрельцу. Вместо постелей бросили на пол подгнившую солому. Крымцев кормили вонючим лошадиным мясом. Не давали ни пива, ни хлеба. Их бесчестили грубым обращением. Татары все выносили молча, с презрением, словно не замечая ни вонючего мяса, ни гнилой соломы, ни страшных рыжих тараканов.

Царь Иван, приехав в село Братовщину, не сразу принял ханского гонца. Несколько дней он провалялся в беспамятстве, потрясенный позором разгрома. Он выкрикивал проклятья, дрожал в бессильной ярости, словно овца, на глазах у которой волк терзает ягненка. Придя в себя, царь неделю ходил ежедневно в церковь. Он стал думать, что разрушение и пожар Москвы — божье наказание за грехи, и старался вымолить у небес прощение.

Царь подарил древнюю икону святого Николая и пожертвовал на починку церкви двадцать пять рублей. А сельский поп получил десять рублей на праздничные ризы.

Наконец царь решил принять ханского гонца. Накануне вечером опричники принесли Течибаю голубой кафтан с царского плеча, расшитый серебряными и золотыми травами. Надели ему на голову соболью шапку. Гонец был доволен подарками и торжествовал победу. Однако, когда допустили к царю и Течибай увидел железную решетку, перегораживающую шатер, он взвыл от ярости и попятился к двери. Царские телохранители взяли его под руки и насильно подвели к решетке. За решеткой в двух шагах сидел царь Иван. Он был в черной длинной одежде опричника. Так же были одеты и приближенные, толпившиеся за его спиной.

Течибая подвергли небывалому оскорблению — он видел царя сквозь решетку. Скрипя зубами, гонец передал в руки дьяка Василия Щелкалова ханскую грамоту и, отбросив вежливость, сказал охрипшим от гнева голосом:

— Мой государь и господин Девлет-Гирей, великий государь всех государств, послал спросить своего голдовника Ивана Васильевича, по ханской милости великого князя всея Руси, как понравилось ему наказание огнем, мечом и голодом... Мой государь посылает ему подарок, — закончил посол и вынул из-за пояса простой нож. — Великий хан Девлет-Гирей носил его на бедре своем. Пусть этим подарком царь перережет себе горло. Великий хан еще хотел послать коня, но кони наши утомились на земле твоей...

— Убрать пса шелудивого! — закричал царь Иван, замахиваясь посохом. — В погреб, пусть сидит, пока волосы до пупа отрастут!

Царские слуги бросились на гонца и его товарищей и вытащили из шатра. На улице они хотели снять с Течибая голубой кафтан, но крымские воины дружно встали на защиту, и кафтан остался на нем, хотя и основательно изодранный.

Оскорбленный гонцом Течибаем, царь Иван в бешенстве скрипел зубами, рвал на себе волосы.

— Повели, государь, крымских собак в куски изрубить! — обнажив саблю и сделав зверское лицо, вскричал Малюта Скуратов. — Али другое что с ними учинить за царское бесчестье?

Но царь, поразмыслив, не разрешил казнить гонцов. Положение государства было тяжелое и осложнять его не имело смысла. Выпив кубок поднесенного Бомелием лекарства и немного успокоившись, царь Иван велел повиступить из шатра лишним людям. Он хотел читать ханскую грамоту только в присутствии думных бояр.

Чуть приоткрыв рот, царь внимательно слушал чтение дьяка Василия Щелкалова. Иногда, чтобы лучше разобрать слова, он поворачивал голову и прикладывал правую ладонь к уху.

— «...Я пришел на тебя, — читал Щелкалов, — город твой сжег, многих людей саблею побил, а других в полон взял, хотел венца твоего с головы, но ты не пришел и против нас не стал, а еще хвалишься, что-де я московский государь! Был бы в тебе стыд и дородство, так ты бы пришел против нас и стоял... Захочешь с нами душевною мыслью в дружбе быть, так отдай наши юрты — Астрахань и Казань, а государства твоего дороги я видел и опознал...»

В тяжкое положение попал великий государь. Уж больно некстати было нашествие крымского хана. Со всех сторон шли тревожные вести. Бывшие друзья превращались во врагов и договаривались между собой. Вокруг Русской земли кольцо сжималось все туже и туже. Моровое поветрие и голод уносили тысячи людей. Во что бы то ни стало нужен мир с крымским ханом. Иначе и с Ливонией воевать нельзя. Мир, но какой ценой! Отдать Казань и Астрахань? Нет, на это царь Иван пойти не мог. Нужно тянуть время переговорами, пока не улучшатся дела, в этом спасение.

— «...Снова буду у тебя, если не освободишь посла моего Ямболдуя. Если не сделаешь, чего требую, и не дашь мне клятвенной грамоты за себя, за детей и внучат своих, и лето и зиму на тебя учну ходить...»

— Думайте, что делать, — сказал царь Иван думным боярам, когда чтение закончилось, — думайте, но Ливонию я воевать буду и от моря не отступлю. И мы хотим с крымским ханом мира, лишь было бы нам сходно.

Он сошел с кресла и, чуть сутулясь, не взглянув ни на кого, вышел из шатра.

Бояре, оставшись одни, долго спорили, прикидывали и так и эдак. Решили не раздражать хана, на бранные слова и насмешки не отвечать и обещать Астрахань. Они надеялись оттянуть время и обещаниями утихомирить хана. Обещали отпустить крымского посла, если хан отпустит Афанасия Нагого, задержанного в Крыму, и пришлет в Москву посла для переговоров.

«Ты пишешь о войне, — отвечали бояре в царской грамоте, — и если я о том же стану писать, то к доброму делу не придем. Если ты сердисься за отказ Казани и Астрахани, то мы Астрахань хотим тебе уступить, только теперь скоро этому делу статься нельзя: для него должны быть у нас твои послы, а гонцами такого великого дела сделать невозможно. До тех бы пор ты пожаловал, дал сроки, и земли нашей не воевал».

Большого унижения царь не мог себе представить, но был вынужден поставить свою печать на грамоте. Он был в крайней беде и согласился на невыгодный договор, лишь бы оставалась возможность его нарушить в будущем.

Но зато царь Иван мог отыграться на своих подданных. Начались розыски виноватых в прорыве хана Девлет-Гирея к Москве. Снова лилась кровь и летели головы правых и виноватых. На этот раз больше пострадали опричники.

Униженный и оскорбленный, царь Иван рьяно искал виновников своего позора.

«Мне изменили, — думал он, прикусив до крови губу, — бояре послали к Девлетке детей боярских и провели его беспрепятственно через Оку... А мои верные слуги опричники? Хороша их служба! Пустили хана к Москве и ни разу не скрестили с ним оружие». Но больше всего царя Ивана возмущали опричные воеводы. Они не сумели заслонить крымскому хану дорогу в Москву, не сумели уберечь своего государя от позора. Он несколько раз вызывал Малюту Скуратова и приказывал назвать виновников.

Кроме казненного князя Михаила Черкасского, царь признал виноватым и казнил воеводу Василия Темкина-Ростовского, неудачно защищавшего опричный замок в Москве. Воевода был утоплен в реке.

Царь Иван вспомнил о воровских проделках Ивана Петровича Яковлева, своего родственника по первой жене. Во время недавней осады города Ревеля он вместе с воеводой Умным-Колычевым и другими опричниками умудрился награть у окрестных жителей много возов всякого добра. «Вместо воинской славы, богатства себе искали, — сказал тогда царь и распорядился удалить из войск, осаждавших Ревель, всех опричников. — Плохо дело, привыкли мои люди все, что плохо лежит, в свой карман тащить».

Теперь Ивана Петровича Яковлева забили насмерть батогами вместе с родичами — боярами Василием Яковлевым и Семеном Яковлевым.

Царь велел повесить за ноги опричного думного дворянина Петра Васильевича Зайцева, одного из основателей опричнины, и отрубил голову дворецкому Льву Салтыкову. Погибли опричник Иван Гвоздев-Ростовский, спальник Григорий Борисович Грязной и еще около сотни вельможных опричников всякого звания.

После казней прошлого года и жестокой расправы вслед за пожаром Москвы опричники остались без головы. Почти все те, кто до сих пор окружал царя, были уничтожены. Только Малюта Скуратов по-прежнему выискивал измену и по-прежнему пользовался царским доверием.

После приема гонца в Братовщине царь Иван отсиживался в Александровой слободе. Новый лекарь Бомелий не отходил от царя, приготавливая ему разные успокоительные снадобья. В Слободе и дня не проходило без пиров. Овдовевший царь не знал удержу своим забавам.

Проснувшись как-то раз, он долго и мучительно вспоминал, что было вчера вечером. Что он делал и что говорил? Что делали и говорили те, кто пировал с ним вместе?

Так и не вспомнив толком, он потребовал холодного квасу и выпил целый ковш.

Здоровье Ивана Васильевича за последний год резко ухудшилось. Стала сдавать память. Все чаще и чаще он впадал в ярость, и его состояние в эти часы граничило с полной невменяемостью. Он мог, не задумываясь, убить человека, отдать самый нелепый приказ, совершить ничем не объяснимый поступок. Тяжелая болезнь и разнузданная жизнь быстро превращали царя в дряхлого старика.

Напившись квасу, откашлявшись, Иван Васильевич велел постельничему Дмитрию Годунову звать омывальщиц. Это были женщины, отобранные им во время лихих разъездов по вотчинам опальных вельмож. В баню царь теперь ходил редко. Доктор, немец Бомелий, уверял его, что горячая вода, а тем паче пар вредят здоровью.

Омовение совершалось каждое утро. Царь сначала садился без одежд на деревянную скамейку, и женщины обливали его теплой водой. А потом на кровати они натирали его морщинистое тело душистыми маслами.

Когда вошел в спальню Малюта Скуратов, женщины заканчивали свое дело. Малюте пришлось

в голову, что государь похож на покойника, над которым совершают похоронный обряд.

Царь Иван кряхтел от удовольствия и поворачивался то одним, то другим боком. В это время настроение у него было всегда хорошее, и Малюта Скуратов это знал. Он дождался, когда женщины, захватив с собой лохани, ведра и полотенца, вышли из спальни.

— Великий государь, дозволю слово сказать.

— Говори, Гриша...

— Два года как царица Мария Темрюковна преставилась! — Малюта перекрестился.

Царь молча соображал, к чему ведет разговор его тайный советник.

— Не пришло ли время тебе вновь ожениться, великий государь? Без жены и самому плохо, и деткам твоим уход нужен. Нашел бы себе красавицу, из всех красавиц самую лучшую, и жил бы себе поживал... Повели собрать красивых дев, честных родом, со всей Русской земли, как цари прежде делывали.

Царю предложение понравилось. О смерти Марии Темрюковны он не горевал. Слишком она тяготила его своим характером, своими привычками, иногда странными и непонятными для русского человека. Своей ненавистью к земским боярам она разжигала его злобу и подозрительность. А в последние годы, когда царь хотел взять в жены Екатерину Ягеллонку, он совсем отдалился от царицы.

— Что ж, Гриша... Я не прочь, дело нужное... и откладывать нечего. Пусть Васька Щелкалов наказ земским боярам изготовит. Тридцать дней даю срок. Собрать всех в Слободе, у кого красивые дочери. А кто худой товар привезет, тому палок... И московские люди пусть своих дочерей ко мне ведут.

— Сделаю, великий государь, будь спокоен. Через тридцать дней русские красавицы со всей земли в Слободе будут. Выберешь невесту на славу.

— И скоморохам новгородским быть на свадьбе.

— Сделаю, великий государь.

На следующий день в Новгород выехал опричник Суббота Осетр с царским повелением привезти самых лучших скоморохов и ученых медведей.

Малюта Скуратов был доволен собой: царь согласился. Теперь можно для него подыскать невесту, которая и опричнине будет полезна. Может быть, с помощью новой царицы удастся поправить пошатнувшиеся дела. Всезнающий и вездесущий Малюта видел, как охлаждаются чувства царя к опричникам, и не напрасно: среди них тоже нашлись изменники. Малюта был озабочен и думал о том, как бы снова привлечь царское сердце. Закончив благополучно столь щекотливое дело, он стал докладывать царю, кто и в чем сознался у него в застенках, какие изменные дела удалось открыть.

А царь Иван после его ухода вызвал лекаря Елисея Бомелия. Он чувствовал, что болезнь изнутри подтачивает его силы, и решил с ним посоветоваться.

Бомелий долго расспрашивал больного царя, осмотрел его, ощупал. Расспросил о родственниках, не было ли у них тяжелых болезней. Царь Иван рассказал все, не скрывая. Отец его, великий князь Василий, умер от страшной болезни, гниющий заживо. Брат Юрий был без ума, без памяти и бессловесен до самой смерти. Его собственный сын Федор родился слабоумным, юродивым...

— Ваше величество, — подумав, сказал врач, — ваша болезнь зашла далеко. Она гнездится в крови, передана вам через родительские соки... Необходимо особое лечение. А прежде всего следует составить гороскоп⁸¹ на ваше величество. Без астрологии⁸² нет врачевания.

— Но позволительно ли христианскому владыке прибегать к астрологии?

— Что вы, ваше величество? — искренне удивился лекарь. — При дворах всех христианских владык составляются гороскопы.

— Добро, — вздохнув, сказал царь. — Составляй гороскоп. А еще хотел тебя спросить о другом. Решил я жениться. Нет ли препятствий к браку, не усугубится ли болезнь?

— Женитьба для вас полезна, ваше величество, — подумав, ответил лекарь, — молодая жена может очистить вашу кровь.

Царь был доволен советом лекаря и позволил поцеловать ему свою руку.

Когда Бомелий ушел, царь сделался веселее.

— Внимай, — тронул за рукав спальник Дмитрий Годунов дворецкого и указал на дверь.

Оба прислушались.

Уж как звали молодца,

Позывали молодца

На игрище поглядеть,

На Ярилу посмотреть... —

распевал царь пронзительным голосом.

Лекаря Бомелия привез из Лондона царский посол Андрей Григорьевич Совин. Бомелий сидел в лондонской тюрьме за лживые предсказания и какое-то шарлатанство. Друзья Бомелия, желая спасти его, расхвалили лекаря перед послом Совиным, а посол поверил и попросил королеву Елизавету выпустить Бомелия из тюрьмы и разрешить ему выехать в Москву на царскую службу. Англичане с радостью уважили просьбу Андрея Совина, и Бомелий оказался на свободе. Вместе с русским посольством в конце 1570 года лекарь прибыл в Москву и был представлен царю Ивану Васильевичу.

Весь багаж знаменитого лекаря заключался в сундуке, где хранились три книги в переплетах из черной кожи и склянки с разноцветными жидкостями. И еще Бомелий привез с собой большого черного кота, которого водил на серебряной цепочке. Ошейник у кота был с магическими надписями...

Время шло.

В начале августа царь Иван узнал о приезде английского посла Антония Дженкинсона. Но не торопился с ним увидеться.

В Англии были озабочены положением своих московских купцов. Лондонское общество по торговле с Россией осыпало королеву Елизавету просьбами о помощи. Английское правительство поспешило выполнить требование царя Ивана о присылке к нему знакомого

посла.

Антоний Дженкинсон немедленно отправил из Холмогор в Москву толмача Даниила Сильвестра известить царя о своем приезде. Но на всех дорогах были поставлены заставы по причине моровой болезни. Не доехав девяносто верст до Вологды, Сильвестр был задержан в Шуйском остроге на целых четыре месяца.

Дженкинсон послал второго гонца в Москву, окольными путями, но и эта попытка не удалась. Гонец вскоре возвратился в Холмогоры. На одной из застав его едва не сожгли вместе с лошадей.

Все это царь Иван знал, но не пошевелил пальцем для того, чтоб увидеть Дженкинсона. Казни его успокоили и вселили уверенность, что со смертью своих врагов он сохранит жизнь и престол... А потом, он все еще был в обиде на королеву Елизавету.

До половины января 1572 года пробыл английский посол в Холмогорах, подвергаясь оскорблениям и обидам со стороны служилых людей.

Глава двадцать девятая. «ДА ОСТАЛИСЬ ЛИ НА РУСИ ЕЩЕ КАКИЕ-НИБУДЬ ЛЮДИ?...»

Все русские люди были привязаны за шею к березовым жердям по десять человек. Можно было бы связать пленных веревкой, так было бы для них удобнее, но в безлесных крымских степях нуждались в дереве. Десять пленных приносили одну жердь, а тысяча — сто жердей. Десять тысяч — тысячу жердей. И считать удобнее.

Пленные шли по древней дороге, там, где из года в год оставался след татарских коней, шли по костям и крови многих русских. Подгоняемые безжалостными стражниками, они двигались на юг, к перекопской крепости, и дальше, к месту тяжкого труда и бесконечных страданий.

У каждого пленного на запястье болталась деревянная, привязанная на шнурке бирка со знаком хозяина. Кормить их стали немного лучше: давали сухое толченое пшено и сухую конину. Хозяева не хотели смерти своих рабов.

На третий день пути русские увидели высокий земляной вал, перегораживающий узкий крымский перешеек. За валом высилась каменная крепость. Когда подошли ближе, увидели широкий ров, наполненный водой. Только в одном месте, там, где в земляном валу были проделаны ворота, ров прерывался узким проходом, шириной в несколько аршин. Ворота в земляном валу вели в крепостной двор. Сильный отряд турецких солдат охранял каменную твердыню. Ни один иноземец не мог покинуть Крым и проникнуть на север через крепость без ханского пропуска.

Старый еврейский купец, откупщик таможенных податей, с каменным лицом смотрел на проходящие мимо него толпы пленных. Одной рукой он держался за огромный кожаный кошель, висевший на груди. Возле него стоял бочонок с холодной водой, чуть подкрашенной гранатовым соком.

У ворот остановил коня начальник отряда стражников полнотелый мурза Узбек. На нем халат из яркой ткани, изрядно пропыленный в степи, и остроконечная войлочная шапка. Мурза неуклюже сидел в седле на коротких стременах, подобрал ноги. С левой стороны за спиной висел налуч, с правой — колчан со стрелами.

— Дай напиток, — насупив брови, произнес мурза Узбек.

Купец зачерпнул медным ковшом на длинной ручке воды из бочонка и с низким поклоном подал татарину.

Мурза выпил, вытер рукой редкую бороденку, отдал ковш.

— Великий господин, — еще раз поклонившись, спросил купец, — да остались ли на Руси еще какие-нибудь люди?.. Уж больно много русского племени прошло через эти ворота!

Мурза усмехнулся, небрежно бросил маленькую серебряную монету. Она упала у ног купца.

— На мой век хватит, — ответил он, тронув повод. — Чем меньше останется этого племени, тем лучше.

Южные ворота крепости открывали дорогу в Крым. Кроме солдат, у ворот стоял турецкий чиновник и переписывал рабов.

Сразу же за крепостной стеной из колодца, выложенного диким камнем, все невольники напились холодной воды, умылись, перекусили пресным овечьим сыром и пшеничными лепешками. После скудного корма первых дней пути и лепешки и сыр показались райской пищей.

Отсюда дорога шла через степь прямо на Бахчисарай — столицу крымского хана. Идти стало легче. На пути часто встречались колодцы, кормили пленников сытнее и обращение сделалось милостивей. В степи стояла пора расцвета. Все было свежее, все зеленело. Порой встречались походные кибитки пастухов, плетенные из прутьев, а сверху покрытые от дождя воловьими шкурами или войлоком. Кибитки стояли на телегах с высокими колесами. Когда приходила нужда перегнать стадо к другому месту, в кибитку впрягали волов или верблюдов и перевозили ее вслед за стадом. На зеленой сочной траве паслись многочисленные отары овец, табуны лошадей и стада серых рогатых волов. При дороге попадались колодцы, выложенные камнем.

Вскоре пленникам встретился большой купеческий караван. Гордо подняв маленькие головы, вышагивали верблюды. Удобно расположившись на верблюжьей спине между горбами, подремывали купцы. Караван прошел, оставив за собой медленно оседавшую желтую пыль. Остановившись на ночлег, татары освободили пленников от жердей и связали их крепкими веревками. Жерди сложили возле колодца в большую кучу. Пленники повеселели.

Десяток рабов, в котором шел брат Анфисы Федор, расположился рядом с десятком Анфисы, и, когда наступила ночь, он подобрался к сестре. Анфиса узнала, что оба они принадлежат мурзе Сулешу, и очень обрадовалась.

Брат и сестра, обнявшись, лежали рядом на пахучей траве.

— Будем вместе, — говорила Анфиса, — убережемся как-нибудь, а там, может, и повезет: выкупят свои, а то и убежим. Вдвоем-то не в пример способнее...

— Отец жив ли? — спросил Федор.

— Убили, душегубцы, отца, за меня заступился... — Анфиса заплакала.

Они долго разговаривали, утешая друг друга, стараясь представить, что их ждет среди чужого, враждебного народа. Они наслушались страшных рассказов о невольничьем городе Кафе и турецких кораблях-каторгах, о рабской жизни в Крыму. Бархатное черное небо раскинулось над ними. В небе горели далекие звезды, такие же, как в родной Рязанской земле. Одурающе пахла весенняя степная трава. Выли волки. Где-то далеко резко и тревожно вскрикивали ночные птицы.

Много страшного слышали рязанцы про крымскую неволю, изнуряющий труд от восхода до захода солнца, худой корм, побои, издевательство, тяжелые наказания за малейший проступок. Анфиса боялась за свою судьбу. Любой татарин мог купить ее и насильно сделать своей женой.

«А мой Степан, — думала Анфиса, — жив ли он, увижу ли я его?» И слезы бежали по ее лицу.

Через неделю пленники прибыли в Бахчисарай. Их стало меньше. Многих развели по городам и селеньям, где жили их новые хозяева.

Толпа женщин и детей встретила рабов на кривых улицах города. В них плевали, бросали камнями, щипали, царапали.

Стражники, с трудом разогнав визжащих от злости женщин, доставили пленников по хозяйским дворам.

При дележе мурза Сулеш получил семь десятков рабов. У мурзы под Бахчисараем были виноградники и фруктовые сады, работать приходилось тяжело, и он выбирал всегда самых сильных и выносливых.

Анфису, ее брата Федора и всех невольников, принадлежавших мурзе Сулешу, поместили в глинобитном сарае с односкатной тростниковой крышей. Сам мурза жил неподалеку в большом каменном доме, окруженном со всех сторон персиковыми садами, на самом берегу реки Альмы.

Остальных русских людей ждала иная судьба. Хозяева на следующее утро повели их на базар и продали кафским купцам, приехавшим за живым товаром в ханскую столицу.

Цены на рабов стояли высокие. За крепкого и сильного мужчину купцы платили десять дукатов, за мальчика четырнадцати лет — пять, а за красивую девушку без всякого изъяна могли отсчитать столько денег, сколько стоила сотня породистых лошадей. На базарной площади стояла палатка лекаря-венцианца. Через его руки проходил весь живой товар. Он ощупывал каждого невольника, желая убедиться, не увечен ли он, осматривал зубы, обследовал самые сокровенные части тела.

Крымские хозяева без всякого сожаления разлучали мужа с женой и мать с дочерью. Над толпой русских, выведенных на продажу, стоял плач и вой расстающихся. Семнадцать русских девушек купил константинопольский купец для султанского гарема. Их долго осматривал врач, да и сам купец немало потрудился, боясь ошибиться и привезти султану неполноценный товар. Он снова и снова перебирал девушек, ревущих от горя и стыда.

На прямоугольной базарной площади, усыпанной крупным серым песком, царил необычный многолюдство. Приехавшие за рабами богатые кафские купцы привезли с собой всевозможные товары. Много было оружия и броневого одежды. Разноцветными камнями сверкали рукоятки сабель и кинжалов.

Рыжебородый перс в белой чалме торговал превосходными бухарскими тканями красного, белого и зеленого цвета, бухарскими коврами и подстилками для молитв.

Горы модных туфель из крашеной бараньей кожи, с загнутыми носками, лежали на коврах.

В маленькой ювелирной лавке сидел купец из Константинополя. У него в лавке можно было купить золотые кольца с драгоценными камнями, серьги с подвесками из кораллов, ожерелья, украшенные бирюзой, всевозможные заколки и застёжки. Были и серьги в виде тонкого золотого овала размером с яйцо с набором подвесок и налобные украшения.

Из лавки медника слышалось характерное постукивание молоточков. Здесь продавалась всевозможная медная посуда: чаши, кувшины для кумыса, подносы, большие кувшины для воды.

У гончарной мастерской стоял верблюд с двумя корзинами глины — мастер с перепачканными глиной руками громко спорил с погонщиком.

Три бородатых русских купца из Рязани торговали кожей, седлами, сбруей и плетками с белыми ручками из моржовой кости. Купцы приехали сюда с надеждой выкупить из плена родственников и знакомых, попавших в неволю.

Из раскрытых дверей харчевни доносились приятные запахи жарившегося бараньего мяса.

У купца-шапочника продавались тюрбаны и тюбетейки.

Важно прохаживался по базару русский посол Афанасий Нагой с товарищами, высматривая товары для великого государя. Шныряли среди базарной толпы посольские высмотрени, приглядываясь и прислушиваясь...

К вечеру все рабы были проданы.

На минарет белой как снег мечети поднялся муэдзин и провозгласил призыв к вечерней молитве. Правовверные спешили отдать должное великому аллаху. Купцы были довольны покупками и собирались на следующий день отправиться в дорогу.

Утром, лишь только засерел рассвет, к пленникам мурзы Сулеша пришел православный поп, отец Василий, состоявший при русском посольстве. Сунув серебряную монету сторожам, отец Василий вошел в сарай.

— Здравствуйте, православные, — сказал он, стараясь разглядеть в полумраке людей, лежавших на земляном полу. — Кто вы, откуда?

— Рязаны, — ответил за всех мужик с черной окладистой бородой. — А ты, никак, батюшка?
— добавил он, поднявшись. — Прости, не сразу крест заметил.

Поп выпростал спрятанный в рясе серебряный крест.

— Прости, отец святой, — сказала молодая женщина, — опоганились мы, идучи сюда. И конину, и мышей ели, и все, что под руку пришлось.

— Прости нас, грешных, — сказали остальные.

— Как приятно на злой чужбине своего православного попа увидеть, — сказал черноволосый.
— Прости, батюшка, и меня, поганого.

— Бог простит, это грех невольный, — ответил поп. — Будьте верны в татарской неволе слову божьему, не забывайте свое русское племя, и многое простится вам. Не теряйте надежду возвратиться на родину. По приказу царя и великого князя Ивана Васильевича всея Руси православное христианство будет выкупаться за счет царской казны... Не обольщайтесь теми, кто здесь хорошо живет. Они обасурманились, и оттого им стало сытно. Но великая кара ждет их на том свете! Недалеко отсюда, — сказал поп, — сохранился древний Успенский монастырь. По праздникам туда ходят многие русские.

Он сказал еще немало хороших, ободряющих слов, в которых очень нуждались перепуганные люди, томящиеся в неизвестности. На прощание он благословил и дал всем приложиться к наперстному кресту. Выйдя из сарая, поп снова спрятал его под старенькой рясой, чтобы не надругались неверные.

— На душе полегчало, — снова сказал чернобородый. — Словно дома побывал... Хорош батюшка. Слыхали, православные? Поп сказал, что в церковь будем ходить...

Вслед за отцом Василием к невольникам пришел Петр Овчина, доверенный человек мурзы Сулеша. Он тоже был раб, захваченный ордынцами где-то недалеко от Киева пять лет тому назад. Но уже год, как он стал надсмотрщиком над русскими рабами мурзы Сулеша, живущими в Бахчисарае. В других местах были другие надсмотрщики, а всего их было у мурзы четверо. Прежде всего Петр Овчина раскрыл окна, заставленные на ночь деревянными щитами. В сарае стало светло.

— Будете меня во всем слушать, все устроится, — обратился он к притихшим рязанам, — понемногу выкупит вас Москва. Хвалите бога, что попали в эти места к мурзе Сулешу. Если бы в Кафу вас повели да увезли в заморье... тогда не видать бы вам Русской земли. Одно скажу: не хвалитесь богатством, не говорите татарве, у наших-де родственников денег много, от этого только худо будет, — учил Петр. — Говорите, родственников-де богатых нет, а настоящую цену за нас дадут. Были здесь такие, хвалились, дак татаре таки деньги за них заломили, что только князю какому впору!

— Откеда у нас богатство, — отозвался чернобородый мужик, — не много у хлебопашца за душой денег найдешь. А за науку спасибо, будем говорить, как сказал.

Петр Овчина сразу заметил высокую, статную Анфису и подошел к ней ближе.

— Ты откуда, красавица? — спросил Петр, положив ей на плечо руку.

Анфиса молча скинула руку надсмотрщика и спряталась за спины своих товарищей.

— Да ты не бойся, не трону, — заторопился Петр, — ишь пугливая... Ну, бабы и девки, за мной ступайте! Отведу я вас к старшей жене хозяина. Сегодня у ней по дому работы много. А вы, мужики, погодите здесь, я скоро вернусь.

Женщины тесной кучкой шли за надсмотрщиком, с любопытством и страхом поглядывая по сторонам. Здесь все было чужое, все не такое, как в Рязани. Вместо бревенчатых изб с высокой крышей виднелись низенькие сакли, сложенные из дикого камня. На деревьях росли невиданные плоды. И цветы другие, и птицы. И люди одеты не так, как дома...

— Что это? — спросила пожилая рязанка, показывая на тонкую и высокую башню минарета.

— Церковь ихняя, — обернулся Петр Овчина. — Вместо колокола с этой башни попы на молитву зовут.

Пленники свернули с узенькой улочки в каменные ворота. За забором из серого булыжника раскинулся обширный сад мурзы Сулеша.

— Здесь с гостями пирует мурза, наш хозяин, в жаркую погоду, — показал Петр на цветные шатры, раскинутые под деревьями. — Не любят татары по домам в духоте сидеть.

— А как наш хозяин, шибко злой? — спросил кто-то из пленных.

— Против других татаров — милостивый.

В конце сада люди в грязной и рваной одежде срывали с отяжелевших ветвей созревшие персики и складывали их в большие плетеные корзины. Надсмотрщик в белой чалме и с большим вислым носом прохаживался в саду. Он больно тыкал палкой в спину нерадивых.

Старшая ханская жена оказалась сгорбленной старухой с приплюсненным носом и высохшим злым лицом. Она ждала женщин в легкой деревянной беседке, увитой розами. Старуха

безжалостно относилась к рабам. Провинившихся она заставляла пить крепкий соляной раствор. Чтобы человек после такого угощения не умер, его приходилось отпаивать бараньим жиром.

Анфиса несколько раз замечала на себе взгляды надсмотрщика Петра. Прощаясь, он незаметно притронулся к ее руке и сунул розовощекий персик.

«Не хватало мне еще новой беды, — подумала Анфиса. — Кроме горя, ничего мне от этого человека не ждать».

А Петр Овчина долго стоял у беседки и улыбался. Запала ему в душу Анфиса.

Глава тридцатая. НЕТ ТАКОГО ДНЯ, ЗА КОТОРЫМ БЫ НОЧИ НЕ БЫЛО

На Русской земле по-прежнему свирепствовали голод и моровая болезнь. Люди скитались как тени, выпрашивая под окнами кусок хлеба, умирали на улицах и дорогах. В Москве на торгу четверть ржи, как и в прошлом году, стоила пятьдесят алтын вместо пяти копеек, а заработать простой человек мог по-прежнему одну копейку в день. Голодных и ослабевших валила с ног болезнь. Люди молили бога о спасении. По всем дорогам стояли бревенчатые церкви и часовни, построенные недавно, во время поветрия. Но и попов подбирала болезнь, и служить в церквях был некому.

Начинался сентябрь. Шли дожди. Дороги размокли и превратились в месиво.

У начальника заставы, боярского сына Семена Левашева, был твердый приказ думных бояр. Он неукоснительно должен сжигать на костре каждого, кто ехал в Москву без разрешительной бумаги и по недозволенной дороге. И сжигать не только самого нарушителя порядка, но и его лошадь, и повозку, и товары. А если едет человек по дозволенной дороге, но без разрешения, таких приказано поворачивать обратно, пусть едет туда, откуда приехал.

В стороне от дороги виднелась большая куча пепла с торчавшими из нее обгоревшими костями. Здесь нашли себе могилу десятка два мужиков, три купца и поп, их лошади, товары и повозки.

Стражники жили в ямском дворе. Это три жилые избы, конюшни и погреб. Дорогу на Москву перегораживали ворота из тесаных плах. От ворот по сторонам дороги шел забор из кольев, чтобы не было объезда.

В день святого Кондратия, рано утром, едва стало светать, в дверь ямской избы, где спал на печи стрелецкий полусотник, громко постучали. Злой, невыспавшийся, вышел на крыльцо Семен Левашев, прилаживая на ходу к поясу саблю. Шел мелкий, нудный дождь.

У заставы по ступицы в жидкой грязи стояла крытая кожей колымага, запряженная четверкой уставших лошадей. Возле виднелись еще две повозки и несколько верховых. У лошадей круто и коротко подвязаны хвосты.

— Эй, полусотник, пропускай! — закричал невзрачного вида человек в измятом, перепачканном грязью кафтане и меховой шапке, суетящийся возле повозок. — Невесту везем царю на смотрины! Марфу, дочь тверского дворянина Собакина, Василия Степановича Старшого!

Семен Левашев разбудил подьячего. Вместе они прочитали бумагу. Все было чин по чину, и полусотник велел открыть ворота и пропустить колымагу с царской невестой, дочерью

дворянина Собакина, и всех Собакиных, ехавших с ней.

Расчесывая тело, горевшее от многих клопных укусов, боярский сын пошел досыпать в избу. Но заснуть ему не удалось. К заставе подъехала вторая колымага, опять с царской невестой. Потом еще одна, и еще... За день Семен Левашев пропустил в Москву сорок шесть колымаг и все с царскими невестами.

Благородных русских девиц везли в Москву не только через Тверскую заставу, но и по всем дорогам, из ближних и дальних городов. В Москве невесты ждали повеления ехать в Александрову слободу для царского осмотра.

Из Новгорода на свадьбу приехали скоморохи, вызванные по приказу царя. На особых подводах провезли несколько десятков ученых медведей.

10 сентября пришел царский приказ: всех невест везти в Александрову слободу.

На следующий день на дороге между Москвой и Слободой непрерывно двигались и конные и пешие. Тяжело катились колымаги с кожаным верхом на широких колесах, окруженные вооруженными всадниками, тряслись по ухабам легкие повозки и телеги тех, кто победнее. По случаю торжеств лошади были украшены разноцветными тряпками и лисьими хвостами. В колымагах ехали невесты из дальних мест — из Смоленска, Твери, Новгорода, Рязани, Холмогор, Каргополя...

Надеясь на бесплатное угощение и милостыню, месили босыми ногами грязь бедные люди, голодные, нищие.

— Естушки хочца, естушки... — раздавалось по дороге.

На середине пути между Москвой и Александровой слободой, в стороне от проезжей дороги, виднелся небольшой участок земли, огороженный со всех сторон дощатым забором.

Все, кто проезжал и проходил мимо этого места, останавливались, крестились и читали молитву. За забором была выкопана большая квадратная яма, шириной в двадцать локтей и на глубину двенадцать. В яме хоронили умерших от голода и болезней. У забора стояла избушка, где жил приказной человек, ведущий учет покойникам, и несколько женщин, которые обмывали трупы и заворачивали их в полотно. В такую яму можно захоронить больше двух тысяч.

А забором ограждали яму для того, чтобы собаки и волки не могли добраться до мертвых.

Приторный запах мертвечины доносился из ямы.

В Александрову слободу опричники никого не пускали. Из двух больших сел, расположенных поблизости, были выселены все жители, и их дома, вычищенные и вымытые, отдавались приезжим на временное проживание. Матери, тетки и няньки лихорадочно принялись прихорашивать дочерей к царскому выбору.

Не все родители с желанием везли невест на царские смотрины. Если бы не бояре, посланные в разные города и записавшие всех местных красавиц, кое-кто из отцов и матерей предпочли бы совсем не ехать в Москву, а быть вместе с дочерьми от греха подальше, по-прежнему у себя дома. Однако многие отцы, особенно из захудалых родов, которым улыбалось счастье возвыситься и разбогатеть благодаря красоте своих дочерей, мечтали попасть в родственники к царю.

12 сентября были назначены смотрины в царском дворце. Увидеть светлые царские очи в Александрову слободу съехалось больше двух тысяч самых красивых русских девушек. Возраст их самый различный: были четырнадцатилетние и девятнадцатилетние.

Утром царь Иван уселся на резное золоченое кресло, поставленное в самой большой палате Александрова дворца. Ровно в девять часов ударил набатный колокол соборной церкви. В палате появились девушки. Они шли вереницей, одна за другой, молчаливые, с каменными лицами, опущенными в землю глазами. Каждая подходила к царскому креслу и останавливалась в одном аршине от царя, там, где была положена узкая белая лента. Если царь молчал, девушка поворачивалась и шла налево, к другой двери, и выходила из палаты.

Царь Иван сидел, ухватившись за ручки кресла, и внимательно вглядывался в лица девушек. Перед ним проходили высокие и маленькие, полные и тоненькие. Бледные и румяные, темные и светловолосые.

У царского кресла стояли опричные и земские бояре. Из приближенных опричников многих не доставало. Не было любимца Афанасия Вяземского, он томился в заточении. Не было воевод Петра Зайцева и Ивана Чеботова — один казнен, другой постригся в монастырь. Не было князя Василия Темкина, Басмановых Алексея и сына Федора... Все они погибли по приказу самодержца. Остался Малюта Скуратов.

Желтое лицо царя сегодня особенно было неприглядным. Под глазами набрякли темные мешки. Редкая борода причесана. На облысевшей голове виднелся лишь венчик седых волос. Его внимание совсем не привлекали бледные и худощавые. Зато он тщательно рассматривал высоких, полных и розовощеких. Царь хотел выбрать здоровую жену. Изредка Малюта Скуратов наклонялся к нему и шептал несколько слов.

В палате стояла напряженная тишина, нарушаемая лишь быстрым дыханием и легкими девичьими шагами.

Первый раз царь остановил наряженную в шелка и золото невесту через три часа после начала смотрин.

— Стой, девица, — сказал царь, — посмотри на меня!

Высокая, с русыми волосами, румяная девушка подняла глаза и взглянула на жениха.

— Как зовут?

— Марфа, отца Собакина.

Малюта наклонился к уху царя и произнес:

— Лицом бела, да отцом не мила.

Иван Васильевич отстранился от шепчущих губ своего советника и сказал:

— Хороша, ее наособицу.

Бояре с поклоном отвели девушку направо.

Еще через час царь снова остановил высокую, краснощекую и полную девушку.

— Кто такая?

— Евдокия, отца Сабурова.

— Наособицу, — распорядился царь.

В первый день было осмотрено пятьсот девушек и отмечены царем девять.

К концу пятого дня двадцать четыре прекрасных девицы были отобраны из двух тысяч. Они

опять предстали перед глазами царя, и он отобрал из них двенадцать.

Повивальные бабки со всех сторон осматривали девушек, придираясь к каждой родинке или к самому незначительному пятнышку на теле. Им-то ведомо, где родинка украшает, а где приносит несчастье и болезни. Когда невест осматривали повивальные бабки, царь сидел в смежной комнате и подглядывал в маленькое незаметное окошечко. Повитуха Мясоедиха, самая опытная и хитрая, знала, у каких девиц родители не по душе Малюте Скуратову. Его тайные советы тоже были учтены. Осмотр довершили три дворцовых лекаря под наблюдением доктора Елисея Бомелия.

После всех осмотров остались шесть девиц. Они вконец замучились. Такого стыда им никогда не доводилось испытывать. Все они были самые красивые, здоровые... Девушки снова, в большой дворцовой палате, предстали перед глазами царя Ивана. Сейчас решится судьба. Кто-то из них станет русской царицей. Им приказали стоять рядом, спиной к стене, и ждать.

Тяжело опираясь на посох, царь приблизился к девице, стоявшей справа, остановился, оглядел ее. Медленно двигаясь, он прошел по всему ряду, останавливаясь возле каждой. Он заметил, что у них от нервного напряжения дрожат колени, и был доволен. На этот раз и девицы разглядели как следует жениха. Лысый, беззубый, сгорбленный, царь Иван не мог быть по душе ни одной из стоявших перед ним. Только воспитанные в беспрекословном подчинении родителям, верящие в божественную власть царя могли безропотно согласиться на брак с таким человеком. А ведь каждая слышала и про жестокий характер царя, про его казни и опалы.

Наслаждаясь состоянием перепуганных, трепещущих девиц, словно испытывая их, царь еще раз прошелся возле соревновательниц на царский венец. Он впивался взглядом в каждую. Все красивы, все по вкусу царю. Трудно сказать, какая лучше.

К царю приблизился первый боярин земской думы Иван Федорович Мстиславский и с поклоном подал ему кольцо и шелковый платок.

Царь Иван решил снова посмотреть на девиц. Он опять прошел по ряду. Высокую и дородную красавицу, стоявшую второй справа, он взял было за руку. Девица залилась краской, но царь прошел дальше.

Бояре зашептались. Наконец царь Иван решился. Он сделал шаг к высокой, русоволосой и красивой Марфе Собакиной и, чуть склонив голову, подал ей кольцо и платок. Ее тяжелая красота затмила остальных. Царская невеста пошатнулась. Ее поддержали и повели. Вокруг все кланялись и поздравляли с высокой честью. Теперь она стала царевной, и все должно пойти по заведенному с давних времен порядку.

Но царь не уходил и не отпускал стоявших у стены девушек.

Он снова подошел к ним и, позвав боярина Мстиславского, сказал:

— Вот эту я выбрал для сына Ивана... Ты чья?

— Евдокия, дочь Сабурова, — едва шевеля языком, отозвалась девушка.

Ей неожиданно повезло. Быть женой царевича, молодого статного юноши, куда приятнее, чем быть царицей и жить с беззубым стариком.

В доме, где разместилась семья царской невесты Марфы Собакиной, сегодня был праздник. Гости все свои, родственники. Только вот с братом Калистом пришел кто-то незнакомый, назвался Федором Сабуровым, будто родственником невесты царевича.

Шутка ли сказать: дочь Марфа скоро станет русской царицей! Есть от чего закружиться голове. Вчера царь пожаловал в бояре отца Марфы, Василия Степановича Большого, дядю Марфы, Василия Степановича Меньшого, — в окольнічье, а двоюродного братца Марфы — в кравчье. Тверской род Собакиных был из старого дворянского рода Нагих-Собакиных. Собакины ничем не выдавались, по службе бывали в писцах и изредка в воеводах.

И вот теперь они — царская родня. Сколько возможностей им открыла Марфа!

Отец, Василий Степанович Большой, третий раз пил про свою дочь и много раз про великого государя Ивана. Он сильно охмелел и плохо ворочал языком.

— Все хорошо, — говорил Собакин Большой, — от опричников бы только избавиться. Буду слезно дочь свою молить, пусть она царю и великому государю слово свое замолвит. Она у меня с норовом, что захочет, то и станется. Скажет, опричнине не бывать, — заплетался пьяный Собакин, — и царь так и сделает. А мы все ей поможем, нам любить опричнину не за что.

Опять пили за здоровье Марфы и за великого государя.

Под конец все изрядно опьянели и повалились спать, кому где пришлось.

Тот, кто назвался Федором Сабуровым, вскочив на стоявшего у привязи вороного коня, помчался в Слободу, прямо к дому Малюты Скуратова.

Глава тридцать первая. «И ЛЕКАРСТВО ЕСТЬ ЯД, И ЯД ЕСТЬ ЛЕКАРСТВО...»

В ожидании свадьбы царь был скромн и не проливал крови. И дышалось ему легче, и сил прибавилось. Почувствовав себя молодоженом, он снова стал париться в бане. Ходил он туда вместе с Борисом Годуновым. Борис был недавно пожалован из рынд в царские мыльники и получал пятьдесят рублей в год. Никто не мог так усладить в парильне березовым веником, как он.

Сегодня был постный день, и царю подали на обед только рыбное. Иван Васильевич попробовал стерляжьей уха, съел пирог с палтусом и принялся за отварного осетра. Обедал он в маленькой комнате вместе с князем Никитой Одоевским и князем Василием Ивановичем Шуйским. Настроение у царя было превосходное, он шутил, много смеялся.

Похвалив осетра, вытер полотенцем губы, отпил глоток вина. Он еще держал кубок в руках, когда в дверях показался бледный перепуганный лекарь.

— Ваше величество, — кланяясь, сказал Бомелий, — с нерадостной вестью я пришел...

Царь Иван поднял на него тусклые, впалые глаза.

— Царевна Марфа нездорова, ваше величество.

— Что с ней? — спросил царь, не чувствуя еще ничего плохого. — Угорела, наверно?

— Ваше царское величество, я не могу сказать наверное, но... но...

— Не тяни!

— Ваше величество, я думаю... есть основания считать, что царевна отравлена.

— Опоили?! — Царь поперхнулся, вскочил с кресла. — Не верю! Кто это может здесь, в опрочнине! А другой никто без моего позволения не смеет войти во дворец!

— Ваше величество, — Бомелий с мольбой скрестил на груди руки, — я... я принял все меры, может быть, удастся спасти...

Царь нащупал рукой сиденье. Сел.

— Малюту... — приказал он стоявшему около него Годунову. — Пусть не медлит.

Пока не пришел Скуратов, никто не проронил ни слова.

— Как ты мог допустить, где были твои люди? — напустился царь на запыхавшегося Малюту.

— Что случилось, великий государь? — Скуратов бросил быстрый взгляд на лекаря. Пожалуй, первый раз за многие годы он по-настоящему испугался.

— Мою невесту Марфу опоили! — И царь отвесил пощечину своему любимцу.

Малюта упал на колени и поцеловал ударившую его руку.

— Не гневайся на меня, великий государь... — Голос Скуратова дрожал. — Если с Марфой Васильевной что неладно, я найду виноватого. Найду, не уйдет...

Иван Васильевич постепенно осознал случившееся. Отравили невесту! Его невеста Марфа Васильевна может умереть! В глубине его души вздымалась ярость. Но он заставил себя побороть ее.

— Пойдем, Бомелий, со мной, я хочу видеть царевну... И ты, Григорий...

Сам распахнув дверь в опочивальню Марфы, негромко сказал:

— Вон отсюда, все вон!

Боярыни, теремные девушки-прислужницы, обступившие постель царевны, в испуге кинулись к выходу. Царь каждую проводил тяжелым взглядом.

Осталась только боярыня-мамка Ульяна Сабурова.

Царь неровными шагами подошел к изголовью и увидел бледное, вровень с наволочкой, лицо и неестественно расширенные глаза невесты.

Всего десять дней прошло с тех пор, как он выбрал ее из тысяч, молодую, пышущую здоровьем. А сейчас...

В глазах царевны Марфы стояли слезы.

— Спаси меня, великий государь, спаси меня! Я жить хочу!

Ивана Васильевича потрясли эти простые слова. До сих пор он никого не спасал, а только губил. А теперь его молодая невеста верит, что он всемогущ в жизни, ее государь...

Царь уже поверил, что Марфу отравили. Желание спасти ее было настолько велико, что припадок бешенства, которого всегда все так боялись, не наступил.

Царь обернулся к Бомелию.

— Не вылечишь царевну — сожгу живого. Посажу в клетку и сожгу, — сказал он без гнева. —

А ты, — кивнул Малюте, — всех, кто был около Марфы, бери в пытошную. Вечером я сам к тебе прибуду. Пытать, пока не найдем злодея! А этого — напоследок. — Он посмотрел на лекаря.

— Ваше величество, — опомнился трясущийся Бомелий, — я прошу разрешения остаться у царевны. Лечить надо, не откладывая минуты... А вас, ваше величество, прошу выпить две ложки снадобья, что я вам приготовил вчера... Теплой воды сюда и много молока, — распорядился лекарь. Он понял, что от жизни Марфы Собакиной зависит его жизнь.

— Лечи, — пересиливая себя, сказал царь. — И вылечи!

Самообладание стало его покидать. Затряслись ноги и руки. Гнев неодолимой волной ударял в голову.

Царь круто повернулся к двери. Следом, переваливаясь, словно упитанный петух, спешил Скуратов, за ним семенила боярыня-мамка.

Думный дворянин тотчас выполнил повеление. Все, кто был поблизости от царевны со времени ее вступления во дворец, схвачены и брошены в застенки. Не зная, как быть дальше, Малюта отправился домой, поднялся в свою комнату и надолго задумался. Пытать людей бесполезно. Марфу Васильевну отравил лекарь Бомелий. Он, Малюта, сам приказал ему... Василий Собакин хвалился уничтожить опричнину руками своей дочери. Значит, он, Малюта, поступил правильно. Он защищал себя, свой дом, своих детей. Что делать? На этот раз сложилось неудачно. Марфа Собакина понравилась царю, он и не подумал остановиться на Евдокии Сабуровой, как предполагал Малюта. Возникло дело, в котором он, Малюта, не вместе с царем, а против него. Но теперь не поправишь, назад не вернешь. Понемногу он привел мысли в порядок. «Кто еще может быть заинтересован в смерти Марфы?» — спрашивал он себя. Кто-нибудь из родственников покойной царицы Анастасии? Начать с боярыни Шереметевой. У него на допросе она все скажет. Скажет, что подсыпала яд, оговорит кого угодно... Скуратов тяжело вздохнул. Времена пошли другие, оступиться легко. Он понимал, что вера царя в опричнину поколебалась. Нужно ли было искать вину Афанасия Вяземского? Или старика Алексея Басманова? Они были твердыми людьми, и царь им верил. С ними считались и земские. «Я думал, что устраню своих соперников и мне будет вольготнее одному при царе», — признался он себе. Но теперь Малюта видел, что события поворачивались не так, как хотелось. Вокруг царя появились люди, враждебные опричнине.

«А если найти новых друзей в лагере противников, в земщине? — Малюта грустно усмехнулся. — Вряд ли. Буду там искать, потеряю последних у своих. Нет, остался один верный путь: снова убедить царя, что он окружен изменниками, что без опричнины, без верного Гриши ему не прожить и одного дня, придумать что-нибудь страшное...

Марфа — царская невеста. Раз ее отец хвалился расправиться с опричниной, значит, он на что-то надеялся. Моя палка о двух концах: одним я бью врагов опричнины, другим пугаю царя. Раз измена заползла в Александрову слободу и во дворце отравляют невесту царя, значит, враг силен и опричнина государю нужна. Должна быть нужна!»

Поздно вечером Скуратов плотно поужинал, снял со стены тюремные ключи и подвесил их к поясу. Накинув на плечи плащ, подбитый мехом, взяв в руки слюдяной фонарь, он отправился в пытошную. Царь, хоть и грозился, не пришел.

На следующий день царь Иван посетил больную невесту.

— Полакомься, Марфенька, в нашем саду выросло. — Он протянул ей большое красное яблоко.

— Спасибо, великий государь.

— Скоро свадьба, голубушка, царицей станешь, веселей смотри, — старался он ее подбодрить.

— На сердце тяжело, великий государь, и тело ломит.

Царь прикоснулся к побледневшей щеке Марфы сухими холодными пальцами.

— Не лечит разве Бомелий?

— Лечит, великий государь. Однако здоровья только чуть прибавляется. Но ты спасешь меня?

— Выздоровеешь... А что, разве плох лекарь?

— Нет, он старается... — Девушка не хотела обижать немца.

Царь поцеловал в лоб невесту и, мягко ступая по толстому ковру, вышел из опочивальни. У дверей слуги с трепетом ждали его.

— Развеселить царевну — не то всех на конюшню. Запорю! — Царь Иван хмуро посмотрел на дрожавших от страха женщин.

— Сделаем, великий государь, — ответила старшая верховая боярыня⁸³. — Постараемся, батюшка.

Царь кивнул головой.

— Не крепка царевна к твоей государевой радости, — осмелела боярыня. — Ох, как не крепка!

— Старая ворона! — рассвирепел царь и ударил ее вдоль спины посохом. — Будешь каркать, плетей отведаешь!

Боярыня всхлипнула и повалилась на пол...

Между тем в Александровой слободе готовились к свадьбе.

Царь Иван вызвал из Москвы митрополита Кирилла.

— Святой отче, — сказал он, получив благословение, — я мыслю с Марфой Собакиной повенчаться. Люблю бога и верю ему. Буду его молить, чтобы исцелил царицу, мою жену. Может быть, и спасу ее тако.

Царь думал, что простую девицу Марфу бог может и обойти своей милостью, а царица, жена великого государя всея Руси, будет под его особым покровительством.

— И ты, святой отче-господине, молись за Марфу.

— Буду, — покорно ответил митрополит. — Велика милость божья.

Последние дни царь часто задумывался об одном и том же. «Мою невесту Марфу отравили в опричном дворце. Вход в Слободу только по особой моей милости. Можно ли верить ближним слугам — опричникам. От домашнего вора, говорят, не убережешься... Пустили же они Девлет-Гирея к Москве и мечей не зазубрили. Царь должен быть прозорлив, а я? Кто же отравил Марфу, кому нужна ее смерть? Вряд ли московскому боярству страшен ее отец Большой Собакин. Он пришел в закоснение и отчину свою потерял за бедностью. И родни мало. Нет, боярам его страшиться нечего. И смерть Марфы боярам не надобна. Но кто же тогда ее отравил? — еще раз спросил он себя. — Зачем понапрасну ломать голову, Гришка

найдет, кто. А уж тогда позабавимся».

Глаза царя сверкнули из темных провалов.

...28 октября 1571 года была назначена свадьба.

Приближалась зима. Деревья давно стояли голые. По ночам легкий морозец покрывал лужи на дворе тонкой корочкой льда.

Погода держалась ясная, солнечная.

Малюта Скуратов получил великую милость. Зять его, Борис Годунов, не имея знатного сана, стал на свадьбе дружкой царицы Марфы, а жена Бориса Мария, дочь Малюты, — свахой.

Все шло по старинному обычаю. В небольшой горнице приготовили постель на тридевяти снопах. Стены завесили шелками, а по углам воткнули стрелы с сорока соболями на каждой. Под соболями на лавках поставили свадебный мед.

Марфа ждала царя в соседней горнице. Она сидела на высоком кресле, и рядом с ней сидела ее сестра Ольга. Невеста похудела и побледнела во время болезни, но казалась еще красивее. Боярыни сидели по лавкам, а слева стояли бояре со свечами и караваем хлеба.

Царь Иван вошел в горницу со своими свадебными боярами, поклонился образам, подошел к невесте, приподнял с кресла ее сестру Ольгу, сам сел на ее место. Священник читал молитву.

Жена тысяческого⁸⁴ расчесала волосы жениху и невесте. Одеда невесте кикю с навешенным покровом, а жениха осыпала хмелем из большой золотой мисы. Дружка жениха резал хлебы и сыр, ставил перед новобрачными и рассылал присутствующим, а дружка невесты Годунов раздавал ширинки⁸⁵.

Немного посидев с невестой, царь отправился к венчанию в церковь со всеми своими боярами, а на месте, где сидел, положил сорок соболей.

На разукрашенных санях поехала в церковь невеста, а перед ее санями несли свечи и каравай хлеба.

Обряд совершал митрополит Кирилл в соборной церкви. После венчания новобрачным дали вина. Царь бросил опорожненную склянницу оземь, разбил и потоптал ногами. Никто не смел ступить ногою на эти стекла.

Митрополит, а за ним все бояре поздравляли молодоженов. Царица устала и держалась из последних сил. Выходя из церкви под торжественный звон колоколов, она, тихонько вскрикнув, покачнулась и потеряла сознание. Царь едва успел ее подхватить.

Среди приближенных началось смятение. Несколько боярских жен взвыли дурными голосами.

— Перестать! — гневно крикнул Иван Васильевич, все еще держа на руках царицу, глядя на всех страшными, выпученными глазами.

Причитания разом стихли.

Долго Марфа Васильевна лежала без памяти на своей золоченой кровати. Лекарь, видя свою смерть, метался возле больной, то ставя ей грелки на ноги, то прикладывая лед к голове.

Через три дня жертве Малюты — Бомелия стало немного лучше, и царь решил женить сына

Ивана на Евдокии Сабуровой.

Вторую свадьбу сыграли 4 ноября. Но свадебные пиры закончились похоронами. Через неделю скончалась молодая царица Марфа Васильевна⁸⁶.

Царь получил неожиданный удар и страдал. Но страдал не потому, что потерял любимого человека. Любви к Марфе он не чувствовал. Ему было жаль самого себя. Он досадовал на бога, считая его несправедливым. Почему всевышний не внял его мольбам, зная, что он, царь Иван, женился на Марфе для ее исцеления? Молился о здравии царицы не только он, но и митрополит и монахи по монастырям. А вышло, что он, великий государь, обладавший на земле почти божественной силой, по слову которого умерщвлялись тысячи людей, не смог сохранить жизнь одному человеку — своей жене. Царь чувствовал себя униженным.

Матвей Постников, которого оговорила боярыня Шереметева, по приговору царя был бит плетью до смерти. В своей вине Постников не сознался и никого другого не назвал, несмотря на страшные пытки. Лекаря Бомелия прежний царь Иван послал бы на костер, он никогда не забывал подобных обещаний. Теперешний царь раздумывал, что сделать с провинившимся? Через неделю после смерти царицы он призвал Бомелия в свои покои. Лекарь пришел зеленый от страха. Оскалив редкие мышиные зубы, с воплем бросился он на колени.

— Это был сильный яд, я не мог ничего сделать. Пощадите, пощадите, ваше величество!

— Разве ты знаешь сильные и слабые яды? — спросил царь без всякого интереса, чтобы только спросить.

— В моей аптеке есть две дюжины лекарств, смертельных для человека, — ответил, не поднимаясь с колен, немец. — Соединив их в разных количествах, я могу приготовить яд, от которого человек умрет в назначенное время.

У царя пробудилось любопытство:

— Почему ты говоришь о лекарствах, которые убивают?

— И лекарство есть яд, и яд есть лекарство, — ответил Бомелий. — Все зависит от количества: много — убивает, мало — исцеляет.

Иван Васильевич в задумчивости теребил свою редкую бородку.

— Великий государь, — взмолился лекарь, — пощади меня... Я буду тебе полезен. Без всякого шума я уничтожу любого врага, стоит только пригласить его на обед или на ужин. Он умрет не за столом, нет, это совсем не разумно. Он может умереть на следующий день, через три дня, через неделю. И никто не подумает, что твой враг умер по твоему приказу. Никто, кроме меня, не сможет этого сделать. Григорий Лукьянович очень верный тебе человек, но он грубо работает. Его вся Москва считает злодеем и убийцей... Зачем это тебе? А твои болезни, великий государь, я буду лечить лучше любого другого. Я нужен тебе, великий государь.

Иван Васильевич барабанил пальцами по ручке кресла. Он подумал: и в самом деле, один такой врач, как Бомелий, может заменить многих опричников. И решил сохранить его.

— Добро, — сказал он, — встань, живи... Ответь мне, — помедлив, добавил царь, — все ли яды смертельны или во благовремени можно спасти человека?

— Я знаю противоядия почти от всех ядов, только от двух я не могу спасти — они действуют мгновенно.

— Добро, будешь моим лекарем и тайным советником.

Елисей Бомелий поднял голову. Его плутовские глаза встретились с сверлящими черными глазами царя. Сейчас в них не было гнева. Лекарь бросился к царской руке, осыпая ее поцелуями. Он не чувствовал под собой ног от счастья.

— Я могу сделать восковую свечу с отравленным фитилем. Она ничем не отличается от других свечей, но если человек посидит с ней час — он умрет.

— Добро, добро, — кивнул царь. И это ему понравилось, о таких свечах он раньше не слышал.

— А почему, ваше величество, вы не употребляете казнь через повешение?.. За шею, — осмелев, спросил Бомелий. — В англиском государстве считают эту казнь очень удобной. Никакой крови...

— «В англиском государстве»... — с презрением сказал Иван Васильевич. — Разве там христиане? Разве там думают о душе? Я казню тело, но православная душа идет ко всевышнему чистой.

— Не понимаю, ваше величество, что может случиться с душой повешенного?

— Душа человека, повешенного за шею, должна выходить низом, и это поганит ее... Понял теперь? — добавил царь с чувством превосходства.

— Понял, вы правы, ваше величество, — низко склонился лекарь.

...В эти же недели судьба готовила царю Ивану еще один удар. В морозный декабрьский день гонцы из Юрьева принесли неожиданную весть. Войдя в горницу, боясь взглянуть на царя, они молча повалились на четвереньки и поползли к его ногам.

— С чем пришли? — пронзительно вскрикнул царь Иван, чуя недоброе.

— Измена, великий государь, — сказал боярский сын Микита Силов, не поднимая головы. — В городе Юрьеве немецкая дружина перешла на сторону короля Жигимонда.

— Говори толком, все говори! — Царь вскочил со своего места. — Поднять их! — крикнул он телохранителям.

Гонцы мгновенно вскочили на ноги.

— Твои доверенные Иоганн Таубе и Элерт Крузе, великий государь, подговорили капитана немецкой дружины Розена, состоящего на твоей службе, и он намерился взять в свои руки город Юрьев...

— Дальше!

— В воскресенье, когда русские после обеда легли спать, Розен напал на спящих. Перебили стражу, отворили тюрьмы, выпустили узников, и они, взяв оружие убитых, стали помогать изменникам...

— А что стрельцы, дети боярские?

— Те, что остались живы, закрылись в домах и стали обороняться. Подоспели стрельцы из посада и оружные русские купцы. Капитан Розен со своими воинами покинул город.

— Город остался в наших руках, — облегченно произнес царь и перекрестился. Лицо его прояснилось.

— В наших, в наших, великий государь! — обрадовались гонцы.

— Почему вам известно, что опричники Таубе и Крузе изменили мне? — спросил царь, снова грозно нахмурясь.

— В доме, где они жили, стрельцы нашли письмо от Жигимонда. Король в том письме...

— Где письмо?

Силов достал из-за пазухи бумагу и подал.

— Собаки шелудивые, — прохрипел царь, прочитав письмо. — Я верил им, все им дал: знатность, деньги, почет... Опричники! — Он швырнул письмо на пол.

Дьяк Василий Щелкалов нагнулся и поднял его.

— Где они? Поймать!

— Утекли, великий государь, к королю и женок своих и детишек увезли.

Царь затопал ногами. Глаза его закатились. Он зашатался и словно слепой стал руками искать опору.

Двое слуг подхватили его.

Прибежал Бомелий со склянкой в руках и стал поить царя пахучим лекарством.

Через два дня примчались новые гонцы из Юрьева.

«Порядок в городе восстановлен, — доложили они. — Жители города не поддержали изменников. Таубе и Крузе призывали их, но жители, помня твое грозное имя, отказались и закрылись в своих домах».

Царя Ивана поразила измена лифляндских дворян-опричников. Он снова подумал, что полагаться на корыстолюбивых, потерявших стыд и совесть людей опасно. «Только тому, кто ищет благоденствия своему отечеству, своему царю больше чем собственное благополучие, можно доверить свою судьбу, — решил царь, — а те, кто зарится на почет, деньги и знатность, верны до тех пор, пока не найдут другой выгоды. Мерзавцы, выбрали тяжелое время! Хотели мне нож в спину всадить. Ладно, посчитаемся...»

В конце уходящего 1571 года царь Иван приехал в Новгород с целью отомстить шведскому королю Иоганну. Готовилась война.

В Казанскую землю царь послал Василия Тюфякина и Григория Мещерского, приказав им собрать казанских князей, и татар, и черемису, и мордву и, собрав, за собою вести в Новгород.

В Кириллов монастырь царь Иван и митрополит отправили грамоты к игумену и старцам, просили их молиться о победе над врагом.

Однако до войны дело не дошло.

10 января 1572 года царь вызвал в Новгород опальных шведских послов из Мурманна и в тронной речи объявил им новые условия заключения мирного договора. Король Юхан должен заплатить 10 тысяч ефимков за оскорбление послов Воронцова и Наумова в Стокгольме, уступить свои владения в Ливонии, заключить союз против Дании и Литвы. Кроме этого, царь требовал, чтобы Иоганн именовал его в грамотах властителем Швеции и прислал в Москву свой герб для изображения на царской печати.

Царь Иван исчислил все вины короля. А про себя объявил, что, требуя от Ирика Катерину Ягеллонку, считал ее бездетною вдовой и, следовательно, не нарушал божественного устава.

Послы уверяли, что их новый король во всем исправится и будет бить челом. Они подписали грамоту, где указывалось, чего требует великий государь русский и что он переменяет к Швеции гнев на милость и согласен не воевать ее владений до троицына дня.

Бояре расспрашивали шведского епископа Павла о юной сестре короля и давали понять, что царь Иван может на ней жениться.

С епископом Павлом царь отправил королю письмо: «Ничем не умолишь меня, если не откажешься от Ливонии. Надежда твоя на цесаря римского есть пустая. Говори что хочешь, но словами не защитишь своей земли...»

С тем шведское посольство и отбыло, умоляя русских мирно ждать ответа Стокгольма.

Глава тридцать вторая. КТО НЕ РАСПОЛАГАЕТ СИЛОЙ, ДОЛЖЕН ДОБИВАТЬСЯ ЦЕЛИ ХИТРОСТЬЮ

В самом начале лета 1572 года у мурзы Сулеша родился шестой сын. Поздравить пришли высокие сановники, приближенные хана. Даже из Кафы приехал важный турок, посланный пашой Касимом.

Над Бахчисараем снова стояла жара. Опьяняюще пахли розы в саду Сулеша.

Пиршество началось в шатре, поднятом среди персиковых деревьев на толстых столбах высотой в три копья. Посреди шатра били холодные струи фонтана, в которых танцевали золотые, серебряные и красные шарики. Фонтан был гордостью мурзы Сулеша. Гости расселись вокруг волшебного фонтана на мягких шелковых матрасиках. Перед ними на золоченой коже лежали конские окорока и бараньи туши. Слуги отрезали большие куски жареного мяса, клали их в серебряные чаши, поливали крепким соленым бульоном и ставили перед гостями. Другие слуги складывали тонкие пшеничные лепешки вчетверо и клали сверху на мясо. Гости, не теряя времени, со вкусом жевали сочное мясо и запивали его хорошо перебродившим кумысом. Когда с жареным было покончено, слуги принесли большое серебряное блюдо с крупными кусками лошадиных почек и другое блюдо с бараньими головами.

Мурза Сулеш был одним из самых богатых людей в Крыму. Он умел добывать деньги. Немалую часть военной добычи он получал на дележе. Многочисленные рабы создавали ему богатство на виноградниках, бахчах и пашнях.

Мурза не считал за большой грех приторговывать секретами своего повелителя Девлет-Гирея, за что ему перепадал изрядный кошелек золота от московского князя. А другой раз он уговаривал крымского хана поступить так, как хотел московский. Недаром в своих тайных бумагах русский посол Афанасий Нагой называл мурзу Сулеша «наш крымский доброжелатель».

После вареного и жареного мяса подали соленую баранину и колбасы. Когда стемнело и гости могли порезать руки острыми ножами, слуги зажгли двенадцать позолоченных восковых свечей. Гости резали мясо ножами, рвали его зубами и руками. Каждый старался как можно больше запихать в свой живот. Все знали, что от мяса человек делался сильнее и

бесстрашнее в боях.

Мурза Сулеш, желая позабавить гостей, позвал русского невольника Петра Овчину и заставил его играть на гусях и петь. Петр играл и пел, а гости пьянели все больше и больше. Не слушая музыканта, они спорили, перебивая друг друга.

Настоящий разговор начался после мясных блюд за сочными персиками, сладким виноградом и холодными дынями. Гости отяжелели, часто отрывались, желая показать хозяину свою сытость. Заговорили о скорой войне с московским царем Иваном. Не напрасно крымские вельможи заговорили о войне. Король Сигизмунд-Август, оценив обстановку, создавшуюся в соседней стране после разгрома татарами Москвы, опять преподнес крымскому хану богатые поминки и просил еще раз обрушить свои орды на Русскую землю. К турецкому султану выехало новое королевское посольство с просьбой оказать давление на крымского владетеля. Послы должны были растолковать султану бедственное положение московского царя, стоявшего, по мнению короля Сигизмунда-Августа, на краю гибели.

Приняв новые дары от польского короля, Девлет-Гирей поблагодарил, но воевать не собирался. Он вел переговоры с царем Иваном и надеялся добиться успехов мирным путем. Послы докладывали хану, что царь Иван делается все уступчивее...

Но вскоре пришло повеление от турецкого султана, и Девлет-Гирей, повздыхав и поохав, стал готовиться к походу. В душе он проклинал султана, заставлявшего снова садиться в седло. Ослушаться он не мог. Недаром Девлет-Гирей получал султанское жалованье — пятьдесят золотых дукатов ежедневно.

Ханские сановники с восторгом приняли весть о войне. Они спорили, как лучше ее начать. В какое время выступить, где собираться войскам, по какой дороге направить свои орды.

— А я говорю, — крикнул Дивей-мурза, — надо начинать поход не раньше, а позже, чем обычно! — Брат любимой ханской жены не любил пустых слов.

Татарские вельможи повернули к нему головы.

— За тридцать дней до похода надо послать обманные вести московскому, что идем воевать Литву, — продолжал Дивей-мурза, — пусть московский радуется. А мы тем временем соберем войска и ударим на Серпухов и перелезем через Оку. Теперь я знаю, на каких перелазах переправлять войска. Я надеюсь захватить много рабов, каждый из вас получит не меньше десяти десятков. — Дивей-мурза поднял руки кверху и растопырил толстые пальцы. — Но самым ценным рабом будет сам московский царь.

Ханские вельможи радостно загалдели.

— Хорошо, когда много рабов. Раб — это оружие, и деньги, и лошади, и богатая одежда. Жены будут довольны, и нам будет весело.

— Мы должны в первый день последнего летнего месяца быть у стен Москвы, — продолжал Дивей-мурза. — Русские называют этот месяц августом.

— Не лучше ли, господин, ограничиться Рязанскими землями, — заметил царевич, наследник ханского престола, — путь до Москвы далек и опасен. Удача не всегда с нами. Русские могут отбить пленных. И московского царя захватить трудно, его земля обширна, он далеко ускачет.

— Сначала я буду воевать Рязань и отправлю пленных в Бахчисарай, — властно сказал Дивей-мурза. — Потом налегке мы двинемся в гости к московскому царю. Его поймают и приведут ко мне на веревке русские бояре.

Ханские вельможи почтительно засмеялись. Они поняли, что Дивей-мурза будет командовать войсками крымского хана. С таким командующим, как Дивей-мурза, каждый был рад идти воевать. Он не только был братом любимой ханской жены, но и лучше всех знал, как водить на врагов ханские войска.

В заключение Дивей-мурза, отбросив церемонии, приказал всем готовиться к походу. Только толстый мурза Сулеш не сказал о войне ни одного слова. Он слушал, что говорят другие, и щурил свой единственный глаз.

Петр Овчина вышел на двор, когда гости стали разъезжаться. Ночь была теплая и темная. Ярко светились в далеком небе звезды, а внизу, на траве и на кустах, горели зеленоватым огнем тысячи светлячков. Опьяняюще пахли цветы и травы.

Татарских вельмож у дома мурзы Сулеша ждали слуги, русские невольники. После обильного пиршества гостей приходилось под руки уводить со двора и с трудом усаживать в седла.

Факельщики впереди несли яркие огни, разгонявшие ночную темноту. А мурзы и князя медленно ехали следом на лошадях, поддерживаемые с двух сторон слугами.

Петр Овчина, прислонившись к теплому, нагревшемуся за день каменному забору, долго слушал удалявшийся топот лошадиных копыт. Разговор на пиру у мурзы Сулеша заставил его призадуматься. На ослабленную войнами Русскую землю снова готовилась гроза. Петр чувствовал, что внезапное нападение Девлет-Гирея может принести непоправимые беды.

«Я должен предупредить московского царя о замыслах Дивей-мурзы, — вдруг пришла мысль в голову, — надо бежать...»

Петр Овчина прожил в татарской неволе больше пяти лет. Он понравился главному приказчику мурзы Сулеша — Алексею, русскому пленному, принявшему ислам, и он вскоре выдвинул Петра в надсмотрщики. Жилось Овчине не плохо, он сытно ел, и работа у него была не такая тяжелая, как у других. Недавно русский поп сказал ему, что пленных будут выкупать за царские деньги. Купцов ждали к первому августа.

«Но если ждать купцов, я опоздаю предупредить московского царя о войне. Сколько невинных людей будут убиты, а сколько попадет в плен!..» Но и бежать было очень трудно и опасно. Татары наказывали беглецов-неудачников строго. Отрезали уши и носы, клеймили лоб и щеки. Заподозренных в желании бежать на ночь помещали в глубокую яму и там приковывали к столбу железными цепями.

«Я должен предупредить Москву, — еще раз сказал себе Петр Овчина. — Надо бежать, не медля ни одного часа. Но что будет с Анфисой?» Рязанская пленница покорила его сердце. «Ее возьму с собой», — решил Петр. Он посмотрел на небо. Звезды показывали полночь.

Петр Овчина направился к большой постройке из жердей, обмазанных глиной, позади хозяйского дома, где содержались невольники. Постройка разделялась на две половины: в одной жили мужчины, в другой — женщины. Петр толкнул дверь в женскую половину и остановился в изумлении. Женщины не спали, разговаривали, многие плакали. И Анфиса в слезах лежала на своей постели.

— Что с тобой, что у вас происходит? — наклонившись к молодой женщине, спросил Петр.

— Разве ты не знаешь? Нас двадцать невольниц приобрел купец Осман из Кафы. Он хочет перепродать туркам в Константинополь. Купец посулил хорошие деньги мурзе Сулешу, и он согласился. Сегодня лекарь осматривал. Сколь сраму натерпелась — и не пересказать! Завтра купец Осман заплатит деньги хозяину и погонит нас в Кафу... Боже, зачем я, несчастная, родилась на свет!..

Анфиса охватила голову руками и, раскачиваясь из стороны в сторону, зарыдала.

Петр Овчина сжал кулаки, его душила злоба. Все знали, что ему нравилась молодая невольница и что он хотел взять ее в жены. И вот, не сказав ему ни слова, хозяин продает Анфису.

— Сегодня ночью я сбегу отсюда, — тихо сказал Петр. — И ты бежишь вместе со мной.

— А как же брат Федор? Я не уйду без него.

— Разбуди Федора, — сразу согласился Петр, — пусть бежит с нами. Ждите меня через час во дворе у большой шелковицы, никому ни слова, поняла?

Петр вышел из сарая. У избышки, где он жил вместе с тремя остальными надсмотрщиками, остановился. Бежать, но как? Об этом он еще не думал. Утром мурза Сулеш узнает о побеге. В погоню во все стороны помчатся конные татары. Поймают и с позором приведут обратно. И тогда все кончено. Вот к чему может привести неподготовленный побег. И вдруг пришла в голову спасительная мысль: «Рассказать все Алексею, он поможет».

Петр бросился в маленький домик, стоявший в стороне среди огромных шелковиц. Здесь жил Алексей, костромич. Двадцать лет назад, когда мурза Сулеш был еще сотником, он взял Алексея в плен. Парень был грамотен, трудолюбив и покорлив — слово хозяина было для него законом. Сулеш полюбил его и приблизил. Через десять лет Алексей принял мусульманство и женился на татарке, дальней родственнице своего хозяина. С тех пор он стал доверенным человеком мурзы во всех делах. Даже евнухи при гареме были под его началом. Алексей управлял хозяйством мурзы, содержал конюшню, делал вино и сыры, продавал все, что производилось во владениях мурзы Сулеша и шло на продажу... Пятеро сыновей родила ему жена. Все они воспитывались в исламе и говорили по-татарски. Однако Алексей втайне по-прежнему был верным христианином и не забывал русской веры. Отец Василий своей властью разрешил ему принять ислам и жить с неверной во имя великой цели — помощи своему отечеству. Алексей мог оказать помощь немалую. Мурза Сулеш доверял ему и многое рассказывал о замыслах хана.

Петр Овчина перелез через низкий забор из дикого камня и очутился у окна комнаты, где спал Алексей. Он тихонько позвал его. Алексей тотчас откликнулся. Его бородатое лицо, освещенное бледным светом луны, показалось в окне.

— Что тебе, Петр?

— Беда, брат!

И Петр Овчина торопясь рассказал о похвальбе Дивей-мурзы на пиршестве и о продаже Анфисы кафскому купцу Осману.

— Люба мне Анфиса, — закончил свой рассказ. — Научи, что делать... И царя надо упредить.

Алексей знал о желании мурзы Сулеша продать двадцать русских женщин и уговаривал его отказаться от сделки. Он видел список невольниц, предназначенных к продаже, Анфисы в нем не было. Он догадался, что это проделка старшей жены мурзы, знавшей, что Петр любит Анфису и хочет на ней жениться. Случилось так, что племянница старшей жены, кособокая Фатьма, влюбилась в Петра, и старуха решила осчастливить племянницу и выдать ее замуж за русского. Препятствием к замужеству Фатьмы, по мнению старшей жены, была Анфиса, и старуха решила от нее избавиться.

— Московского царя надо упредить, — раздумывая, произнес Алексей, — дело важное.

Беги... Захвати свою Анфису и ее брата.

— Куда бежать, татары поймут!

— Не торопись... Ты знаешь дорогу к Серебряному ручью?

— Знаю.

— Сможешь найти кибитку пастуха Никиты?

— Смогу.

— Бери тайком лошадей. Скачите к пастуховой избе. Там оставайтесь несколько дней, пока будут искать. Лошадей Никита приведет обратно в конюшню, скажет, нашел их в степи... Я упряжу, когда можно бежать дальше, к Перекопу. Пришлю с Никитой кормовых запасов. Бабу в мужичье платье одень и косы пусть обрежет. Понял?

— Понял, спасибо тебе.

Петр ликовал.

«Анфиса станет моей женой, — думал он. — Целый год она отворачивалась от меня и твердила о своем муже Степане. Теперь-то она поймет, кто ее спаситель, и отнесется по-иному».

Мысль об Анфисе удваивала его силы.

Ровно в полночь трое всадников выехали на дорогу, ведущую к Перекопской крепости. Никто не встретился на их пути. Кони ступали по земле мягко, бесшумно. Две-три собаки затаивались было, но тут же стихли. А с рассветом беглецы свернули с дороги и поскакали степью к Серебряному ручью, где стояла кибитка пастуха Никиты.

Никита был старший пастух. Он был не один. Овец стерегли восемнадцать подпасков и сотни две злобных собак. Подпаски находились неотлучно при стаде, спали под открытым небом и готовили себе пищу на кострах. В кибитке вместе с Никитой жил Федор, помощник. У него за какую-то провинность ордынцы вырезали язык, и он был нем.

К обеденному времени беглецы прискакали к Пастуховой кибитке. Никита досыта накормил их жареной бараниной. Отары мурзы Сулеша были огромны, и никто не знал, сколько там овец: то ли восемьдесят тысяч, то ли сто тысяч.

Опасаясь злых собак, редко какой татарин осмеливался приблизиться к овечьему стаду.

Поручив беглецов помощнику Федору, растолковав ему, куда их прятать, если появится погоня, Никита поехал в Бахчисарай, прихватив лошадей мурзы Сулеша.

Приказания Алексея выполнялись строго и без всякого рассуждения.

Глава тридцать третья. «ЕСЛИ БЫ РУССКИЕ ЗНАЛИ СВОЮ СИЛУ, НИКТО НЕ МОГ БЫ БОРОТЬСЯ С НИМИ»

Через месяц скитаний в жарких крымских степях беглецы оказались у Перекопской крепости. Всю ночь за ними шли волки, их было много, и беглецы радовались, что подошли к человеческому жилью.

Начинался рассвет. Черная каменная громада, поставленная турками в самом узком месте перешейка, преградила путь. Петр Овчина прожил в крымском плену пять лет и не раз бывал со своим хозяином мурзой Сулешом в Перекопской крепости. Он знал, что плоский перешеек был перекопан широким и глубоким рвом. Проход был только через ворота крепости.

Ров копали русские пленники много лет назад. Сейчас по его берегам тянулись камышовые заросли, а над камышом возвышались редкие деревья. От Перекопа до ближайших крепостей Литовского княжества Черкасс и Брацлавы шесть дней пути на хороших конях по совсем ровной, покрытой травой степи.

Посторонний не сразу различил бы среди беглецов женщину. Все были в штанах и мужицких рубашках, и волосы у всех были подстрижены коротко. Первые дни пути на Петре штаны были широкие, с огромной мотней, подаренные ему хозяином мурзой Сулешом. Они были из тонкого синего сукна, и когда-то их носил по праздникам сам мурза. Но на Петре штаны были жалким зрелищем. Когда он стоял, казалось, что стоит баба в юбке. И Анфиса часто подсмеивалась над ним. В степи широкие штаны оказались неудобными. К ним во множестве цеплялись репейники и всякие колючки, а в складках копилась пыль. На пятый день пути Петр попросил Анфису сшить ему из турецких штанов простые, мужицкие. Остатки материи Анфиса спрятала в свою котомку. Сапог ни у кого из беглецов не было.

Петр Овчина был вожак. Ему недавно стукнуло тридцать лет. Он находчив, смел и предприимчив. Федор еще очень молод: в прошлом месяце ему исполнилось восемнадцать. Но он велик ростом, и сила у него медвежья. Анфиса походила на брата: высокая, ширококостная. Она похудела во время скитаний в степи, но была по-прежнему красива. Анфиса часто плакала, вспоминая погибших детей. По ночам она горячо молила бога о своем муже. «Господи, — говорила она каждый раз, — защити моего Степана от всяких бед и несчастий. Сделай так, чтобы мы с ним свиделись...»

Казалось, что крепость стоит совсем близко. Беглецы слышали, как перекликались дозорные на стенах, слышали заунывные, протяжные песни турецких солдат.

— Днем в камышах выспимся, а вечер настанет — на тот берег. Сейчас светло, могут заметить солдаты.

— Ты прав, Петр, — согласился Федор, — надо переждать.

— Как пойдём, небось холодно, глыбко в камышах? — спросила, поеживаясь, Анфиса.

— Перейдем где вплавь, где бродом. Я места знаю.

— А пиявки есть? Боюсь я пиявок до смерти, как бы не закричать...

— Ежели и присосется какая — терпи, — вступил в разговор Федор. — Выйдем на тот берег, я солью присыплю, они отвалятся. Мамка наша всегда так делала... Может, и нет их здесь?

— Ох, несчастье мое, боюсь...

— Вот что, Анфиса, — Петр посмотрел на ее полные ноги и усмехнулся, — ежели боишься, я тебя на своем горбу перенесу, никакая пиявка не достанет.

— Не надо мне такого помощника! — Анфиса строго посмотрела на Овчину. — Ежели понадобится, Федора попрошу. Оженишься, тогда и носи свою жену сколько сможешь.

— Вот вернусь до дому, непременно женюсь. А сейчас, хлопцы, идемте спать, до смерти спать охота.

В двух верстах от крепости у брошенного лебединого гнезда беглецы нашли укромную ямку,

неизвестно для чего выкопанную. Набросав в нее сухого камыша, зарылись в него и, утомленные ночным скитанием, сразу уснули.

В полдень Петра Овчину разбудили горячие лучи крымского солнца. Он уже выспался и хотел есть. Вспомнив про еду, решил наловить рыбы. Кормового запаса оставалось совсем мало — всего-навсего мешочек толченого проса весом в три гривенки⁸⁷ да немного сухого мяса. Петр тихо поднялся, чтобы не разбудить товарищей, вылез из ямы и медленно пошел по берегу, разыскивая удобное место, все больше удаляясь к западу. Из-под его ног то и дело вспархивали птицы, на гладкой поверхности широкого рва всплескивались серебристые тяжелые рыбы, со стороны степи доносились стрекотание кузнечиков и душный запах цветущих трав.

За маленьким травянистым мыском, недалеко от места ночлега, он увидел лодку-долбленку, наполовину вытащенную на берег. В лодке были весла и рыбацкий припас. Не помня себя от радости, Петр бросился назад, разбудил Анфису и Федора.

— Лодку нашел, хлопцы! Теперь турка запросто обставим, и пиявки нам не страшны...

Пользуясь радостным возбуждением, охватившим друзей, он попытался было обнять Анфису, но получил увесистый удар кулаком.

С наступлением темноты беглецы отошли подальше от турецкой крепости, сели в лодку и пустились в плавание по спокойной воде залива. Их преследовал волчий вой, страшный и тоскливый.

Друзья в три дня переплыли небольшой заливчик. С непривычки от непрерывной гребли руки у них покрылись кровавыми мозолями. Однако время терять было нельзя. Каждый день могли встретиться сторожевые корабли турецкого султана. Они высадились на песчаном пустынном берегу и кратчайшей дорогой двинулись к низменному берегу Днепра. Путь шел через степи, по землям крымского хана. Степные травы росли здесь выше человеческого роста. Терпко пахло медом и полынью. Под ногами шныряли зайцы, пересвистывались суслики. Встречались места, сплошь заваленные травой прошлых лет. По такому месту если поедет телега, то не выпутать вознице колес.

— В такой траве овцы мышами покажутся, — как-то раз пошутила Анфиса.

Повсюду краснела поспевшая крупная клубника. Путники разгребали руками траву и насыщались до отвала душистой ягодой. Иной раз все вокруг было синим от цветов, а чаще зеленел усатый ковыль, легко гнувшийся под дуновением легчайшего ветерка. Над головами в синем безоблачном небе парили огромные степные орлы. А синие и зеленые стрекозы перелетали с цветка на цветок.

В траве белели человеческие кости и черепа: то ли останки погибших беглецов из татарского плена, то ли русских или татар, павших в бою. На холмах встречались забытые боги, грубые каменные болваны, смотревшие на беглецов узкими глазками.

Когда удавалось поймать зайца, путники съедали его сырым, боясь разводить огонь, чтобы не привлечь внимания татарского разъезда. Счет дням потеряли и постов не придерживались, моля бога о прощении.

Первые дни беглецы надеялись на встречу с купеческим караваном. От Перекопа чужеземные купцы с восточными товарами направлялись Муравским шляхом на Москву и дальше в Швецию и Данию. С таким караваном в сотни груженных повозок и оседланных верблюдов часто ходили и русские. Киевские откупщики, местные купцы и прочий люд, связанный с куплей и продажей, были заинтересованы в том, чтобы караваны шли через Киев. И чужеземцы попадали между двух огней. Если караван шел прямо на Москву,

недовольные киевляне в отместку грабили чужеземных купцов, а если они хотели попасть в Киев и сворачивали ближе к Днепру, их грабили запорожские казаки.

Но надежды беглецов встретить своих не сбылись.

Стоял июнь, солнце жгло немилосердно. Время буйного цветения прошло, травы желтели. Тяжелее всего путники переносили жажду. У них было с собой два козьих бурдюка с водой. Их несла Анфиса. Каждый мог ежедневно выпить небольшой деревянный ковшик теплой пахучей воды. Иногда путники видели дымок, поднимавшийся в небо, и тогда сворачивали, стараясь отойти от него как можно дальше.

На середине пути, в самый полдень, когда солнце светило ярко и немилосердно палило своими лучами, а путники спали под тенью дуба, росшего на высоком кургане, Петр Овчина поднял голову и прислушался.

«Будто кони скачут», — сказал он про себя.

Послушав еще, он взобрался на дуб и, раздвинув густые ветви, зорким глазом оглядел степь. Сначала он ничего не увидел. Потом ему показалось, что шевелится ковыль. Когда он услышал ржание, то понял, в чем дело. Вскоре и кони показались. Впереди промчался татарский табун в двести — триста голов. За ним скакали десятка два казаков, подгоняя коней гиканьем и свистом. Через час показались татары. Они промчались следом, нахлестывая нагайками бока своих коней. Еще через час ордынцы вернулись обратно, видимо считая, что дальше преследовать казаков опасно. Они проскакали на восток, возвращаясь к своим табунам.

Проводив глазами татар, Петр Овчина слез с дерева и рассказал спутникам все, что видел.

— Продадут казаки ордынских коней, оружие себе купят, одежду и погуляют не один день, — закончил он свой рассказ.

Наконец впереди беглецы увидели узкую полоску леса: недалеко протекал Днепр. Они подходили к низменным местам, тянувшимся к югу верст на сто от острова Хортицы, по обе стороны великой реки. На следующий день подошли к плавням. Ручейки и мелкие речушки медленно текли по низменности в разных направлениях. Часто встречались озера, большие и малые. Здесь росли леса, кустарник и бесчисленное множество высокого, густого и непролазного камыша.

Наконец-то путники вдосталь напились прохладной и чистой воды. По предложению Анфисы мужики поставили в густых ивовых зарослях шалаш из тростника. Рядом рос огромный дуб в несколько обхватов. Три дня они отдыхали, пили прохладную воду и наедались до отвала вареной рыбой. Пригодился маленький медный котелок, прихваченный с собой Анфисой. Она варила в нем уху из стерляди, тушила мясо дикой козы, пойманной Федором арканом на водопое. По самому краешку плавней росли дикие груши и много кустов терновника. Груши почти созрели, были сладкие и мягкие. Одно было плохо — замучили комары. Шалаш Анфиса завесила остатками турецких штанов, мужики жгли ночью у шалаша несколько дымных костров. Бояться теперь было некого. Но лица и руки у беглецов вспухли и неумно чесались.

В шалаше на третью ночь Петр Овчина, дождавшись, когда Федор заснул, снова хотел обнять Анфису.

— Разве ты человек, ты скотина! — сказала Анфиса, оттолкнув его. — Мужик мой жив, мы с ним в церкви повенчаны... К нему я из плена сбежала, муки терплю, а ты пристаешь ко мне... — И Анфиса заплакала.

— Давай поженимся, — взял ее за плечо Петр. — У нас в русской стороне, под Киевом. Разве поп узнает, что в Московщине ты замужем была? А бог простит...

— Ты что? — Анфиса поднялась, села. — Я своего бога в себе ношу. А он все видит и знает и ничего не простит. И мужа своего я люблю, десять лет с ним прожили... Уйдем мы от тебя с братом, Петр, пусть нам тяжело без тебя будет, а все равно уйдем.

Петр молча повернулся к ней спиной.

На четвертый день, когда все отдохнули, а ноги немного зажили, Петр сказал:

— Не надо забывать святое дело. Нам еще верст шестьдесят осталось до первой казацкой засеки. Пойдем плавнями, не утонем, летом идти можно. В середину к самому Днепру залезать не станем, а кустарником по краешку пройдем.

Петру никто не перечил. Прихватив в запас вареного мяса и рыбы, друзья двинулись дальше. Рано утром в день святого Иоанна Анфиса увидела несколько сизых дымков, поднимавшихся над рекой.

— Сечь! — сказал Петр и несколько раз перекрестился. — Сегодня своих увидим... Сворачивай на дымы. Казаки кашу в куренях варят.

Настроение у путников поднялось. Через два часа трудного пути по камышам и кустарникам они услышали голос, доносившийся с вершины дерева:

— Стой! Что за люди?

Беглецы остановились и взглянули кверху. На огромном дубе, почти невидимый в листве, сидел вооруженный казак. Он целился в них из лука.

— Ну? — с угрозой сказал он.

— Свои, из крымского полона сбежали, — сказал Петр.

— Стойте здесь, я товарищей покличу.

Казак пронзительно свистнул, невдалеке послышался ответный свист.

Зашелестели раздвигаемые ветви кустарника, затрещали под ногами сухие сучья. На поляну вышли четверо казаков, одетых кто во что, но все в черных барашковых шапках с желтым верхом. В руках короткие пики с черными древками. На поясе болтались сабли. У двоих за спиной торчали концы луков, а сбоку висели колчаны со стрелами.

Петр Овчина снял свою шапку. Побрались за шапки и казаки.

— Эти люди из плена с-под Перекопу бежали, — подал голос дозорный с дуба.

— Куда путь держите, православные? — спросил казак с седыми усами.

— Мы до вашего атамана. Дюже важное дело, — ответил Петр Овчина.

— А мне не скажешь?

— Разве ты атаман?

— Ладно, хлопцы, будь по-вашему.

— Грицько, смотри, да ведь это баба! — вдруг закричал дозорный.

— Да, это баба, — хмуро протянул черноусый Грицько, — ей хода в курень нет. За нее меня к столбу привяжут да и забьют до смерти.

— Она подождет, — поторопился заверить казаков Петр. — Зачем ей в курень?

Около получаса казаки вели беглецов среди высоких камышей, стоявших густым лесом. Они шли по каким-то приметам, уклоняясь то вправо, то влево. Вскоре камыши стали реже, и перед глазами возникла неширокая протока. За протокой виднелся камышовый шалашик и жерди с сушившейся на них рыбой. Это был островок Безымянный, на котором расположился курень.

— Наш Днепр ридный, — сказал Грицько, — делит усю землю на две половины... По ту сторону, — он показал на правый берег, на запад, — русская сторона, а по сю — татарская сторона.

Островок Безымянный отделялся от топкого берега узкой, но глубокой протокой. Теперь Анфисе предстояло побыть одной и ждать возвращения друзей. Законы запорожского товарищества запрещали появление женщин в расположении боевых постов. С Анфисой остался Федор, не захотевший оставить сестру в одиночестве.

Петр Овчина сел вместе с казаками на широкую плоскодонную лодку, похожую на паром. Казаки взмахнули два раза веслами, и лодка приткнулась к илистому берегу. Здесь начиналось запорожское царство.

Близ парома на деревянных мостках сидел на корточках гладкий, совсем голый казак, но в хорошей барашковой шапке и, лениво перебирая руками, стирал грязные подштанники.

Увидев чужого человека, он перестал стирать и, открыв рот, воззрился на Петра Овчину.

— Кого ведете, ребята? — спросил он, когда казаки проходили мимо.

— Приходи на круг, узнаешь, — ответил седоусый Грицько.

Дозорный курень атамана Федько Саморода день и ночь охранял безопасность своих товарищей, расположившихся кошом на острове Хортице, Токмаковке и на других островах Запорожья. Это был передовой казачий заслон. Среди высоких камышей, окружавших остров сплошными зарослями, низенькие тростниковые хаты-курени, замазанные желтой глиной, были совсем незаметны. Вдобавок и крыша у куреней была камышовая.

Казаки подвели Петра Овчину к хатенке, выглядевшей чуть почище остальных. Здесь жил сам куренной атаман Федько Самород. Он не заставил себя ждать и по первому зову вышел из куреня. Казаки вежливо поздоровались со своим куренным.

Атаман был высоким, сухопарым. Висевшая на поясе с левого бока отличная боевая сабля, отбитая в бою у татарского мурзы, казалась на нем коротким и никуда не годным обрубком.

Федько Самород поклонился в ответ, молча расправил длинные поседевшие усы и вопросительно посмотрел на казаков.

— В степу шли пешими с татарской стороны, — доложил старшой дозорного разъезда. — У перевоза баба молодая с братом остались... А он, — старшой показал на беглеца, — сказался человеком князя Каменецкого Петром Овчиной. Говорил, что тебя, атаман, ему беспрременно видеть надобно.

Федько Самород, прищурясь, взглянул на Овчину.

— В бога веруешь? — строго спросил он.

— Верую.

— А в святую триицу?

— Верую.

— А ну перекрестись...

Петр Овчина перекрестился.

— Добре... Так, теперь говори, зачем я тебе спонадобился? Да говори правду, як бог повелел.

Из куреней, что торчали на острове, как грибы, услышав голоса, вышли любопытные казаки и окружили атамана. Выглядели они по-разному. Были старики, были совсем молодые, с едва проступившим нежным волосом на верхней губе. Были с окладистыми бородами и совсем без бород, а только с усами, иные с бритыми головами, а у иных длинные волосы, повязанные тесемкой. Запорожское казачество только складывалось, и каждый хранил свой обычай.

Рязанцы, москвичи и владимирские, киевляне, полотчане и люди из других земель обширной Руси находили за днепровскими порогами родной дом и неприступную крепость. То же происходило в низовьях Дона и в других труднодоступных местах, расположенных в отдалении от государственных рубежей, где ухватистой руке царских воевод не так-то просто было зацепить вольных людей. В низовьях Днепра жить было вольготнее, чем в других местах. Ни полякам, ни литовцам и русским панам не было возможности утихомирить запорожскую вольницу по той простой причине, что не было ни времени, ни достаточных сил. И король Сигизмунд-Август, дорожа турецкой и татарской дружбой, всячески отказывался от сечевого казачества, считая казаков чужеродным телом, находящимся за пределами государства.

В Запорожье пробирались из-за Перекопа русские пленники, их дети, родившиеся в крымском плену. Сюда же бежали разоренные царскими опричниками крестьяне, русские крестьяне из Литовских и Польских земель, ограбленные и превращенные в рабов. За днепровскими порогами скрывались и православные попы Литовского княжества, доведенные католическим панством до нищенства и отчаяния. Одним словом, здесь собрались в большинстве своем люди одного русского корня с православным крестом на шее. Редко прибывался какой-нибудь обрусевший грек или принявший русскую веру татарин.

Все, кто жил за днепровскими порогами, слушали православных попов и признавали над собой только власть куренных и кошевых атаманов и называли Черное море, куда Днепр вливал свои воды, по памяти своих предков Русским морем. Одеты казаки самым разным образом. На многих были полотняные, изрядно застиранные рубахи и широкие турецкие штаны. На других, несмотря на жаркую погоду, были кожухи из дубленой кожи, наброшенные прямо на голые плечи. Но если у казака не было исправной рубахи, то без оружия не было ни одного. Бесчисленные кожаные мешки с наконечниками для стрел, колчаны с затейливой резьбой, разные ножи и кинжалы украшали каждого казака. Хорошая одежда шла в обмен на водку, но без оружия прожить в Запорожской Сечи невозможно. Однако пищали и пушки встречались редко. Казаки⁸⁸ стреляли без промаха из луков, сделанных сечевыми мастерами.

— Так говори, зачем я тебе спонадобился? — еще раз спросил атаман.

— Я был слугою у мурзы Сулеша... Он меня в плен взял.

— У того мурзы, что на одно око слеп?

— То правда, слеп на одно око мурза... Так вот, у него в доме гости были, а я разговоры ихние слушал. Я по-татарски как по-русски понимаю. Хотят татары на Москву снова ударить. Чтобы не было больше Московского государства. Так им турецкий султан приказал. А вместо православного царя султан своего человека поставит. Хотят они все церкви на Московской земле разрушить, деревянные сжечь, а каменные по кирпичам разметать... А там, где были русские церкви, там свои молельни поставить, так-то. — Петр остановился и вытер шапкой пот со лба. — Войска большие пойдут на Москву. Султан своих янычар дает. Девлет-Гирей со всеми своими ордами, и с кочевыми татарами, и с ногайскими большими и с меньшими, и с азовскими, и белгородскими людьми... А на Москве, гляди, мор, и в людях оскудение большое. В прошлом годе спалил хан Москву, разграбил и пленных увел поболее ста тысяч.

— А зачем я тебе спонадобился? — вступил в разговор атаман.

— Московского царя упредить надобно, чтоб успел от беды остеречься.

— Гм... когда собрался крымский хан?

— На праведника Евдокима Каппадокиянина хочет на Москве быть⁸⁹.

— Так что же он, проклятый, думает русскую силу извести, мамаевы времена вспомнил?.. У нас здесь вовсе другая картина видна. Месяц не прошел, как с Хортицы гонец царский уехал. С кошевым атаманом три дня разговаривал. Хочет царь Иван Васильевич нас, запорожских казаков, на свою царскую службу взять. И жалованье платить, и селитру дает, и казаков своих на помощь прислать посулился. Перекопского хана, ежели война случится, вместе воевать будем... Твое дело, казак, правое, упредить Москву надо. Русский царь всем нам заступник. А мы дети одной матери — земли Русской.

— На своих ногах нам долгонько до Москвы скакать придется... Хотели бы мы от тебя, атаман, помочи. — Овчина замолчал.

Федько Самород посмотрел на босые ноги беглеца, избитые и израненные, на старые, в заплатках, штаны. Атаман понимал, что для такого дела коней дать надо. Однако и верить во всем крымскому беглецу он не мог.

— Ну?.. — вопросительно сказал атаман.

— Нам бы трех коней до Малого Каменца, — заторопился Петр, — а уж там в крепости наш князь коней до Москвы не пожалеет.

Федько Самород поднял голову, взглянул в глаза беглецу и усмехнулся. Он придумал, как лучше поступить.

— Ну вот что. До Малого Каменца мы лошадей вам дадим. Так я кажу, товарищи? — Он обернулся к обступившим его казакам. — И десяток казаков для сопровождения. Они лошадей обратно пригонят, и вам заступа, ежели что!

— Хорошо атаман решил, дадим лошадей, — отозвались на разные голоса казаки.

— Спасибо вам, товарищи. — Петр Овчина поклонился казакам. — Русскому царю добром за добро хочу отплатить. Сколько он нашего народа из плена выручил — не перечеть! Для него все равны, кто в русскую веру верит. И те, кто под ляхами и под своей рукой.

— И ты хорошо говоришь, — сказали казаки Овчине. — Свой своему должен помогать... Да ел ли ты сегодня? Худым больно смотришь...

— Ни крошки в рот не положил, — весело сознался Петр.

— Кашевара сюда! — закричал атаман. — Накорми его так, чтобы не забыл запорожских казаков, — приказал он подошедшему кашевару, низенькому и толстому казаку с лихо заломленной шапкой.

Кашевар поклонился казакам, потом куренному.

— Спасибо, атаман, — сказал Овчина, — только не буду я есть у вас. На перевозе товарищи голодные меня дожидаются... а если что с собой пожалуешь, за то вдвойне благодарю.

— Дать ему харчей на всех, до самого Малого Каменца, чтоб не голодно было в дороге! — закричали казаки.

— Слышишь, что говорит товарищество? — обернулся к кашевару атаман. — Иди исполняй казачью волю.

Кашевар побежал к большому амбару с железным замком на двери, где хранились кормовые запасы куреня.

Казаки обступили Петра Овчину и стали расспрашивать, как удалось ему вместе с товарищами убежать из татарского плена. Как пробрались они в Сечь пешком по горячей песчаной земле...

Пока Овчина рассказывал, десять казаков, которых атаман отрядил сопровождать беглецов, набили походные котомки всяким харчем и, прихватив арканы, отправились ловить коней в табуне.

Глава тридцать четвертая. НА ВТОРОЙ ГОД ОТ ТАТАРСКОГО РАЗОРЕНИЯ

После нашествия Девлет-Гирея на Москву кремлевские каменные палаты изрядно пострадали и требовали долговременной починки. Царь Иван приказал построить для себя деревянные, временные. За месяц палаты были воздвигнуты. Потолки были облицованы драгоценным резным деревом, полы покрыты коврами, а бревенчатые стены завешены бархатом. И только царская опочивальня выглядела как простая изба. Еловые, свежеструганные бревна по желанию царя ничем не покрывались. Пахло смолой, лесом.

Двадцать восьмого марта, перед сном, царь Иван, приехавший из Александровой слободы, долго беседовал с лекарем. Немец Бомелий за два года сумел войти в доверие к царю, и сам всемогущий Малюта Скуратов стал посматривать на него с опаской. Бомелий научился говорить по-русски, характером обладал вкрадчивым, лстивым. Поставив себе целью приобрести на царской службе богатство, лекарь не брезговал ничем, что сулило ему деньги. Он чернил перед царем его слуг, предсказывал мятежи и заговоры. Помогал вельможам сводить счеты друг с другом. За короткий срок он отправил немало людей в иной мир, подсыпая в еду и питье свои снадобья.

Отпустив врача, царь Иван прочитал молитву перед иконой, морщась, выпил горькое лекарство и лег спать. Среди ночи царь проснулся и сел на постели. Он с испугом смотрел на незнакомые бревенчатые стены, на тусклую синюю лампадку у иконы. Опустив глаза, увидел спальника Дмитрия Ивановича Годунова, храпевшего на ковре у кровати, и это его успокоило.

Царю приснился умерший в прошлом месяце митрополит Кирилл. Старец стоял у самой постели, протягивал к нему руки и молил не забывать о Девлет-Гирее.

«Спаси Русскую землю, — повторял митрополит. — Спаси Русскую землю. Не забывай крымского хана...»

Вспомнив сон, царь еще помолился и снова хотел уснуть, но где-то глубоко, в тайниках души, копошилось неприятное чувство, и сон не приходил.

И вдруг озноб потряс его тело. Царю показалось, что в темном углу кто-то шевелится. Мария... Царь хотел кричать, но голоса не было. Да, это была она! Теперь царь хорошо видел. В цветных шароварах, с черными тяжелыми косами, выступила из темного угла царица Мария Темрюковна и пристально взглянула на царя.

«Ты отравил меня, великий государь, — тихо прошелестели ее слова. — Екатерину, венчанную жену Юхана, хотел взять себе в жены... и я умерла в муках. Будь ты проклят на вечные времена...»

Мария Темрюковна отступила в угол и словно растворилась в темноте.

— Эй, кто там! Позвать князя Вяземского, — закричал царь не своим голосом, — князя Вяземского сюда!

За дверями опочивальни зашумели. Постельничий Дмитрий Иванович Годунов вскочил на ноги. Увидев страшное лицо царя, он с перепугу заметался по горнице.

— Зажги свечи, дурак, открой дверь! Мечешься, как безголовый петух, — сказал царь Иван, немного поуспокоившись.

В спальню, гремя оружием, ворвался новый начальник царской стражи князь Василий Сицкий, царский свояк по первой жене Анастасии.

— Я здесь, великий государь, — кланяясь, сказал он. — Приказывай.

— Я звал Афоню Вяземского, — сказал царь, брезгливо отстраняясь от Сицкого. — Мне он нужен, а не ты.

Начальник царской стражи с испугом посмотрел на царя.

— Великий государь, князь Афанасий Вяземский скоро два года как похоронен.

— Ты лжешь, негодяй! — замахнулся на него царь. — Лжешь... лжешь...

Василий Сицкий взглянул в безумные глаза царя, на отвисшие, как у покойника, усы и решил, что ему пришла смерть.

Спасителем оказался думный дворянин Малюта Скуратов. Он внезапно появился в опочивальне.

— Я здесь, великий государь.

Царь Иван опомнился.

— А-а, Гриша, пришел... А мне тут всякое казалось... Ты один у меня верный слуга. Пошли за Евсейкой-лекарем, пусть сны истолкует.

— Не слушал бы ты, великий государь, вздорные речи лекаря, — проворчал Малюта Скуратов. — Он тебя к добру не приведет, не по святому писанию он учен.

Когда появился лекарь Бомелий, со сна протирая глаза, царь Иван приказал всем уйти и рассказал про свои видения. Он ободрился: при свете двух больших восковых свечей все

казалось иначе.

Бомелий подумал, зевнул украдкой.

— Жениться вам, ваше величество, надобно. Пусть жена ночью вашу кровь согревает. От тепла кровь быстрее течет. Холодная она у вас, в этом вся суть. А какую жену, ваше величество, взять, мне звезды укажут.

— Что ты мелешь? — удивился царь. — Четвертый брак запрещен самим богом и святыми!

— Всем запрещен, ваше величество, а вам можно. Вы один на всю Русскую землю...

— Так-то так, равняться мне в этом мире не с кем. Однако соблазн для людей большой... Ежели ты говоришь, для нашего государского здоровья сие потребно...

— Ваше величество, созовите ваших святых старцев. Пусть церковный собор на себя вину возьмет, — вкрадчиво посоветовал Бомелий.

Царь Иван раздумывал. Было видно, что мысль о новой женитьбе пришла к нему по душе.

— Хорошо, — помолчав, произнес он. — Иди пока.

Проснувшись утром, царь вспомнил слова покойного митрополита Кирилла. «Старец святой правду мне сказал, — думал он, — сам бог его послал меня упредить... Надо беречься крымского хана. Но кому доверить защиту государства?»

Царь Иван долго раздумывал.

Надо найти человека, который мог бы собрать в единый кулак все русские силы и бросить их на Девлет-Гирея. Такого человека среди опричников не было.

Царь обратил свои взоры на земщину. Первый по знатности и военному опыту был князь Иван Мстиславский. Но в прошлом году он сведался с крымским ханом, опозорился. Его покаянное письмо было известно многим. Такой не мог быть главнокомандующим. Остался еще один человек, который мог бы и по знатности и по опыту возглавить русские войска, — Михаил Иванович Воротынский. Старый служака, герой взятия Казани.

Но князь недавно был в опале, сидел под замком в Белозерском монастыре. Правда, лет пять тому назад он помилован, восстановлен в правах, ему вернули вотчины. Однако царь понимал, что благодарности к нему Воротынский не чувствует. Одевшись и позавтракав, царь Иван вызвал к себе бояр, ожидавших в приемной, и посоветовался с ними.

Бояре и воеводы в один голос указали на князя Воротынского. «Он-де, — сказали они, — хорошо знает повадки ордынцев и умеет бить их в степях московской Украины⁹⁰». И царь Иван скрепя сердце согласился доверить свою судьбу и судьбу всего государства Воротынскому...

Князь Михайла Воротынский три месяца жил в Москве. Под его руководством готовился царский указ о сторожевой и станичной службе на степной украине Московского государства. И еще Воротынский готовил другой указ — о береговой службе, о том, как оборонять рубежи по реке Оке.

В один из морозных мартовских дней князь явился в царский дворец. Он принес с собой свитки с готовыми указами и скромно уселся на скамью у дверей.

Бояре, кому было дозволено собираться в приемной, видели, как царский мыльник Борис Годунов вызвал Воротынского.

Царь Иван принял воеводу ласково. Желая показать свое расположение, он сошел с царского места, сел на лавку и посадил князя рядом с собой. Это считалось высокой честью, и Воротынский был доволен.

— Я помню, князь и воевода, что ты первый сказал мне: «Казань наша», — начал царь. — Незабываемы твои деяния во славу нашего престола...

Воротынский молча склонил седую голову.

— Я слышал, ты жег сухую траву на диком поле в прошлом году. Что дает сие?

— Мы припускали огонь в степи на трех сакмах⁹¹, по которым Девлет-Гирей ходит на Русскую землю. Теперь ему труднее скрыть свое войско, а самое главное, лошадям не будет корма. На выжженных местах весной трава не вырастет.

— Где ты жег траву, покажи. — Царь взял со стола лист бумаги с нарисованными городами и реками и положил перед воеводой.

Михайло Воротынский взгляделся в чертеж.

— Вот здесь, от верховьев реки Вороны через Суловую, Елань, Битюг, Дон и Тихую Сосну до впадения Валуя в Оскол. Мы выжгли траву на пространстве пятисот верст... А в этом месте припускать огонь начали от устья реки Воронежа и жгли на запад, через Оскол, верховье Семи и Оки, до впадения Цны в Десну. Сия линия поболее шестисот верст. И еще одна линия, самая западная. Начало ее при верховьях Донца, и шла она сперва прямо на запад к Пслу, потом поворачивала на юг к Ворскле, и по этой реке доходила до Днепра, и по Днепру оканчивалась за устьем Псла, и шла в долготу не менее четырехсот верст.

— В какое время лучше жечи поле? — заинтересовался царь.

— В осеннях, в октябре, или ноябре по заморозами, как гораздо на поле трава просохнет. Не дожидаясь снегов. Огонь припускать в сухую пору, и чтобы ветер был от наших украинских городов на степную сторону. Я приказал, чтобы близко от засек и крепостей огня не припускать.

— Добро, добро. Повели дьяку разрядного приказа составить роспись, с каких городов способнее посылать людей с огнем. Тако и делать будем.

Воротынский поклонился.

— А еще, великий государь, — сказал он, поглаживая густую белую бороду, — потребно сторожи ставить с апреля первого числа и до тех пор, пока не выпадут большие снега.

— Роспись надо сторожам сделать.

— В прошлом году по твоему указу всем украинским городам и сторожам чертежи поделаны, и списки с означением крепостей, и сколько в них войска и какого.

— Добро, добро, — согласился царь. Он был доволен. — А кто с тобой чертежи и описи делал?

— По твоему указу, великий государь, мне в помощь приданы: по степной украине — князь Михаил Тюфякин, голова по дозору, да дьяк Ржевский, а с ногайских степей — воевода Юрий Булгаков и Борис Хохлов.

— Добро, добро, — повторил царь.

— При царствии твоего отца Василия Ивановича и при твоём царствовании, великий государь, сдвинулась к полудню московская Украина, много городов на месте тех сторожей построено. И Тула, и Орел, и Курск, и Болохов, и другие города... А вокруг тех украинских городов посады. И там русские люди живут.

— Хорошо придумал, князь!

— Не мной придумано, великий государь, сторожи еще при великом князе Дмитрие Донском в степь высылались. А твой дед Иван Васильевич и росписи оставил, и чертежи.

Великого государя обрадовал доклад воеводы Воротынского. Он почувствовал, что старик крепко предан Русской земле. Разговор приближался к концу. Царь Иван встал с лавки, молча прошелся несколько раз по комнате и уселся на свое золоченое кресло. Борис Годунов последовал за царем и стал сбоку у спинки кресла.

— Подойди сюда, — сказал Иван Васильевич Воротынскому.

Воевода приблизился.

— Скажи, мой верный слуга, без утайки скажи, — произнес тихо царь, — коли Девлет-Гирей опять к нам пожалует, сумеешь ли ты его не пустить за Оку?

Воротынский посмотрел на Годунова.

— Прикажи, государь, Бориске Годунову оставить нас, — поклонился он царю. — Скажу тайное.

Бояре в приемной видели, как Борис Годунов вышел из царской комнаты в приемную и, усевшись на лавку близ дверей, стал перешептываться с князем Иваном Федоровичем Мстиславским и боярином Никитой Романовичем Юрьевым.

Михаил Иванович вышел от царя через два часа. Бояре заметили, что лицо у воеводы было светлое, радостное. Он передал из рук в руки указ о береговой службе⁹², подписанный царем, дьяку разрядной избы.

От князя Воротынского бояре узнали о новом царском приказе. Царь назначил его воеводой большого полка, и завтра ехать ему в Серпухов, и подчинил ему царь опричные полки, смешав их с земскими. Эту новость земские бояре приняли с удовлетворением. Кроме опричных войск, под командование Воротынского поступила немецкая наемная дружина Георгия Фаренсбаха...

На следующий день царь Иван, прихватив с собой лекаря Бомелия, снова укатил в Слободу. Почти весь апрель месяц он был занят выборами невесты. Бомелий несколько раз рассчитывал гороскопы. Царь выбрал девицу Анну Колтовскую не из знатного рода. Ее отец, коломенский сын боярский Алексей Горяинов-Колтовский, давно умер в плену.

Началась весна, снег почти везде сошел. Зазеленела трава. На деревьях набухли почки. В полдень солнышко изрядно припекало землю.

Двадцать-седьмого апреля царь выехал в Москву. Дорога еще не просохла. Шестерка упитанных лошадей в иных местах едва тащила тяжелую колымагу с кожаным, золоченым кузовом. Ездовые на царской шестерке взмокли от усердия. Подбадривая лошадей, они кричали охрипшими голосами и размахивали кнутами.

Со всех сторон золоченую колымагу с намалеванными по бокам черными двуглавыми орлами окружали телохранители. Их вороные кони с высоко подвязанными хвостами разбрызгивали по дороге жидкую грязь.

Иван Васильевич, сидевший в мягких подушках, откинув занавеску из зеленого шелка, посматривал на стоявших по обочинам людишек с обнаженными головами. Они кланялись и кричали здравие царю.

Телохранители сгоняли с дороги и конных и пеших, заставляли снимать колпаки, шапки и кланяться.

Уж как звали молодца,

Позывали молодца

На игрище поглядеть,

На Ярилу посмотреть... —

раздавалось из кареты.

Слыша царское бормотание, телохранители весело переглядывались. «Царь доволен... Царь не гневается...»

29 апреля святые старцы собрались на собор в Успенской церкви. Одетый в смирные одежды 93, с постным лицом, выступил перед ними царь Иван.

— Злые люди, — сказал он, — чародейством извели первую супругу мою, Анастасию. Вторая, княжна Черкасская, также была отравлена и в муках, в терзаниях отошла ко господу. Я ждал немало времени и решился на третий брак, отчасти для нужды телесной, отчасти для детей моих, еще не достигших совершенного возраста. — Царь Иван приостановился, посмотрел на окружавших его архиепископов и епископов, архимандритов и игуменов.

— Так, так, — одобряюще произнес новгородский архиепископ Леонид, высокий благообразный мужчина с курчавой, словно овечья шерсть, бородой, — мы слушаем тебя, великий государь...

— Юность их претила мне оставить мир, — вздохнув, продолжал царь, — а жить в мире без жены соблазнительно. Благословенный митрополитом Кириллом, я долго искал себе невесту, испытывал, наконец избрал... Но зависть, вражда погубили Марфу. Только именем царица, еще в невестах, она лишена здоровья и через две недели супружества преставилась девою. В отчаянии, в горести я хотел посвятить себя житию иноческому, но, видя опять жалкую младость сыновей и государство в бедствиях, дерзнул на четвертый брак. Ныне, припадая с умилением, молю святителей о разрешении и благословении.

Царь кончил говорить и с покорным видом кланялся святым отцам.

Просьба царя Ивана — дело неслыханное на Руси. Женитьба в четвертый раз до сего времени не была известна.

Смирение великого государя глубоко тронуло сердца собравшихся святителей... Они со слезами говорили о нем. Много рассуждали. Читали устав вселенских соборов. Наконец, ради царского теплого и умильного покаяния, разрешили брак и обязались молиться за царицу Анну. Однако старцы запретили царю Ивану входить в храм до пасхи, а причастие разрешили принять только в этот святой день. Святители боялись соблазна для других. И поэтому в особом послании грозили ужасным церковным проклятьем всякому, кто, подобно царю, решится взять четвертую жену.

Первым подписал разрешительную грамоту новгородский архиепископ Леонид. Он надеялся, что в благодарность царь сделает его митрополитом. За ним приложил руку архиепископ Корнилий Ростовский и Антоний Полоцкий и еще семь епископов, несколько архимандритов и знатнейших игуменов.

Царь Иван не стал откладывать свадьбу с Анной Колтовской. Только свадьба на этот раз ни пышностью, ни многолюдством не отличалась. Из родственников новой царицы царь никого не пожаловал ни отчиной, ни высокой должностью.

Вскоре после царской свадьбы собор с согласия царя Ивана избрал в митрополиты всея Руси Антония Полоцкого.

Расправившись со своими недругами, участниками заговоров, действительных и мнимых, царь Иван перестал думать о бегстве в Англию и о пострижении в монахи.

И Малюта Скуратов исполнил свои намерения. Все, кто мешал ему, были казнены или обретались в тюрьмах, а другие по особому дозволению царя постриглись в монахи. Возвысился и вошел в доверие царя его зять Борис Годунов.

Доверив князю Воротынскому защиту государства от крымского хана Девлет-Гирея, царь Иван оставшиеся войска, стрельцов и государев полк отправил в Великий Новгород для подготовки города к возможной осаде. Не очень-то он верил в победу князя Воротынского над татарами. Воеводами на Москве царь посадил Юрия Токмакова и Тимофея Долгорукова.

В самом начале июня, как только наладилась проезжая дорога, Иван Васильевич с молодой царицей Анной Колтовской, захватив своих сыновей Ивана и Федора, Малюту Скуратова и ближайших вельмож и сановников, тоже отбыл в Великий Новгород.

А немного раньше, еще по зимней дороге, он отправил туда для сохранения четырехста пятьдесят крытых возов с богатой казной, уложенной в лубяные кораба.

Над Русской землей снова нависла грозная туча. Крымский хан Девлет-Гирей, подстрекаемый турецким султаном и королем Сигизмундом, готовился к новому походу.

Глава тридцать пятая. «ЧТИ БОГА НАСТОЛЬКО, НАСКОЛЬКО ЭТО НЕ ОБИЖАЕТ ДЬЯВОЛА»

За пятьдесят верст до Киева казаки отобрали лошадей у крымских беглецов, тепло распрощались с ними и повернули обратно в Запорожье.

В воскресный день Петр Овчина вместе с товарищами подходил к замку Малый Каменец на реке Змеевке. Когда им оставалось не больше версты, в местечке ударили колокола православных церквей. Давно не приходилось слышать полонянам такого дружного и многоголосого звона.

Из замковых ворот показалась голова крестного хода. Кудластый поп Сергей из соборной церкви нес икону. Другие попы шли с крестами. За крестами несли хоругви, двигалась празднично разодетая толпа. На крестный ход собрались, наверное, все жители местечка. Шли и старые и малые.

Беглецы свернули с дороги и стали дожидаться у обочины. Анфиса с завистью смотрела на женщин со связками бус на шее, наряженных в пестрые плахты⁹⁴.

Протопоп Сергей торжественно вступил на дубовые доски моста, прижимая к груди икону. И в то самое время из ворот замка вырвалась бешено мчавшаяся карета с гербами, запряженная шестериком разъяевшихся жеребцов. Карета мчалась на мост. Послышались испуганные возгласы, крики людей, попавших под колеса кареты. Многие свалились в реку и стали тонуть. Ездовые, размахивая плетками, стегали обезумевших, перепуганных людей. Оскорбленные горожане остановили княжеских лошадей, сбросили в реку ездовых. И худо пришлось бы княгине-вдове, сидевшей в карете, если бы из замка не прибежали вооруженные слуги.

Горожане выдернули из заборов колья. Драка на мосту разгорелась с новой силой. Много было раненых. Досталось и иезуиту отцу Марку, сидевшему с княгиней. Кто-то открыл дверку кареты и ударил иезуита палкой по шее.

— Папезник, душехват, — кричали горожане, — католический недоверок!

Много разных разговоров наслушались крымские беглецы в тот день. Больше всего люди говорили о княгине Каменецкой. Отец ее, князь Александр Каменецкий, из древнего русского рода, до самой смерти был предан православной вере. И муж княгини был потомком славных киевских князей. Три года назад в расцвете сил он погиб в битве с татарами у Белгородской крепости.

И княгиня Ольга была благочестивой женщиной, чтившей русские обычаи. На второй год по смерти мужа, в год подписания Люблинской унии, она поехала в Вильню к своей подруге, недавно принявшей католичество. А там с ней произошли глубокие перемены. Виленский епископ Протасевич, узнав о богатстве молодой княгини, решил, что ее земли и деньги пригодятся католической церкви. По его совету подруга познакомила княгиню Ольгу с иезуитом, отцом Марком, мужчиной приятным, средних лет. Орден поручил ему вовлечение в католичество состоятельных молодых вдов.

Через год княгиня вернулась в свои владения. Ее сопровождали два иезуита и некий пан Казимир, обучавший ее польским манерам и польскому языку. Перекрещенная в латинскую веру, Ольга называлась теперь Мариной. Говорила она на странном языке, где половина слов была польских, и одевалась только так, как одевались знатные пани в Кракове. В Малом Каменце пошел слух, что иезуиты уговаривают ее написать завещание. После смерти княгини все земли, принадлежавшие ее предкам, должны стать собственностью католической церкви.

Чтобы пани Марина не попала под влияние своего прежнего православного духовника, один из иезуитов обязательно находился при ней и покидал, когда она отходила ко сну. По указке иезуитов княгиня заставляла своих слуг принимать католическую веру и говорить по-польски. Тех, кто не соглашался, она посылала на тяжелую работу и отбирала имущество. А некоторых, особенно упорных, велела заточить в подземелье замка. Многие слуги не соглашались изменить русской вере и бежали куда глаза глядят. Все это узнал Петр Овчина, и все же он был крепко уверен, что княгиня поможет своим, как-никак русская.

Раньше, до своего плена, он был ловчим, часто бывал в замке, и княгиня его хорошо знала.

Петр решил попытать счастья. На следующий день он с утра отправился в замок. Княгиня оказалась в церкви.

Войдя под низкие своды храма, Петр увидел бледного, перепуганного попа Сергея. Церковный склеп был открыт, и двое княжеских стремянных вынимали оттуда серебряный гроб с останками старого князя Александра, отца хозяйки. Княгиня приказала попу вскрыть гроб, но Сергей, дрожа от негодования и страха, отказался. Тогда иезуиты, находившиеся в церкви, сами сняли крышку, все перерыли внутри и нашли одни кости. Гроб поставили посередине церкви. Отец Марк сел за гробом на низенькой скамеечке, укрылся скатертью, а

другой стал задавать вопросы княжеским костям.

— Александре, зачем же ты пришел?

— Избавления от мук ищущий, — отвечал за покойника отец Марк.

— А почему раньше не искал?

— Не знал, что римская вера лучше.

Услышав разговор с покойником, Петр Овчина ударил зуб в зуб от страха.

После загробной беседы княгиня собственными руками перемыла кости своего отца водой, освященной иезуитами, пересыпала пахучими снадобьями.

А потом иезуиты запели по-латыни молитвы и стали перекрещивать останки старого князя в католическую веру и назвали его Станиславом... Гроб снова закрыли и поставили в склеп.

Выходя из церкви, княгиня увидела Петра Овчину и узнала его.

— Петро, неужто ты, откуда?

— Из плена татарского, пани Ольга, из самого Бахчисарая.

— Я не Ольга, — поправила княгиня и посуровела, — я Марина.

Петр, стараясь скрыть смущение, поклонился.

— Важное дело к вам, пани княгиня.

— Говори. — Лицо княгини было холодно и строго.

Оба иезуита подошли поближе и стали прислушиваться.

— В плену я слышал от самого мурзы Дивея, что крымский царь собирает большое войско и первого августа будет в Москве. Крымский царь хочет покорить Московское царство, уничтожить русскую веру, а православного царя Ивана Васильевича привести на веревке в Крым. А если победит ханский выродок Москву, то будет со всеми русскими так, как бывало прежде.

Петр Овчина снова рассказал все, что он рассказывал сечевым казакам.

— Что надо сделать? — Лицо княгини оживилось. Она ненавидела ордынцев, убивших ее любимого мужа, и хотела им отомстить.

— Надо упредить московского царя.

И Овчина хотел было попросить у пани Марины лошадей для себя и для своих друзей. Но в это время отец Марк подошел к хозяйке.

— То хорошее дело, что крымский царь победит московского, — сказал он. Его нежные пухленькие ручки сжались. — Того бог давно хочет. Московский — наш главный враг. Надо, пани Марина, мессу отслужить за дарование татарам победы. Его величество король Сигизмунд-Август в давней дружбе с турецким султаном и крымским царем.

— Ты слышишь, что сказал святой отец? — Лицо княгини снова стало строгим.

Петр Овчина с испугом посмотрел на нее.

— Упреждать москаля не стану. Пусть татары его воюют... А тебя завтра в латинскую веру перекрестим... Имя себе придумай католическое, слышишь?

И княгиня, шелестя длинной юбкой, вышла из церкви. За ней, как две черные тени, следовали иезуиты.

Петр Овчина долго не мог опомниться. Он мял в руках черную барашковую шапку, подаренную ему сечевыми казаками. «Как, — думал он, — татары меня не заставляли изменить православной вере, а княгиня?»

— Не слушай их, — вдруг услышал он тихий голос, — надо Русскую землю от разорения избавить. — Рядом с ним стоял поп Сергей. — Ночью бегите отсюда... Лошадей по моему слову вам дадут.

— Батько! Что здесь творится? — спросил Петр. — Разве здесь не русские люди живут?

— Многие русские паны продали свой народ, свою веру! — гневно сказал поп Сергей. — Из-за корысти и стали польскими шляхтичами... А простых русских людей король сделал быдлом. Теперь у мужика и суда королевского нет, а есть только суд панский. Что пан захочет, то и делает... Ты видел вчера на мосту нашу княгиню. А всё иезуиты ее учат... Недаром видели люди дьявола прошлой ночью на крыше замка. Стоял черный, мохнатый, с кочергой в руках и огонь изо рта метал. А нам, попам, она горы золотые сулила, лишь бы мы от святой веры отступились... Заставили вот меня церковь отомкнуть, не хотел, да отомкнул. Княгиня грозит все наше порушить. И язык русский ей стал плох: и грубый, и простой. На нем будто бы пригодно только холопа промеж собой разговаривать. Всего не расскажешь.

— Что же, батько, будет, коли по-ихнему сбудется?

— Не будет того, сыне. Простой народ не допустит, поднялись мужики, не хотят латинской вере покоряться. И польскому крулю Жигимонду тоже не хотят служить. Ты видел, какая сила собралась в Запорожье! Разве такой народ сделаешь рабами? А московский царь — заступа всего христианства на земле. На него наша надея. Русским людям давно пора снова стать единым народом. Да сохранит бог нашу родную землю.

Рано утром, еще не взошло солнце, Петр Овчина с товарищами на хороших конях выехали из местечка Малый Каменец на Чернигов и дальше на Москву. Поп Сергей сдержал свое обещание. Путники не только получили исправных лошадей, но и денег на дорожные расходы.

Словно провожая в дорогу, печально благовестил колокол на колокольне святого Николая.

На пути встречались заброшенные пашни, забитые досками православные церкви и дома. Недалеко от московской границы Петр Овчина увидел десятка два женщин, впряженных в соху. Помещик, разодетый в синий кунтуш⁹⁵, без жалости подгонял кнутом выбившихся из сил женщин и злобно орал на них:

— Эй, быдло! Шевелись!..

Мужики бежали на Днепр, за пороги, от принявшего католичество русского пана. И он решил отомстить их женам и матерям.

На второй день Петр Овчина со своими спутниками подъезжали к границе Московского государства. Миновав заставу, они в сопровождении стрельцов въехали в город Чернигов. Когда-то могущественная столица русского княжества сейчас была небольшим торговым городом. Воеводой в нем сидел Федор Курятников, боярский сын. Воевода считал себя обиженным: в прошлом году царским указом его перевели в Чернигов из города Рыльска. Вот

он и думал: за что опалился на него царь?

В Чернигове крепостные стены были деревянные, от прежних каменных остались одни развалины. На городском торгу было пустынно. В гостином дворе сидело с десятков купцов, а покупателей не было. По площади бродили во множестве гуси и куры. Два пьяных стрельца обнявшись шли по главной улице, распевая песню.

По зову стрельцов злой, невыспавшийся воевода Курятников вышел на крыльцо своего дома.

— Кто такие? — спросил он исподлобья, разглядывая Петра Овчину, выступившего вперед.
— Да правду говори, не то сверну голову, как паршивому петуху!

Крымский пленник коротко рассказал воеводе про все, о чем он спрашивал.

— У меня важные вести для самого государя. Прошу пана воеводу доставить меня и моих товарищей на царских лошадях в Москву. А своих лошадей мы отдадим тебе в благодарность, — закончил Петр.

Федор Курятников обрадовался. Три хороших коня — это немало для черниговского воеводы, и решил отправить беглецов на ямских лошадях. А для порядка приставил к ним стражников. «Пусть в Москве разберутся, что за люди и какие у них важные вести, — думал он. — А мне от беды подальше. Кто их знает, что надо приказным дьякам: и так сделаешь — нехорошо, и эдак скажешь — плохо. Обнесут гадким словом перед государем, а он голову срубит».

Воевода велел накормить Овчину с товарищами, был с ними ласков, расспросил про плен, про то, как живут в Крыму русские люди, поахал, поохал. Спросил про Запорожскую Сечь, зевнул раза два и пошел досыпать.

Ранним утром на улице еще было серо, крымские беглецы и четыре пристава выехали в Москву. По приказу воеводы приставы лошадей не жалели — ехали по государеву делу. Следующую ночь спали только три часа. Свежих лошадей на ямских дворах подавали быстро, другой раз путники едва успевали выпить квасу. Они ехали через Путивль, Орел, Тулу и Серпухов. Некоторые города были построены совсем недавно — для защиты жителей от татар. Здесь проходил знаменитый Муравский шлях, обильно политый кровью русских людей, по этой дороге крымские орды двигались к Москве. Путники пересекли длинную цепь укрепленных городов, расставленных по всей степной украине от Алатыря и Темникова до Рыльска и Путивля. Первая линия крепостей Московского государства глядела прямо в степь. Из крепостей высылались по всем направлениям станицы и сторожи. Впереди этой линии в степи сделаны заборы на реках и полевые укрепления, затруднявшие набеги крымских орд.

Неподалеку от городка Орла, недавно построенного из крепких дубовых бревен, путники встретили казачий дозор. После Орла дозоры стали встречаться чаще. Казаки объезжали свой участок на хороших конях, хорошо одетые и вооруженные. Они были на царском жалованье, и служба их заключалась в наблюдении за крымскими ордами. Казачьи разъезды с разных сторон пересекали дикое поле.

Теперь дорога шла через леса, через перелески и степные черноземные земли. Встречавшиеся реки отряд переходил вброд или вплавь — мостов не было. По берегам рек, скрытые густыми древесными зарослями, ютились бревенчатые домики, наполовину вкопанные в землю. В них жили отважные земледельцы, переселившиеся из Московских земель. Продвигаясь на юг, люди держались рек и укрывались в лесах. Сюда шли самые предприимчивые и сильные. В полдень Анфиса увидела подле дубового леса, стеной стоявшего неподалеку от дороги, широкую полосу созревшей пшеницы. «Утром только жать начали», — подумала она, заметив баб, вязавших снопы, и мужиков с косами. Картина привычная... И вдруг люди исчезли, словно провалились. «Уж не показалось ли мне? —

Анфиса протерла глаза. — Неужто показалось?»

Послышался конский топот, и навстречу путникам из-за перелеска вылетели вооруженные всадники. Ахнуть не успела Анфиса, как она и ее спутники были окружены.

— Стой! — загремел высокий седобородый мужик, скакавший на гнедом жеребце. — Кто такие, откуда?

Остальные всадники готовы были вступить в схватку. Кто руку держал на рукоятке сабли, кто готовил к стрельбе лук. У всех решительные, строгие лица. Одежда простая, мужицкая — рубаха и штаны из грубого домотканого полотна, ноги в лаптях. Пристав в рысьей шапке с бархатным верхом достал подорожную грамоту.

— Здравствуйте, православные, — сказал он, поклонившись. — Мы-то в Москву, к самому царю-батюшке едем, от черниговского воеводы.

— Здравствуйте, ежели так, — отозвался седобородый и стал читать подорожную. Лицо его подобрело.

Остальные мужики ждали, не выпуская из рук оружия.

Из-за леса вылетели еще десятка два всадников, среди них были подростки и две женщины.

— Подмога, — усмехнувшись, сказал седобородый. — Вся наша деревня тута. Только малые, старики да бабы дома остались. Думали, крымчаки. Так и живем, на пашню оружные выходим.

— Прохор Архипыч! — вдруг крикнула Анфиса, приглядевшись к седобородому. — Серебров, не узнал?

Бывший федоровский приказчик Серебров сощурил глаза.

— И впрямь Степана Гурьева женка! Откуда ты, милая?

Анфиса принялась торопливо рассказывать про свои скитания.

— Это Федор, мой брат, а это Петро, вместе из Крыма бежали... Про мужика моего не слыхал ли, Прохор Архипыч?

Анфиса вспомнила памятный день в деревне Федоровке и всхлипнула.

— Не слыхал, милая, — сожалел Серебров. — Оставайся с нами. Здесь федоровских много.

— Нет, я мужа буду искать.

— Святое дело, бабонька. А мы здесь живем вольготно. Земля жирная, родит вдвое противу нашей. А татары? Нынче не отгадаешь, где раньше голову срубят, — Серебров бросил взгляд на приставов, — здесь, близ татар, или близ царя-батюшки.

— Тяжелая ваша жизнь, — сказал старший пристав, — и во сне должны ордынцев помнить. А забудешь — либо жизнь отдашь, либо в полон угонят... Как, православные, можно нам дальше ехать?

— Езжайте. Мы что! Мы думали — крымчаки, а ежели свои, русские... Вертай, ребята, на страду!

Завернув коней, мужики поскакали к желтевшей полосе спелой пшеницы.

— Вишь как! — сказал молчавший Петр. — Глазом моргнуть не успели, а воны на конях и вооружены... И бабы с ними, а у баб топоры в руках... Ежели вместе с мужиком баба на новое место сядет — значит, на века. Напрасно в Запорожье казаки от баб хоронятся, — добавил он раздумчиво.

— В тутошних местах переселенцев много, — отозвался старший пристав. — Мы города строим для ихней защиты, а они все вперед и вперед. И жгут, и убивают крымчаки, а их все больше и больше. Будто сила неодолимая гонит. И землепашцы, и умельцы всякие...

Петр подумал, что у казаков в Запорожской Сечи иная жизнь. Для них воеводы города не построят, и защиты им ни от кого нет. Другие думки у польских и литовских панов. Он подумал еще, что вскоре переселенцам предстоит новое испытание. Через эти места скорым временем пойдут полчища крымского хана.

Днем, когда солнце стало почти над головой, путники, трясаясь рысцой по Муравскому шляху, въехали в засечную лесную полосу. Проехали лесом шесть верст. В лесу было прохладно, в кустарниках на опушках щебетали птицы, журчали звонкие ручейки. Покой и тишина царили вокруг. Однако выехать им из леса не удалось — дорогу преградили огромные, поваленные друг на друга деревья. Они наполовину держались корнями в земле, и оттащить их в сторону было невозможно. Гряда из поваленных деревьев тянулась версты на три.

Петр Овчина живо представил себе положение крымских ордынцев, неожиданно напоровшихся на грозную засеку⁹⁶, сидящим в засаде воинам легко уничтожить неприятельских всадников!

Не зная, что делать дальше, путники сбились в кучу. Отыскать укрытую в лесу дорогу не так-то просто.

— Эй, что за люди? — крикнул дозорный, как из-под земли появившись между стволами.

Старший пристав показал подорожную грамоту.

— Езжайте за мной, — позвал ратник и, подстегнув плеткой свою лошаденку, углубился в лес.

— Вишь, какой порядок! — с гордостью произнес пристав. — Ноне и мышь к Москве не проскочит... А все боярин и воевода Михайло Иванович Воротынский, его труды. В прошлом бы где так, тогда бы крымчаки к Москве не прорвались.

Петр Овчина удивлялся: он думал, что казаки живут только в Запорожье. Он сравнивал дикую, необжитую степь татарской стороны Днепра с местами, по которым ехал. По рекам здесь возникали небольшие поселения. Где берег был выше, там люди ставились избями. Жители могли прятаться под защиту крепостных стен при появлении врагов. В городках и посадах развивались торговля и ремесла. Особенно поразили Петра казаки, разъезжавшие по степи днем и ночью.

В городе Туле стояла каменная крепость, построенная еще при великом князе Василии Ивановиче. Петр Овчина узнал, что здесь существует засечная служба, засечные дозорщики и что слово «сечь» бытует давно в здешних местах.

Крепости внутренней линии укреплений Московского государства располагались по течению реки Оки.

Крымские беглецы проехали на гребном пароме Оку и стали подниматься к Серпухову, блестящему разноцветными маковками церквей. Серпухов — главный русский кулак, выставленный против татарского хана.

На полпути они услышали лошадиный топот, увидели пыль, поднявшуюся облаком над дорогой. Мимо промчался на рысях вооруженный отряд. Анфиса равнодушным взглядом окинула ратников. И вдруг она схватила за руку ехавшего с ней бок о бок брата Федора.

— Ты что?

— Я видела Степана, — сказала Анфиса и побледнела.

— Ошиблась, не может быть!

— Нет, это он. Я и глазами видела, и сердцем почуяла... Поедем за ними, Феденька. — И Анфиса стала поворачивать коня.

Но приставы запротивились.

— Мы получили приказ от воеводы, — сказали они. — Тебя надо доставить в Москву, и мы не позволим скакать за ратниками.

— Приказные с нас в Москве шкуру с живых снимут, ежели что, — сказал старший пристав. — Уж ты не серчай, лапушка.

Анфиса заплакала и покорилась. Но она твердо решила вернуться в Серпухов и найти своего мужа. Всю дорогу она думала, как увидит Степана, как обнимет, заплачет и расскажет, сколько мучений без него вытерпела.

Последний раз путники меняли лошадей в ямском дворе на Лопасне, и суток не прошло, как они въехали в Фроловские ворота Московского Кремля.

Неожиданно для всех царь принял Петра Овчину на следующий день. Он недавно отпраздновал свадьбу с Анной Колтовской и торопился в Новгород. Петра поразили величественный облик царя, великолепие его приемной палаты. Безмолвные ряды бояр и ближних вельмож в богатых одеждах, сидевших по лавкам. Длиннобородый боярин с белым лицом заблаговременно научил Петра Овчину, как вести себя перед царем.

Войдя в палату, Петр гулко упал на колени, на четвереньках подполз к царскому престолу и ударил челом в землю.

— Встань, — сказал царь.

Петр Овчина поднял голову, но продолжал стоять на коленях.

Иван Васильевич, опираясь руками на ручки резного кресла, долго рассматривал беглеца.

— Что ты хотел сказать? Говори, мы разрешаем тебе.

Петр кратко и толково рассказал царю все, что он слышал в доме мурзы Сулеша.

— День подхода к Москве назвал сам Дивей-мурза? — спросил царь.

— Да, великий государь.

— Первого августа?

— Да, великий государь.

— И ты бежал из плена в самое плохое время, не подождав наших купцов, чтобы упредить меня?

— Да, великий государь.

— Глядите, — обернулся царь к боярам, продолжавшим молчаливо сидеть на скамьях, — вот человек без всякой корысти преданный мне.

— Великий государь, — сказал Петр Овчина, — вся Киевская земля, и Волынская, и Галицкая — твоя государева извечная вотчина от равноапостольного князя Владимира... Наша мать земля Русская разорвана на куски. И нам бы быть под своим природным православным государем, а не под латинским крулем.

— Отвести поместье в Тульском уезде, триста четей, — сказал царь, обернувшись к дьякам, — и поверстать его в дворяне. А теперь иди к себе, отдыхай.

Петр Овчина снова повалился на пол. Царь милостиво протянул руку для поцелуя. И Петр целовал ее столь долго, что постельничий Дмитрий Иванович Годунов оттащил его за штаны.

Царь был весел и смеялся.

Глава тридцать шестая. АМИНЕМ БЕСА НЕ ОТБУДЕШЬ

В субботу, 26 июля 1572 года, поздним вечером, передовые всадники ногайского мурзы Теребердея подъехали к Сенькину броду. Этот скромный перелаз через реку Оку отстоял на пять верст западнее устья реки Лопасни, а от Серпухова до него насчитывали больше тридцати верст. Татары старались не шуметь. Копыта их лошадей были обвернуты мягкой рогожей. Они положили лошадей в траву, а сами укрылись за тремя бревенчатыми избами, недавно покинутыми жителями. Сотни вражеских глаз впились в противоположный берег. На московской стороне Сенькина брода над берегом едва виднелись в темноте русские укрепления.

Когда тысяча татарских всадников скопилась на берегу, а темнота сделалась еще непроглядней, первая вражеская сотня переправилась через реку. За первой сотней пошли вторая, третья... Татарские воины, действуя тихо и осторожно, разобрали крепостную ограду, сплетенную из хвороста и засыпанную землей, а под утро, когда сон самый крепкий, неожиданным ударом захватили крепость и перебили русских воинов, находившихся в засаде. Только двум русским всадникам, пробившим мечами дорогу сквозь толпы врагов, удалось ускакать. Они не только спаслись сами, но и прихватили «языка». Он оказался русским, Третьяком Сухотиным, и служил переводчиком у самого мурзы Теребердея.

В этом году город Серпухов был центром обороны. В крепости расположился воевода большого полка, князь Михаил Иванович Воротынский.

Под Серпуховом лето стояло жаркое, дождей давно не было. Земля пересохла, потрескалась. Хлеб сжали давно, и многие успели обмолотиться.

Ратники большого полка спали в легких шалашах, сплетенных из зеленых веток, многие расположились прямо на траве, под деревьями, подстлав грубошерстные армяки.

Наступило воскресенье 27 июля, день святого великомученика и целителя Пантелеймона. Утренняя началась в соборной церкви в шестом часу. Воевода Воротынский любил ранние службы, когда нетронутая заботами голова свежа. Он любил сладкоголосый хор певчих, прерываемый раскатистым бархатным голосом отца Сергия. Воротынский стоял на правом крыле в полупустой церкви, слабо освещаемой лампадками, слушая монотонное чтение

шестопсалмия. Чтение окончилось, служки стали зажигать свечи. В церкви стало светлее. Духовенство в праздничных ризах вышло на середину храма.

С хоров снова раздалось торжественное пение. Воротынскому запал в душу молодой, звонкий голос, рвавшийся из хора. И снова монотонный голос стал читать Евангелие. Воротынский вспомнил свое заточение в Белозерском монастыре.

— Слава тебе, показавшему нам свет, — услышал князь торжественные слова священника.

В ту же минуту кто-то притронулся к его руке.

— Боярин, — шепотом сказал стражник воеводской охраны, — ратники с Сенькина брода прискакали, «языка» тебе привезли. Татары на сем берегу...

Воротынский торопливо перекрестился и вышел из церкви.

Приближение татарских орд не было неожиданностью для воеводы. Он по несколько раз в день выслушивал вести от дозорных, скакавших в Серпухов с разных сторожевых застав. Ни одного движения врагов старался он не выпустить из поля своего зрения.

Воротынский пересек площадь и поднялся на крыльцо большого каменного дома осадного воеводы⁹⁷. В этом доме он занимал просторную угловую комнату. Князь был здоров и бодр, несмотря на свои преклонные годы. Жил он просто и доступно. Воротынский вошел в горницу и приказал звать ратников. Они предстали перед князем израненные, в окровавленных повязках. С ними был их пленник Третьяк Сухотин со связанными руками. Ратники увидели сидевшего на лавке сурового старика в красном кафтане, с белой окладистой бородой и седыми кудрями.

— Желаем тебе здоровья, воевода, — сказали они, поклонившись.

Поклонился и Третьяк Сухотин.

— Здравствуйте и вы, — сказал воевода. — Где татары?

— Сенькин перелаз в их руках, — сказал воин постарше. — Ночью напали и всю заставу — в капусту. Мы вдвоем с Николкой еле ушли. Да вот этого прихватили. Русский, Третьяком себя назвал, можно сказать, сам в руки дался.

— Спасибо, воины. Отдохните с дороги, горячего варева похлебайте. А я с ним поговорю. — Воевода кивнул на пленника. — Пстой-ка, развяжи ему руки.

Ратники ушли. Некоторое время прошло в молчании. Пленник не поднимал глаз.

— Почему ты с ногайцами? — спросил воевода.

— В прошлом годе под Москвой взяли, — поглаживая затекшие под веревками руки, ответил Третьяк. — Весной купцы многих в туретчину увезли наших-то. А я толмачить взялся, хотел в свою землю вернуться. Убегти надея была. А воевать против своих, русских, и в мыслях не было.

Он поднял глаза и спокойно встретил суровый взгляд воеводы.

— Ну, верю, — вздохнув, сказал Воротынский, — не мог ты против русских воевать... А скажи, кто хозяин твой?

— Ногайский мурза Теребердей. Его люди брод захватили... Наши в том сами виноваты — плохо в дозоре стояли. Ногайцы их сонных... Ох, как я ловчился им весть подать, да не

смог... И колоды с частоколом⁹⁸ наши развели и так бросили.

Воротынский вспомнил, что вчера вечером две сотни тульских городских казаков прошли Сенькиным бродом. В полночь они были в Серпухове. Для того и колоды развели, да забыли на место поставить. Воевода выругался про себя.

— Сколько ногайцев с мурзой? — спросил он, помолчав.

— Двадцать тысяч.

— Сколько всех воинов у хана?

— Много. Сто двадцать тысяч, а может быть, больше.

— Что еще хочешь сказать?

— Хан, как и в прошлом году, не станет завязывать боя у Оки, а хочет прорваться к Москве. Слышно, он всю Русскую землю поделил между своими мурзами. А царя и великого князя Ивана Васильевича хвалился на веревке к себе в Крым привести.

— Откуда знаешь сие?

— У меня друг при ханском дьяке толмачит, он мне поведал.

— Кто главный воевода у хана?

— Дивей-мурза. Он правая рука хана. Что скажет Дивей, то хан делает.

Князь подумал, что у него людей во всех полках едва наберется двадцать тысяч. Но что теперь поделат? Сколько есть. Не первый раз он встречал татар на берегах Оки за тридцать лет ратной службы, и не было, чтобы уходил от боя.

Он задал еще несколько вопросов толмачу.

— Ну что ж, спасибо тебе.

Князь взял в руки деревянную палку и ударил в небольшой медный барабан.

В дверях появились стрельцы.

— Батюшка-воевода, — упал на колени Третьяк, — дозвожь с ногаями биться, отомстить хочю. Родителей моих в прошлом годе живыми сожог Тербердей-мурза. Я...

— Подьячего ко мне, — сказал воевода стрельцам.

Подьячий появился быстро, словно ждал у дверей.

— Запиши... — Воевода посмотрел на пленника.

— Третьяк Сухотин я.

— Запиши Третьяка Сухотина в охранную сотню, — приказал.

— Исполню, боярин и воевода, — поклонился дьяк. — А ты, друже, ступай к себе покамест.

Когда Третьяк ушел, подьячий сел на лавку, положил на колени бумагу и стал записывать приказы воеводы Воротынского по всем полкам.

Через час из крепости поскакали гонцы в Тарусу к воеводе полка правой руки князю Николаю

Романовичу Одоевскому и к воеводе полка левой руки князю Репнину на Лопасню. И еще к воеводе Ивану Петровичу Шуйскому в сторожевой полк на Кашире и к воеводе передового полка князю Андрею Хованскому на Калугу.

Главные русские силы ждали татар на берегу Оки, укрепившись в трех верстах от Серпухова. Тут был построен Гуляй-город с двумя стенами из хвороста, засыпанными внутри землей, и глубоким рвом вдоль стен. К полудню дозоры заметили передовые отряды крымского хана, подходившие к русским укреплениям. Татары подвезли к берегу турецкие пушки и открыли стрельбу. Однако попыток переправиться на московский берег они не делали. Михаил Иванович Воротынский запретил отвечать на стрельбу. Непосредственной угрозы не было, а пушки и порох надо беречь.

Рано утром 28 июля, только покраснел восход, Михаил Иванович поднялся на каменные стены крепости. Отсюда, с Высоцкой башни, виднелись зеленые сочные луга и отлогие холмы с небольшими селениями. Еще дальше синела широкая полоса Оки, реки — защитницы Русской земли. Ночью татары перестали стрелять, стояла тишина. Думалось, здесь, на стенах, хорошо и покойно. Воевода сделал несколько шагов по каменным плитам и остановился у большой пушки. Он посмотрел на ядра, лежавшие кучей возле тяжелого бронзового ствола, приподнял кусок полотна, пропитанный маслом, закрывавший дубовый бочонок с порохом... Но вряд ли видел воевода что-нибудь сейчас. Его мысли были далеко. Он вспомнил свою последнюю встречу с государем в Москве весной этого года...

Царь Иван сидел в кресле. Сбоку, держась рукой за высокую спинку, стоял Борис Годунов.

— Да будет Ока неодолимою преградой для басурман, — сказал царь, заканчивая наставления. — А если река не удержит врага, то заградите ему путь к Москве своей грудью.

Горько и обидно стало тогда Воротынскому, и он решил открыть душу царю.

— Великий государь, — сказал он, — вели Годунову уйти, хочу тебе тайное поведать.

Поколебавшись, царь кивнул Борису.

— Ну, — оставшись наедине с князем, хмуро сказал он, — говори тайное.

Тогда Воротынский, будто его толкнул кто-нибудь, упал на колени.

— Великий государь, если ты отменишь опричнину, русские люди воевать будут насмерть и не пустят к Москве татар, хотя бы их десятеро на одного нашего было... — Воротынский склонил голову, ожидая смерти от гневной царской руки.

Царь молчал. Боярин поднял голову. Посмотрел прямо в глаза царю Ивану. Негромко и твердо закончил:

— А за опричнину не станут воевать... И я их неволить не буду...

— Встань, — не сразу сказал царь. В голосе его не слышно было обычной ярости. — Обещаю тебе царским словом: гонца с победой пришлешь, забуду опричнину. Слышишь?..

Помнил боярин, что был тогда растроган, плакал, целовал цареву руку и говорил, что умрет за него. Забыл про обиды и поношения, про опалу в Белоозере.

И вот сейчас пришло время. Враг у берегов Оки. «У меня едва наберется двадцать тысяч. Шестеро на одного. Силой не возьмешь. Надо обмануть врага. И ни одной ошибки, ни одного неверного шага. Все продумать, все предусмотреть».

Никогда еще не приходилось русским отражать грозное нападение татар столь малыми

силами. И главнокомандующий снова и снова прикидывал так и эдак... Мысли роились у него в голове. Но недолго был большой воевода один на стенах. Послышался топот ног и голоса.

Иван Васильевич Шереметев окликнул его.

Воротынский пошел навстречу.

— Крымский царь со всей ордой ночью переправился через Сенькин перелаз на московскую сторону! — задыхаясь от быстрой ходьбы, сказал Шереметев. — А против Серпухова не более двух тысяч стоит. Для обмана оставлены...

Воротынский, повернувшись к главам городского собора, широко перекрестился. Сказал твердо:

— Видно, думает крымский царь, что я, как в прошлом году, попаду в ловушку. Ан не так... В погоню, всем полкам в погоню... Нарядному воеводе⁹⁹ прикажи, княже Иван: немедля на подводы народ и пушкарей грузить. И гнать первыми за большим полком. А гуляйному воеводе¹⁰⁰ скажи: крепость будем ставить у Воскресения-на-Молодых. Колья бить и заплетать плетень. Там, где прежде указывал.

Воевода был совершенно спокоен. Он распоряжался, больше не раздумывая.

Зашевелились все русские войска, стоявшие под Серпуховом.

Казачий полк, присланный против татар братьями Строгановыми, устроился в небольшой деревеньке на самой опушке леса. Неподалеку высились главы владычного монастыря. Сотня русского корсара Степана Гурьева, входившая в полк, состояла из мореходов и землепроходцев, не раз побывавших в опасных переделках, привыкших смотреть смерти в глаза.

Вечером, едва зашло солнце, в лагерь мореходов пришло пополнение. Григорий Строганов прислал в свой полк еще сто двадцать человек, а привел их бывший капитан корабля «Царица Анастасия» Дементий Денежкин.

— Это ты, Степан? — сказал он, разглядывая сидевшего в шалаше сотника.

— Дементий! Откуда ты?

Друзья радостно обнялись.

— Я думал, не увижу тебя, — сознался Степан Гурьев. — У нас слух пошел, захватили свеи твой корабль и всех перебили.

— Мне от свеев удалось бежать в Копенгаген. Вскоре туда пришел Карстен Роде на «Золотой овце». По приказу короля Фредерика нашего адмирала сразу арестовали. Я даже не успел с ним поговорить. Его вели восемь стражников. Карстен Роде увидел меня, улыбнулся, помахал рукой.

— Его посадили в копенгагенскую тюрьму?

— Если бы так... Король повелел отправить его в замок Галь, далеко от берега моря. Один из друзей Карстена дознался, где он, и побывал в том замке. Адмиралу отвели хорошую комнату и хорошо кормили. Но держали под надзором строго. Не разрешали говорить ни с кем из посторонних...

— Но почему так произошло? — воскликнул Степан Гурьев. — Ведь король Фредерик был в дружбе с нашим царем и хорошо относился к адмиралу! Начальник всего датского флота был

его приятелем. Я помню, как датчане топили Жигимондовы корабли.

— Да, так было. Но адмирал Карстен Роде действовал слишком успешно и стал знаменитым человеком на Восточном море. Русскую морскую силу стали побаиваться. Король Жигимонд настойчиво обвинял Фредерика в пособничестве нашему царю на море. Я слышал в Копенгагене разговоры о том, будто Фредерику не нравятся действия нашего великого государя в Ливонии.

— Вот как? В одном месте бьют — в другом отзывается. А где твой корабль?

— Сожгли, чтобы не попал в чужие руки.

— А ты сам давно ли вернулся в Россию?

— Два месяца назад. Григорий Аникеич Строганов послал к тебе.

— Я рад, будем воевать вместе. Есть ли с тобой еще корсары?

— Василий Твердяков... Федор Шубин и отец Феодор с ними. Я слышал, татары близко. Скоро в бой?

— Ждем каждый час.

— Ты государя видел, говорят, он тебе золотой на шапку пожаловал?

— Пожаловал, — нехотя ответил Степан.

— Теперь за него голову сложишь?

— Нет, не за него. За свою землю, за своих родителей, за жену и детей.

— Так, а помнишь, как мы англичан от Жигимондовых корсаров отбивали?

Друзья еще долго разговаривали, вспоминая тревожные, но радостные дни, проведенные на Варяжском море.

— Про Анфису ничего не слышал? — спросил, засыпая, Федор Шубин.

— Мертвые не оживают, — ответил, вздохнув, Степан.

Перед рассветом Степана Гурьева вызвал казачий голова Игнатий Кобяков.

В избе, где собирались сотники, горела березовая скрутка в железном поставце, освещая заспанные бородатые лица. Сотники сидели на лавках, уставленных по стенам избы, молчаливые и хмурые.

— Други, — сказал Игнатий Кобяков, когда все собрались, — Девлет-Гирей перелез через Оку и пошел на Москву. Нам приказ боярина Воротынского — быть под началом у гуляйного воеводы. Время терять нельзя, поднимайте казаков. Нас ждет тяжелый бой.

Загремели барабаны, запели трубы. Раздались зычные команды сотников. Через десять минут казачье войско двинулось по московской дороге. На второй версте строгановских казаков обогнали всадники с набатами у седел. Они плетками били в медные барабаны.

— Дорогу пушкарям! — кричали глашатаи. — Дорогу обозу нарядного воеводы!

Сотни телег, груженных шестипудовыми бочонками с порохом, пушками, ядрами и картечью, пронесли мимо на рысях. Невидимые в тучах пыли, кричали ездовые и шлепали бичами.

Пронеслись телеги с пушкарями и запальщиками, сидевшими по десяткам. Потом проехали возы с хлебом, пшеном, мясом и другой снедью для кормления воинов.

Долго стояла непроглядной пеленой над московской дорогой пыль, поднятая конными и пешими.

Носились слухи, что сам воевода большого полка князь Михаил Иванович Воротынский проскакал догонять главные силы крымского хана. * * *

Небольшое сельцо Молоди со всех сторон окружили дремучие леса. И только на западе, где пологие холмы, мужики вырубали деревья и землю распахали. Хлеба здесь родились сильные, во ржах не увидишь лошади, урожаи давали немалый. На возвышенном берегу Рожай, у впадения в нее реки Молодки, стояла деревянная церковь Вознесенья, окрашенная в зеленый цвет. У церкви поповский двор да дьяконов и несколько крестьянских домиков. Рядом проходила большая Серпуховская дорога. Покрепче и попросторнее была корчма, в нее часто заходили прохожие и проезжие, пробиравшиеся в Москву или в Серпухов.

В этом году хлеб убрали давно. И лето выдалось жаркое, да и боялись мужики наезда ордынцев.

Зерно укрыли в ямах в соседнем лесу. Когда появились первые татарские всадники, крестьяне угнали скот и сами схоронились в лесных чащобах.

28 июля на дороге села Молоди показался одинокий всадник, скакавший на взмыленной лошади. Это был Генрих Штаден, царский опричник. Он трусливо покинул свой отряд, вступивший в бой с татарами.

Вскоре по московской дороге прошли к столице полки крымского хана Девлет-Гирея. Они двигались великою густотой. Не опадала пыль над подмосковным лесом, поднятая бесчисленными копытами. Вдогон за сторожевым татарским полком промчался передовой полк Андрея Хованского и Дмитрия Хворостинина. Русские настигли врага у Молодей, разбили его и гнали до самой ставки хана. Девлет-Гирей переправился через реку Пахру и встал всем войском в семи верстах от нее, выбрав себе защитой непроходимое болото.

В этот же день, под заход солнца, из Серпухова к Молоди стали подходить другие русские полки. В лесу застучали топоры. Тысячи воинов, отложив в сторону пища и иное оружие, рубили и забивали в землю колья, рубили ветви и заплетали плетень, копали ров. Из лесу на помощь вышли мужики и бабы. На холмах, где недавно стояли скирды скошенного хлеба, быстро росла походная крепость.

Гуляйный воевода приказал заборы плести высотой в полтора аршина. Для каждой стены два плетня на аршин друг от друга. Пустоту между ними засыпали землей, выкопанной перед наружным забором.

Когда Строгановский полк подошел к Молодям, уже на две версты с лишком тянулись плетеные стены. Нарядный воевода пригнал свой обоз, расставили за стенами пушки. Строгановские казаки, не отдыхая, взялись за топоры и лопаты.

И сотня Степана Гурьева стала рядом. Заполняя землей стену, мореход думал, что сейчас самое опасное время для русского войска. Если татары не дадут закончить, они могут захватить и пушки, и порох, и людей порубить. Наверное, все понимали это, и торопить ратников не приходилось.

К ночи все русские войска, кроме сторожевого и передового полков, сошлись у готовой крепости. За ее стенами, при свете березовых скруток, готовили шалаши воинам, ставили шатер для воевод.

Князь Воротынский в булатных доспехах на сером высоком жеребце в сопровождении воевод объехал крепость, приглядываясь, как поставлены пушки, везде ли достаточно пороха и ядер. Несколько факельщиков горящими смоляными ветками освещали ему дорогу.

В три часа утра, едва стало светать, боярский сын Федор Лукошков поскакал с вестями в Новгород к царю Ивану.

Глава тридцать седьмая. «ЦАРЬ ЕСТЕСТВОМ ПОДОБЕН ЕСТЬ ВСЕМ ЧЕЛОВЕКАМ, ВЛАСТЬЮ ЖЕ ПОДОБЕН ВЫСШЕМУ БОГУ»

В Новгороде наступало утро. Белела росистая трава. В садах проснулись птицы. От городских ворот на Никитскую улицу, где жил царь Иван, промчался всадник.

Царь поднял голову с подушки и прислушался: конский топот нарастал, приближался. «Гонец от Воротынского», — сразу решил он и спустил худые ноги с постели.

В маленькой опочивальне царицы, занавешенной коврами, было душно. Коптила лампада у иконы нерукотворного Спаса. Крепко пахло ладаном. На широкой постели, повернувшись лицом к стене, сладко посапывала во сне молоденькая, совсем еще девочка, царица Анна, четвертая жена Ивана.

Конский топот стал глуше — всадник скакал по толстому слою соломы, высланному на улице для покоя государя. Прихрамывая со сна, царь Иван подошел к окну и откинул занавески. Несмотря на раннее утро, солнце еще не вставало, на улице было светло. Из открытого окна пахнуло свежестью и прохладой.

Всадник остановился напротив царского дома. Его коня схватили под уздцы два стражника. Из дома напротив прибежали еще вооруженные люди. Ухватив всадника за одежду, они стали стаскивать его с лошади.

— Я от воеводы и боярина Михаила Ивановича Воротынского к великому государю всея Руси!
— закричал гонец.

Царь высунул голову из окна.

— Эй, там, — грозно приказал он, — гонца воеводы Воротынского ко мне во дворец!

Опричники отступились. Всадник спрыгнул с лошади и низко поклонился царю, продолжавшему смотреть из окошка.

«Плохая весть», — догадался Иван Васильевич, приглядевшись к его лицу.

Накинув халат на костистые плечи и сунув ноги в разукрашенные разноцветными камнями туфли, перекрестив спящую царицу, он вышел из спальни.

В небольшой горнице, где обычно царь занимался делами, собрались люди. Здесь были телохранители и ближние люди. Братья бояре Пронские, окольниковый Никита Борисов, новый печатник и думный дворянин Роман Олферов, не знавший грамоты, Малюта Скуратов, пожалованный недавно во вторые дворцовые воеводы на место Афанасия Вяземского. На заспанных лицах видна растерянность.

Царь Иван быстрым взглядом окинул приближенных.

— Василий, — сказал он дьяку Щелкалову, — пусть входит гонец.

Открылась дверь. Боярский сын Федор Лукошков вполз на коленях. В двух шагах от царя он остановился и, подняв руку с воеводской грамотой, подал повелителю.

Царь Иван выхватил бумагу, торопливо развернул и стал читать, шевеля губами и поворачивая голову вслед за строчками. Приближенные застыли, затаив дыхание.

Читая письмо, царь Иван временами вспыхивал и покрывался потом, у него начинали дрожать руки. Закончив чтение, он долго молчал.

— Догонит ли воевода Воротынский врага моего Девлет-Гирея? — негромко спросил наконец царь. — Задержит ли его?

— Передовой полк вступил с татарами в бой, и Девлет-Гирей, переправившись через Пахру, остановился за большим болотом, — не поднимая головы, ответил гонец. — А у Воскресения-на-Молодях, что в пятидесяти верстах от Москвы, воевода Михаил Иванович Воротынский приказал строить походную крепость. И ту крепость построили одним днем.

— Нет ли измены среди... бояр и воевод, не слыхал ли на меня речей скаредных? Не хотят ли бояре ко крымскому хану переметнуться?

— Все люди твои! — твердо сказал гонец, подняв голову и взглянув на царя. — Поклялись за тебя и за Русскую землю головы сложить...

Царь не произнес больше ни слова. Передав письмо в руки дьяку Щелкалову, он, сутулясь, вышел из горницы. В царицыной спальне его охватил безотчетный, необоримый страх. «Что будет со мной, где искать спасения?» — повторял он. Перед глазами возникали бесчисленные орды крымского хана. С дикими криками они окружали Новгородскую крепость... Вот он, великий князь и царь земли Русской, со связанными назад руками стоит на коленях перед Девлет-Гиреем. Крымский хан поднял руку с плеткой, замахнулся... Звериный рев вырвался из горла царя Ивана.

— Предатели, изменники!.. — хрипел он. — Нарочно пустили татар через Оку. Я знал, я думал об этом... Кому я поверил? Михашке Воротынскому! Он давно измену замышляет. Все они изменники, никому нельзя верить!.. Это я виноват, я навлек гнев божий на Русскую землю...

И царь Иван упал на колени.

Царь молился истово. Упершись растопыренными пальцами в пол, клал земные поклоны, ударяя лбом о деревянные доски. «Пусть и царица молит бога, она агнец невинный», — мелькнуло в голове.

Царь поднялся с колен, страшный, с красными вытаращенными глазами. Шатаясь от слабости, он бросился к постели, сорвал шелковое одеяло. На царице Анне задралась рубаха, оголив полные ноги.

— На колени! — визгливо крикнул царь.

Анна проснулась и, широко раскрыв свои кроткие овечьи глаза, смотрела на мужа. Таким она еще не видела его. Царь схватил ее за локоть. От его холодных как лед рук по телу царицы пошли мурашки.

Она с испугом опустилась на колени перед иконами, стараясь понять, что произошло. Царица была проста и безыскусна. Любила сладкое и мягкие лебяжьи подушки. И еще любила надевать красное ожерелье на белую шею.

— Повторяй за мной... — И царь, смрадно дыша, стал молиться.

Тонкий девичий голос вторил за ним слова молитвы.

— Кланяйся низко в землю! — приказывал муж.

Царица, придерживая левой рукой сползавшую с плеч рубашку, кланялась и крестилась.

— Если ты даруешь победу, я отменю опричнину, — обещал царь Иван всевышнему. — Знаю, я виноват, накажи меня, но даруй победу, помоги отомстить за пепел Москвы, помоги освободить многих православных христиан из татарского плена.

Набожный от страха, царь молился до позднего утра. Когда солнечные лучи проникли в окошко опочивальни, он успокоился. Пелена безумия спала с глаз. Уложив дрожавшую от холода и страха молоденькую царицу в постель, он вышел в горницу и позвал слуг.

Прибежал лекарь Бомелий с лекарствами и примочками.

— Архиепископа ко мне, — потребовал царь. Он не мог стоять на ногах после бессонной ночи и повалился в кресло.

Архиепископ Леонид, стяжатель и цареугодник, слыл недобрым человеком. Недавно попы всех новгородских церквей в ответ на непомерные поборы Леонида отказались служить обедни. Царь вынужден был вмешаться.

Шелестя черной шелковой рясой, появился новгородский святитель; вглядываясь в лица царедворцев, он старался угадать, что произошло. Царь Иван едва приподнялся под благословение.

— Всем служить молебны, просить у бога победу, — страшно посмотрев в глаза архиепископу, сказал он. — Чтобы враги наши под ногами нашими были. Без отдыха просите, пока не велю перестать. Пошли, отче, конных людей по монастырям.

— Пошлю, великий государь.

Царь Иван отпустил всех и пожелал видеть дьяка Щелкалова.

— Неужто хан и в сей год к Москве подберется? — спросил он у дьяка. — Оку-то, защитницу нашу, переполз...

— Я верю Воротынскому, великий государь. Он твой верный слуга. Он задержит хана.

Дьяк волновался. Его глаза, сидящие чересчур близко к мясистому носу, покраснели и слезились.

— И я верю ему. Но если хан все равно победит? У него сила больше. Как тогда? Турский за его спиной стоит. В прошлом годе Девлет-Гирей разорил многие города и много людей взял в полон.

— Хан победит сегодня, а завтра мы снова возьмем верх, — старался внушить уверенность дьяк.

— В России голод, мор. Где взять новых воинов? Иди, оставь меня одного.

Снова в царскую голову полезли смутные мысли. «Верю Воротынскому! А можно ли ему верить? Его отец немало лет провел в заточении на Белом озере и там умер. И Михаилка в опале был. За что он нас благодарить должен? Может, он хочет меня колдовством известить либо крымскому хану в руки отдать. Лекарь Бомелий дважды мне про него худое говорил».

Царь вспомнил свой разговор с воеводой. «Он клялся победить татар, ежели отменю опричину. Я сгоряча обещал ему, дал царское слово... Но если он победит татар, пожалуй, и отменю. Да, да, отменю. Я обещал всевышнему. И среди моих ближних слуг завелась измена». В голову снова пришел Афанасий Вяземский. Царь вздохнул. Мысли об измене огненным вихрем кружили ему голову. Он опять заметался по комнате. Молитвы к всевышнему переплетались со страшными проклятьями.

Глава тридцать восьмая. «БОГ ДАРОВАЛ ИМ ХРАБРОСТЬ И ЗАПАМЯТОВАНИЕ СМЕРТИ...»

Хан Девлет-Гирей, чувствуя у себя за спиной грозную силу, побоялся остаться на прежнем месте и снова переправился через Пахру, теперь уже в обратном направлении, и встал неподалеку от лагеря воеводы Воротынского.

К русской крепости подступиться теперь было не так-то легко. В ров, идущий под стенами, из которого брали землю и засыпали плетни, ратники набили острые дубовые колья. Большой полк Воротынского стоял в крепости, остальные полки расположились неподалеку, укрытые в лесу.

В среду 30 июля пушки Гуляй-города снова заговорили. На этот раз дело свершилось большое.

Татарскими войсками предводительствовал сам Дивей-мурза. Среди его воинов находились и ногайцы мурзы Теребердея. Первым бросились на Гуляй-город спешенные ногайцы. Подбадривая себя дикими криками, стреляя на бегу из луков, они разъяренной толпой устремились к стенам. От множества летящих стрел рябило в глазах.

Подпустив врага поближе, пушкари, укрытые за стенами, открыли сильную пальбу. Ошеломленные огневым ударом, потеряв многих убитыми, нападающие остановились. В это время из крепости полетели смертоносные стрелы. Ногайцы стали подбадривать себя криками.

— Алла-а-ла, алла-а! — раздавалось со всех сторон.

Татарские десятники, размахивая саблями, побежали к плетнёвому забору. За ними устремились воины в разноцветных халатах.

В русской крепости ударил большой барабан, призывно заиграли трубы.

Из-за леса на татар вылетел передовой полк на отборных конях. Воевода Андрей Хованский и Дмитрий Хворостинин первыми врубались в толпу противников.

Когда в бой вступило остальное войско Дивей-мурзы, из леса, с разных сторон появились русские полки, сидевшие в засаде.

В самый разгар сражения был убит мурза Теребердей. Ногайцы, не выдержав натиска, смешались и пустились в бегство. За ними в погоню бросился передовой полк. Правый, левый и сторожевой полки устремились на крымские орды. Из крепости через вылазные ворота вырвались на подмогу две сотни суздальцев и молча бросились в самую середину свалки, где бешено рубился сам Дивей-мурза.

До вечера шла жестокая сеча. Много было убитых и раненых с обеих сторон; бой находился в самом разгаре, трудно было сказать, кто победит. И вдруг татары покачнулись и побежали,

русские полки погнались за противником.

Снова загремел огромный крепостной барабан воеводы Воротынского, теперь он призывал прекратить преследование. Помчались гонцы с приказом войскам: вернуться в крепость. Михаил Иванович не мог понять, почему отступили татары, и боялся военной хитрости противника. Может, думал он, крымский полководец хочет завлечь русские полки подальше от крепости?

После боя в шатре боярина Воротынского собрались воеводы обсудить сегодняшнее дело. Привели «языка», с окровавленным лицом, связанного, и стали допрашивать.

— Долго ли выстоит Дивей-мурза? — спросил пленника Воротынский.

— Почему спрашиваешь об этом у меня, спроси его самого, он тоже твой пленник.

— Дивей-мурза в плену? — недоверчиво сказал воевода.

Пленный криво усмехнулся.

— Своими глазами видел я, Ахмет, слуга его. Высокий батыр ему руки вязал.

Воевода не поверил. Пленить командующего — великое, почетное дело. Воротынский дал приказ всем воинам провести своих пленников мимо своего шатра.

— Если покажешь Дивей-мурзу — отпущу на волю, — сказал он Ахмету.

— Спасибо, господин, — поклонился татарин. — Я отомщу проклятому мурзе, обидел он меня.

Вскоре пришли первые воины со своими пленниками. Ахмет стоял рядом с воеводами и заглядывал в лицо каждому.

Воин Матвейка Жук из города Каширы привел напоказ пузатого черноволосого турка с бабьим, безбородым лицом. Он был одет простым воином.

Турок обернулся к Воротынскому и пискливым голосом что-то сказал на своем языке.

— Что он балабочит? — с добродушной усмешкой спросил воевода.

— Турок говорит, — перевел Ахмет, — что будто бы он не простой воин, а знатный вельможа турецкого султана и за него заплатят хороший выкуп.

— А зачем он в одежде простого воина?

Турок долго объяснял.

— Он говорит, — перевел Ахмет, — что светлейший султан Селим повелел ему наблюдать, как воюют татарские воины... А потом, когда Девлет-Гирей возьмет Москву, он, паша Магомет, станет наместником султана на Русской земле. На Москве и улицы расписаны. Какому мурзе какая улица.

Воевода Воротынский усмехнулся.

— Ну-ка, ребята, — обернулся он к воинам, собравшимся у шатра, — снимите наместнику портки да всыпьте сотню хороших палок! Пусть запомнит турок, как наместником на Русской земле быть... До смерти не забейте, — добавил он, — чтобы выкуп не пропал.

Воины с хохотом поволокли в сторону упирившегося пузатого турка.

— Вот Дивей-мурза! — вдруг громко сказал Ахмет, указав пальцем на прячущего глаза высокого сухопарого татарина.

Воротынский велел ввести его в шатер.

— Ты ли Дивей-мурза? — спросил.

— Нет, я мурза невеликий.

— Негоже тебе, мурза, скрывать свое лицо. Так делают подлые рабы и трусы, — сказал князь Хворостинин.

— Эй вы, мужичье! — вспыхнул пленник и гордо поднял голову. — Вам ли, жалким холопам, тягаться с нашим господином, крымским царем. Вот погодите, он еще сосчитает ваши головы в Бахчисарае!

— Вот как! — спокойно сказал Воротынский. — Ты попал в плен как неразумный юноша, а грозишься?

— Если бы крымский царь был взят в плен вместо меня, я освободил бы его, а вас, мужиков, всех бы пленными согнал в Крым.

Дмитрий Хворостинин, выхватив меч, бросился на Дивей-мурзу. Татарин побледнел, но не шевельнулся.

— Остановись! — крикнул Воротынский. — Он царский пленник, никто не смеет поднять на него руку.

Тяжело дыша, Хворостинин бросил меч в ножны.

— Скажи, Дивей-мурза, как бы ты мог взять нас в плен? Ведь мы оружные?

— Выморил бы голодом в этой крепости, — не задумываясь, ответил татарин. — Через неделю я взял бы вас голыми руками.

— Держать почетно, охранять строго, — приказал Воротынский.

Дивей-мурзу увели.

В словах крымского вельможи была правда. И хлеба, и мяса, и другого харча в городе припасено в обрез. Если бы ордынцы догадались окружить город и взять в осаду, русские недолго бы продержались. * * *

В роскошном ханском шатре царило беспокойство.

Девлет-Гирей, лежа на подушках, с нетерпением ждал победных вестей от Дивей-мурзы. Ему было жарко, пот крупными каплями выступал на круглом отечном лице. Боли в животе от походной жизни усилились: хан то и дело засовывал левую руку под халат.

Стараясь сохранить невозмутимое безразличие, он чутко прислушивался к каждому звуку, доносившемуся снаружи. После прошлогоднего похода на Москву он стал носить звание «победителя русской столицы» и очень важничал.

У шатра раздался конский топот.

Кто-то подъехал, спрыгнул с коня. Наконец-то гонец, с победой. Девлет-Гирей напыжился, важно посмотрел на окружающих.

Сотник Мустафа, раздвинув цветные ковры, закрывавшие вход, появился на пороге.

Увидев его перекошенное страхом лицо, Девлет-Гирей побледнел.

— Великий царь, — вскрикнул сотник, — русские убили Теребердея, взяли в плен Дивей-мурзу! Твои войска бегут.

— Ты лжешь, собака! — прохрипел хан. Он схватил было меч, но раздумал, снял с ноги зеленую, расшитую золотом туфлю и обрушил на лицо гонца град яростных ударов.

Сотник рухнул на землю у ног Девлет-Гирея.

Узнав о пленении своего родственника Дивей-мурзы, хан долго не мог опомниться. Вскоре стало известно, что командующий жив и находится в русском Гуляй-городе.

Вечером все мурзы собрались в ханском шатре.

— Повелеваю вам, — выслушав вести, сказал хан, — завтра взять проклятый Гуляй-город, освободить Дивей-мурзу, а всех неверных — на цепь и в Крым. Я пришел сюда быть царем и государем всея Руси.

Вельможи подождали, пока хан поостынет, и стали почтительно давать советы.

Всех пугал срок.

— Великий повелитель, — склонил седую голову любимый паша мурза Сулеш, — просим тебя не торопиться. Надо все разузнать, осмотреть, найти слабые места русских. А уж потом мы ударим наверняка.

— О сладкорукий! Надо бы выманить русских из крепости, — сказал другой, — в открытом месте мы их сомнем... Или сжечь крепость.

— Вся сила русских в Гуляй-городе, — добавил третий, — он сделан из сырого дерева и не горит.

— Согласен подождать, — выслушав своих военачальников, важно сказал хан. — Бой перенести на субботу. Как победить врага, ваше дело, на то у вас пока есть головы. Посовещайтесь между собой, сделайте как лучше. Но крепость должна быть взята в субботу. Стыдно вам, воины, русских много меньше... Хитрую собаку, воеводу Воротынского, привести ко мне на аркане, только так можно смыть позор. Дивей-мурзу взяли в плен! — опять взорвался хан. — Приказываю отрубить головы всем, кто охранял его.

Ханские вельможи, низко кланяясь, вышли из шатра. * * *

В пятницу второго августа в ставке Воротынского появились перебежчики. Это были русские мужики, взятые в плен татарами под Рязанью. Они рассказали, что Девлет-Гирей в субботу готовится одним ударом разгромить Гуляй-город. Одних турецких янычар будет семь тысяч. Улан Ахмамет, заменивший Дивей-мурзу, приказал в ночь на субботу выдернуть во рву около одной из стен крепости колья, сделать подкоп и разобрать стену.

В заключение рязанцы попросились в полк к Воротынскому воевать против татар. Обласкав мужиков, воевода, оставшись один, долго думал.

— Призвать князя Шуйского! — приказал он.

В шатре появился воевода сторожевого полка.

— Сколько людей осталось в твоём полку? — спросил Воротынский.

— У меня восемьсот сорок два воина, а у воеводы Василия Ивановича Колычева — шестьсот восемьдесят два.

Воротынский заглянул в свои списки.

— Вот что, Иван Петрович, пусть твои люди днем спят, а ночью вокруг Гуляй-города дозор держат. Хан мыслит подкопом взять крепость. Понял, друже?

— Как не понять, Михаил Иванович, — отозвался Шуйский, — да только не взять хану крепости.

Нарядному воеводе Коркодинову Воротынский приказал изготовить пушки к бою.

Ночью ратники сторожевого полка выследили татарских лазутчиков и окружили их. Многие были убиты, другие спаслись бегством. Ханская затея не удалась.

В шатре Воротынского долго горел огонь. На совет собрались воеводы всех полков. Выслушав своих помощников, Михаил Иванович дал им приказы. Оставшись один, улегся на постель из медвежьих шкур, но заснуть не мог. Его мучили сомнения.

Русское государство в XVI веке.

«...Завтра решится судьба России, — думал Михаил Иванович, ворочаясь на жестком ложе, — и многое зависит от меня... Я должен и буду защищать престол царя Ивана. Но можно ли ему верить? Не пустой ли звук его обещание отменить опричнину? Что, если он после победы снова начнет пытаться и казнить неповинных людей, разорять Русь?..»

— О, как я ненавижу его! — вырвалось вслух.

Михаил Иванович отбросил покрывало и сел. Хан Девлет-Гирей хвалился привести его на веревке в свое царство. Не посланный ли это богом случай избавиться от злодея? Но тогда татары должны одержать победу... «Если мы будем разбиты здесь, у реки Лопасни, что ждет Русскую землю? Оправится ли она или будет долгие годы платить дань и кланяться язычникам? Быть снова рабами? Боже милостивый! Казань и Астрахань отдать татарам! Опять потоками польется русская кровь. А Москва?» Князь вспомнил прошлогодний набег Девлет-Гирея, вспомнил обращенную в прах и пепел Москву. Выдержит ли родная земля, окруженная со всех сторон врагами, новое испытание?

Он поднял глаза на икону Николая-угодника, и показалось, что большие, чуть прищуренные глаза любимого святого смотрят не по-обычному строго.

— Прости меня, святой боже, за презренные мысли! Москва осталась одна, беззащитная. Пока бьется мое сердце, я буду стоять за отечество. Царь Иван смертен: потешится, да и на кладбище, а Русской земле жить вечно... Победа, только победа! Стоять насмерть за все, что можно любить в жизни: за родную землю, за народ русский, за православную веру, за свой дом, за детей, за матерей и жен своих...

Воротынский опустился на колени.

— Приведи мой ум в ясность, дай твердость руке, — просил он у бога, — не пушу язычника на отчизну. Скорее Ока назад потечет, чем мы отступим.

В полночь войска, стоявшие в крепости, были подняты на ноги. Им велено огня не зажигать, не шуметь, разговаривать шепотом. Пусть думают враги, что русские спят.

Сотня Степана Гурьева заняла участок стены слева от вылазных ворот.

Мореходы стали готовиться к бою, зарядили свои пищали, точили боевые топоры с длинными рукоятками. Отец Феодор с крестом в руках обходил отважных воинов. Готовясь к смертному бою, многие исповедовались, и монах-кормщик отпускал им грехи.

Неожиданно мореходов сменили стрельцы; сотне Степана Гурьева приказано быть наготове к вылазке вместе с войсками передового полка.

Не успели мореходы отойти от ворот, как началось движение. Из крепости выходил большой полк. Михаил Воротынский выехал на своем любимце — сером жеребце, окруженный воеводами. В темноте чуть отсвечивали драгоценные доспехи.

— Братья мои, государи, — повернувшись в седле, сказал Воротынский ратникам, — будем биться насмерть, не отдадим врагу свою землю на позорище!

— Не отдадим Москвы врагу! — раздалось в ответ. — Где ляжет твоя голова, князь, там и мы свои головы сложим...

Воротынский обнял своего товарища Ивана Шереметева, остающегося в крепости, и нарядного воеводу князя Ивана Коркодинова.

— Блюдайте город, братья! Не силой нынче воюем, хитростью. Не ошибитесь, не дайте врагу ненароком разломать стены!

Большой полк бесшумным непрерывным потоком устремился к лесной чаще, находившейся в сотне шагов. Через полчаса у стен крепости не было видно ни одного человека. Ворота снова накрепко закрыли.

Пушкари и затинщики давно изготовили пушки и пищали. Главный зелейный мастер к каждой пушке принес по восемь больших кувшинов пороха. В шатре главного воеводы остался князь Шереметев. Через каждые полчаса дозорные сообщали ему о действиях врага.

С рассветом завывали татарские трубы. Крымчаки внезапно появились из леса и, выпустив тучу стрел, с дикими криками ринулись на крепость. Они бесстрашно прыгали в ров на колья, лезли к стенам, заполняя своими телами ров. Когда их головы и руки показались над стенами, стрельцы заработали топорами, секирами и рогатинами. Ратники, стоявшие сзади на возвышенности, стреляли из луков.

Прошел час. Еще час. Небо на востоке окровавилось. Время подходило к восходу солнца.

Большой медный барабан, стоявший у шатра главного воеводы, ударил два раза. Не успело затихнуть гулкое эхо, как Гуляй-город окутался дымом пушек и пищалей. Ядра и дробь ударили по врагам, упорно наползавшим на крепость из леса. Стреляла первая половина всех крепостных пушек. Огневой удар оглушил нападающих. Многие свалились на землю замертво. Войска противника приостановились, смешались. В это время загредел второй залп. А в тылу врага послышались крики и звон оружия. Воевода Воротынский незаметно провел свои полки в обход по ложбине и ударил в спину крымским ордам. Завязалась яростная схватка. Сила мускулов и мужество решали дело. Крики и звон оружия спугнули птиц, они беспокойно кружились над лесом.

Теперь татары все свои силы направили на большой полк Михаила Воротынского. Прошло два часа, и русские стали сдавать, слишком много было воинов у крымского хана.

И тогда из Гуляй-города слышались тягучие призывы полковых труб. Вылазные ворота открылись, передовой полк под командованием Дмитрия Хворостинина вырвался из крепости и ринулся на врага. Воины большого полка обрадовались подмоге и бились с новыми силами, словно в оседавшее тесто добавили свежих дрожжей.

Кипел отчаянный бой. Ратники передового полка бились доблестно, не щадя жизни. Благодаря своему высокому росту, воевода Хворостинин, сидя на коне, хорошо видел, что делается на поле битвы. Грозная сеча продолжалась долго. Кровь ручьями стекала в реку...

Теснимые с двух сторон, татары не выдержали и побежали.

Девлет-Гирей, лежа на подушках в своем шатре, слушал донесение о вылазке большого полка воеводы Воротынского и радостно потирал руки, заранее празднуя победу. Цель достигнута, русские вышли из крепости.

В это время сотня Степана Гурьева пробивалась к ханскому шатру. Сотник задумал взять в плен крымского владыку.

Одноглазый мурза Сулеш, задыхаясь, прибежал в шатер к Девлет-Гирею:

— О сладкорукий, лошади готовы, надо бежать, русские близко! Твоя охрана рубится с ними.
— Шрам на лице мурзы сделался лиловым.

Забыв про боли в животе, хан заметался по шатру. Полы зеленого халата распахнулись, обнажив тонкие дрожавшие ноги.

Мурза Сулеш подхватил безоружного владыку под руку и вывел его к лошади. Двое слуг посадили Девлет-Гирея в седло. Бескровное лицо хана еще больше побледнело — он услышал яростные вопли и звон оружия. «Не я, а московский царь Иван поведет меня на веревке», — пронеслось в голове. Не помня себя от страха, хан полоснул коня плетью... Для прикрытия бегства он оставил немногих, а сам, нигде не отдыхая, ночью прискакал к Оке и поспешно переправился через Сенькин перелаз. Боясь погони, хан оставил на переправе сильный заслон.

Сотня Степана Гурьева, изрубив ханскую стражу, прорвалась к заповедному шатру. Он был пуст. На узорчатом ковре валялись брошенные ханские знамена, оружие, три золоченых шлема и кольчуги. Забившись под богатые одежды, плакали от страха две русские девочки-невольницы.

Думая, что Девлет-Гирей спрятался, Степан Гурьев стал искать по всему шатру. Откинув стенной ковер, он увидел князя Янгурчей-Ази, оружного, в чешуйчатых латах. Князь вихрем обрушился на Степана с боевым топором. Метил в голову, но промахнулся, и удар пришелся в плечо. Мореходы бросились на князя, зарубили. Истекавшего кровью Степана Гурьева положили на мягкие ханские подушки его товарищи русские корсары: Дементий Денежкин, Федор Шубин и Иван Твердяков.

И отец Феодор, пробившийся к ханскому шатру вместе со Степаном, не отходил от него.

Бой окончился полным разгромом крымских орд. Но победа досталась дорогой ценой: три четверти русских ратников полегли близ сельца Молоди.

Оставшиеся в живых хоронили павших. Помахивая кадилами, молились над усопшими попы. Синеватый ладанный дым поднимался к небесам.

К вечеру у ханского шатра остановились два всадника — плечистый парень и молодая женщина.

— Где сотня Степана Гурьева? — спросил парень у дозорного.

— Здесь.

— Где Степан Гурьев?

— В шатре лежит, раненый.

Молодая женщина, это была Анфиса, спрыгнула с коня и бросилась в шатер. У изголовья Степана горела свеча. Деревенский лекарь-ведун, старик с всклокоченными седыми волосами, накладывал на рану чистые тряпки, пропитанные зеленой пахучей мазью. В жаровне переливались огнями раскаленные угли. Кипела какая-то жидкость в глиняном горшке, распространяя резкий запах.

— Что с ним? — крикнула Анфиса, пораженная бледным, неживым лицом раненого.

— Много крови вышло, еле унял. Топор басурманский заговоренный... А ты родня, что ли, ему?

— Жена!

Степан Гурьев открыл глаза и посмотрел на Анфису. Не поверил себе.

— Анфиса! Откуда? Жива? — еле слышно лепетал он, но Анфиса услышала.

— Степушка, как я ждала тебя!.. — Анфиса бросилась к мужу. Она хотела рассказать все, что выстрадала без него, но лекарь успел схватить ее за руку.

— Нельзя, бабонька! Слаб твой Степан. Видишь, глаза закрыл, сил в нем нисколько нет... Оставайся с ним, выходишь, а сейчас и тронуть не могли.

Степан снова открыл глаза.

— Анфиса, — позвал он, чуть шевельнув рукой.

Она поняла и вложила свою маленькую руку в его холодную ладонь.

Раненый улыбнулся и закрыл глаза.

Князь Михаил Иванович Воротынский послал гонцов на быстроходных конях серпуховскому осадному воеводе. Остатки крымских орд должны перехватывать, преследовать и уничтожать осадные стрельцы и казаки заокских и украинских городов. На врага нападали сидящие в засадах сторожи и станицы...

Обессиленные тяжким боем, русские полки расположились за селцом Молоди, по обочинам большой серпуховской дороги. Наутро приказано всем выступить в Серпухов и дальше по своим местам. Люди расположились у костров. На версты тянулись обозы. Паслись стреноженные лошади.

Сидели люди у горевших костров... Едва ли осталась четверть тех, что встретились грудью с ордами крымского хана. Много раненых лежало на телегах. Последним на отдых встал с остатками своей дружины ротмистр Георгий Фаренсбах. Немцы дрались храбро, неделю не снимая тяжелой брони.

Вскоре прискакали гонцы с новыми вестями: на Оке разгромлены остатки вражеской силы.

На рассвете барабанный бой и завывание труб разбудили ратников.

— Воевода Воротынский! Воевода Воротынский! — неслось со всех сторон.

Ратники вскакивали с земли, помогали вставать раненым.

Из селца Молоди поднимался в гору воевода Воротынский на сером тяжелом коне.

Дружным радостным ревом встретило воинство славного вождя. Бросали вверх шапки и шлемы и кричали до хрипоты. Многие вскочили на коней и приветствовали победителя, подняв шлемы на пики.

Впереди князя скакали на белых лошадях два знаменосца. В руках одного царский стяг — на зеленом полотнище черный двуглавый орел. Другой держал знамя с ликом Иисуса Христа. За князем, чуть поодаль, ехали воевода полка правой руки князь Николай Одоевский и воевода полка левой руки князь Репнин. Третьим был полюбившийся Воротынскому за беззаветную храбрость высокий воевода Дмитрий Хворостинин.

— Победителю!

— Спасителю нашему!

— Спасибо за Русскую землю!

Князь Воротынский остановил коня. Воины лавой стали сбегаться со всех сторон, окружили воеводу плотной толпой.

Михаил Иванович снял шлем, седые кудри упали на плечи.

— Крымский хан утек яко пес, — громко сказал он. — Спасибо вам, русские люди. Своим бесстрашием вы спасли свою Землю. Вы спасли отцов и матерей, жен и детей своих от плена и смерти, а православную церковь от надругательства. Бог даровал вам храбрость и запечатывание смерти... Вы не дали вновь опозорить и сжечь город Москву. Царь Иван Васильевич обещал после победы отринуть опричнину, и разделенная земля Русская вновь станет единой. Гонцы с победной вестью посланы государю, будем ждать царской милости.

Раздались радостные громкие возгласы. Снова полетели кверху шлемы и шапки.

Михаил Иванович, позвякивая оружием, низко поклонился воинам, еще раз сказал спасибо. Он пришпорил коня и под торжествующие вопли боевых полков поскакал к Оке по серпуховской дороге.

Впереди, как и прежде, ехали на белых конях знаменосцы, а позади воеводы. Вслед за воеводами — охранная княжеская сотня на отборных серых конях со шлемами, поднятыми на пиках.

Клубы серой пыли скрыли от глаз ратников славного воеводу. Крики стихли. Опять стали слышны стоны раненых.

А когда взошло солнце, загремели барабаны, заиграли трубы.

Сотники отдали приказ готовиться к походу в Серпухов, Тарусу, Каширу, Коломну, где кому приказано стоять царским повелением.

— На теплые полати теперя, — радостно говорили ратники, — ко щам да к женам!..

Глава тридцать девятая. НЕ ВСЯКОМУ СТАРЦУ В ИГУМНАХ БЫТЬ

Пригнувшись к седлу и усердно нахлестывая плетью взмыленного коня, по большой тверской дороге мчался наметом всадник. У Московской заставы он крикнул стрельцу, стоявшему на крыше караульной избы:

— Государь близко-о!.. Смотри-и...

Стрелец взмахнул белым полотнищем. Почти в тот же миг на колокольне деревянной церкви ударил колокол. Ему отозвался колокол соседней церкви. За ним ударил еще один... Колокола перекликались до тех пор, пока на призыв не отозвался большой колокол Успенского собора в Кремле.

Вскоре из-за соснового леса показалось конное войско. Стрелец на крыше взмахнул полотнищем два раза. На соседней церкви хватили во все колокола. Торжественный звон подхватили все московские церкви, все большие и малые монастыри. Звон был неистовый, звонили так, что разговаривать на улицах стало невозможно.

Всадники приближались. Они ехали по шестеро в ряд. Первая шестерка держала государские знамена. Мальчишки, сбежавшиеся к заставе смотреть на царя, насчитали шесть сотен стрельцов, вооруженных пищалями.

За стрельцами медленно ехал на своем любимце, вороном жеребце, царь Иван. Ни собачьей головы на конской шее, ни метлы на плетке не было. Зато конь был в сбруе из алого бархата и весь разукрашен в золото и серебро.

Из городских ворот навстречу вышли бояре земской думы. Они собрались все, отсутствовал лишь князь Михаил Иванович Воротынский. По приказу царя он продолжал нести охрану приокских рубежей.

Первыми взяли под уздцы царского коня боярин князь Иван Мстиславский и боярин Лев Салтыков. Все члены государственного совета поочередно удостоились этой великой чести.

За царем ехали два всадника в красных кафтанах. Каждый вез лестницу, обтянутую красным сукном, по ней царь, когда ему хотелось, мог влезть в свою золоченую колымагу. Ее тащили десять светло-серых лошадей в нарядной сбруе. Следом катились еще шесть возов, в каждом был встроены большой фонарь, для езды в темное время.

На светло-серых жеребцах ехали восемь вооруженных телохранителей. За ними везли крытую золоченую повозку царицы. В повозке вместе с царицей Анной сидели оба царских сына — Иван и Федор. За царицыной повозкой ехали тридцать шесть знатных придворных женщин в красных бархатных плащах и войлочных шляпах с красной лентой. Белая кисея закрывала им лица. Сидели они в седлах по-мужски. За отрядом женщин двигались царские телохранители в сверкавших на солнце кафтанах, вытканых золотом.

Внимание толпы привлекала телега, убранная зеленым сукном. На ней лежали воинские знамена крымского хана Девлет-Гирея, два его лука, шлемы и меч. А на телеге, запряженной коровами, везли Дивей-мурзу, главнокомандующего, брата ханской жены со связанными назад руками. Склонив голову, он стоял на коленях. Кто-то из сердобольных людей положил ему под ноги рогожный мешок с сеном.

Вслед коровьей упряжке на рослых рыжих жеребцах шли две сотни воинов, отобранных из всех полков Воротынского, одержавших славную победу. Впереди высился над всеми, как башня, воевода Дмитрий Хворостинин. У всех русских воинов на шлеме зеленела березовая веточка.

Понурились головы, шли две сотни крымских воинов, взятых в плен. Они были в драной одежде, босые, со связанными руками.

На Тверской улице царский конь ступал по зеленым ветвям и полевым цветам, сорванным в это утро. Люди сбрасывали одежды со своих плеч и бросали их под копыта царского жеребца.

Стоявшая по сторонам дороги толпа неистовствовала. Люди громко славили царя Ивана, будто он был победителем в неравной битве с Девлет-Гиреем. Забыв зверства и казни, они целовали его одежды и стремяна, падали ниц.

А царь Иван, оглушаемый восторженными криками, важно восседал на своем вороном. В золотых ризах и золотой шапке, он весь светился под лучами яркого солнца. Его мрачное, неподвижное лицо кривила чуть заметная усмешка.

Чем ближе к Кремлю, тем больше зеленых веток и цветов лежало на улице, тем гуще и яростней колокольный звон.

У Троицких ворот царя Ивана встретил митрополит всея Руси Антоний со всем высшим духовенством. Царь слез с коня и принял благословение. Звон колоколов стал еще громче. Такого звона в Москве не слыхивали с древних времен.

Митрополит Антоний искал глазами воеводу большого полка, победителя Девлет-Гирея, Михаила Ивановича Воротынского, удивился, что его нет, хотел было спросить о нем царя, но поостерегся.

Три дня длился пир во дворце. Царь раздал вельможам богатые подарки. Бочки с хмельными напитками были выставлены на всех площадях и улицах.

Через несколько дней после торжественного въезда в Москву царь Иван принял литовского посла Федора Воропая. В большой палате присутствовали бояре земской и опричной думы, а всего восемнадцать человек. Три боярина были в отлучке по царским делам. На прием собрались многие царские вельможи и сановники. Они стояли по стенам в два ряда, от дверей до трона. Царь сидел на деревянном помосте, покрытом ковром, в золоченом кресле, в пышном облачении. Рядом, на кресле пониже, сидел наследник, царевич Иван. У трона стоял Малюта Скуратов да думный дьяк Василий Щелкалов.

По левую руку царя застыли телохранители — четверо крепких и высоких парней, как всегда, в длинных белых кафтанах и белых шапках.

По знаку дворецкого отворилась дверь. В палату вошел литовский посол Федор Воропай, сопровождаемый секретарем и толпой знатных шляхтичей.

Посол поклонился в землю. Царь молчаливо подал ему руку для поцелуя, ладонью вниз. После царя посол приложился к руке наследника.

Склонив голову, прерывающимся от волнения голосом Воропай произнес:

— Великий государь и царь всея Руси, от имени панов королевских и литовских приношу тебе скорбную весть: любимейший король наш, Сигизмунд-Август, восемнадцатого июля призван богом в свои чертоги, прожив на свете всего пятьдесят два года.

В палате наступила тишина.

— Просим тебя, великий государь, — продолжал посол, — пожалеть осиротевшее государство. До будущего вечного мира между нами не воюй Литву, не воюй Ливонию.

И Федор Воропай, закрыв руками лицо, заплакал. В толпе шляхтичей и вельмож, сопровождавших посла, слышались всхлипывания.

Царь Иван поднял руку, словно желая утешить скорбь. Он знал, ради чего приехало посольство. Еще до смерти своего короля литовские и королевские паны вели тайные переговоры, предлагая русскому царю корону Речи Посполитой.

— Федор, — сказал царь пронзительным голосом, — ты известил меня о кончине брата моего Жигимонда, о чем я хотя уже прежде слышал, но не верил, ибо нас, государей христианских, часто объявляют умершими, а мы по воле божьей все еще живем и здравствуем... Теперь верю и сожалею, тем более что Жигимонд не оставил ни брата, ни сына, который мог бы радеть о душе его и доброй памяти. Оставил двух сестер: одну — замужем, но какова жизнь ее в Швеции, всем известно, другую — в девицах, без заступника, без покровителя, но бог ее покровитель! Вельможные паны теперь без головы... Хотя у вас и много голов, но нет ни единой превосходной, в коей соединялись бы все думы, все мысли государственные, как потоки в море! — Царь остановился, строго посмотрел на своих бояр и вельмож, стоявших вдоль стен, словно деревянные статуи. Платком вытер пену с губ. — Немалое время были мы в раздоре с братом Жигимондом, вражда утихла, любовь начинала водворяться между нами, но еще не утвердилась — и Жигимонда не стало! Злочестие высится, христианство никнет. Если бы вы признали меня своим государем-защитником! Перестало бы веселиться злочестие, не унизил бы нас ни Царьград, ни самый Рим величавый. В отечестве вашем ославили меня злобным, гневным: не отрицаю того. Но да спросят меня, на кого злобствую? Скажу в ответ: на злобных. А доброму не пожалею отдать и сию златую цепь, и сию одежду, мною носимую... — Царь сделал движение, будто готовясь снять золотую цепь с шеи.

Тут советник царев, Малюта Скуратов, осмелился прервать речь царя Ивана.

— Государь самодержавный, — сказал он с поклоном, — казна твоя не убога, есть чем жаловать слуг верных.

— В Вильне, в Варшаве знают о богатстве моего отца и деда, а я вдвое богаче и сильнее. Упоминаю о том единственно мимоходом.

Царь Иван вспомнил сожжение Москвы Девлет-Гиреем в прошлом, 1571 году. Он знал, что в Польше и Литве он прослыл трусом, и решил оправдаться.

— Удивительно ли, что ваши короли любят своих подданных, которые их взаимно любят, — снова начал он. — А мои желали предать меня в руки хану и, быв впереди, не сразились. Пусть не одержали победы, но дали бы царю время изготавиться к новой битве. Я с благодарностью принял бы от них, в ознаменование усердия, хотя бы одну плеть татарскую. Имея с собой не более шести тысяч воинов, я не испугался многочисленности врагов, но, видя измену своих, только устранился. Одна тысяча мужественных спасла бы Москву, но люди знатные не хотели обороняться. Что было делать войску и народу? Хан сжег столицу, а мне и знать о том не дали. Вот дела бояр моих! Я казнил изменников, не милуют их и в Вильне... Если угодно всевышнему, чтобы я властвовал над вами, то обещаю нерушимо блюсти все уставы, права вольности ваши и еще распространять их, буде надобно.

Литовские и коронные вельможи при этих словах царя Ивана переглянулись между собой.

— Ежели паны вздумают избрать в короли моего царевича, то пусть знают, что у меня два сына, как два ока — не расстанусь ни с единым. Ежели захотите признать меня своим государем, то можете через великих послов условиться со мною о мире... Не стою за Полоцк, соглашусь кое-что добавить к нему, буде уступите мне всю Ливонию по Двину. Тогда обещаемся клятвой, я и дети мои, не воевать Литвы, доколе царствует дом наш в России православной. Перемирия не нарушу до срока, даю опасную грамоту для послов и буду ожидать их. Время дорого.

Опять воцарилось молчание. Бояре подумали, что царь Иван закончил свою речь.

— И титул наш будет, — вдруг снова заговорил он, подняв руку. — Божею милостью государь царь и великий князь всея России, Киевский, Владимирский, Московский, король Польский и великий князь Литовский... Имена всех других областей распишем по их знатности. Требую уважение к вере греческой. Да венчает меня на царство не латинский архиепископ, а

митрополит Российский...

Думные бояре одобрительно зашумели, закивали головами. Речь царя им понравилась.

Литовские и королевские вельможи молчали.

Прием был окончен. Пятясь задом к дверям, посол Федор Воропай, литовские и королевские вельможи вышли из приемной палаты.

Однако царь не думал прекращать войну с Ливонией. Наоборот, он усиленно готовился к новому походу. Большая часть награбленной в Великом Новгороде казны пошла на пушки и всякое вооружение. Царь с нетерпением ждал часа, когда все будет готово. Возглавить поход он собирался сам.

Время шло быстро. Прошел сентябрь месяц, наступил октябрь. С деревьев облетели последние листья, только на дубах осталась жухлая желтизна. Шли дожди. Грязь на улицах Москвы засасывала колеса повозок. Пешему трудно было пройти. Ночи стали холодные, в домах топились печи.

В Москве царя Ивана давно дожидался посол крымского хана Девлет-Гирея — Талан-Мурза. Посла держали обычным порядком, в еде и питье не обижали, однако почестей никаких не оказывали.

Царь Иван принял посла неуважительно, словно захудалого и незваного гостя. Он решил за малейшее упущение в царском титуле¹⁰¹ прекратить прием и выпроводить посла из Москвы. Бояре, сановники, дьяки присутствовали на приеме в своих обычных одеждах. Только царские телохранители, как всегда, стояли у престола в нарядных белых кафтанах с серебряным оружием.

Ханский посол старался держаться важно, напыщенно, старался не уронить своего достоинства, но это ему удавалось плохо. Царское почетное звание он произнес полностью, без всяких сокращений.

— А помнишь, ты в прошлом годе мне сказывал, от хана кланяясь, тако: кто победил, тот и прав, тот и дань берет. Что же теперь скажешь? — не скрывая своего торжества, спросил царь Иван.

— Великий государь! — Ханский посол выставил вперед ногу и поднял голову. — Повелитель царей, великий из великих, повелел передать тебе, своему брату, что воеводы твои хвалятся мнимой победой. А ходил хан к Москве только лишь для заключения мира. Его храбрые воины притомили коней и слезами убедили хана возвратиться в свои земли. Вот почему хан Девлет-Гирей ушел из-под Москвы. А небольшие, маловажные битвы, случившиеся между нашими войнами, доказали превосходство крымцев, а не русских...

Посол замолчал, ожидая, пока толмач переведет. От напряжения на лице его выступили крупные капли.

— И сказал еще хан Девлет-Гирей слова дивные и мудрые, — продолжал он. — «Долго ли нам враждовать за Астрахань и Казань? Отдай их, и мы друзья навеки. Тем спасешь меня от греха. Ибо, по нашим книгам, не могу оставить царств мусульманских в руках у неверных...»

Во время всей этой речи царь Иван сидел хмурый. Сановники решили, что послу несдобровать. Его наглые слова рассердили всех. Однако царь сдержал себя.

— Требования твоего господина, крымского хана Девлет-Гирея, безрассудны. Мы, государи великие, бездельных речей говорить и слушать не хотим, — ответил он послу, не называя хана своим братом. — Нынче видим мы против себя одну саблю — Крым. А ежели отдадим

хану завоеванное нами, то Казань будет вторая сабля, Астрахань — третья, ногаи — четвертая... Я пока еще в своем уме. Ежели мои воеводы мнимую победою хвастались, то откуда эти знамена? — Царь указал рукой на знамена, лежавшие у него под ногами. — И шеломы чьи? И лук, и меч? Видать, с поспешанием согласился хан на слезную просьбу ногайцев... Вот прими для господина своего подарок. — Усмехнувшись, царь Иван отшвырнул ногой один из ханских шлемов. Позванивая застежками, шлем скатился по ступеням помоста к ногам посла.

Талан-мурза быстро подхватил его и, облобызав, передал стоявшему позади крымскому вельможе.

— А других поминок посылать не буду. Хан писал мне, что казна ему не надобна, что богатство для него с прахом равно... * * *

Два месяца царь Иван занимался в темнице вместе с Малютой сыскными делами. Теперь это были особые дела; в застенках сидели опричники. Каждую ночь царь ходил в пытошную и сам участвовал в допросах. Все, что писали челобитчики, оказалось правдой. Особенно запомнилось царю Ивану калужское дело. Один из опричных вельмож оказался гробокопателем, нарушителем церковных порядков. По его приказу недавно погребенных мертвецов выкапывали из земли, пустые гробы зарывали обратно, а мертвое тело кололи рогатиной, секли саблей и, вымазав кровью, подкладывали в дома богатых людей. А потом богачей судили несправедливо, по ложным свидетельствам, все подворье и богатство грабили.

В тюрьме у Малюты Скуратова было много опричников, совершивших более страшные и тяжелые преступления, но калужское дело потрясло царя.

Как быть с опричниной? Вопрос этот не давал спокойно спать царю Ивану.

После победы над Девлет-Гиреем он приказал строго расследовать преступления своих людей. Земцы получили право жаловаться на учиненное опричниками зло.

Разбойных дел скапливалось все больше и больше. Малюта Скуратов выискивал повсюду виновных опричников и докладывал царю Ивану днем и ночью. Однако во дворце он не чувствовал себя так привольно, как раньше.

У молодой царицы Анны оказался плохой характер. Немного приобвыкнув к своему высокому положению и разобравшись в дворцовых порядках, она стала досаждать царю жалобами на его ближайших людей. Царице особенно был ненавистен Скуратов. Когда он по ночам появлялся в опочивальне и уводил в темницу ее мужа, она неистовствовала.

Услышав его льстивый голос, увидев широкую бороду и толстое неуклюжее тело, царица Анна вскрикивала и, прижавшись к царю, шептала ему в ухо:

— Ой, боюсь, боюсь! Он убьет тебя. Не верь Малюте... Вурдалак он, вурдалак, и борода-то у него вся в крови!..

Царь Иван мало обращал внимания на легкие слова жены и по-прежнему доверял своему любимцу. Но все же ежедневные наговоры царицы действовали угнетающе, и он чувствовал себя не так приятно, как прежде, в обществе думного дворянина.

После победы над крымским ханом Девлет-Гиреем царь Иван решил усилить военные действия в Ливонии. Смерть короля Сигизмунда-Августа и моровое поветрие в Речи Посполитой развязывали ему руки. В первую очередь царю хотелось свести счеты с королем Юханом, державшим в своих руках город Ревель. Царь Иван не забыл своего грозного письма шведскому королю и деятельно готовился к походу.

После первой неудачной попытки овладеть Ревелем в 1570 году царь возобновил договор о совместных действиях с братом датского короля герцогом Магнусом. Вместо умершей невесты Евфимии он обещал дать ему в жены вторую дочь князя Старицкого — Марию.

К Великому Новгороду подтягивались войска, подвозились пушки, порох, ядра и кормовые запасы.

В осеннюю распутицу выехал царь Иван из Москвы в Новгород. Его сопровождали знатнейшие бояре и сановники, многие воеводы и думные дьяки. Малюта Скуратов и лекарь Бомелий находились в ближайшем царском окружении.

Глава сороковая. ЛИВОНΙΑ БЫЛА БОГАТОЙ НЕВЕСТОЙ, ВОЗЛЕ КОТОРОЙ ВСЕ ПЛЯСАЛИ

Целый месяц лил холодный осенний дождь. Земля размякла и превратилась в огромное непроходимое болото. На Москве давно наладилась зимняя дорога — ездили удобно и гладко на санях. А в Ливонии — бездорожье. Северо-западный ветер все нес и нес с моря серые, напитанные влагой облака.

Многочисленное войско царя Ивана двигалось по Эстонской земле, захватывая, почти без сопротивления, укрепленные замки немецких рыцарей. Шли рождественские праздники; русские воины видели в замках и посадах беззаботных людей, пиры, музыку, пляски... До крепости Вейсенштейн осталось всего два десятка верст. Ее обороняли шведские солдаты и немецкие ополченцы.

Нарядным воеводой царских войск был ясельничий¹⁰² Василий Федорович Ошанин. В его ведении находились все пушки и обоз с чугунными ядрами, порохом и картечью.

Лошадям под нарядом приходилось туго. Они напрягали последние силы, вытаскивая тяжелые орудия из липкой грязи. Знаменитую пушку «Золотой лев» — гордость царя Ивана, недавно отлитую московскими мастерами, — барахтаясь по брюхо в грязи, тащили десятка три лошадей. Когда пушка снова застряла на ухабе, лошади стали. Ни окрики, ни хлопанье бичей, ни жестокие удары ездовых не могли заставить уставших животных двинуться с места.

Главный воевода, боярин и князь Василий Голицын подскакал к застрявшей пушке на гнедом жеребце, заляпанном желтой грязью.

— Отпрягайте лошадей, мужиков сюда! — закричал воевода.

Лошадей отпрягли, к пушкам подвалила толпа мужиков, пригнанных сюда с разных концов Русской земли. Здесь были москвичи и рязанцы, старичане и можаичи, брянчане и володимирцы, туляки и одоевские. Мужики были обряжены в рыжие армяки, перепоясанные сыромятными ремнями, либо в короткие кафтаны. Более полтысячи впряглись в лямки, словно бурлаки. Утопая по колени, а то и по пояс в жидкой грязи, подбадривая себя криками, люди вытащили медное чудовище из глубокой ямины.

— Взяли, православные, ошшо раз — взяли!.. — раздавался пронзительный вопль. — Ошшо раз...

Спрятавшиеся в придорожных лесах поселяне, эсты, с жалостью смотрели на голодных, озябших людей в мокрой одежде, тянувших по грязной дороге тяжелую пушку. В иных местах эсты выбегали на дорогу и помогали москвичам и рязанцам, подкармливали их пресными лепешками и кусочками сухого сыра.

В другое время воеводы не проявили бы столько упорства в такую неподходящую погоду, а сидели бы и грелись в походных шатрах. Но на этот раз с войсками ехал сам царь Иван.

К ночи русское воинство подошло под стены каменной крепости Вейсенштейн.

Нарядный воевода Василий Ошанин еще долго не давал мужикам отдохнуть, устанавливая пушки на удобных возвышенных местах. Обстрел замка царь назначил с рассветом.

Ночью люди работали при факельных огнях. Вокруг замка зажгли костры. Стрельцы и прочие воины, конные и пешие, готовили себе ночлег и пищу. Они рубили жерди в соседнем лесу и ставили шалаши. Некоторым посчастливилось устроиться в посадских домах.

Царский шатер раскинули на холме, поросшем молодым дубняком. На землю положили доски, а доски застелили дорогим персидским ковром. Царь Иван сидел в кресле с высокой спинкой и читал письмо.

Постельничий князь Сицкий поднял перед ним четырехсвечовый серебряный держак с ярко горящими восковыми свечами.

Рядом стоял царев тайный советник Малюта Скуратов, а чуть поодаль дьяк Василий Щелкалов.

«Ваше императорское величество! — читал царь. — После удачных сражений с вашими врагами на Восточном море я, ваш слуга адмирал Карстен Роде, захватил двадцать два корабля со всем снаряжением и грузами.

В сентябре 1571 года флот Вашего величества состоял из семнадцати кораблей. Пусть скажет про мои победы король польский Сигизмунд, враг ваш и недоброжелатель. Вряд ли у него осталось больше пяти корсарских кораблей.

Ваше императорское величество, мне тяжело писать, что шведский адмирал Горн внезапным нападением у берегов острова Борнхольма уничтожил большую часть ваших кораблей. Остальные вероломно были захвачены в Копенгагене по приказу короля Фредерика. Сие сделалось возможным только из-за отсутствия у Вашего величества удобной гавани, где флот мог бы безопасно находиться...

Я, ваш верный слуга адмирал Карстен Роде, по приказу короля Фредерика арестован и нахожусь в заточении. Если Вашему величеству по-прежнему нужна морская служба, вы можете выкупить своего адмирала за тысячу талеров. Кланяюсь низко и обещаю верную службу до конца своих дней.

Адмирал флота Вашего императорского величества

К а р с т е н Р о д е».

— Из Копенгагена кто привез? — спросил царь.

— Мой человек, — скромно сказал Малюта.

— Добро... Вишь, как им Нарва припекла! А еще что твой человек слышал тамо?

— У франкейских немцев в городе Париже прошлое лето в ночь на святого Варфоломея убито больше трех тысяч человек и в других городах многие тысячи.

— Кто приказал? — живо откликнулся царь.

— Ихний король Карл.

— По какой причине?

— Супротивничали вере римской.

Царь Иван долго тербил бороду.

— Говорят, будто я кровяец, а другие державцы против меня ангелы. А выходит, врут все... А еще что знаешь?

— Не хотят тебе, великий государь, Ливонскую землю давать. И на Варяжское море, говорят, не допустим.

— Как будет, мы посмотрим. А сегодня к нам в Нарву все торговать едут, окромя шведов. Да и те потихоньку от своего короля Юхана бывают. Ну-ка, Василий, спрячь письмо, — обернулся он к дьяку Щелкалову. — А деньги погодим высылать. Разузнать надо, как и что. Напишу письмо королю Фредерику, авось и без денег отпустит... адмирала. Ты, Гриша, иди отдыхай.

Малюта Скуратов продолжал стоять.

— Что еще сказать хочешь?

— Обижаешь, великий государь, верных слуг, опричников своих. Ванька Колтун бьет тебе челом. Вотчину, тобой пожалованную, у него отобрали, а земского дворянина...

Царь нахмурился. Лицо его приняло зловещее выражение.

— Нет у меня больше опричников... Все равны, и двор у меня один, и войско одно...

Земля будто качнулась под ногами Малюты.

— Великий государь, — снова начал он. — Опричник...

— Замолчи, я запрещаю произносить это слово! А ежели кто скажет, на площади батогами прикажу бить...

— И я, видать, не нужен тебе, великий государь?

На лице Малюты Скуратова было написано такое отчаяние, что царь Иван смягчился.

— Зачем же, Гриша... Ты мой верный слуга. А опричнине более не бывать!

— А как же?

— Управимся и так. Забывали опричники, сидя за моим столом, как саблей рубиться. За чужими спинами прятались. А безоружных грабить да убивать куда как охочи... Одна у меня сейчас забота: Пайду103 у шведского короля отобрать. День и ночь думаю. И тебе, Гриша, дворовому воеводе, об этом надо думать. А теперь иди покамест...

Малюта Скуратов, пошатываясь, вышел из царского шатра. Он понял: царь опалился на опричнину. «Что же будет теперь? — думал он. — Значит, и я больше царю не нужен? А без царской руки мне и дня не прожить. Земские, бояре да князья, на меня как волки смотрят».

С сожалением вспоминал Малюта своих старых друзей, которых обрек на мучения и уготовил топор и плаху. Одна надежда осталась у него — на зятя, Бориса Годунова. «Хоть и не в боярских чинах, а полюбил его царь. Однако Бориска сам себе на уме, — перебирал в уме Малюта. — Если царь косо посмотрит, он и отцу родному руки не подаст. Трудно его понять. Но все же посоветоваться надо, худого он мне не хочет...»

И Григорий Лукьянович поспешил к палатке зятя. Годунов, умаявшись за трудный поход, храпел в темноте, с головой укрывшись лисьей шубой.

— Борис Федорович, Боря! — позвал его Малюта Скуратов.

Годунов шевельнулся, откинул шубу, сел.

— А, Григорий Лукьянович! Рад, рад... Садись, дорогой тестюшка, чем могу услужить?

Малюта Скуратов без утайки поведал Годунову о недавнем разговоре с царем.

— «Нет у меня больше опричников, все равны» — тако изрек наш милостивец. И думать мне приказал, как город Пайду взять. «Ты, говорит, дворовый воевода. Вот и хочу твоего совета», — закончил Малюта.

Борис Годунов и сам видел крутой поворот царя; распоясавшиеся опричники стали угрозой престолу, однако таких откровенных слов он не слышал. Его насторожил царский приказ — думать Малюте Скуратову о крепости Пайде.

— Кроме тебя, Григорий Лукьянович, был ли кто у царя?

— Васька Щелкалов да спальник князь Сицкий.

«Ежели насовсем царь отменил опричнину, — думал Борис Годунов, — то Григорий Лукьянович будет помехой, он один всей опричнины стоит. А ежели помеха, то царь его уберет. Тогда и ему, Борису Годунову, отзовется. От родства не откажешься... Лучше пусть дорогой тестюшка в бою жизнь отдаст».

— Вот что, Григорий Лукьянович, — поглаживая кудрявую бородку, сказал Годунов, — мыслю я, великий государь хотел, чтобы ты с войсками на приступ шел. Увидит он, что ты жизни своей не жалеешь. А возьмем город, снова в царскую милость войдешь. Однако я советник плохой, могу ошибиться...

Малюта сразу понял невысказанные мысли зятя.

— Ты прав, Борис Федорович, — ответил он, понутив голову, — видно, другого мне не остается. Пойду завтра на приступ. Ежели сложу голову, значит, судьба мне такая. А уцелею, царь без милости не оставит... Вот что, зятек, пойдем ко мне поговорим. Чать, ты не чужой. Для дочери богатство немалое отложено, все тебе оставляю. И еще кое о чем перемолвиться надо. У меня никто не подслушает.

Борис Годунов кивнул головой и стал одеваться.

Малюта Скуратов поспешил к себе и велел верному слуге Захарке Верещаге поставить вокруг шатра охрану и самому быть в дозоре.

В запасе у тайного советника нашлось заморское вино. Он отпил из большого кубка, половину передал зятю.

— За жизнь, Борюшка, я скопил немало и все хочу отдать в твои руки, как отдал и любимую дочь. Я знаю, ты пойдешь далеко, умен. Деньги всегда помогут умному человеку. — Малюта положил короткопалую руку на плечо Годунова. — Так вот, слушай...

— Рано, Григорий Лукьянович, духовную отписывать. Успеешь еще, времени у нас много.

— Чует смерть мое сердце, Борис. Как сказал мне великий государь про крепость, у меня сразу будто оборвалось что-то... Молчи, молчи, — заторопился Малюта Скуратов, видя, что

Годунов хочет возразить, — терять время нечего.

Борис Годунов склонил голову.

— Наперед всего — дубовый сундук и в нем всякие золотые деньги в моем доме наверху в стене замурован. Войдешь в комнату, под левым окном. Вчетвером едва поднимали. — Малюта помолчал. — Еще сундуки с золотыми вещами и драгоценным камнем в другом тайнике укрыты. Я тебе показывал, как в подземелье пройти. По правую руку и по левую от входа на стены приметные камни вмурованы. Моему богатству и сам царь позавидовал бы. Это тебе, Боря, все тебе. В тех сундуках сокровища многих знатных князей да бояр казненных. Мужиков тех, что сундуки прятали, я давно в рай отправил. Остальное в духовной прописано, и там я тебя не забыл.

— Спасибо, Григорий Лукьянович. О Машеньке не заботься. Пока жив, все для нее сделаю.

Малюта и Борис Годунов обнялись.

— Хочу тебе, Боря, еще слово сказать, — понизив голос, продолжал Малюта. — Не верь царю. Неверное у него сердце. Видишь сам, как он со мной поступил. Когда нужен был, возле себя держал, и все Гриша да Гриша... И днем и ночью призывал. А время другое пришло — ступай на стену, показывай свою верность. Спыхватится еще царь, вспомнит меня... Опричником, вишь, теперь называться зазорно. «Нет у меня больше опричников... Все равны, и двор у меня один...» — повторил Малюта царские слова. — Что ж будет-то? Мне из дому не выйти, прикончат из-за угла... Сядут они царю на шею, вспомнишь мои слова, Борис. Теперь первый советник Бомелька-лекарь, всем отраву дает, кому царь укажет. Смотри и ты, Борис, кабы не опоили. А может, что и похуже будет...

— Не больно сядешь на шею царю-то.

— Да уж так будет.

Они еще молча посидели. Выпили еще по чаше красного вина. Борис Годунов зевнул украдкой.

— Не слышал, много ли людей в крепости заперлось? — спросил Малюта.

— Не более двух сотен.

— Ну прощай, Борис.

Они еще раз обнялись.

Малюта Скуратов долго не мог уснуть. Потрескивая, горела на низком столике свеча. В лагере глухо перекликались дозорные. А на шатровом полотнище от тающего снега медленно расплывались темные пятна. Горькие думы одолевали думного дворянина. «Кто был выше меня перед царем? — размышлял он. — Не было никого. Только Афонька Вяземский мог со мной поспорить. Царь любил меня. Я всегда был ему верен, даже в мыслях. И вот благодарность... Я не нужен, я мешаю царю. Эх, кабы знать, кто против меня ему в уши дует!» Малюта Скуратов стал перебирать в уме всех, кто окружал царя сегодня. Нет, среди них сильных людей не было... На ум пришел и лекарь Бомелий. Вот кого всей душой ненавидел Малюта. Колдун, чернокнижник, знает, что царь боится колдунов и кудесников, и пользуется этим... Малюта догадывался, что смерть многих людей за последние два года наступала не без помощи царского лекаря.

Потом он стал вспоминать, сколько людей погибло от его руки. Перед глазами тайного советника возникла гора расчлененных человеческих тел с отрубленными головами. «Кто за них ответит перед всевышним?» — мелькнула мысль. Стало страшно... «Я делал по

царскому слову, значит, я невиновен. Царь ответит перед всевышним, — поспешил Малюта успокоить совесть. — Чего там вспоминать убитых! За них попы и монахи бога молят. Меня самого могут сегодня убить». Малюта вздрогнул и сразу облился холодным потом.

— Нет, меня не могут убить, — сказал он вслух, — я верный царский слуга.

Он снова вспомнил Афанасия Вяземского и снова пожалел, что его нет. Наконец Малюта потушил свечу и стал засыпать. Два раза его будили резкие крики какой-то ночной птицы. К рассвету он забылся в тревожном сне.

Всю ночь в грязь, растоптанную конскими копытами и человеческими ногами, валил мокрый густой снег.

Серым неприглядным утром вышел царь Иван из походного шатра. Слуги подвели коня. Царь сунул ногу в стремя, перевалился в седло, удобнее примостился, разобрал поводья. Настроение у него было отличное. Он хорошо выспался и был уверен в победе.

Окружившие царя воеводы слышали его любимую:

Уж как звали молодца,

Позывали молодца

На игрище поглядеть,

На Ярилу посмотреть.

Снег падал и падал тяжелыми хлопьями.

Царь Иван посмотрел на высокие стены, сделанные из белого камня, на тяжелые осадные пушки, полукругом охватившие крепость. Позади, за линией пушек, изготовились к бою русские полки.

Царь вздохнул, снял рукавицу, медленно стер теплой рукой налипший снег с лица и обернулся к трубачу:

— Начинай.

Раздался громкий, пронзительный сигнал, повторенный два раза. Фитильщики приложили дымящиеся фитили к затравникам. Загремели выстрелы, окрестность заволкло едким дымом. Из пушки «Золотой лев» вылетали шестипудовые ядра. За первым залпом последовал второй, третий... Стрельба длилась около двух часов не переставая. В городе начались пожары. Под защитой пушек русские воины потащили к стенам тяжелые осадные лестницы.

Крепостные пушки города Вейсенштейна сделали несколько выстрелов и смолкли.

К царю приблизился воевода и боярин Василий Голицын.

— Великий государь, время к городу приступать.

Царь Иван кивнул головой.

Ударили полковые барабаны, заиграли трубы. Пушки умолкли. Русские войска лавой

устремилась к крепости. Раздался громкий боевой клич.

Царь снял шапку и перекрестился. Сняли шапки и перекрестились окружавшие царя воеводы.

Воцарилось тревожное ожидание.

— Великий государь, — сказал боярин Голицын, — в передовом полку у князя Федора Ивановича одним воеводой прибыло.

Царь Иван оторвал взгляд от бежавших к крепости воинов, хмуро посмотрел на боярина.

— Григорий Лукьянович, Малюта Скуратов, второй дворовый воевода, пожелал идти приступом на стены вместе с передовым полком, — пояснил Голицын.

— Гриша! Зачем, разве я хотел этого?

Царь рванул коня, словно желая догнать своих воинов. Сделав несколько скачков, он возвратился на прежнее место и снова стал смотреть на стены. Его зоркий глаз заметил грузного воина, широкого в плечах, первым подбежавшего к лестнице. Из крепостных амбразур слышались пищальные выстрелы. Сверху осажденные бросали на русских ратников камни и лили кипящую смолу...

Воеводы переглянулись. Боярин Голицын не смог сдержать злорадной улыбки.

Поднятый боевым сигналом, Малюта Скуратов побежал вместе со всеми к крепости. Звериный рев вырывался из его горла. С налившимися кровью глазами он был похож на бешеного быка. Одним из первых Малюта влез на стену.

Вытащив из-за пояса привычное оружие, топор с широким лезвием, он замахнулся на высокого шведа, первого попавшегося ему на глаза. Замахнулся... и больше ничего не видел и не слышал.

Подбежавший на помощь товарищу другой швед тяжелым мечом отрубил голову Малюте Скуратову.

Через несколько часов крепость Вейсенштейн была взята. Посланные царем слуги нашли лысую голову тайного советника и его изуродованное тело.

Царь Иван взял в руки голову, долго смотрел в открытые мертвые глаза. Лицо царя задергалось, борода полезла на сторону.

Тем, кто наблюдал за ним, казалось, что он заплачет.

— Великий государь, Григорий Лукьянович завещал похоронить его в монастыре Иосифа Волоцкого, где покоятся его отец и сын, — раздался вкрадчивый голос Бориса Годунова.

— Похоронить почетно там, где он завещал, — сказал царь. Он осторожно, из рук в руки, передал бородатую голову Борису Годунову.

Вздыбив коня, царь Иван поскакал тяжелым галопом к открытым воротам крепости.

За царем поскакали телохранители, воеводы и бояре.

Глава сорок первая. ЛАСКОВОЕ СЛОВО ЛУЧШЕ МЯГКОГО ПИРОГА

Небольшой отряд вооруженных всадников приближался к селцу Молоди. Солнце только что скрылось за темной стеной леса, и было еще совсем светло. Впереди, на высоких ухоженных жеребцах, ехали Михаил Иванович Воротынский и Никита Романович Одоевский. Немного поотступя — вооруженные слуги.

Небольшой бревенчатый мост через спокойную и чистую реку Рожая, и всадники поднялись в горку, к деревянной церкви Вознесенья, окруженной крестьянскими избами.

Стременной воеводы Воротынского постучался в поповский дом, самый обширный среди трех десятков сельских домишек.

Дородный поп Василий вышел встречать именитых гостей. Имя Михаила Воротынского — победителя крымского хана Девлет-Гирея — славилось по всей Русской земле, а среди жителей селца Молоди почиталось особо.

Воротынский слез с коня, снял шлем и, расправив бороду, первым подошел под благословение.

— Примешь нас, святой отец?

— Входите, входите, дорогие гости. Если бы упредили меня, колокольным бы звоном встретил.

Князь Воротынский махнул рукой:

— Пустое.

Воеводы вошли в дом. Поповский слуга подал путникам умыться с ковша, принес расшитое узорами полотенце. А у стола уже хлопотала попадья, еще молодая, румяная женщина.

Ратники разошлись по крестьянским домам, иные пошли промочить горло в корчму.

Молодинский поп жил небогато, но на стол поставил лучшее, что у него было. Он потирал руки, кланялся, желая всячески показать, как он рад гостям.

— В прошлый вторник, — вспомнил поп, — ровно год миновал после победы. Я молебен в церкви справил, за благоденствие твое, боярин, молился, убиенных воинов поминал.

— Спасибо, отец Василий.

— У нас слух идет, — продолжал поп, — не утишил грозный царь свое сердце. Опять на Москве кровь льется. Хоть и отменил он опишнину, иначе лютует, как прежде.

Воротынский вздохнул, взглянул на Одоевского.

— А куда вы, государе бояре, путь держите?

— Царь и великий князь Иван Васильевич к себе призывает, — с неохотой ответил Никита Одоевский, — в Александрову слободу едем.

— Кровавая яма — Слобода царская, будь она проклята! А правду ли говорят, что ляхи нашему царю корону отдают? Другие говорят, будто они царевича Федора на царствие просят и хочет будто наш великий государь латинскую веру принять.

— Не может того быть, чтобы наш государь латинянином стал, — с негодованием сказал Воротынский.

— И я так думаю, — заторопился поп. — А еще слышно было, требует он себе от ляхов исконную русскую землю Киевскую и будто тамошние жители благоприятствуют в том нашему государю.

Молодинский поп Василий еще о многом расспрашивал воевод. Оно и понятно: нечасто заезжали к нему в дом столь именитые гости. Разговор велся бы еще долго, но Михаил Воротынский устал в дороге. Он решил встать рано, чтобы к вечеру не спеша добраться к Москве.

Попадья мягко постелила ему, и боярин, потянувшись перед сном, потушил свечу и закрыл глаза.

Едва засветило, воеводы проснулись и стали собираться. Хозяин потчевал гостей на дорогу парным молоком с только что испеченными пшеничными ватрушками.

Еще не взошло солнце, по дворам пели третьи петухи, когда отряд боярина двинулся к Москве по большой серпуховской дороге.

Воротынскому вдруг захотелось побывать на месте прошлогодних боев. Поежившись от утреннего холодка, он повернул коня и по берегу реки стал пробираться сквозь густой кустарник. Его конь шумно подминал грудью молодую поросль ивняка и бузины.

За воеводой повернули остальные.

Над рекой и по низинам лежала плотная пелена тумана. Кое-где, разорвав ночное покрывало, торчали зеленые ветви. Невидимые в тумане, крякали и плескались в воде утки.

От шумевшего по камням ручейка, впадавшего в Рожая, воевода свернул вправо, и вскоре между деревьями показалась возвышенность. Высокий плетнёвый забор тянулся вдоль возвышенности. Это была молодинская крепость, возле которой разыгрался знаменитый бой.

Вслед за Воротынским и ратники подъехали к вылазным воротам. Отсюда в решающий час вырвался из крепости сторожевой полк Дмитрия Хворостинина... В ушах князя раздался его зычный, раскатистый голос. Вот здесь, на этой земле, потоками лилась кровь. После боя земля была завалена мертвыми телами. Целую неделю хоронили погибших оставшиеся в живых.

И сейчас на земле валялось сломанное оружие: ржавые мечи, сабли, много побитых, разрубленных шлемов и кольчуг... А рядом, чуть в стороне от крепости, желтела высокая рожь с тяжелым налившимся колосом.

Михаил Иванович молча слез с лошади, снял шлем. Спешились, сняли шлемы и остальные.

— Да будет вам земля пухом, любезные друзья, — прошептал Воротынский. — Никогда не забудет вас Русская земля.

Сунув ногу в стремя, он заметил мальчишечьи белобрысые и вихрастые головы, торчавшие из-за плетня.

В крепости собрались все деревенские мальчишки. У них горели глаза от возбуждения и зависти.

Воротынский улыбнулся.

— В этой деревне, — раздался его громкий голос, — могут взрасти только храбрые воины. Никто не отступит перед врагом.

Воевода тронул коня и не торопясь стал выбираться на серпуховскую дорогу.

Отряд миновал корчму. В дверях ее виднелся старик хозяин...

Лошадь Воротынского прянула ушами, воевода поднял голову. На дороге стояла белобровая девочка лет восьми с букетом полевых цветов.

— Возьми, дедушка, — сказала она, протягивая цветы.

Воротынский остановил коня.

— Как звать тебя, красавица?

— Марьюшка.

— За что мне цветы даришь, Марьюшка?

— За то, что ты ордынцев побил. Не дал нас с мамкой в полон угнать. Папка тебе помогал, топором рубился, а мы с мамкой в лесу хоронились.

— Спасибо, Марьюшка, — дрогнул голос воеводы. Он нагнулся, поднял белобровую и поцеловал ее, а цветы сунул за ворот кольчуги.

— У тебя борода колючая, — не улыбувшись, сказала Марьюшка. — У папки не такая... А плачешь ты почто?

Воротынский осторожно поставил девочку на дорогу и шевельнул поводья.

Не торопясь, навстречу всадникам шли верстовые столбы. Желтая пыль клубилась под копытами лошадей и медленно оседала далеко позади. * * *

Прошло два месяца. Осень в Москве стояла тихая и теплая. Зеленые листья в лесах меняли окраску, желтели. Клен и рябина в кремлевском саду пламенели осенним нарядом.

Поздно ночью царь Иван спустился в тюремный подвал. После смерти Малюты Скуратова он все чаще и чаще появлялся на пытках. Боярский сын Сидорка Степаков, заменивший Малюту, был злобен и свиреп, однако выдумки у него никакой не было.

Усевшись на свое место, царь поставил посох, прислонив его к спинке кресла, протер платком слезившиеся глаза и задумался.

Сидорка Степаков зажег толстые восковые свечи в трехпалых железных держакках, раздул в большой жаровне серевшие пеплом угли и в ожидании царских приказов усердно колупал в носу.

«Что делать с князем Воротынским, — думал царь Иван, — он ни в чем не сознался! Отпустить на свободу? Нельзя, не простит зла и может отомстить... Он должен умереть. Слишком высоко вознесла его народная молвь, слишком часто повторяют его имя бояре... А самое главное, он должен знать, кто был моим отцом, и ежели помянет Ивашку Телепнева-Оболенского, ему все поверят. Царь всея Руси — сын низкого холопа Ивашки Телепнева...»

— Ненавижу Воротынского, — прошептали побелевшие губы. В глазах царя Ивана потемнело. Он часто задышал. — Сидорка!

Боярский сын, словно подброшенный пружиной, ринулся к царю.

— Признал ли Михейка Воротынский свою вину?

— Не признал, великий государь, со многих пыток. Твердит все — нет и нет.

Царь посмотрел на икону в углу, перекрестился и твердо сказал:

— Привести сюда!

Два стражника под руки притащили едва державшегося на ногах воеводу в тяжелых ржавых оковах, звеневших по каменному полу.

Царь Иван, выпятив вперед редкую бороденку, долго разглядывал Воротынского. Вряд ли теперь кто-нибудь мог узнать боярина и воеводу — грозу врагов России.

Он был бос, из рваной грязной одежды торчали соломинки.

Спина в багровых кровоподтеках.

— Что голову опустил, боярин, плохо тебе? — спросил царь. — Али стыдно за воровство?

Узник молча взглянул в глаза царю.

— Молчишь? Эй, вы, — крикнул царь палачу и стражникам, — все выйдите вон!

Медленно спустившись по ступеньке, он шагнул на каменный пол и стал рядом с Воротынским. Ростом они были одинаковы.

— Скажи мне, боярин, — помолчав, спросил царь, в голосе его послышалась просьба, — правду ли бояре говорят, будто я не в свое место сел? Будто мое место не престол в Москве, а в отчине Ивашки Телепнева-Оболенского? Подожди, не отвечай, знаю, говорят о том бояре. Скажи мне, как ты мыслишь... Сними с меня великую тяжесть, боярин... Если скажешь, прощу тебе все. До конца дней своих будешь верным слугой, и дети твои...

— Не ведаю, о чем спрашиваешь, великий государь, а вины перед тобой не знаю.

— Не ведаешь? Лжешь, ты все знаешь! Значит, не хочешь царской милости?

Воротынский молчал.

— Хорошо. Доказчика ко мне.

Стражники привели Данилку, слугу Воротынского.

— Твой слуга показывает на тебя, боярин, — произнес царь Иван совсем другим голосом. Он обернулся к Данилке: — Что знаешь про своего господина?

Слуга покосился на воеводу. Увидев тяжелые железные цепи, осмелел.

— Плохое против тебя задумал, великий государь. Известить хотел.

— Как так?

— Посылывал колдунью имать сердце умерших без покаяния. Она разрывала могилу, вырезала сердце, сушила и растирала в муку. — Слуга опять посмотрел на Воротынского.

Воевода стоял, опустив голову.

— Тую зловредную муку подсыпали тебе, великий государь, в мясные пироги, дабы ты, великий государь...

Царь с отвращением плюнул.

— Еще что знаешь?

— Не однажды своим гостям говаривал Михайла Иванович, будто ты, великий государь, бегун и хороняка... В прошлом годе будто в Новгород убег от крымского хана. А он, боярин Михайла Иванович, будто победоносец и оборонитель всея Русской земли.

— Неправда! — не вытерпел Воротынский. — Не говорил я этого... Учили меня родители служить тебе, государь, верно...

— Замолчи! — притопнул царь.

Воротынский опять опустил голову.

— Признаешь вину свою?

— Не виновен я, великий государь...

— Погрей его, Сидорка.

Стражники раздели воеводу и крепко привязали спиной к толстой деревянной доске — ни рукой, ни ногой не пошевелить. Доску положили на каменные плиты.

Сидорка высыпал угли из жаровни к правому боку воеводы.

Запахло горелым мясом.

— Ну? — произнес царь.

Воротынский молчал.

Царь Иван сошел со своего места, приблизился к воеводе и посохом стал пригребать угли.

— Скажешь?

Воротынский продолжал молчать. Грудь его с хрипом подымалась и опускалась.

— Подсыпь-ка по сю сторону угольков, Сидорка!

Палач принес вторую жаровню и вывалил угли к другому боку боярина.

Задымилась сбитая на сторону седая борода воеводы. Михаил Иванович, закрыв глаза, молчал, обезображенный, безразличный ко всему.

Князь снова видел татарских воинов. Они несметными рядами скакали на низкорослых лошадях. Пыль, поднятая тысячами всадников, застилала глаза. Воевода слышал дикий визг, воинственные крики... Но вот донеслись удары большого крепостного барабана, тягучий призыв трубы, раскаты пушечных залпов... Что это? Победа? Радость великая! Победные клики русских, они все громче, ближе. Его окружают ратные друзья и товарищи. Всадники приветствуют поднятыми на пики шлемами. Рядом скачет высокий, как башня, Дмитрий Хворостинин. Его зычный голос слышен далеко вокруг. Князь Никита Одоевский, Шуйский...

Большой серый жеребец воеводы легко несет его на врагов. Он поднял меч... Но вдруг вражеский воин ударил коротким копьём в левый бок воеводы, и острая, нестерпимая боль рванула сердце.

— Что скажешь?

Царь Иван ждал, склонившись к князю.

— Господи, прими душу мою... — Воротынский открыл глаза и, чуть повернув голову, стал глазами искать икону.

Руки, еще недавно сильные, легко державшие тяжелый меч, едва шевельнулись, воевода хотел приподняться. Через минуту голова его дернулась и безжизненно сникла.

— Прекратить пытку, отправить на вечное заключение в Белозерский монастырь, — сказал царь Иван и, круто повернувшись, пошел к выходу.

* * *

Все худое когда-нибудь проходит.

Осенью 1573 года урожай наполнил закрома русского крестьянина крупным тяжелым зерном. Во всех домах пекли пшеничный либо ржаной хлеб и не верили своему счастью.

Хлеб целовали перед тем, как положить в рот, молились на него, не давали упасть на землю ни единой крошке... Поутихла моровая болезнь, открылись проезжие дороги.

В русских селениях прекратились бесчинства опричников. Однако непомерные подати и налоги не давали вздохнуть мужику. Во многих местах крестьяне бунтовали и по-своему расправлялись с царскими сборщиками податей. Продолжалось бегство хлебопашцев и горожан на северо-восток, за Урал и на юг.

В 1574 году царь Иван разрешил купцам Строгановым, наследникам Аники Строганова, строить новые укрепленные городки на Тоболе, на Иртыше, на Оби и иных реках, где придется.

Строгановы продолжали заселять свои земли русскими людьми, поднимать пашни, добывать железную руду и соль, промышлять пушнину... Опираясь на помощь сибирских народов, Строгановы вели тяжелую борьбу с татарским ханом Кучумом. Тяжелым трудом переселенцев оплодотворяли и оживляли новые края, раздвигая границы Русского государства.

После кровавых опричных лет русский народ медленно залечивал свои раны. На многие вотчины возвращались старые владельцы, восстанавливалось хозяйство...

Но война за Ливонию продолжалась.

В небе Русского государства снова собирались грозовые тучи. * * *

К вечеру 10 августа 1574 года строгановские кочи подошли к песчаным островам, лежавшим в устье широкой реки Енисея. Степан Гурьев, доверенный человек купцов Строгановых и кормщик «Сольвычегодска», поставил свой коч в закрытой от волнения бухточке одного из островов, заваленного по берегам плавником. Дементий Денежкин, кормщик коча «Соликамск», встал на якорь вслед за Степаном Гурьевым.

Солнце огромным красным шаром висело над северным морским заливом. Тоскливо кричали чайки.

На кочах стали готовить ужин, потянуло вкусным дымком...

Степан Гурьев болел долго, но железное здоровье и молодость все же победили. Залечив раны, нанесенные топором ордынского князя, он снова захотел увидеть ледовитые моря и незаходящее солнце. Строгановы не забыли его. Кормщик взял в дружину своих старых

друзей, русских корсаров... Федор Шубин, Василий Твердяков, старик Максим Бритоусов и другие мореходы, ходившие по морям с царским адмиралом Карстеном Роде, собрались на коче «Сольвычегодск». В поварне возился монах Феодор. Покряхтывая, он ложкой мешал в котле душистое варево, пробовал его на вкус, подкладывал дрова в печь. На поясе отца Феодора по-прежнему висела кружка для сбора денег, запечатанная монастырской печатью.

И Анфиса, жена Степана Гурьева, была вместе с ним на коче.

Она поклялась на кресте никогда не расставаться с мужем.

Русским мореходам предстоял дальний путь. Из реки Енисея они пойдут морем в устье реки Пясины и дальше на солнечный восход, по рекам и волокам, туда, где лежит нетронутая моржовая кость и «людишек неясачных живет несосчитимое множество».

Примечания

1

Государственный канцлер, хранитель большой государственной печати.

2

Старший в боярской думе. В его ведении находились царские конюшни.

3

Польский король Сигизмунд-Август.

4

Красная площадь.

5

На теперешней площади Ногина.

6

Палки или толстые прутья, употреблявшиеся для наказаний.

7

Адашев — государственный деятель первых лет правления царя Ивана, впоследствии попал в опалу.

8

Высокая государственная должность служивых людей.

9

В земскую и опричную думы входило всего около двадцати пяти человек. Например, в 1572 году в их составе были: земская дума — И. Ф. Мстиславский, П. В. Морозов, И. В. Шереметев-меньшой, Я. А. Салтыков, В. Ю. Траханиот, Н. Р. Юрьев, М. И. Воротынский, В. А. Глинский, В. Б. Сабуров, И. А. Шуйский; в опричной — бояре: Ф. М. Трубецкой, С. Д. Пронский, П. Т. Шейдяков, П. Д. Пронский, Н. Р. Одоевский, Ф. И. Умный-Колычев, И. А. Бутурлин, В. А. Сицкий; окольничие — Н. В. Борисов-Бороздин, В. И. Умный-Колычев, Д. И. Хворостинин, Д. А. Бутурлин, В. Ф. Ошанин, О. М. Щербатый.

10

Высший духовный сан на Руси XVI века до избрания патриарха.

11

Телохранитель.

12

Стокгольм.

13

Переводчик.

14

Шведский.

15

Датским.

16

Таллинн.

17

Здесь: глава ордена.

18

Пожарные.

19

Церковная люстра.

20

Балтийское море.

21

Император Римской империи.

22

Польша и Литва до Люблинского сейма 1569 года соединялись практически только личной унией, то есть общностью короля.

23

Мальвазия, мускатель, аликант — сорта вин.

24

Мокрый хворост или жерди, которыми закладывают крепостной ров.

25

Каперский, корсарский флот, состоящий из кораблей, принадлежавших частным лицам, сражающийся по решению своего правительства с вражескими кораблями.

26

Рынок.

27

Комендант крепости у немецких рыцарей.

28

Подданный.

29

Союз немецких городов, заинтересованных в торговле на Балтике и Северном море.

30

Антверпен.

31

Боевой топор.

32

Настоятель монастыря.

33

Поморский корабль для плавания во льдах.

34

О п р у г и, о п р у ж ь я — шпангоуты, поперечные крепления корпуса корабля.

35

Поморский корабль, предназначенный для плаваний во льдах.

36

По солнцу.

37

Слуга при спальне боярина.

38

Настоятель монастыря.

39

Монахи и монахини.

40

Крепость находилась примерно на месте Румянцевского дворца, ныне Государственной библиотеки им. В. И. Ленина.

41

Длинный кафтан с короткими рукавами.

42

Придворный, прислуживающий за царским столом.

43

8 ноября.

44

Украшение на голове лошади.

45

Лук с налучником и колчан со стрелами.

46

Украинские или украинные пограничные города на окраине Московского государства.

47

Ямской двор, где держали лошадей для правительственных перевозок и почты.

48

Три копейки.

49

Балтийское море.

50

Клыки давно погибших моржей.

51

Четь — шесть пудов.

52

Соломония — великая княжна, первая жена великого князя Василия, отца Ивана Грозного.
Георгий — выдуманный сын Соломонии, якобы родившийся после заточения ее в монастырь.

53

Подарок.

54

Здесь подразумевают русских из земель, входящих в Литовское княжество.

55

Комендант крепости.

56

Старая мелкая монета.

57

Таможенные сборы.

58

Право наследственности.

59

Охранную.

60

Детинец — внутреннее укрепление в русском средневековом городе.

61

Бояре на службе новгородского архиепископа.

62

Ванты, оттяжки, крепящие мачты с бортов.

63

Передняя мачта.

64

Железные кольца.

65

Евфимия, Василий и Мария родились от первого брака князя В. А. Старицкого и А. А. Нагой.

66

Сапоги.

67

Отверстия в борту.

68

Поперечный брус на мачте для крепления паруса.

69

Деревянный брус, выставленный вперед с носа судна, служащий для крепления парусов.

70

Угломерный прибор, употребляемый на кораблях до XVIII века.

71

Небольшое парусное судно.

72

Глашатаи.

73

Феодосия.

74

Татарский князь.

75

Один из крымских ханов, предшественников Девлет-Гирея.

76

Магомет-Гирею, крымскому хану, подарки посылались более ценные, чем Саип-Гирею.

77

В данном случае пропуск на выезд из Крыма.

78

Царица Мария.

79

Сторожевые заслоны и разведчики.

80

Стрелки из крепостных пищалей.

81

Таблица расположения светил в момент рождения человека, по которой астрологи предсказывали судьбу.

82

Наука, занимающаяся предсказыванием судьбы человека по положению звезд.

83

Распорядительница в царевниных покоях.

84

Должность в свадебном обряде.

85

Полотенца.

86

Почти четыре века спустя, при вскрытии ее гроба, обнаружили: знаменитая «царская

невеста» с трагической судьбой — умереть сразу после венчания — лежала, как живая, прелестная, только мертвенно-бледная. Почему время пощадило ее от разрушения? Это остается пока необъяснимым.

87

Гривенка — фунт.

88

Казак — древнее слово, перекочевавшее в русский язык не то с татарского языка, где оно означало вольного человека, не то от половцев, называвших казаками стражу. Русские определяли этим словом, существовавшим в русском языке до монголо-татарского нашествия, вольного человека, свободного от всяких поборов... В приказах Ивана Грозного казаками называли военное сословие. Им платили жалованье и давали право беспошлинно ловить рыбу и охотиться там, где они несли сторожевую службу. Выражение «сечевые казаки» следует понимать как «пограничные казаки».

89

1 августа.

90

Слово «украина» давно известно в русском языке. Оно означало «окраина». Впервые «украина» употребляется в киевской летописи под 1187 годом. Сообщая о смерти переяславского князя Владимира Глебовича, летописец записал: «Плакашися по нем все переяславцы... о нем же украина много постонала». В данном случае под словами «московская украина» понималась окраина Московского государства.

91

Дорогах.

92

Указ о береговой службе сохранился до наших дней.

93

Темного цвета.

94

Шерстяной плат, употребляемый вместо юбки.

95

Кафтан с откидными рукавами.

96

Оборонительная линия, сооруженная из лесных завалов.

97

Комендант крепости.

98

Тяжелые дубовые колоды, утыканные острыми копьями. Их ставили поперек речного брода, затрудняя движение врага.

99

Начальник артиллерии.

100

Военачальник, ведающий перевозкой и постройкой Гуляй-города.

101

Почетное звание.

102

Придворный чин, ответственный за прокорм царских коней.

103

Крепость Вейсенштейн.